

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

270 МГУ
1755 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

#102
2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Главный редактор:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакция:

Петрунин Ю.Ю. — заместитель главного редактора, доктор философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Ребрикова А.Г. — технический редактор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Москва, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Гулямов С.С. — доктор экономических наук (Агентство статистики, Ташкент, Узбекистан);

Гурский В.Л. — доктор экономических наук (БИП, Минск, Беларусь);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Москва, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Пушкарева Г.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Селезнева А.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смолрицкая И.И. — доктор экономических наук (РЭУ, Москва, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Танрыверди М. — PhD (Стамбульский университет, Стамбул, Турция);

Тимофеев А.Ю. — доктор исторических наук (Институт новейшей истории, Белград, Сербия);

Федорова М.М. — доктор политических наук (Институт философии РАН, Москва, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Феррейра К. — PhD (Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия);

Чжао Ли-ли — доктор юридических наук (Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай);

Яковлева А.Ф. — кандидат политических наук (ИМЭМО РАН, Москва, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://spajournal.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editor-in-chief:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration, Moscow, Russia.

Editorial staff:

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy), School of Public Administration, Moscow, Russia;

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Maria V. Fedko — Editor, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Moscow, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Moscow, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Moscow, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Saidakhror. S. Gulyamov — DSc (Economics) (Statistics Agency, Tashkent, Uzbekistan);

Vasiliy L. Gursky — DSc (Economics) (BIP, Minsk, Belarus);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Moscow, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Moscow, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Moscow, Russia);

Galina. V. Pushkareva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Antonina. V. Selezneva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Irina I. Smotritskaya — DSc (Economics) (REU, Moscow, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Mustafa Tanriverdi — PhD, (Istanbul University, Istanbul, Turkey);

Aleksej Yu. Timofejev — DSc (History) (Institute for Recent History, Belgrade, Serbia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Maria M. Fedorova — DSc (Political Science) (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia);

Kelly de Souza Ferreira — PhD (PUC Campinas, Campinas, Brazil);

Alexandra F. Yakovleva — PhD (IMEMO RAS, Moscow, Russia);

Li-li Zhao — DSc (Law) (Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China).

The journal is officially registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

International serial number of the magazine is **ISSN 2070-1381**.

“E-journal. Public Administration (Russia)” is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The journal is published 6 times a year. All issues are available on the website: <https://spajournal.ru>.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Экономические вопросы управления

Дегтярев Кирилл Юрьевич

Оценка влияния экономических санкций на реальный сектор экономики России..... 7

Иващенко Наталия Павловна ; Попова Вера Геннадиевна; Садов Константин Сергеевич

К вопросу о критериях инновационности бизнес-моделей довузовского образования...17

Орлова Любовь Николаевна; Янь Мин Цзе

Концепция «умной специализации» для инновационного развития регионов России....37

Чжао Лили; Чжан Сюэ

Безопасность иностранных инвестиций в Китае: библиометрический анализ и системный комментарий к литературе.....54

Худяков Владимир Викторович ; Мерзлов Игорь Юрьевич

Формирование мероприятий опережающего развития научно-технического потенциала обрабатывающих производств России.....77

Шевчук Андрей Русланович ; Осипов Владимир Сергеевич

Верификация предсказательной и объяснительной силы модели экономического роста Солоу на основе современных статистических данных Германии и Франции (памяти Роберта Мертона Солоу (23 августа 1924 – 21 декабря 2023)) 95

Социология управления

Мордашова Анна Владимировна

Мотивы поступления на государственную службу как факторы организационного гражданского поведения..... 106

Правовые и политические аспекты управления

Минат Валерий Николаевич

Этнокультурная поляризация кадрового состава органов власти и выбор модели государственного управления (на примере юго-западных штатов США)..... 118

Филатов Михаил Станиславович

Исторический опыт применения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств на постсоветском пространстве..... 142

Стратегия цифровой экономики

Восколович Нина Александровна

На пути к цифровому туризму..... 155

Гаврилюк Артём Владимирович; Чжао Аньжань

Алгоритмизация процессов управления в гиг-экономике 168

Калганов Игорь Сергеевич

Особенности инновационных процессов в секторе государственного управления в условиях цифровой трансформации российской экономики 183

Региональная экономика

Гвоздева Маргарита Александровна; Баринова Вера Александровна
Дифференциация заработной платы, обусловленная неравенством возможностей, в российских регионах 192

Рыбакова Марина Владимировна; Зверева Мария Максимовна
Отражение экологической политики правительства Москвы и Московской области в новостном контексте СМИ 207

Политика и управление в сфере здравоохранения

Тарасова Ирина Владимировна
Эпидемия ожирения в России и мире: обзор текущей ситуации и перспективы регулирования 222

Contents

Economic issues in administration

Kirill Yu. Degtyarev
Assessment of Economic Sanctions Impact on the Real Sector of the Russian Economy 7

Natalia P. Ivashchenko; Vera G. Popova; Konstantin S. Sadov
On the Issue of Criteria for Innovativeness of Business Models of Pre-University Education 17

Liubov N. Orlova ; Yan Ming Jie
“Smart Specialization” Concept for Innovative Development of Russian Regions 37

Zhao Li-li; Zhang Xue
Security Review of Foreign Investment in China: A Bibliometric Analysis and Systematic Literature Commentary 54

Vladimir V. Khudyakov; Igor Yu. Merzlov
Formation of Measures for the Advanced Development of Scientific and Technical Potential of Manufacturing Industry in Russia 77

Andrey R. Shevchuk; Vladimir S. Osipov
Verification of Predictive and Explanatory Power of the Solow Economic Growth Model Based on Modern Statistical Data of Germany and France (in Memoriam of Robert Merton Solow (August, 23, 1924 – December, 21, 2023)) 95

Management sociology

Anna V. Mordashova
Motives for Entering Public Services as Factors of Organizational Citizenship Behavior 106

Legal and political aspects of public administration

Valery N. Minat
Ethnocultural Polarization of Government Personnel and the Choice of Public Administration Model (Using the Example of the Southwestern United States) 118

Mikhail S. Filatov

Historical Experience of Applying the Principles of the Right of Peoples to Self-Determination and the Territorial Integrity of States on the Territory of the Post-Soviet Space..... 142

Digital Economy Strategy

Nina A. Voskolovich

On the Way to Digital Tourism 155

Artyom V. Gavrilyuk; Zhao Anran

Algorithmization of Management Processes in Gig Economy 168

Igor S. Kalganov

Features of Innovation Processes in Public Administration Sector in Conditions of Digital Transformation of Russian Economy 183

Regional economy

Margarita A. Gvozdeva; Vera A. Barinova

Differentiation of Salaries due to Inequality of Opportunities in Russian Regions..... 192

Marina V. Rybakova; Maria M. Zvereva

Reflection of Environmental Policy of Moscow Government and Moscow Region in Media News Context..... 207

Health policy and management

Irina V. Tarasova

The Obesity Epidemic in Russia and the World: An Overview of Current Situation and Prospects for Regulation 222

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

УДК 33

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-7-16

Оценка влияния экономических санкций на реальный сектор экономики России

Дегтярев Кирилл Юрьевич

Аспирант, degtyarevky@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье рассматривается специфика экономических отношений, их правовая природа и отличия в подходах к экономическим отношениям со стороны Российской Федерации, Европейского союза и ООН; раскрывается специфика экономических санкций, в том числе в отношении Российской Федерации, с учетом сравнения ограничительных мер до февраля 2022 года и после обозначенного периода; определяется правовая платформа внедрения и реализации экономических санкций различными акторами международного права. В ходе анализа рассматривается развитие национальной экономики Российской Федерации в 2022 и 2023 годах; изучаются ключевые санкционные меры, которые были введены различными странами в отношении страны; раскрываются подходы к уменьшению влияния ограничительных мер и стабилизации национальной экономики Российской Федерации. В центре внимания оказывается влияние санкций на ключевые отрасли национальной экономики в аспекте переориентации управленческих решений крупных предприятий; рассматривается специфика адаптации российской экономики к новым условиям с учетом приоритетных направлений стабилизации экономики, реализуемых Правительством РФ; анализируются особенности экономических санкций США, Канады, Австралии и европейских стран в отношении Российской Федерации. Изучаются также факторы уменьшения воздействия экономических санкций на российскую экономику, в том числе с учетом актуализации экономических отношений с дружественными странами. Приводятся статистические данные и анализ долгосрочных трендов с учетом позиции экономистов и Банка России; сопоставляются оценки прогнозируемого и реального ВВП Российской Федерации на фоне ВВП других стран. В результате прогнозируются дальнейшие пути развития национальной экономики в условиях экономических санкций, а также вероятность смягчения ограничительных мер в отношении Российской Федерации. В качестве рекомендаций по минимизации неблагоприятных эффектов экономических санкций предложена поддержка потенциала российского бизнеса и расширение понятия налоговых агентов с целью оптимизации доходной части бюджета Российской Федерации.

Ключевые слова

Экономические санкции, национальная экономика, дружественная страна, глобальный рынок, экономическая безопасность, уменьшение влияния.

Для цитирования

Дегтярев К.Ю. Оценка влияния экономических санкций на реальный сектор экономики России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 7–16. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-7-16

Assessment of Economic Sanctions Impact on the Real Sector of the Russian Economy

Kirill Yu. Degtyarev

Postgraduate student, degtyarevky@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article discusses the specifics of economic relations, their legal nature and differences in approaches to economic relations on the part of the Russian Federation, the European Union and the UN; the specifics of economic sanctions, including against the Russian Federation, are revealed, taking into account the comparison of restrictive measures before February 2022 and after this period. The legal platform for the introduction and implementation of economic sanctions by various actors of international law is determined. The development of the national economy of the Russian Federation in 2022 and 2023 is considered. The key sanctions measures that various countries and the European Union have imposed on the Russian Federation are being studied. Approaches to diminishing (reducing influence) in relation to the stabilization of the national economy of the Russian Federation are revealed. The article focuses on the impact of sanctions on key sectors of the national economy in the aspect of reorientation of management decisions of large enterprises. The specifics of Russian economy adaptation to new conditions are considered, taking into account the priority directions of economic stabilization implemented by the Government of the Russian Federation. The features of the economic sanctions of the USA, Canada, Australia and the European Union against the Russian Federation are considered. The factors of reducing the impact of economic sanctions on the Russian economy are being studied, including the actualization of economic relations with friendly countries. Statistical data and analysis of long-term trends are given, taking into account the position of economists and the Bank of Russia. Estimates of the projected and real GDP of the Russian Federation against the GDP of other countries are compared. As a result, further ways of development of the national economy in the conditions of economic sanctions are predicted, as well as the likelihood of mitigation of restrictive measures against the Russian Federation. Recommendations are provided to minimize the adverse effects of economic sanctions, by supporting the potential of Russian business and expanding the concept of tax agents in order to optimize the revenue side of the budget of the Russian Federation.

Keywords

Economic sanctions, national economy, friendly country, global market, economic security, reducing impact of sanctions.

For citation

Degtyarev K.Yu. (2024) Assessment of Economic Sanctions Impact on the Real Sector of the Russian Economy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 7–16. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-7-16

Введение

Экономические санкции подразумевают полное или частичное прекращение финансовых или торговых отношений с определенным государством в целях обеспечения искомой структуры внешней политики. Рассматриваемые ограничительные меры могут вводиться как отдельными государствами, так и группой государств или международными организациями в отношении другого государства или другой группы государств. Кроме того, экономические санкции могут вводиться по отношению к отдельным физическим лицам или организациям, для которых предусматривается блокировка определенных видов экономических отношений.

Существующие документы международного права не предусматривают строгого регламента или перечня экономических санкций. Соответственно, каждое государство или международная организация разрабатывает экономические санкции в индивидуальном порядке. Целью экономических санкций выступает предупреждение нежелательного поведения государства или лица, в отношении которых предпринимаются рассматриваемые меры.

С точки зрения экономической безопасности введение экономических санкций означает, что отношения между государствами, международной организацией и отдельным государством перешли к фазе угрозы, то есть существующие отношения находятся на последней фазе экономической безопасности и прошли стадии риска, вызова и опасности.

Право на введение экономических санкций в отношении определенного государства предусмотрено в Уставе ООН¹. Документ предусматривает введение таких экономических санкций, как запрет на перемещение или заморозка активов. В целом каждое государство может разработать собственное законодательство в области введения экономических ограничений. К примеру, такая система законодательства существует в США и странах, входящих в состав Европейского союза². Если санкции вводит Европейский союз, то срок их действия ограничивается одним календарным годом. При этом данные ограничительные меры при необходимости могут быть пролонгированы, отменены, расширены или приостановлены.

В Российской Федерации также существуют правовые механизмы, предусматривающие введение экономических санкций по отношению к другим лицам или государствам в целях обеспечения национальной безопасности. Одним из проявлений гибкости по отношению к другим странам, но в то же время строгого соблюдения механизмов международного права выступает приоритетная политика Российской Федерации, при которой экономические санкции в основном затрагивают участие страны в договорных отношениях и допуск на территорию России как на рынок сбыта. Снятие экономических санкций предполагает соответствующее решение Президента РФ, Правительства РФ, Государственной Думы РФ (ГД РФ) или Совета Федерации РФ.

Специфика экономических санкций, введенных в отношении РФ

Экономические санкции в отношении Российской Федерации не являются беспрецедентным событием. Если рассматривать специфику введения экономических санкций, до февраля 2022 года данные ограничительные меры носили либо адресный, либо единичный характер.

¹ Устав ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.11.2023).

² European Union sanctions // European Union External Action [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-union-sanctions_en (дата обращения: 10.11.2023).

Однако с обозначенного периода специфика экономических санкций в отношении Российской Федерации изменилась. Одним из характерных признаков таких санкций выступает пакетный принцип — объединение ограничительных мер одновременно в отношении как физических, так и юридических лиц.

Одним из определяющих видов экономических санкций выступает замораживание резервов Российской Федерации на неопределенный срок. Западные страны воспринимают экономику России как платформу для деятельности аффилированных лиц, что в результате способствовало формированию очередных пакетов экономических санкций в отношении отдельных бизнесменов. В частности, еще в феврале 2022 года Европейский союз ограничил возможности осуществления экономических отношений для всех депутатов ГД РФ, а также Правительства РФ и Банка России. Общим приоритетом для Европейского союза и других стран Запада являются санкции против крупных финансово-кредитных организаций. Кроме того, в целях давления на экономику Российской Федерации отдельные страны, к примеру Канада, приняли решение о замораживании всех активов и запрете любых видов сделок со всеми физическими и юридическими лицами, осуществляющими свою деятельность в России.

Многие страны ограничили экспорт в Россию некоторых системообразующих технологий, оборудования и программного обеспечения. Почти ежедневно санкции вводились в отношении крупных банков Российской Федерации, например ПАО «ВТБ», ПАО «Промсвязьбанк» и др. В аспекте всех ключевых санкций следует отметить, что в наибольшей степени пострадала банковская сфера, так как ряд санкций был сопряжен с запретом на торговлю облигациями или операции с Банком России. При этом не все страны активно вводили в отношении Российской Федерации экономические санкции, что способствовало пересмотру экономических отношений в пользу иных государств.

Отличительной особенностью экономических санкций со стороны европейских стран, а также США, Канады и Австралии выступает тесная взаимосвязь между технологиями и оборонным сектором Российской Федерации. Из этого следует предположение, что существовавшие до февраля 2022 года запреты ряда государств в отношении продажи технологий связаны с тем, что рассматриваемые страны считают использование Российской Федерацией технологий в сфере обороны государства ключевой. Однако практика показывает, что технологии необходимы для национальной экономики не только в сфере обороны. В настоящее время Российская Федерация проявляет заинтересованность в развитии технологий преимущественно из соображений обеспечения собственного суверенитета во многих стратегических отраслях, в частности в сельском хозяйстве и промышленности [Gould-Davies 2020].

Политика России в сфере минимизации влияния санкций

Ситуация в области экономических санкций способствовала смене стратегических приоритетов во внешней политике и экономике Российской Федерации. В целях сохранения суверенитета и автономности национальной экономики Правительство РФ постепенно сменило вектор в сторону стран Азии и Африки. Так, с Китаем российская сторона формировала отношения на протяжении последних десяти лет, что указывает на предполагаемую готовность к нынешним санкционным ограничениям. Это значит, что внешняя экономическая и политическая обстановка складывалась таким образом, что Российская Федерация была вынуждена просчитывать сценарии развития национальной экономики путем переориентации в пользу иных двухсторонних экономических отношений. В настоящее время становится очевидным, что приоритет в пользу Китая в полном объеме оправдывает себя, так как Китай заинтересован в российском рынке и российских углеводородах.

Вторым стратегическим партнером, способствующим уменьшению влияния экономических санкций, стала Индия, в отношении с которой Российская Федерация справедливо учитывала историческую специфику отношений этой страны с западными партнерами. На фоне продолжительного подчинения Британии Индия в настоящее время переходит к активному наращиванию собственного экономического потенциала, соответственно, стала вторым после Китая ключевым покупателем российского сырья.

Экономические приоритеты Российской Федерации в целях снижения влияния экономических санкций базировались также на экономическом потенциале СНГ. Россия ориентируется на торговые соглашения в рамках Евразийского экономического союза, которые предоставляют странам льготные условия по транзиту и товарообороту в пределах их территорий³.

Третьим приоритетным направлением реальной экономики, способствующим существенному снижению эффективности экономических санкций, выступает дружественная политика со странами Африки. Российская Федерация в настоящее время продолжает прощать ряду стран африканского континента долговые обязательства в обмен на активизацию товарных отношений и развитие промышленного потенциала континента с активным участием крупных российских компаний.

Четвертым направлением выступает формирование долгосрочных партнерских отношений со странами Латинской Америки. Стоит отметить, что накануне экономических санкций 2022 года Российская Федерация активно совершенствовала политику импортозамещения посредством ресурсов Латинской Америки в сфере сельского хозяйства. Таким образом, Россия создала для себя благоприятные экономические ресурсы в аспекте реальной экономики с целью обхода экономической изоляции в мире. На сегодняшний день, как отмечают многие ученые-экономисты, ВВП государств, которые продолжают плодотворные двухсторонние отношения с Российской Федерацией, интенсивно растет по причине фактического создания второго глобального рынка [Butler 2023].

Оценка влияния экономических санкций на экономику России

Согласно оценке М.Р. Сафиуллина и Л.А. Ельшина, существенной результативности преодоления экономических санкций способствует корректная систематизация рисков и потенциальных перспектив экономического роста [Сафиуллин, Ельшин 2023]. Кроме того, исследователи считают, что нынешняя модель устойчивости национальной экономики в основном базируется на политике импортозамещения. При этом Российская Федерация не ограничивается импортом товаров, а активно ориентируется на импорт технологий.

Исследователи А.А. Френкель, Б.И. Тихомиров, А.А. Сурков считают, что санкционную ситуацию в национальной экономике Российской Федерации целесообразно рассматривать в контексте последствий пандемии. Соответственно, в целях корректной оценки экономического состояния необходимо опираться на Индекс Института экономики Российской академии наук (Индекс ИЭ РАН), который позволяет учитывать параметры деловой активности и оценки динамики макроэкономической направленности [Френкель и др. 2023]. Ценностью данного Индекса является возможность выявления интервалов социально-экономических кризисов в Российской Федерации, которые носят системный характер, и на основе данного Индекса представляется возможным прогнозировать продолжительность подобных кризисов, в том числе в условиях экономических санкций.

³ Взаимная торговля // Евразийская интеграция в цифрах [Электронный ресурс]. URL: <https://eaeu.economy.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2023).

А.В. Сапунов выявил, что экономические санкции в отношении Российской Федерации в прогнозируемом будущем могут оказать значительное влияние на финансовые рынки и национальную экономику других государств [Сапунов 2023]. Основопологающим фактором деструктивного влияния выступает ценообразование в сфере углеводородов и пшеницы, что существенно воздействует на инфляцию.

Согласно оценке ученого-экономиста Д.В. Манушина, Российская Федерация реализует меры в рамках трех сценариев, а именно политики обхода экономических санкций, политики обеспечения существующих санкций адекватными компенсациями, а также политики соответствующих контрсанкций [Манушин 2022].

Несмотря на то, что, по мнению рассматриваемых исследователей, ни один из сценариев, реализуемых Правительством РФ, не может привести национальную экономику к досанкционным показателям, наращивание объемов товарооборота и финансовых транзакций с дружественными странами показывает положительный эффект.

Исследователи М.А. Индустриев и Ю.Р. Туманян отметили, что санкционные ограничения в действительности повлияли на инновационную активность Российской Федерации [Индустриев, Туманян 2022]. Существовавшие научные наработки, особенно в сфере промышленности и информационных технологий, в настоящее время стали приоритетными стратегическими направлениями реального сектора экономики страны в целях обеспечения положительной динамики.

Изучая зарубежную научную литературу в отношении результативности деструктивного влияния экономических санкций, можно обозначить следующие аспекты: исследования таких авторов, как Г. Хафбауэр и Дж. Шотт, основываются преимущественно на количественном анализе результативности санкций в аспекте их влияния на экономику целевых государств [Schott 2023]. Другие ученые акцентируют внимание на том, что долгосрочные последствия экономических санкций могут подразумевать непрогнозируемые социально-экономические издержки как для стран, в отношении которых вводятся ограничения, так и для государств, которые инициируют подобные ограничения [Саргсян 2017]. Ряд ученых отмечает, что санкции способствуют усилению политического веса руководящих должностных лиц целевых стран, в отношении которых данные ограничения вводятся [Коньшев, Сергунин 2022]. Некоторые исследователи считают, что экономические санкции выступают более результативным инструментом давления на целевые страны, чем ресурсы дипломатии и военные силы государств [Гринберг и др. 2021]. Таким образом, можно говорить о сложности всесторонней оценки результативности экономических санкций по причине возникновения множественных переменных, которые выступают прямыми или косвенными факторами функционирования целевых стран [Grinin et al. 2023].

Рассматривая практический аспект существующих экономических взглядов в отношении Российской Федерации, стоит отметить, что на начальном этапе экономические санкции деструктивно повлияли на такие отрасли, как энергетический сектор. В то же время в европейских странах возник продовольственный кризис. Однако еще в 2022 году именно благодаря нефтяному сектору российской экономике во многом удалось стабилизировать финансовую ситуацию и удержать уровень инфляции на допустимых значениях.

В 2023 году экономические санкции вновь не имели ожидаемого эффекта, так как Правительство РФ подготовило перечень нормативных документов, которые позволяют фиксировать минимальные цены за баррель нефти. Газовая отрасль Российской Федерации поначалу не ощущала существенного давления экономических санкций, однако постепенное внедрение ограничений, особенно в отношении компаний-подрядчиков, в итоге стало приводить к переориентации на азиатские рынки сбыта сырья [Schott 2023].

Наиболее деструктивно экономические санкции повлияли на угольную промышленность, что в итоге привело к временной приостановке выплаты дивидендов, в частности акционерам международной горнодобывающей компании «ЕВРАЗ»⁴. Аналогичная негативная ситуация до 2023 года прослеживалась в секторе лесной промышленности. Однако такие компании, как «Сегежа Групп», переориентировали свои интересы в сторону приобретения, например, заводов шведской компании ИКЕА, расположенных в европейской части Российской Федерации, что соответствует научному подходу к экономической безопасности, в рамках которой технологическая и другие виды безопасности также относятся к системообразующим и ключевым предприятиям национальной экономики [Гегечкори 2023, 98]. К таким предприятиям можно отнести и компанию «Сегежа Групп».

Таким образом, следует отметить, что экономические санкции трансформировались в стандартные условия для принятия крупными игроками отраслевых рынков управленческих решений. В настоящее время многие компании в стратегических отраслях национальной экономики сумели переориентировать имеющиеся ресурсы без необходимости применения инструментов диверсификации производства.

Начиная с 2023 года российский рынок в целом сумел адаптироваться к экономическим санкциям, в том числе путем активного развития альтернативных торговых отношений и обеспечения иных производственных цепочек на территории Российской Федерации. Данный аспект в значительной степени нагляден в сельском хозяйстве, а также в отраслях, которые сопряжены с производством и реализацией товаров потребительского назначения. Кроме того, приоритетная политика государства в отношении импортозамещения в результате существенно стимулировала интенсивное развитие производства в ключевых отраслях национальной экономики, базирующегося преимущественно в субъектах Российской Федерации. Таким образом, национальная экономика частично компенсируется за счет российской продукции.

К факторам уменьшения воздействия экономических санкций на Российскую Федерацию также следует отнести существенное укрепление экономических связей с упомянутыми дружественными государствами. Подобные решения существенно способствовали формированию новых рынков для экспорта российской продукции, особенно в области энергоресурсов. Немаловажным аспектом выступает ряд экономических реформ, которые нацелены на укрепление финансовой системы государства и оптимизацию бизнес-климата. Обозначенные факторы указывают на смягчение последствий экономических санкций в результате эффективной адаптации национальной экономики и изменения экономической ситуации в мире [Syropoulos, Yotov 2023].

Согласно оценке Международного валютного фонда (МВФ), по состоянию на апрель 2022 года падение реального ВВП Российской Федерации должно было составить почти 9%⁵. Однако в апреле 2023 года МВФ вынужден был констатировать, что ВВП России за обозначенный период снизился лишь на 2%. При этом показатели экономики Российской Федерации оказались выше, чем у Италии, Германии, Великобритании и Франции. Согласно оценкам многих экономистов, в 2024 году экономика Российской Федерации может показать более высокие показатели, нежели в 2023 году.

Если бы дружественные страны присоединились к экономическим санкциям, то потери в благосостоянии у Российской Федерации оценивались бы в 13%, однако в настоящее время данный показатель варьируется в пределах 6%. В 2023 году на Россию приходится около 9% всех поставок газа в европейские страны. При этом в 2022 году доля газового рынка Российской Федерации

⁴ Информация о выплатах // Евраз [Электронный ресурс]. URL: <https://www.evraz.com/ru/investors/shareholders/dividends/> (дата обращения: 10.11.2023).

⁵ Real GDP growth // IMF [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD (дата обращения: 10.11.2023).

Федерации в странах Европы составляла 24%. Стоит также отметить, что после снижения ВВП Российской Федерации на 2% в 2022 году, в 2023 году данный показатель остается в пределах 3% [Vale, Viola 2023].

Некоторые исследователи склонны пессимистично считать, что до 2030 года последствия экономических санкций будут способствовать снижению ВВП на 1,5%, так как доходы граждан не будут соответствовать росту экономики. Однако по прогнозам Министерства финансов РФ, по итогам 2023 года показатели ВВП достигнут нулевого роста, а в 2024–2025 годах прогнозируется повышение ВВП в среднем на 2% в год⁶. При этом в долгосрочной перспективе ожидается рост ВВП в среднем на 1,5% в год.

Банк России подготовил прогноз в отношении экономических санкций до 2027 года. В частности, в его докладе отмечаются признаки продолжения санкционной политики в отношении Российской Федерации. На примере таких стран, как ЮАР и Иран, а также Венесуэла, можно предположить, что санкции будут действовать еще продолжительное время. Данный прогноз подтверждается иными ограничительными мерами, которые действуют в отношении Российской Федерации уже несколько десятков лет. Отсутствует вероятность улучшения отношений со странами, которые ввели ограничительные меры. Низкая вероятность такого сценария подтверждается другими неразрешенными аспектами исторического характера, которые в значительной степени влияют на экономические отношения. К примеру, между Российской Федерацией и Японией до сих пор отсутствует мирный договор после окончания Второй мировой войны, что усложняет урегулирование вопроса в отношении Курильских островов. Урегулирование санкционных вопросов между Российской Федерацией и США также осложнено по причине неразрешимых вопросов в территориальных водах Черного моря, «зерновой сделки», а также в результате конфликта интересов в странах Ближнего Востока и в углеводородной политике. Европейские страны во многом опираются на отношения с США, однако некоторые из государств все же склонны проявлять независимую позицию в отношении Российской Федерации. Исходя из этого, смягчение санкций в ближайшие годы не последует до тех пор, пока не изменится траектория двухсторонних отношений в сфере политики [Смирнов 2022].

Возможные дальнейшие пути минимизации экономических ограничений

В настоящее время Российская Федерация предприняла различные корректные решения, которые способствовали удержанию национальной экономики в допустимых числовых показателях. В качестве рекомендаций следует отметить целесообразность совершенствования механизмов взаимодействия между государством и бизнесом на территории Российской Федерации. Данные механизмы должны предусматривать способы ведения бизнеса с дружественными странами в условиях санкционной политики. Кроме того, необходимо пересмотреть рынок труда на территории Российской Федерации и существенно расширить понятие налоговых агентов. Каждый гражданин Российской Федерации в настоящее время может одновременно выступать как физическое лицо, самозанятый, индивидуальный предприниматель и представитель юридического лица. Это значит, что в отношении каждого гражданина законодательством предусмотрена различная налоговая база. В условиях оптимизации доходной части бюджета РФ необходимо предусмотреть механизмы слияния налоговых баз в отношении граждан Российской Федерации в целях оптимизации способов выполнения обязательств перед государством и расчета нормативных значений обязательных платежей.

⁶ Объем фонда национального благосостояния // Министерство финансов РФ [Электронный ресурс] URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya&ysclid=lqasu69fr480929740 (дата обращения: 10.12.2023).

Прослеживаемая актуализация промышленного потенциала должна также продолжаться в долгосрочной перспективе, в том числе путем активного образования промышленных кластеров с участием корпораций дружественных государств. Одной из уязвимых сфер в национальной экономике пока остаются информационные технологии. Необходимо расширить сферу технологий и предусмотреть механизмы для самообеспечения данной отрасли в условиях рационального инвестирования в научные разработки со стороны государства.

Экономические санкции вынуждают реформировать потенциал российской науки в целях образования прикладных и смежных направлений, которые могли бы обеспечивать потребности промышленности и сельского хозяйства в новых патентах по примеру Китая. Сельское хозяйство также выступает стратегическим направлением в целях обеспечения национальной экономики, что означает целесообразность выведения новых культур и применения различных технологий для интенсификации показателей ежегодного урожая.

Остается актуальным направлением поддержка малого бизнеса по причине того, что каждое четвертое предприятие малого бизнеса в Российской Федерации ведется усилиями одной или нескольких семей. Данный аспект указывает на перспективы создания новых рабочих мест и дополнительных налоговых поступлений в бюджет РФ. Существующие программы поддержки малого бизнеса в субъектах достаточно дифференциальны и изначально были предусмотрены без учета вероятности действия экономических санкций в отношении Российской Федерации.

Заключение

В целом следует отметить, что экономические санкции остаются неблагоприятным фактором для национальной экономики Российской Федерации. Однако по мере адаптации ограничительные меры постепенно перестали быть инструментом внешнего давления на Российскую Федерацию, так как многие отрасли российской экономики переориентировались на другие рынки сбыта и сырья. Россия не ожидает смягчения экономических санкций в ближайшем будущем, в связи с этим наиболее пострадавшие от санкций отрасли и отдельные предприятия либо нашли альтернативный путь развития, либо находятся в поиске более оптимальных видов процессов.

Среди положительных аспектов представляется возможным отметить стабилизирующую позицию Российской Федерации в международных отношениях, что означает появление новых ресурсов и партнеров для взаимовыгодного сотрудничества. Современная ситуация такова, что в отношении Российской Федерации уже предприняты максимально возможные ограничительные меры, что указывает на возможность в дальнейшем более фундаментально адаптироваться национальной экономике к существующей мировой ситуации. В действительности экономические санкции привели к формированию нового глобального мира, в рамках которого вокруг Российской Федерации образовались иные участники торговых и финансовых отношений. Данный аспект способствует усилению позиций страны и стабилизации глобального рынка, в который входят преимущественно дружественные государства.

Таким образом, экономические санкции имеют двойственную природу. Определяя экономические отношения между странами, они остаются инструментом политического давления. Однако Российская Федерация сумела извлечь многие возможности из обозначенного политического давления в целях обеспечения собственного суверенитета и экономической устойчивости. Следует отметить, что другие дружественные страны, которые воздержались от экономических ограничений по отношению к Российской Федерации, также сумели извлечь для себя выгоды для увеличения собственной доли мирового рынка.

Список литературы:

- Гегечкори И.М. Экономические санкции против Российской Федерации и внешнеэкономическая безопасность: вызовы и угрозы // Аудиторские ведомости. 2023. № 1. С. 97–100. DOI: [10.24411/1727-8058-2022-1-97-100](https://doi.org/10.24411/1727-8058-2022-1-97-100)
- Гринберг Р.С., Белозеров С.А., Соколовская Е.В. Оценка эффективности экономических санкций: возможности систематического анализа // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 2. С. 354–374. DOI: [10.17059/ekon.reg.2021-2-1](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-1)
- Индустриев М.А., Туманян Ю.Р. Экономические санкции против России: выгоды и издержки // Вектор экономики. 2022. № 4. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2022/4/worldeconomy/Industriev_Tumanyan.pdf
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Эволюция концептуальных основ Арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 225–236. DOI: [10.15688/jvolsu4.2022.2.19](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19)
- Манушин Д.В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 2. С. 345–369. DOI: [10.21202/2782-2923.2022.2.345-369](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369)
- Саргсян А.М. Экономические санкции и принципы философской теории справедливой войны // Право и практика. 2017. № 1. С. 249–256.
- Сапунов А.В. Перспективы развития экономики в России в период экономических санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 4–2(98). С. 136–139. DOI: [10.24412/2411-0450-2023-4-2-136-139](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-4-2-136-139)
- Сафиуллин М.Р., Ельшин Л.А. Санкционное давление на экономику России: пути преодоления издержек и выгоды конфронтации в рамках импортозамещения // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 1. С. 150–161. DOI: [10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161](https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161)
- Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 7–35.
- Френкель А.А., Тихомиров Б.И., Сурков А.А. Взлеты и падения деловой активности на волнах кризисов, пандемии коронавируса и беспрецедентных западных санкций // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27. № 1. С. 6–17. DOI: [10.26794/2587-5671-2023-27-1-6-17](https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-6-17)
- Butler W.E. Russian Economic Sanctions // International Legal Materials. 2023. Vol. 62. Is. 3. P. 528–547. DOI: [10.1017/ilm.2023.11](https://doi.org/10.1017/ilm.2023.11)
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. Future Political Change. Toward a More Efficient World Order // Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome / ed. by V. Sadovnichy, A. Akaev, I. Ilyin, S. Malkov, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 191–206. DOI: [10.1007/978-3-031-34999-7_11](https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_11)
- Gould-Davies N. Russia, the West and Sanctions // Survival: Global Politics and Strategy (February-March 2020): Deterring North Korea. 2020. № 62(1). P. 7–28.
- Schott J.J. Economic Sanctions against Russia: How Effective? How Durable? // Peterson Institute for International Economics. Policy Brief. 2023. № 23–3. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/2023-04/pb23-3.pdf>
- Syropoulos C., Yotov Y. Reflections on the Impact of Economic Sanctions // EconPol Forum. 2023. Vol. 24. Is. 3. P. 10–14.
- Vale S.R., Viola E. Impact of Economic Sanctions on Net Commodity-Producing and Net Commodity-Consuming Countries // Revista Brasileira de Política Internacional. 2023. Vol. 66. Is. 1. DOI: [10.1590/0034-7329202300101](https://doi.org/10.1590/0034-7329202300101)

References:

- Gegechkori I.M. (2022) Economic Sanctions against the Russian Federation and Foreign Economic Security: Challenges and Threats. *Auditorskie vedomosti*. No. 1. P. 97–100. DOI: [10.24411/1727-8058-2022-1-97-100](https://doi.org/10.24411/1727-8058-2022-1-97-100)
- Grinberg R.S., Belozerov S.A., Sokolovskaya E. (2021) Evaluating the Effectiveness of Economic Sanctions: The Possibilities of Systematic Analysis. *Ekonomika regiona*. Vol. 17. No. 2. P. 354–374. DOI: [10.17059/ekon.reg.2021-2-1](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-1)
- Industriev M.A., Tumanyan Y.R. (2022) Economic Sanctions against Russia: Benefits and Costs. *Vektor ekonomiki*. No. 4. Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2022/4/worlddeconomy/Industriev_Tumanyan.pdf
- Konyshchev V.N., Sergunin A.A. (2022) Evolution of the Conceptual Foundations of the Arctic Strategy of the USA. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 27. No. 2. P. 225–236. DOI: [10.15688/jvolsu4.2022.2.19](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19)
- Manushin D.V. (2022) Global Economy of Sanctions, Sanctions, Countersanctions and the New Global Currency. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 16. Is. 2. P. 345–369. DOI: [10.21202/2782-2923.2022.2.345-369](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369)
- Sargsyan A.M. (2017) Economic sanctions and principles of the philosophical theory of just war. *Pravo i praktika*. No. 1. P. 249–256.
- Sapunov A.V. (2023) Prospects of Economic Development in Russia during the Period of Economic Sanctions. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 4–2(98). P. 136–139. DOI: [10.24412/2411-0450-2023-4-2-136-139](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-4-2-136-139)
- Safiullin M.R., Elshin L.A. (2023) Sanctions Pressure on the Russian Economy: Ways to Overcome the Costs and Benefits of Confrontation within the Framework of Import Substitution. *Finansy: teoriya i praktika*. Vol. 27. No. 1. P. 150–161. DOI: [10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161](https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-150-161)
- Smirnov E.N. (2022) The Evolution of International Sanctions against Russia. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. No. 4. P. 7–35.
- Frenkel A.A., Tikhomirov B.I., Surkov A.A. (2023) Ups and Downs of Business Activity in the Waves of Crises, The Coronavirus Pandemic and Unprecedented Western Sanctions. *Finansy: teoriya i praktika*. Vol. 27. No. 1. P. 6–17. DOI: [10.26794/2587-5671-2023-27-1-6-17](https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-1-6-17)
- Butler W.E. (2023) Russian Economic Sanctions. *International Legal Materials*. Vol. 62. Is. 3. P. 528–547. DOI: [10.1017/ilm.2023.11](https://doi.org/10.1017/ilm.2023.11)
- Grinin L., Grinin A., Korotayev A. (2023) Future Political Change. Toward a More Efficient World Order. In: Sadovnichy V., Akaev A., Ilyin I., Malkov S., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Reconsidering the Limits to Growth: A Report to the Russian Association of the Club of Rome*. Cham: Springer International Publishing, P. 191–206. DOI: [10.1007/978-3-031-34999-7_11](https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_11)
- Gould-Davies N. (2020) Russia, the West and sanctions. *Survival: Global Politics and Strategy (February-March 2020): Detering North Korea*. No. 62(1). P. 7–28.
- Schott J.J. (2023) Economic Sanctions against Russia: How Effective? How Durable? *Peterson Institute for International Economics. Policy Brief*. No. 23–3. Available at: <https://www.piie.com/sites/default/files/2023-04/pb23-3.pdf>
- Syropoulos C., Yotov Y. (2023) Reflections on the Impact of Economic Sanctions. *EconPol Forum*. Vol. 24. Is. 3. P. 10–14.
- Vale S.R., Viola E. (2023) Impact of Economic Sanctions on Net Commodity-Producing and Net Commodity-Consuming Countries. *Revista Brasileira de Política Internacional*. Vol. 66. Is. 1. DOI: [10.1590/0034-7329202300101](https://doi.org/10.1590/0034-7329202300101)

Дата поступления/Received: 10.11.2023

К вопросу о критериях инновационности бизнес-моделей довузовского образования

Иващенко Наталия Павловна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [8453-0936](#), ORCID: [0000-0002-5917-2494](#)
nivashenko@mail.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Попова Вера Геннадиевна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [6527-7039](#), vgpopova@yandex.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Садов Константин Сергеевич

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [1880-9331](#), ORCID: [0009-0008-1704-2641](#), konstantin-sadov@mail.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Цифровая трансформация образования предъявляет новые требования к довузовскому образованию, являющемуся важным звеном в подготовке школьников к поступлению в вузы и формировании их профессиональных интересов и компетенций. Однако предложения для школьников в рамках вузов, представляющие собой эффективный формат дополнительного образования по профильным дисциплинам, сталкиваются с конкуренцией со стороны онлайн-обучения, а также с проблемами интеграции цифровых технологий в образовательные услуги. Это снижает их привлекательность и актуальность для школьников, что влияет на метрики приема вузов и мотивацию студентов. Объектом исследования являются онлайн-проекты дополнительного образования при вузах РФ, предметом — степень инновационности их бизнес-моделей. В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с разработкой методологических подходов к исследованию инновационности бизнес-моделей в довузовской подготовке. В качестве методов исследования использованы общетеоретические методы, такие как анализ, синтез, абстрагирование, и эмпирические: изучение опыта организации довузовского образования, исследование лучших отечественных практик, статистический анализ рынка довузовского образования и используемых бизнес-моделей, метод оценки инновационности элементов бизнес-моделей, в том числе на основе частотности, анализ сайтов проектов онлайн-образования. В результате исследования описаны структура дополнительного довузовского образования и изменение ее форматов в условиях цифровизации и развития онлайн-образования, особенности и трансформация бизнес-моделей традиционных и современных проектов довузовской подготовки; предложен подход к изучению и оценке инновационности бизнес-моделей на основе выявления нестандартности используемых элементов. Предполагается, что предложенный методологический подход к определению степени инновационности бизнес-модели и выявленные уникальные элементы проектов, предоставленные в качестве гипотез для выстраивания новых бизнес-моделей, на практике помогут существующим в этой сфере проектам повысить свою конкурентоспособность, а вновь выходящим на рынок EdTech компаниям — не только представить качественный и востребованный продукт, но и стать успешными в результате ускоренного роста.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, бизнес-модели, инновации, довузовская подготовка, онлайн-проекты, конкурентоспособность.

Для цитирования

Иващенко Н.П., Попова В.Г., Садов К.С. К вопросу о критериях инновационности бизнес-моделей довузовского образования // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 17–36. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-17-36

On the Issue of Criteria for Innovativeness of Business Models of Pre-University Education

Natalia P. Ivashchenko

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0002-5917-2494](#), nivashenko@mail.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Vera G. Popova

PhD, Associate Professor, vgpopova@yandex.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Konstantin S. Sadov

Postgraduate student, ORCID: [0009-0008-1704-2641](#), konstantin-sadov@mail.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The digital transformation in education places new demands on pre-university education, which is an important link in preparing schoolchildren for entering universities and shaping their professional interests and competencies. However, offers for schoolchildren within universities, which represent an effective format for additional education in specialized disciplines, face competition from online platforms and courses, as well as problems with integrating digital technologies into their educational services. This reduces their attractiveness and relevance for schoolchildren, which affects university admission metrics and student motivation. This research focuses on online supplementary education projects at Russian universities, examining the degree of innovativeness in their business models as the subject of investigation. The article examines a number of issues related to the development of methodological approaches to the study of innovativeness of business models in pre-university training. The research methods include general theoretical methods such as analysis, synthesis, abstraction, as well as empirical ones: studying the experience of organizing pre-university education, researching the best domestic practices, statistical analysis of the pre-university education market and business models used, the method of assessing the innovativeness of business models elements, in particular based on frequency analysis and analysing the websites of online education project. As a result of the study, the structure of additional pre-university education and the change in its formats in the context of digitalization and the development of online education, the features and transformation of business models of traditional and modern pre-university training projects are described, and an approach to studying and assessing the innovativeness of business models based on identifying the non-standard nature of the elements used is proposed. It is assumed that the proposed methodological approach to determining the degree of innovativeness of a business model and the identified unique elements of projects provided as hypotheses for building new business models in practice will help existing projects in this area to increase their competitiveness, and companies newly entering the EdTech market — not only to present a high-quality and in-demand product, but also to become successful as a result of rapid growth.

Keywords

Digital transformation, business models, innovation, pre-university training, online projects, competitiveness.

For citation

Ivashchenko N.P., Popova V.G., Sadov K.S. (2024) On the Issue of Criteria for Innovativeness of Business Models of Pre-University Education. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. No. 102. P. 17–36. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-17-36

Введение

Одной из важнейших тенденций развития российского образования является динамичный рост онлайн-обучения на основе новых инновационных технологий и сервисов. В полной мере это касается и сферы дополнительного образования довузовской онлайн-подготовки.

Ведущие университеты России находятся в состоянии острой конкурентной борьбы за привлечение наиболее талантливых абитуриентов в свои вузы. С этой целью они создают разнообразные внутриуниверситетские структуры, которые осуществляют связь со школами: Школы юных, подготовительные курсы и др., развивая тем самым систему довузовской подготовки для школьников. Вместе с тем в условиях пандемии (изоляции) многие структуры довузовской подготовки, ориентированные на обучение школьников преимущественно в очном формате, не смогли адаптироваться к новым онлайн-технологиям и остаются в формате старых бизнес-моделей, в связи с чем эффективность их деятельности резко падает. Например, в [Школе](#) молодого предпринимателя на экономическом факультете МГУ в период пандемии показатели привлечения школьников за 2020–2021 учебный год сократились почти в 4 раза.

В то же время рынок онлайн-образования в условиях пандемии переживал взрывной рост, и сейчас темпы роста составляют свыше 16% в год (для сравнения: весь рынок образования растет примерно на 3,6% в год). По прогнозным оценкам, к 2025 году объем рынка онлайн-образования достигнет 404 млрд долл. вместо прогнозирувавшихся до пандемии \$341 млрд долл.¹ Таким образом, наблюдается противоречие между новыми возможностями растущего рынка онлайн-образования и падением темпов развития университетских структур довузовского образования в период пандемии.

Довузовское образование как часть дополнительного образования для школьников

Понятие довузовского образования не имеет четкого определения и часто употребляется как синоним довузовской подготовки или довузовского обучения. Одно из наиболее часто встречающихся в литературе определений сущности и целей довузовского образования приведено

¹ Global EdTech Market to Reach \$404B by 2025 // Holon IQ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.holoniq.com/notes/global-education-technology-market-to-reach-404b-by-2025> (дата обращения: 28.11.2023).

в работе Д.Е. Филиппова (со ссылкой на В.В. Воронова), где оно характеризуется как «процесс овладения системой научных знаний, познавательных умений и навыков... развития творческих сил и способностей в особом образовательном пространстве, в котором надстраивается базовый компонент среднего образования, ведется работа по профессиональной ориентации учащихся и поиску талантливой и одаренной молодежи»².

В данной статье мы рассматриваем довузовское образование как вид дополнительного образования, который направлен в первую очередь на подготовку школьников к поступлению в вузы, формирование их профессиональных интересов, компетенций и мотивации, развитие творческого потенциала и самореализации, а также на помощь учащимся в освоении школьной программы, в преодолении «образовательной неуспешности», в подготовке к вхождению в вузовскую среду.

История довузовского образования в России насчитывает более 100 лет. Его прообразом были появившиеся в 1919 г. рабочие факультеты при вузах, одним из которых в числе первых стал рабфак Московского университета, готовивший по ускоренной программе рабочих и крестьян для обучения в высшей школе. В послевоенный период при вузах стали создаваться подготовительные факультеты для рабочей молодежи и демобилизованных военнослужащих, которые хотели поступить в вуз, а затем и подготовительные курсы, многие из которых существуют и поныне.

В настоящее время целевой аудиторией довузовского образования выступают, как правило, школьники или недавние выпускники средней школы.

Структура современного дополнительного образования для школьников представлена, помимо подготовительных курсов и даже подготовительных факультетов в рамках самих вузов, независимыми, самостоятельными коммерческими образовательными организациями, действующими в этой же сфере, в частности все чаще возникающими образовательными стартапами, а также индивидуальными репетиторами, что значительно усиливает конкуренцию на этом рынке (Рисунок 1).

Рисунок 1. Структура дополнительного образования для школьников³

В настоящее время сеть заведений довузовской подготовки охватывает практически все вузы РФ. Как отмечают О.Ю. Брюхова и Н.Н. Старцева, современная довузовская подготовка имеет, как правило, централизованный характер и осуществляется на факультетах, в институтах, специальных отделах профориентации, департаментах довузовского образования и организации приема, а также выступает в виде других форм работы с абитуриентами [Брюхова, Старцева 2021].

Учреждения довузовской подготовки зачастую развивают связи со школами и предприятиями на муниципальном или региональном уровне. Так, некоторые ученые рассматривают подход, в соответствии с которым факультет вуза может заранее отобрать школы-партнеры для

² Филиппов Д.Е. Социально-педагогические условия функционирования системы довузовского образования: дисс... канд. пед. наук. Челябинск, 2000. С. 171.

³ Составлено авторами.

дальнейшего развития образовательных программ с ними, выстраивая тем самым взаимодействие, способствующее повышению эффективности дополнительного образования [Болдырева и др. 2020].

Соответственно, формируются разные уровни работы современных моделей довузовского образования: школы при вузах (предуниверсарии), дополнительное образование по профильным дисциплинам, подготовительные курсы и летние школы, основными задачами которых являются подготовка абитуриентов, профориентация, работа с одаренными детьми и т.д.

Набор функций, на которых сосредотачивают свое внимание учреждения довузовской подготовки, многообразен (Таблица 1).

Таблица 1. Функции довузовской подготовки⁴

Функция	Цель
Селекционная	Отбор наиболее талантливых старшеклассников и абитуриентов
Компенсирующая	Исправление недочетов, допущенных на предыдущих уровнях образования
Развивающая	Получение новых расширенных знаний
Адаптирующая	Подготовка учащегося к учебе в вузе
Корректирующая	Направление ученика на получение знаний, соответствующих его способностям
Воспитательная	Формирование определенного набора ценностей у учащегося
Профориентационная	Развитие профессиональных интересов, компетенций и мотивации учащихся

Тем не менее основными остаются профориентация и собственно обучение.

Для того, чтобы самостоятельно выбрать подходящее место дальнейшей учебы, школьникам, как отмечает А.Н. Дударев, может не хватать самоорганизации, понимания собственных способностей и уникальных личных качеств, поэтому учащемуся нужно помочь перейти из объекта образования в его субъект [Дударев 2021, 172]. Именно такая цель ставится перед довузовской подготовкой, абитуриенты могут иметь ошибочные представления о профессии, что ведет к большому отсеву на первых курсах или низкой мотивации при учебе с соответствующими результатами [Веселова и др. 2021].

Именно профориентация школьников является важной задачей для образовательных учреждений, помогающих ученикам определиться с будущей профессией и выбрать подходящий вуз. Существует множество форм и методов работы со школьниками по профориентации, которые могут быть разделены на пассивные и активные практики [Олиндер 2019] (Рисунок 2).

⁴ Составлено авторами по [Брюхова, Старцева 2021, 35].

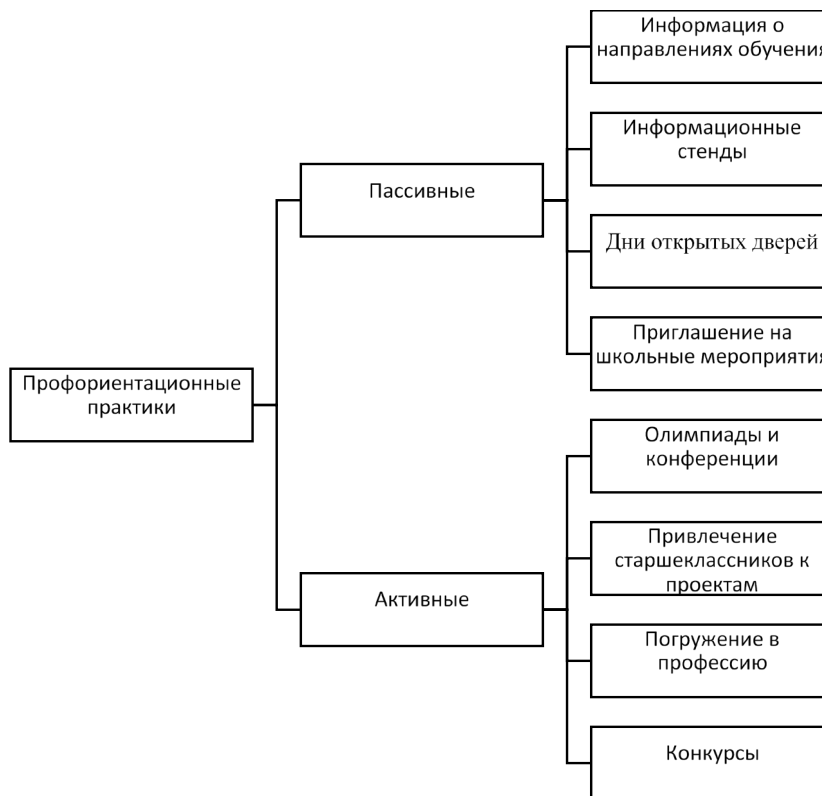

Рисунок 2. Форматы работы со школьниками в профориентации⁵

Пассивные практики предполагают предоставление информации о направлениях и профилях обучения, приглашение на школьные мероприятия, информационные стенды и дни открытых дверей. Эти формы работы могут быть полезны для ознакомления с вузом и его программами, но не способствуют развитию профессиональных интересов и навыков у школьников. Кроме того, школьники могут испытывать трудности при выборе места учебы из-за удаленности вуза, недостаточной успеваемости или непонимания собственных способностей и уникальных личных качеств.

Активные практики направлены на формирование профессионального мировоззрения, преемственность связи со школьной программой, мотивацию учеников и навыков коммуникации. К таким практикам относятся проведение олимпиад, конкурсов, конференций, профессиональных недель факультетов, создание рекламных видеороликов, повышение квалификации преподавателей и привлечение старшеклассников к работе вузовских проблемных групп. Эти формы работы позволяют школьникам получить более глубокое представление о профессии, пройти профессиональные пробы и определить свои сильные стороны.

Наиболее ценными источниками информации о профессиях для современных школьников являются в первую очередь интернет-источники (СМИ и социальные сети), а также сарафанное радио (родители и знакомые) и погружение в профессию, что подтверждается исследованиями [Бурнаева, Саламатова 2022]. Во многом это объясняется такими особенностями восприятия информации аудиторией поколения зуммеров, как клиповое мышление, которое требует более визуального и интерактивного подхода к представлению информации [Кубанцева 2022].

Таким образом, профориентация школьников может быть реализована различными способами, но для достижения наилучшего эффекта необходимо использовать активные практики, которые способствуют развитию личности ученика и его профессионального самоопределения.

⁵ Составлено авторами по [Олиндер 2019, 219–220].

Вторым важным направлением довузовского образования является обучение по профильным дисциплинам с целью повышения уровня знаний учащихся, необходимых для успешной сдачи экзаменов. Формы и методы обучения в рамках довузовской подготовки могут быть разделены на традиционные и новые цифровые практики (Рисунок 3).

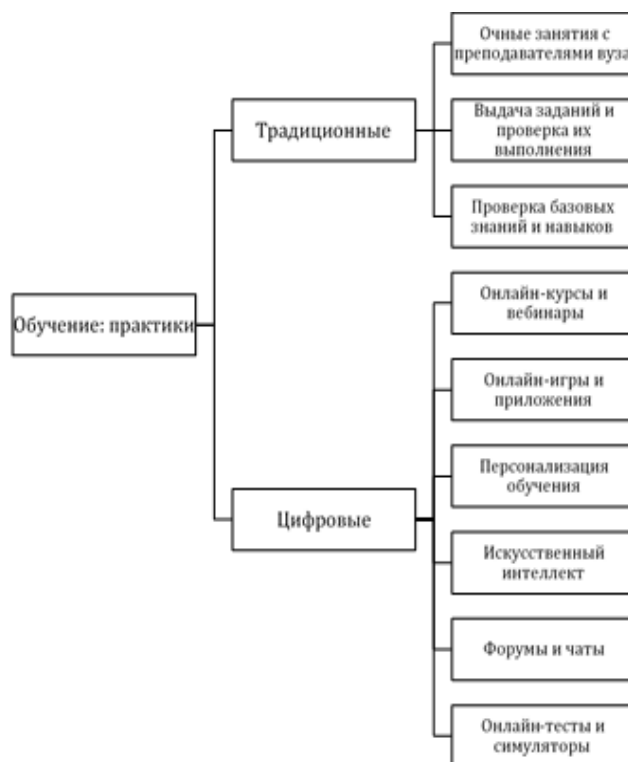

Рисунок 3. Традиционные и цифровые практики⁶

Существующие традиционные виды довузовского обучения предусматривают проведение очных занятий с преподавателями вуза, которые объясняют теоретический материал, дают задания и проверяют их выполнение. Эти формы работы могут быть полезны для закрепления базовых знаний и навыков, но не способствуют развитию креативности, самостоятельности и критического мышления у школьников, то есть наиболее востребованных в современном мире качеств и навыков, хотя и среди этих методов встречаются уникальные. Кроме того, очные занятия требуют больших затрат времени и ресурсов.

Новые цифровые практики направлены на использование цифровых технологий для обучения школьников по профильным дисциплинам и включают создание онлайн-курсов и платформ, проведение вебинаров, игр и симуляций, использование адаптивного обучения и искусственного интеллекта, разработку цифровых образовательных ресурсов и портфолио. Эти формы работы позволяют школьникам получить более гибкое и персонализированное обучение, развить навыки самообразования и сотрудничества, а также повысить мотивацию к изучению профильных дисциплин. В то же время данный подход более требователен к самоорганизации учеников, не способствует развитию эмоционального контакта с другими учащимися и преподавателем, предполагает необходимость изучения и использования специальных программ и техники для организации обучения.

Использование цифровых форматов связано не только с самим процессом обучения, но и с необходимостью продвижения образовательных проектов с применением маркетинговых инструментов, что позволяет расширить аудиторию образовательных программ. Так, по данным

⁶ Составлено авторами на основе обзора научной литературы.

исследователей, около 84% абитуриентов получали информацию о выбранном вузе с помощью интернета [Казначеева и др. 2019].

По оценке А.Ю. Низовцева, в настоящее время вузы используют, как правило, следующие цифровые инструменты: форумы, веб-чаты, онлайн-игры и приложения, презентации, видеоролики, инфографику, ментальные карты, онлайн-тесты и симуляторы [Низовцев 2021].

Кроме того, вузы могут использовать такие специализированные платформы для создания и управления онлайн-курсами, как виртуальная образовательная среда от компании Google, LMS Moodle. Т.В. Гришкевич описывает преимущества этих платформ для постановки задач для учеников, аналитики наиболее сложных вопросов, контроля и диагностики успеваемости учеников, создания электронных журналов, хранилищ для документов и вспомогательных материалов, рейтингов, системы экзаменов и других элементов образовательного продукта [Гришкевич 2022].

Средства цифровизации могут также применяться в обучении при сочетании онлайн- и офлайн-форматов. Так, в своих исследованиях Э.Г. Скибицкий и В.П. Волохина отмечают, что использование комбинированного метода ведет к улучшению успеваемости обучающихся [Скибицкий, Волохина 2021]. Другие ученые, анализируя внедрение подготовительных онлайн-интенсивов к сдаче вступительных испытаний и подготовку к экзаменам с преподавателями вузов, затрагивают и вопрос создания информационного портала вуза для школьников с возможностью для учащегося самостоятельно через личный кабинет проходить профтестирование, собирать портфолио, формировать свою образовательную траекторию и быть в курсе мероприятий вуза и его партнеров [Прозорова и др. 2020]. Отмечается также, что на основе полученных данных о результатах и достижениях ученика такая система может подобрать наиболее подходящие конкретному школьнику программы подготовки.

Однако, привнося в процесс образования современные технологии, цифровизация требует как от вузов, так и от слушателей определенной адаптации к происходящим изменениям. Так, Д.Л. Гаевская отмечает, что к цифровизации образования необходимо приспособиться и привыкнуть, для чего предлагает применять методiku перевернутого класса в онлайн-обучении [Гаевская 2022], означающую, что ученики заранее изучают материал посредством видео или текстов, а на занятиях решают задачи и обсуждают темы с преподавателем.

Таким образом, цифровизация образования является не только вызовом, но и возможностью для современных вузов, которые могут использовать различные цифровые инструменты, платформы, форматы и модели в работе с потенциальными абитуриентами.

Развитие онлайн-формата обучения в довузовской подготовке

Традиционно основными формами обучения по программам довузовской подготовки были очная (занятия в аудиториях) и заочная (дистанционная), которая осуществлялась чаще всего с помощью почтовой рассылки и переписки. Развитие и бурное использование интернета, появление цифровых инструментов и начавшаяся цифровая трансформация различных сфер, включая образовательную, привели к возникновению нового направления дистанционного обучения — онлайн-образования. Продолжительная пандемия COVID-19 еще больше стимулировала развитие такого формата подготовки, явившись катализатором процесса, но не причиной изменений: тренд на переход рынка в онлайн-формат был замечен и до 2019 г., что видно как по отчетам исследовательских проектов, так и по научным публикациям.

При этом если индивидуальные коммерческие онлайн-проекты и репетиторы смогли быстро адаптироваться к этому тренду и активно развивать новые бизнес-модели, то учреждения высшей школы, привыкшие к традиционным форматам обучения, испытывают трудности, ослабляющие

их конкурентную позицию на рынке. В условиях повсеместного перехода к цифровым технологиям многие вузы сталкиваются с барьерами входа на новый для них онлайн-рынок ввиду того, что ранее большая их часть работала в формате офлайн.

С учетом тренда на изменение потребительского поведения в сторону большего использования интернета при принятии решений и потребления цифровых образовательных продуктов, а также снижения доли поступающих в вузы в общей численности выпускников школ⁷ (Рисунок 4) можно заметить, что, с одной стороны, идет обострение конкуренции за абитуриентов со стороны высших учебных заведений, а с другой — падение эффективности способов и методов привлечения новых слушателей.

Рисунок 4. Сокращение доли одиннадцатиклассников — потенциальных абитуриентов вузов⁸

Кроме того, следует учитывать, что на рынке онлайн-образования ожидается появление новых игроков и укрепление позиций уже действующих компаний с качественным контентом как для школьного обучения, так и довузовской подготовки. Данная ситуация резко обостряет конкуренцию в данной сфере и существенно увеличивает барьеры входа университетских структур довузовской подготовки на онлайн-рынок образовательных услуг.

На сегодняшний момент на этом рынке уже существует достаточно большое количество компаний, стартапов, передовых вузов, которые активно реализуют новаторские подходы к разработке новых инновационных бизнес-моделей с высокой степенью новизны и уникальности. Использование таких бизнес-моделей в системе довузовского образования может способствовать повышению эффективности деятельности университетских структур, уже работающих в онлайн-формате, а также стимулировать переход в этот формат тех учреждений высшей школы, которые испытывают трудности с такой трансформацией.

⁷ Колледжи обогнали вузы по числу поступающих // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230817/vuzy-1890709381.html> (дата обращения: 26.11.2023).

⁸ Составлено авторами по: Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 за период 2016–2022 гг. // Министерство просвещения РФ [Электронный ресурс]. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 29.11.2023).

Трансформация бизнес-моделей на рынке EdTech

В современных условиях активного использования цифровых инструментов всем университетским структурам, работающим в системе довузовской подготовки в очном формате, следует менять свои стратегии развития и наряду с офлайн-продуктами расширять линейку онлайн-продуктов, формируя новые бизнес-модели, адекватные сложившимся условиям.

Таким образом, становится очевидным, что возникла системная проблема адаптации университетских довузовских структур дополнительного образования к новым реалиям, которая обуславливает необходимость поиска новых инструментов и новых инновационных бизнес-моделей для встраивания университетских систем довузовской подготовки в конкурентную среду онлайн-образования.

Успех на рынке EdTech во многом зависит от правильно выбранной модели. М. Уколов, создатель платформы онлайн образования SOHO.LMS, выделяет 4 основные модели: 1) регулярное онлайн-образование (аналог классического очного обучения); 2) подписочная модель (дающая доступ к контенту, например видеоурокам); 3) запуски (набор обучающихся под одноразовые образовательные проекты); 4) индивидуальные или групповые интерактивные занятия (по существу, это репетиторство в удаленном режиме), — отмечая, что все остальные являются лишь сочетанием элементов четырех вышеназванных⁹. Строго говоря, это скорее модели монетизации, но поскольку успешность и конкурентоспособность бизнес-модели определяется по финансовому результату, можно считать, что способ монетизации является наиболее яркой характеристикой бизнес-модели.

Выбор конкретной бизнес-модели зависит от цели проекта, самого образовательного продукта, его содержания, степени профессионализма преподавателей, целевой аудитории, модели продаж, финансовых показателей и т. д. Безусловно, каждый из участников рынка стремится создать такую модель, которая бы отличалась от общеупотребимой и создавала конкурентное преимущество, то есть, по сути, была бы инновационной.

Следует отметить, что инновационность бизнес-модели в онлайн-образовании во многом определяется не только новизной ценностного предложения, то есть предлагаемого блага (например, принципиально нового учебного материала и формата доведения его до ученика), но и способом выведения этого блага на рынок.

Однако в системе онлайн-образования до настоящего времени не разработаны критерии инновационности бизнес-моделей, что осложняет их идентификацию в качестве инновационных, в связи с чем возникает важная научная и практическая проблема теоретической разработки критериев инновационности бизнес-моделей, а также определения условий их использования в системе дополнительного онлайн-образования с учетом его специфики.

Способом разрешения данного противоречия может быть анализ уже существующих бизнес-моделей конкретных образовательных проектов с целью разработки такой, которая будет обладать конкурентным преимуществом по сравнению с существующими в различных вузах проектами подготовки к поступлению, а далее — и среди всех игроков рынка довузовского образования в онлайн-сфере. Критерием инновационности в этом случае будет выступать не только способность наилучшим образом удовлетворить запросы реальных людей, но и, как следствие, обеспечение быстрого роста или по крайней мере демонстрация опережающих темпов развития по сравнению с конкурентами.

Безусловно, бурный рост основных показателей проекта свидетельствует о верно выбранной

⁹ Бизнес-модели в онлайн-образовании: одноразовые запуски vs регулярные продукты — где больше денег и что выбрать? // VC.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/education/705616-biznes-modeli-v-onlayn-obrazovanii-odnorazovye-zapuski-vs-regulyarnye-produkty-gde-bolshe-deneg-i-chto-vybrat> (дата обращения: 26.11.2023).

инновационной трансформации бизнес-модели, но при этом следует учитывать ключевую разницу целевых функций между чисто коммерческими проектами на рынке образования и проектами подготовки в вузах: если для первых основная цель — окупаемость и прибыльность, то для вторых значительную роль играет задача дополнительного привлечения абитуриентов в конкретный вуз, что не исключает и коммерческую составляющую. В результате у этих двух групп в качестве основных формируются разные направления деятельности: образовательное и профориентационное, по целевым показателям которых не всегда можно судить об инновационности используемой бизнес-модели.

Методологические подходы к исследованию инновационности бизнес-моделей в довузовской подготовке

На наш взгляд, об инновационности бизнес-модели можно судить по такой характеристике, как новизна, так как уже сам термин «инновационность» предполагает использование какого-то новшества. Под новизной можно понимать оригинальность, неочевидность, прогрессивность, уникальность подхода, отличие от привычного, от стандартов, от устоявшегося, поэтому для выявления новизны можно использовать сравнение с предыдущими характеристиками в целях определения уникальности, отличий от стандартно используемых элементов. Если взять за основу шаблон бизнес-модели, предложенный А. Остервальдером и И. Пинье и структурированный по блокам, описывающий различные бизнес-процессы, то следует выбрать способ выявления обладающих новизной элементов некоторых из этих блоков.

Однако оценка новизны в качестве критерия инновационности бизнес-модели может быть субъективной, поскольку не имеет четкого определения и шкалы измерения. Более объективно посмотреть на новизну можно с помощью использования метрик, позволяющих измерить ее степень. Помочь в этом может метод выявления непопулярности элемента: чем реже встречается какой-то элемент в бизнес-модели, тем более уникальной она является по сравнению с другими, массово используемыми устоявшиеся стандартные составляющие или решения. Данный подход к анализу бизнес-моделей, когда ее уникальность исследуется на основе окружающей бизнес-среды, выделен Н. Фоссом и Т. Саеби и называется отраслевым [Foss, Saebi 2016].

Оценка инновационности может быть осуществлена через анализ частоты использования различных элементов бизнес-моделей (выбранных с учетом метода визуализации бизнес-логики, соответствующего целям исследования), при этом элементы, встречающиеся часто, могут рассматриваться как устоявшиеся стандарты отрасли (или препятствия для инновационных проектов), в то время как редкие и уникальные элементы могут указывать на потенциальную инновационность бизнес-модели. Индекс инновационности может быть представлен следующим образом:

$$I_{\text{иннов}} = \left(1 - \frac{C}{N}\right) \times 100\%.$$

где C — количество конкурентов с таким же анализируемым элементом в бизнес-модели; N — общее количество конкурентов; C/N — доля конкурентов, использующих тот же элемент, в общем числе конкурентов; $1 - C/N$ — доля конкурентов, не использующих тот же элемент, в общем числе конкурентов.

Возможны два варианта интерпретации результата определения инновационности:

- величина индекса, близкая к 100%, возможна в том случае, если доля конкурентов, использующих выбранный для анализа элемент бизнес-модели, в общем количестве всех исследуемых бизнес-моделей ближе к 1. Это означает, что число конкурентов, использующих данный элемент, незначительно, следовательно, он более уникален или инновационен;
- величина индекса, стремящаяся к 0, указывает на то, что большинство конкурентов уже используют этот элемент, что делает его стандартным и лишенным признаков инновационности.

Таким образом, более высокий индекс указывает на большую вероятность инновационности элемента, и наоборот. Отделить уникальные от стандартных компонентов в выборке можно с помощью порогового значения, которое можно вычислить с помощью метода расчета медианы новизны, минимизирующей влияние аномально высоких или низких значений индекса в выборке.

Следует также учитывать, что один проект может иметь несколько элементов в рамках одного структурного блока, и это также необходимо учитывать при анализе инновационности данных элементов на рынке.

Кроме того, низкие значения индекса по отношению к общей выборке могут свидетельствовать о высокой степени унификации и консолидации рынка, в то время как высокие средние значения индекса могут указывать на наличие в индустрии нескольких устоявшихся структур бизнес-моделей или ее недостаточную консолидацию. Эти показатели оцениваются через среднее значение, или медиану выборки.

Именно этот подход, связанный с обработкой частотности упоминаний уникальных компонентов, был использован для анализа цифровой трансформации проектов довузовского образования с целью выявления уникальных компонентов бизнес-моделей с помощью метрики новизны.

Отбор проектов проводился в сети Интернет с помощью поисковых сайтов (первые 15 страниц запросов в «Яндексе» и Google) и социальных сетей; анализа отраженных на этих сайтах ценностных предложений и ключевых характеристик используемой бизнес-модели; стандартизации полученных данных и применения метрики новизны для выявления наиболее уникальных компонентов проектов.

Критериями отбора проектов были:

- 1) целевая аудитория: проекты должны быть ориентированы на довузовскую подготовку, предлагая обучение школьников и подростков;
- 2) географический фокус: российский рынок;
- 3) формат предоставления услуг: предложения должны быть доступны в онлайн-формате с использованием современных технологий дистанционного обучения;
- 4) B2C-направленность: проекты должны работать по принципу прямых продаж конечным потребителям (родителям или школьникам) без посредников;
- 5) коммерческий принцип работы: наличие четко обозначенной бизнес-модели, основанной на коммерческих принципах и монетизации услуг;
- 6) видимость в поисковых системах: проекты должны быть достаточно популярными, чтобы их сайты появлялись на первых 15 страницах поисковых систем при соответствующих запросах;
- 7) понятность монетизации: на сайте компании должна быть представлена ясная и понятная информация о модели монетизации проекта.

На основе критериев поиска в российском сегменте интернета были отобраны 37 онлайн-проектов довузовской подготовки, анализ которых помог составить перечень стандартных и уникальных элементов в данной выборке. Далее для них были выставлены пограничные значения, позволяющие разделить всю совокупность элементов на уникальные и стандартные элементы на данном рынке.

Для анализа бизнес-модели проекта довузовской подготовки важно было внимательно рассмотреть следующие ключевые блоки и обосновать выбор каждого из них:

Уникальное торговое предложение (УТП), определяющее ценность, которую проект предлагает своим клиентам. Это не просто перечень характеристик продукта, но и выделение особенностей, отличающих данный проект от предложений конкурентов. Например, проект может предлагать индивидуализированные образовательные пути или уникальные методики обучения.

Продукт компании, в данном случае это образовательные услуги. Особое внимание стоит уделить характеристикам, которые повышают ценность продукта для клиента, например гибкий график занятий, доступ к эксклюзивным ресурсам или интеграция практических навыков.

Система привлечения клиентов (или воронка продаж), предусматривающая логику привлечения потенциальных учащихся и перевода их в платящих пользователей. Эта система включает в себя маркетинговые стратегии, методы привлечения внимания и удержания интереса клиентов.

Каналы коммуникации, используемые проектом для поддержания связи с клиентами, особенно в онлайн-среде, включающие социальные сети, электронные рассылки, вебинары и другие цифровые платформы.

Контент-маркетинг, играющий в сфере онлайн-образования ключевую роль в привлечении аудитории. Анализировать следует не только качество и актуальность предоставляемого контента, но и его разнообразие и способы доставки (например, видео, статьи, интерактивные упражнения).

Модель монетизации, отражающая логику зарабатывания денег проектом, что может быть основано на единовременных покупках, подписке, предоставлении дополнительных платных услуг или даже смешанных моделях. Понимание модели монетизации поможет оценить устойчивость финансовой структуры проекта.

Каждый из этих элементов предоставляет глубокое понимание основных аспектов бизнес-модели и помогает выявить потенциальные сильные и слабые стороны проекта довузовской подготовки.

Результаты

Полученные в результате исследования данные позволяют судить о сходстве и различии проектов довузовского образования, внедривших цифровые технологии в свои бизнес-модели, и о степени их новизны.

В число характеристик блока анализируемых бизнес-моделей, условно обозначенного нами как продукт, включены элементы, отражающие использование цифровых систем (платформы, личные кабинеты, системы форумов и чатов для общения между учащимися и преподавателями); форматы, связанные с самим обучением (групповое, индивидуальное и проектное обучение), и ряд других активностей (проведение конференций и онлайн-олимпиад, психологическая поддержка, мониторинг и пр.) (Рисунок 5).

Рисунок 5. Новизна элементов в категории «продукт»¹⁰

По нашему мнению, пороговым значением, отделяющим уникальные элементы от стандартных в компоненте «продукт», можно считать медианный показатель всей категории в 82,43%.

К стандартным элементам в онлайн-обучении относятся составляющие цифровой инфраструктуры, включающие обязательное применение цифровых систем типа платформ или хотя бы личных кабинетов на сайтах для удобства обучения учеников дистанционно. Все это было, например, неременным атрибутом довузовского образования, называвшегося тогда дистанционным, в Школе молодого предпринимателя экономического факультета МГУ еще 15 лет назад.

С другой стороны, стандартными для довузовской онлайн-подготовки можно считать и форматы, связанные с самим обучением: групповое обучение, предполагающее подготовку учеников в группах от 15 человек и более (что повторяет в данном случае логику коммерческих онлайн-проектов: группы готовить выгоднее из-за снижения нагрузки на одного преподавателя и продажи большего количества мест); мониторинг, включающий различные виды тестирования учащихся для контроля их успеваемости и прогресса в получении знаний, и консультации, то есть поддержку учеников при разборе ошибок в домашних заданиях и советы преподавателей по вопросам профориентации и пр.

Помимо стандартных элементов, выявлены и уникальные, такие как индивидуальная подготовка (предполагающая адаптацию программы под расписание и выбор ученика, а также индивидуальные занятия и т. д.), использование форумов и чатов для общения между учениками и преподавателями, проведение конференций и олимпиад, реализация психологической поддержки школьников при подготовке к экзаменам и проектный подход в обучении.

Эти уникальные элементы могут быть конкурентным преимуществом для онлайн-проектов в сфере образования и способствовать повышению качества обучения и удовлетворенности клиентов.

Второй анализируемый компонент относится к маркетинговому блоку бизнес-моделей и представлен системой привлечения (или воронкой продаж) с общей медианой категории в 97,30%. Исследование показало, что у большей части проектов довузовской подготовки не сформирована

¹⁰ Составлено авторами на основе анализа предложений проектов довузовской подготовки.

система привлечения клиентов (Рисунок 6), хотя данный элемент бизнес-модели является необходимым маркетинговым инструментом и серьезным фактором роста вузовских проектов подготовки, если они собираются конкурировать с коммерческими онлайн-платформами.

Рисунок 6. Новизна элементов в категории «система привлечения»¹¹

Анализ показал, что отсутствие системы привлечения является стандартом для выборки. Вероятнее всего, в исследуемых случаях проекты довузовской подготовки рассчитывают на поток учеников, заинтересованных в поступлении именно в данный вуз, или на бренд самого высшего учебного заведения, не заботясь о разработке эффективной системы привлечения. В условиях, когда у большинства проектов такая система отсутствует, наличие «воронки привлечения» у отдельных проектов говорит не столько об их уникальности и инновационности, сколько о незрелости бизнес-модели у других, еще не пришедших к пониманию необходимости использования современных маркетинговых инструментов.

Тем не менее выявленные в ходе исследования отдельные форматы системы привлечения клиентов имеют высокую степень новизны, что говорит о фрагментированности и несформированности воронок у бизнес-моделей проектов довузовской подготовки. К числу этих выявленных форматов привлечения клиентов относятся:

- заявка — после подачи на сайте заявления на обучение учащийся получает доступ к системе, этот подход может распространить и на консультацию;
- консультация — это, как правило, общение с будущим покупателем и подбор наиболее подходящей для него программы;
- авторизация — получение доступа к контенту через авторизацию на сайте;
- пробный урок — предоставление будущему учащемуся пробного доступа к образовательному продукту, во время которого он должен убедиться в его ценности и тем самым устранить свои сомнения по поводу покупки, то есть заключения договора на обучение;

¹¹ Составлено авторами на основе анализа предложений проектов довузовской подготовки.

- лид-магнит — использование бесплатных материалов (доступа на пробное занятие) для получения контактов пользователя для последующей связи с предложением покупки образовательного продукта;
- платформа — уникальный случай использования платформенного решения с бесплатным контентом как части воронки, продающей обучение в вузе будущим абитуриентам.

Следует также отметить такой уникальный прием, как входное тестирование будущих учеников, для отсеивания поступающих на программу обучения.

Каналы продвижения — еще один компонент анализируемых бизнес-моделей образовательных онлайн-проектов. Исследование показало, что каналы продвижения довузовской подготовки содержат как сформировавшиеся стандартные, так и уникальные элементы (Рисунок 7).

Рисунок 7. Новизна элементов в категории «каналы»¹²

На основе общей медианы новизны в 81,08% стандартными элементами можно назвать использование проектами довузовской подготовки платформ социальной сети «ВКонтакте» (VK) и видеохостингов, а также мессенджера Telegram, что, скорее всего, объясняется их широким распространением в России. При этом стоит отметить, что YouTube у многих проектов не поддерживается на системном уровне: нет регулярности в выпуске видео либо вообще прекращена их публикация; кроме того, каналы могут использоваться не в образовательных и профориентационных целях.

Вместе с тем еще раз проявляется проблема несформированности у проектов довузовской подготовки «воронки привлечения» аудитории: у 11 проектов нет других каналов, кроме сайта, поэтому все, на что они могут опираться, — это бренд самого вуза и оптимизация поисковых запросов.

Малое распространение мессенджеров Viber и WhatsApp может объясняться сложностью информирования о проекте в данных каналах. В то же время можно заметить, что еще не до конца реализован потенциал сетей TikTok, «Дзен» и Rutube.

Такой компонент бизнес-модели, как уникальное торговое предложение, по существу, является ценностным предложением компании, характеризующим основное конкурентное преимущество и объясняющим клиенту, почему он должен купить именно этот предлагаемый продукт. Уже по определению такое предложение формулируется как уникальное, но и здесь по общей медиане в 89,19% можно выделить сформировавшиеся у проектов довузовской подготовки стандарты и уникальные элементы (Рисунок 8).

¹² Составлено авторами на основе анализа предложений проектов довузовской подготовки.

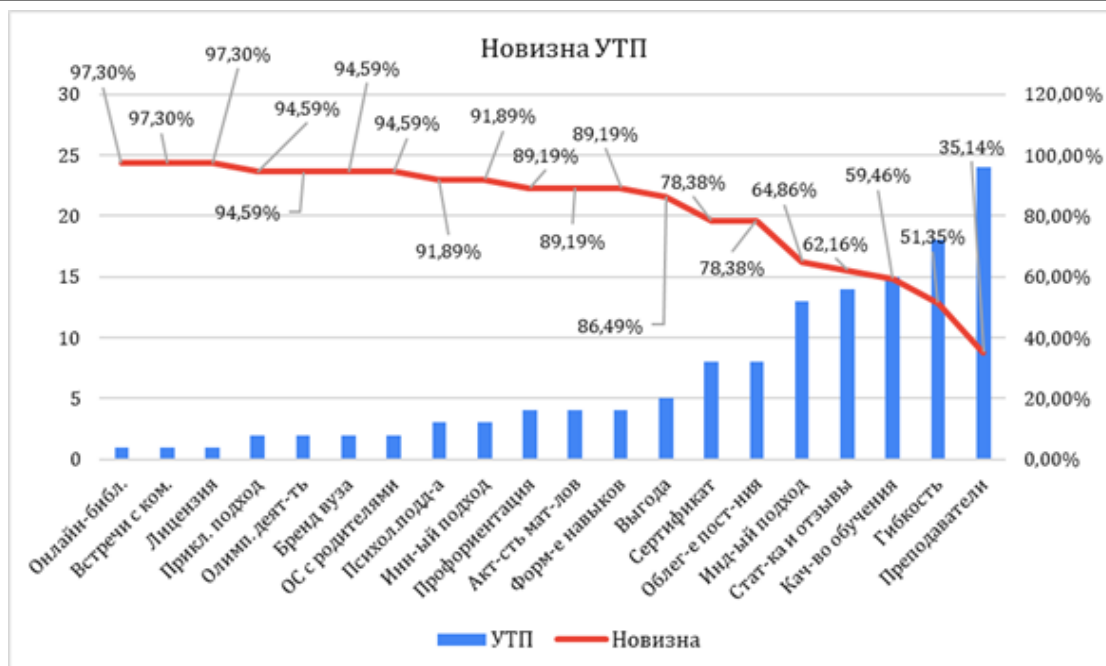

Рисунок 8. Новизна элементов в категории «уникальное торговое предложение»¹³

К стандартным элементам уникальных торговых предложений можно отнести следующие:

- гибкость — любые упоминания удобства использования дистанционных технологий для обучения;
- информация о преподавателях — указание на профессионализм и опыт преподавательского состава;
- качество обучения — упоминания различных аспектов хорошей подготовки будущих абитуриентов;
- статистика и отзывы — различные социальные доказательства (средний балл поступающих после обучения, число лет на рынке, число учеников, число отзывов и т.д.);
- индивидуальный подход — различные способы индивидуализации образовательной траектории ученика: от малых групп для обучения, где возможно уделять больше внимания персональным запросам, до индивидуального расписания и распределения предметов;
- облегчение поступления и учебы — утверждения о получении дополнительных баллов за учебу в проекте, ссылки на знакомство с вузом и учебой в нем до поступления и так далее;
- сертификат — сообщение о получении специального документа после завершения обучения;
- выгода — экономия средств по сравнению с услугами репетиторов, упоминание о различных способах снижения финансовой нагрузки на родителей.

Вместе с тем отмечен ряд особенностей, которые выбиваются из стандартного списка: проекты довузовского образования не используют полностью возможности проектного подхода в образовательной части и олимпиадной деятельности.

Действительно уникальным, даже скорее необычным, выглядит акцентирование внимания на встречах с комиссиями по ЕГЭ и приемными комиссиями вузов.

Проекты довузовской подготовки могут использовать уникальные элементы как точки роста, заменяя другие составляющие ценностного предложения. Например, сертификат об окончании

¹³ Составлено авторами на основе анализа предложений проектов довузовской подготовки.

курса подготовки имеет ценность для поступающего только в случае получения дополнительных баллов за него. Вместе с тем проекты довузовской подготовки концентрируют на нем большое внимание, что не выглядит оптимальной стратегией.

В ходе анализа элементов контент-маркетинга (общая медиана новизны составляет 91,89%) выявлено, что в большинстве случаев проекты довузовской подготовки не имели бесплатного контента, который бы привлекал к ним целевую аудиторию и знакомил ее с образовательным продуктом, тем самым увеличивая конверсию в его покупку (Рисунок 9).

Рисунок 9. Новизна элементов в категории «контент-маркетинг»¹⁴

Анализ показал, что стандартом в этом компоненте можно считать отсутствие какого-либо контента. Можно также отметить достаточную фрагментированность практики применения контента, что следует из высокой степени новизны у множества элементов списка.

Из всех элементов в компоненте «контент» выделяются следующие виды:

- новости проекта — различные новости факультета или вуза, связанные также с проектом довузовской подготовки, через которые идет информирование учащихся о возможных конкурсах, выставках, ДВИ и иных форматах образовательной и профориентационной работы вуза или проекта;
- презентация проекта и ознакомительные видео, рассказывающие и показывающие заинтересованным пользователям, как проходит образовательный процесс в проекте, что помогает снизить степень сомнений будущего клиента по поводу покупки;
- программы курсов — размещение полного описания курса в виде специального файла, где обозначены цель, задачи и получаемые навыки.

Как уже отмечалось, одно из центральных мест в бизнес-модели коммерческих проектов (будь то вузовские проекты или независимые, включая стартапы) занимает модель монетизации. Среди рассмотренных 37 проектов довузовской подготовки, существующих в рамках вуза, при медиане новизны в 83,78% утвердился основной стандарт оплаты обучения — единовременная оплата (30 упоминаний, что свидетельствует о низком проценте новизны), при которой покупатель платит за курс один раз (Рисунок 10). Скорее всего, такая форма оплаты связана с юридическими особенностями приема платежей у вузов.

Смешанная модель (6 упоминаний и высокий процент новизны), допускающая как единовременную оплату, так и фактический формат подписки (рекуррентные платежи), встречается

¹⁴ Составлено авторами на основе анализа предложений проектов довузовской подготовки.

редко, что идет вразрез с практикой коммерческих проектов на рынке дополнительного школьного онлайн-образования: подписка позволяет легче прогнозировать денежные потоки, а также снижает финансовую нагрузку на клиента (оплата один раз в месяц проще, чем оплата за год).

Отмечен также уникальный проект, который не принимает оплаты от учащихся, при этом имеет развитую платформу: в данном случае можно говорить о намерении вуза увеличить процент заинтересовавшихся в поступлении будущих абитуриентов за счет удобного доступа к бесплатному контенту.

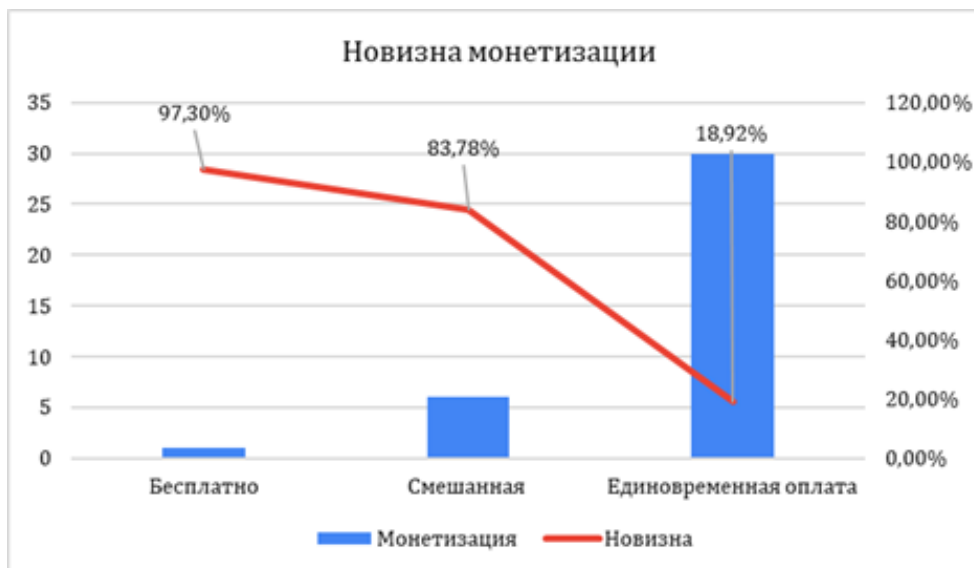

Рисунок 10. Новизна элементов в категории «монетизация»¹⁵

Заключение

Выявленные уникальные элементы структурных блоков бизнес-модели довузовского образования дают представление о возможностях ее трансформации — развитие систем привлечения клиентов, контент-маркетинга и других, обладающих признаками новизны, может повысить конкурентоспособность проектов.

Теоретический аспект данной работы заключается в предлагаемом подходе к оценке инновационности бизнес-моделей на основе отраслевого анализа инновационности рассматриваемых проектов, дающего возможность выявить как элементы бизнес-моделей, чаще всего встречающиеся в сфере довузовской подготовки, так и являющиеся инициативными, нестандартными и инновационными. Данная информация может помочь в исследовании инноваций и стратегического планирования в сфере дополнительного образования. Вместе с тем следует учитывать ограничения примененного отраслевого подхода к оценке инновационности элементов бизнес-модели, ориентирующегося на их частотность в бизнес-среде.

Прикладное значение работы состоит в выявлении элементов бизнес-моделей, обладающих признаками новизны, которые практики могут использовать в рамках дизайн-мышления для развития собственных проектов довузовской подготовки или иных образовательных форматов. Повысить верифицируемость полученных выводов можно с помощью оценки метрик проектов, тем самым выяснив их результативность.

Список литературы:

Болдырева Е.В., Чупандина Е.Е., Черникова А.С. Развитие довузовской работы фармацевтического факультета на основе изучения взаимосвязи результатов общеобразовательной подготовки абитуриентов и успеваемости студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2020. № 1. С. 34–41.

¹⁵ Составлено авторами на основе анализа предложений проектов довузовской подготовки.

Брюхова О.Ю., Старцева Н.Н. Организация профориентационной работы: анализ практик российских вузов // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9(89). С. 30–36. DOI: [10.24158/spp.2021.9.3](https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.3)

Бурнаева Е.М., Саломатова С.Н. Цифровая профориентация как необходимая реальность // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 1(47). С. 34–44. DOI: [10.25726/j5344-2121-8154-v](https://doi.org/10.25726/j5344-2121-8154-v)

Веселова Д.В., Игнатович С.С., Мелконян К.И. Организация проб как функция наставничества в процессе формирования профессионально важных качеств будущего врача на этапе довузовской подготовки // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5. № 2. С. 101–114. DOI: [10.17748/2686-9969-2022-5-2-101-114](https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-2-101-114)

Гаевская Д.Л. Опыт реализации дистанционного обучения слушателей на кафедре химии факультета довузовской подготовки // Организация, технологии и методологии непрерывного ориентированного образования в области математики и естественных наук на современном этапе. 2022. С. 51–55.

Гришкевич Т.В. Развитие доуниверситетской системы образования в условиях цифровой трансформации // Актуальные проблемы довузовской подготовки: материалы VI международной научно-методической конференции (Минск, 27 мая 2022 г.). Минск: БГМУ, 2022. С. 136–139.

Дударев А.Н. Довузовская подготовка в системе непрерывного образования от школы к университету (на материале биологии) // Збірник наукових прац Академії паслядыпломнай адукацыі. 2021. № 19. С. 169–180.

Казначеева С.Н., Быстрова Н.В., Уракова Е.А., Шарыгина Е.Н. Профориентационная деятельность вуза в условиях модернизации системы образования // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 31–34. DOI: [10.26140/knz4-2019-0802-0007](https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0802-0007)

Кубанцева Д.И. Клиповое мышление в контексте образовательного процесса // Проблемы современного образования. 2022. № 6. С. 70–79. DOI: [10.31862/2218-8711-2022-6-70-79](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-6-70-79)

Низовцев А.Ю. Довузовская математическая подготовка как фактор развития личности старшеклассников в условиях цифровой среды // Человеческий капитал. 2021. Т. 1. № 12(156). С. 260–269. DOI: [10.25629/НС.2021.12.34](https://doi.org/10.25629/НС.2021.12.34)

Олиндер М.В. Профориентационная работа со старшеклассником: проблемы и перспективы довузовской подготовки // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63–1. С. 218–221.

Прозорова Н.Г., Данович Л.М., Прозорова А.С. Перспектива развития профориентации в КубГТУ // Профнавигация молодежи: Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Краснодар, 24 апреля 2020 года). Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2020. С. 118–122.

Скибицкий Э.Г., Волохина В.П. Экспериментальная работа по проверке результативности применения комбинированной системы обучения в довузовской подготовке иностранных студентов // Непрерывное образование: XXI век. 2021. № 3(35). С. 58–69. DOI: [10.15393/j5.art.2021.7048](https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7048)

Foss N., Saebi T. Fifteen Years of Research on Business Model Innovation: How Far Have We Come, and Where Should We Go? // Journal of Management. 2016. Vol. 43. Is. 1. P. 200–227. DOI: [10.1177/0149206316675927](https://doi.org/10.1177/0149206316675927)

References:

Boldyreva E.V., Chupandina E.E., Chernikova A.S. (2020) Development of the Pre-University Work with Applicants of Pharmaceutical Faculty Based on the Study of the Interdependence of Results of the General Education of Applicants and Accession of Students. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*. No. 1. P. 34–41.

Bryukhova O.Yu., Startseva N.N. (2021) Organizing Careers Guidance: An Analysis of Practices at Russian Universities. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. No. 9(89). P. 30–36. DOI: [10.24158/spp.2021.9.3](https://doi.org/10.24158/spp.2021.9.3)

Burnayeva E.M., Salomatova S.N. (2022) Digital Career Guidance as a Necessary Reality. *Upravleniye obrazovaniyem: teoriya i praktika*. No. 1(47). P. 34–44. DOI: [10.25726/j5344-2121-8154-v](https://doi.org/10.25726/j5344-2121-8154-v)

Foss N., Saebi T. (2016) Fifteen Years of Research on Business Model Innovation: How Far Have We Come, and Where Should We Go? *Journal of Management*. Vol. 43. No. 1. P. 200–227. DOI: [10.1177/0149206316675927](https://doi.org/10.1177/0149206316675927)

Gayevskaya D.L. (2022) Opyt realizatsii distantsionnogo obucheniya slushateley na kafedre khimii fakul'teta dovuzovskoy podgotovki [The experience of implementing distance learning for students at the department of chemistry of the faculty of pre-university training]. *Organizatsiya, tekhnologii i metodologii nepreryvnogo oriyentirovannogo obrazovaniya v oblasti matematiki i estestvennykh nauk na sovremennom etape*. P. 51–55.

Grishkevich T.V. (2022) Development of the Pre-University Education System in the Context of Digital Transformation. *Aktual'nyye problemy dovuzovskoy podgotovki: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* (Minsk, May 27, 2022). Minsk: BGMU. P. 136–139.

Dudarev A.N. (2021) Pre-University Training in the System of Lifelong Education from School to University (on the Material of Biology). *Zbornik navukovykh prats Akad'emii paslyadyplomnay adukatsyi*. No. 19. P. 169–180.

Kaznacheeva S.N., Bystrova N.V., Urakova E.A., Sharygina E.N. (2019) The Professional Activity of a University in the Conditions of Modernization of the Education System. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal*. Vol. 8. No. 2(27). P. 31–34. DOI: [10.26140/knz4-2019-0802-0007](https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0802-0007)

Kubantseva D.I. (2022) Clip Way of Thinking in the Context of Learning Process. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. No. 6. P. 70–79. DOI: [10.31862/2218-8711-2022-6-70-79](https://doi.org/10.31862/2218-8711-2022-6-70-79)

Nizovtsev A.Yu. (2021) Pre-University Mathematical Training as a Factor in the Development of the Personality of High School Students in the Digital Environment. *Chelovecheskiy kapital*. 2021. Vol. 1. No. 12(156). P. 260–269. DOI: [10.25629/HC.2021.12.34](https://doi.org/10.25629/HC.2021.12.34)

Olinder M.V. (2019) Vocational Guidance Work with a High School Student: Problems and Prospects for Pre-University Training. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. No. 63–1. P. 218–221.

Prozorova N.G., Danovich L.M., Prozorova A.S. (2020) Perspektiva razvitiya proforiyentatsii v KubGTU [The prospect of career guidance development in KubSTU]. *Profnavigatsiya molodezhi: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Krasnodar, April 24, 2020). Krasnodar: Kuban State Technological University. P. 118–122.

Skibitsky E.G., Volokhina V.P. (2021) Experimental Work to Verify the Effectiveness of Application of the Blended Learning in the Pre-University Tutorial of Foreign Students. *Nepreryvnoye obrazovaniye: XXI vek*. No. 3(35). P. 58–69. DOI: [10.15393/j5.art.2021.7048](https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7048)

Veselova D.V., Ignatovich S.S., Melkonyan K.I. (2022) Test Organization as a Mentoring Function in the Process of Forming Professionally Important Qualities of a Future Doctor at the Stage of Pre-University Training. *Pedagogika: istoriya, perspektivy*. Vol. 5. No. 2. P. 101–114. DOI: [10.17748/2686-9969-2022-5-2-101-114](https://doi.org/10.17748/2686-9969-2022-5-2-101-114)

Дата поступления/Received: 05.12.2023

Концепция «умной специализации» для инновационного развития регионов России

Орлова Любовь Николаевна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [5071-9120](https://orcid.org/5071-9120), ORCID: [0009-0009-5354-0047](https://orcid.org/0009-0009-5354-0047), L.orlova@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Янь Мин Цзе

Соискатель, milan7777@rambler.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Высокие темпы социально-экономического развития должны выражаться в росте качества и комфортности жизни населения, повышении уровня конкурентоспособности страны на мировом рынке. Данная тенденция зависит от способности регионов правильно определить приоритеты развития и максимально направить усилия на реализацию тех сфер деятельности, которые наилучшим образом отражают специализацию и характеризуют уникальную региональную идентичность. Возникает необходимость выбора тех сфер экономической деятельности региона, которые являются стратегически приоритетными, а также для их реализации имеются все необходимые ресурсы (материальные, интеллектуальные, временные, имиджевые и т.п.). Для обеспечения экономического роста регионов за счет реализации инновационного потенциала учет этих особенностей наиболее полно возможен при реализации концепции «умной специализации», в общем виде предполагающей выбор релевантных направлений инновационного развития. Цель исследования разработка теоретико-методических положений и практических инструментов реализации концепции «умной специализации» для обеспечения устойчивости инновационного развития регионов. Объект исследования — регионы России, граничащие с Китаем, как сложные социально-экономические системы, реализующие политику инновационного развития, направленную на формирование собственных конкурентных преимуществ. В качестве основных методов в исследовании использовались: 1) методы логического анализа научной литературы и выявление причинно-следственных взаимосвязей, на основе которых были сформулированы определения и основные положения инновационной политики и «умной специализации» региона; 2) методы экономического анализа для изучения ситуации в регионах; 3) SWOT-анализ и метод нечетких множеств для обоснования направлений реализации «умной специализации» в регионах России. В качестве научных результатов в исследовании применительно к регионам России представлены механизмы управления инновационной деятельностью с учетом концепта «умной специализации», направленные на повышение инновационной активности и формирование уникальных конкурентных преимуществ.

Ключевые слова

Региональная политика, региональная инновационная система, «умная специализация», конкурентные преимущества региона, инновационный потенциал региона, управление развитием региона.

Для цитирования

Орлова Л.Н., Янь М.Ц. Концепция «умной специализации» для инновационного развития регионов России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 37–53. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-37-53

“Smart Specialization” Concept for Innovative Development of Russian Regions

Liubov N. Orlova

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0009-0009-5354-0047](https://orcid.org/0009-0009-5354-0047), L.orlova@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Yan Ming Jie

PhD applicant, milan7777@rambler.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The growth of the quality and standard of living of the population show and confirm the high level of socio-economic development and country's competitiveness in the world. This trend depends on the regions ability to identify development priorities. They also determine efforts to implement those activity areas that most reflect and characterize a unique regional identity. It becomes necessary to select those areas of economic activity of the region that are strategically priority, and for their implementation there are all the necessary resources (material, intellectual, temporary, image, etc.). The “smart specialization” concept ensures the economic growth of the region's economy through the realization of innovative potential. In general, “smart specialization” involves the choice of relevant areas of innovative development. The aim of the study is to develop theoretical ideas and practical tools for implementing “smart specialization” concept. The object of the study is the regions of Russia as complex socio-economic systems that implement an innovative development policy aimed at creating their own competitive advantages. The main methods in the study were: 1) methods of logical analysis of the scientific literature and identification of cause and effect relationships, on the basis of which the definitions and main provisions of innovative policies and “smart specialization” of the region were formulated; 2) economic analysis for studying the economic situation in the regions; 3) SWOT analysis and the method of fuzzy sets to justify

the implementation of “smart specialization” in the regions of the Russian Far East. As scientific results of the study in relation to the regions of the Far East, mechanisms for managing innovation activities are presented, taking into account the concept of “smart specialization”, aimed at increasing innovation activity and creating unique competitive advantages.

Keywords

Regional policy, regional innovation system, “smart specialization”, competitive advantages of the region, innovative potential of the region, regional development management.

For citation

Orlova L.N., Yan M. J.(2024) “Smart Specialization” Concept for Innovative Development of Russian Regions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 37–53. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-37-53

Введение

Стремление России перейти к новому этапу общественно-экономического развития происходит в условиях становления регионализации экономики, роста самостоятельности регионов и утверждения их как относительно независимых субъектов хозяйствования, имеющих свои полномочия и обязанности. Российская экономика на протяжении долгого периода времени сталкивается с определенными вызовами и угрозами развития, преодоление которых за счет инноваций является важным условием обеспечения ее устойчивости. Экономический рост национальной экономики качественно может быть обеспечен только за счет экономического роста на региональном уровне. Развитие любой экономической системы имеет целью обеспечение ее стабильного и эффективного функционирования в долгосрочной перспективе. Когда речь идет о развитии национальных экономик, то такими долгосрочными перспективами выступают качество жизни населения, экономический рост и макроэкономическая стабильность. Однако современные условия развития экономики и общества характеризуются высокой степенью турбулентности и неопределенности, увеличивающимися темпами изменений, мобильностью ресурсов, нелинейностью возникающих социально-экономических явлений и процессов. Экономический рост национальной экономики может быть обеспечен только за счет качественного и количественного экономического роста на региональном уровне, что, в свою очередь, требует учета региональных особенностей, межрегиональной социально-экономической дифференциации [Гранберг 2004].

Для обеспечения экономического роста регионов за счет реализации инновационного потенциала учет этих особенностей наиболее полно возможен при реализации концепции «умной специализации», в общем виде предполагающей выбор приоритетных направлений инновационного развития. Однако основной проблемой экономического развития регионов является то, что существующие стратегии достаточно формально определяют приоритеты инновационного развития и не отличаются региональной уникальностью.

Поэтому целью исследования является разработка теоретико-методических положений и практических инструментов реализации концепции «умной специализации» для обеспечения устойчивости инновационного развития регионов. В контексте поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) обобщить теоретические подходы к инновационному развитию регионов; 2) разработать механизм управления инновационной деятельностью региона на основе концепции «умной специализации»; 3) разработать направления моделирования устойчивости инновационного развития и реализации концепции «умной специализации» регионов.

В качестве объекта исследования выбраны регионы России, граничащие с Китаем, как сложные социально-экономические системы, реализующие политику инновационного развития, направленную на формирование собственных конкурентных преимуществ. Выбор регионов России, граничащих с Китаем, в качестве объектов для анализа и обоснования направлений реализации «умной специализации» обусловлен следующими факторами. Во-первых, на развитие регионов, имеющих границы с другими государствами, оказывает влияние не только экономическая политика

собственного государства, но и экономическая политика другой страны. Это обусловлено, как правило, более широким экономическим сотрудничеством (например, реализацией совместных проектов, более широким представительством на территории региона предприятий другой страны), развитием торговых отношений, этнокультурными связями. Во-вторых, ориентация российской экономики на сотрудничество со странами азиатского региона требует более форсированного инновационного развития регионов России, развития собственных конкурентных преимуществ.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу представленного исследования составляют научные концепции и теории в области развития регионов как социально-экономических систем, реализации инновационной политики на региональном уровне и обеспечения устойчивости такого развития на основе концепции «умной специализации». Основные направления развития теоретических положений о становлении регионов как социально-экономических систем представлены в трудах многих авторов (А.Г. Гранберг, Е.М. Бухвальд, О.В. Буреш, Н.Ю. Сорокина, К.В. Названова, П.Н. Захаров и др.). Регион рассматривается как сложная социально-экономическая система, обладающая такими признаками, как целостность, наличие цели, наличие более крупной внешней среды и внутренней среды системы, а также возможностью деления на составляющие элементы (подсистемы) [Названова, Захаров 2015]. Главной отличительной чертой региона как социально-экономической системы является управляемость. Управление регионом можно рассматривать как воздействие на подсистемы и их взаимосвязи посредством структурной перестройки экономики региона, основанной, в свою очередь, на диагностике экономического положения региона и прогнозировании развития [Буреш 2016]. Прогнозирование регионального развития — это «предвидение социально-экономической ситуации в регионе на перспективу с учетом существующих показателей, динамики их изменений и возможных “возмущающих” воздействий» [Там же, 25].

Диагностика предполагает определение текущего состояния, а также перспектив развития регионов. Для диагностики и прогнозирования регионального развития выделяют ряд подходов и признаков, по которым можно классифицировать регионы. Наиболее общими подходами к классификации регионов являются административно-территориальное деление, общее экономическое районирование, проблемное районирование, результаты, факторы и рейтинг социально-экономического развития, [Сорокина 2016]. Необходимо отметить, что каждый регион обладает набором общих и специфических проблем развития, территориальными, историческими, этническими и другими особенностями, что определяет степень его социально-экономической дифференциации [Гранберг 2004] и требует отражения при формировании и реализации региональной политики [Бухвальд 2021].

Современная региональная политика должна отражать как общенациональные приоритеты, так и общеэкономические и технологические тенденции. Реализация технологических тенденций осуществляется в рамках политики инновационного развития. Проблематика инновационного развития регионов является лейтмотивом многих исследований, начиная с классических теорий инноваций и заканчивая современными концепциями, например концепциями устойчивого развития, экономики, основанной на знаниях, «умной специализации» и т. д. Неравномерность научно-технического прогресса и накопление капитала приводит к периодичности развития экономики, каждый из циклов развития экономики имеет в основе соответствующие технологические революции и соответствующий срок внедрения их результатов [Кондратьев 2002]. Большие циклы вызывают процесс нововведений, а предприниматели склонны к внедрению технологических или организационных новаций, что приводит к перестройке структуры экономики с помощью инноваций

[Schumpeter 1983]. Инновации могут оказывать прорывной и подрывной эффект, определяя тем самым траекторию и формируя определенные этапы развития [Christensen, Raynor 2003]. Современные исследования делают существенный акцент на особенности инновационного развития территорий, определяя специфику формирования и реализации инноваций, инновационной политики разных регионов [Breznitz 2023; Creating Economic Space for Social Innovation 2020], объясняют, почему разные страны и регионы развиваются по-разному и как обеспечить качественный экономический рост экономики региона за счет инноваций [Taylor 2016; Grillitsch, Trippl 2018].

Для решения задач представленного исследования также были выделены работы российских, китайских, европейских исследователей, посвященные развитию теорий устойчивого инновационного развития (Л.Н. Орлова, А.С. Воронов, П.А. Левчаев), определению специфики регионального развития (И.Н. Молчанов, Гэ Синьжун, Мэн Гэнцан, Са Рула), развитию концепции «умной специализации» (М. Арангурен, Э. Магро, М. Наварро и Дж. Уилсон, Е. Куценко, Е. Исланкина, А. Киндрась, Ю.В. Лыщикова и др.).

К настоящему времени широкое распространение получила концепция устойчивого развития, определяющая 19 целей ООН в области экологии, повышения качества жизни, социальной сферы и правосудия. В более ранних работах мы выделяли некоторые разночтения в части понимания вошедшего в экономический оборот термина «устойчивое развитие» и термина «устойчивое инновационное развитие», а также определяли особенности этих дефиниций [Орлова 2016; Шкарина, Янь Мин Цзе 2022] через соотношение таких понятий, как «конкурентоспособность», «инновационность» и «устойчивое развитие». Высокий уровень конкурентоспособности и поддержание устойчивости национальной экономики могут быть достигнуты только через реализацию инноваций и инновационного потенциала [Орлова 2016; Шкарина, Янь Мин Цзе 2022]. Однако для устранения разночтений целесообразно говорить об устойчивости инновационного развития. В работе А.С. Воронова представлено определение инновационной устойчивости региона, под которым понимается «состояние социально-экономической системы, характеризующееся способностью реализовывать на постоянной основе инновации, обеспечивающие равномерный рост показателей развития территорий» [Воронов 2022, 37]. По сути, инновационные процессы и инновационную политику можно рассматривать как процессы прикладного характера, направленные на качественные изменения региона как объекта управления и его развития в долгосрочной перспективе [Левчаев 2018].

Стратегически важными для экономики являются регионы Сибири и Дальнего Востока. Особенностью их развития является концентрация производственной деятельности в крупных агломерациях, сохранение нерегулируемых внешних и внутренних миграционных потоков [Молчанов 2022], истощение человеческого капитала. Поэтому экономический рост этих регионов возможен только за счет инноваций и развития собственных конкурентных преимуществ, что предполагает концепция «умной специализации», интегрирующая промышленную, образовательную и инновационную политики. Реализация инновационного потенциала и конкурентных преимуществ представляется возможным в том числе через развитие экономического сотрудничества с другими странами, в частности Китаем и Монголией [葛新蓉 2017; 孟根仓 · 萨如拉 2022].

Существует несколько подходов к содержательному понятию «умная специализация», каждый из которых наделен не столько теоретическим, сколько прикладным происхождением. Определение данного понятия осуществлено, по сути, на институциональном уровне с целью обоснования тех мер, которые должны быть внедрены для реализации соответствующего инструментария на региональном и национальном уровне. Можно выделить следующие

трактовки «умной специализации»: 1) «концепция инновационной политики, направленная на стимулирование региональных инноваций, способствующая росту и процветанию, позволяющая регионам сосредоточиться на своих сильных сторонах»¹; 2) «инновационный подход, имеющей целью стимулирование экономического роста и создание рабочих мест путем предоставления возможностей каждому региону определить и развить собственные конкурентные преимущества»². В последние годы концепция «умной специализации» приобретает более прикладную направленность и становится предметно специализированной. В частности, экономисты исследуют процессы управления территориальным предпринимательством в контексте распространения «умной специализации» в регионах мира [Aranguren et al. 2019]; рассматривают преимущества рекомбинации специализированных инноваций, достижение которых становится возможным с помощью реализации «Региональной стратегии исследований и инноваций для “умной специализации”» (Regional Strategy for Research and Innovation for Smart Specialisation (RIS3)) [Cooke 2015]; определяют особенности практического внедрения, сложности и последствия, сопровождающие процессы внедрения «умной специализации» в разных регионах мира [Kroll 2015; Sotarauta 2015]; исследуется также роль университетов в региональных инновационных экосистемах в пределах «умной специализации» [Markkula, Kune 2015]; определяется влияние «умной специализации» на региональную экономическую устойчивость [Morgan 2015]. По сути, концепция «умной специализации» представляет собой «набор правил по выбору приоритетов в рамках стратегии инновационного развития» [Kutsenko et al. 2018, 26]. В ряде стран «умная специализация» используется для повышения инвестиционной привлекательности регионов и получения ими субсидий правительства и фондов. Постепенно «умная специализация» становится и частью инновационной политики регионов России, реализуя принцип импакт-инвестирования в развитие регионов и решение экологических, экономических и социальных проблем с участием всех заинтересованных лиц [Лыщикова 2021].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что «умную специализацию» в сфере регионального управления можно представить в качестве концепции перспективной инновационной политики региона, направленной на стимулирование региональных инноваций с одновременным сосредоточением местных органов власти на сильных сторонах и преимуществах территории, с перспективой социально-экономического роста.

Результаты исследования

Как было отмечено, при реализации региональной политики устойчивого инновационного развития «умную специализацию» можно представить в качестве концепции перспективного развития, направлено на стимулирование региональных инноваций с перспективой социально-экономического роста. Ключевые принципы реализации «умной специализации» в регионе с конкретизацией сущности, особенностей и фокуса внимания представлены в Таблице 1.

¹ Definition of the day: Smart Specialisation Strategy // Marie Curie Alumni [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mariecuriealumni.eu/newsletters/3rd-mcaa-newsletter/definition-day-smart-specialisation-strategy> (дата обращения 20.09.2023).

² What is smart specialisation? // Smart Specialisation Platform. European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/what-we-do#:~:text=Smart%20specialisation%20is%20a%20place%2Dbased%20approach%2C%20meaning%20that%20it,to%20make%20choices%20for%20investment> (дата обращения 20.09.2023)

Таблица 1. Ключевые принципы реализации «умной специализации» в регионе³

Принцип	Сущность и особенности	Фокус внимания
Умное использование ресурсного потенциала конкретного места, территории	«Умная специализация» основывается на имеющихся в распоряжении региона активах, технологиях и ресурсах, которые должны максимально полезно использоваться для решения конкретных социально-экономических проблем региона. Данная тенденция может послужить толчком к созданию и реализации уникальных возможностей для развития и роста региональной экономики.	Необходимо определить сильные и слабые стороны, преимущества и проблемные аспекты региона, на основе которых формулируется портфель направлений роста экономики, реализация которых обеспечит решение основных социальных и экономических проблем.
Стратегический подход к выбору направлений инвестирования и концентрация на регионе	Сосредоточение управленческого и инвестиционного внимания на реальных и потенциальных конкурентных преимуществах региона.	Должны быть выделены направления роста экономики, которые обладают высоким инновационным потенциалом и инвестиционными возможностями.
Вовлеченность стейкхолдеров до принятия стратегических решений	Процесс принятия решений по выбору направления инвестирования должен обеспечивать интересы всех заинтересованных сторон, а ключевым критерием здесь должны стать инновации.	Все решения должны приниматься коллегиально, что обеспечит заинтересованность и ответственность каждой вовлеченной стороны.
Расширенный формат инноваций	Стратегия должна одновременно основываться на введении всех без исключения видов инноваций — от технико-технологических до социальных.	Достижение ожидаемых результатов от «умной специализации» будет возможным лишь при условии инновационного развития всех составляющих региональной экономики в ключевом виде деятельности.
Эффективная система мониторинга, нацеленная на результат	«Умная специализация» должна основываться на эффективной системе мониторинга достигнутых результатов и своевременном выявлении отклонений от утвержденного плана, что позволит делать корректировки и вносить необходимые изменения в стратегию.	Процедуры «умной специализации» должны основываться на непрерывной оценке, анализе и понимании целесообразности принятия корректирующих решений по результатам выбранной стратегии.

Анализ имеющихся теоретических подходов и накопленного развитыми странами практического опыта реализации проектов «умной специализации» позволил в общем виде выделить три основных этапа реализации этой концепции на уровне региона: обоснованный выбор перспективной сферы и вида экономической деятельности региона; разработка и реализация стратегии и концепции инновационного развития перспективной сферы деятельности региона; мониторинг результатов реализации «умной специализации» региона (Рисунок 1).

³ Составлено авторами.

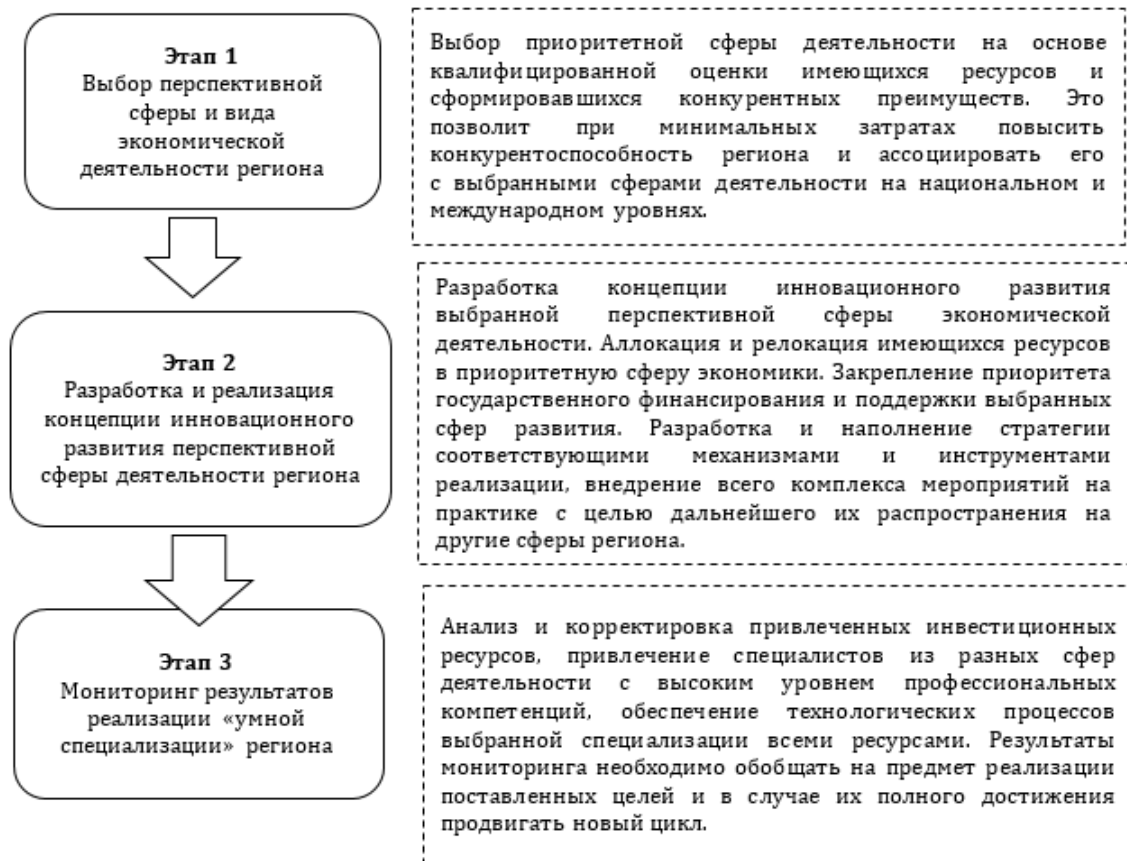

Рисунок 1. Этапы реализации концепции «умной специализации» на уровне региона⁴

Обозначенная последовательность реализации процедур «умной специализации» на уровне региона имеет циклический характер. В частности, как только на этапе 3 будет доказана полная реализация поставленных в начале внедрения проектов «умной специализации» целей (этап 2), должен произойти переход к этапу 1, на котором необходимо будет выбрать новый перспективный на тот момент времени вид экономической деятельности для региона, толчком для развития которого стали уже непосредственно реализованные проекты «умной специализации».

При разработке концепции «умной специализации» региона необходимо провести детальную профессиональную оценку всех без исключения составляющих инновационного роста экономики региона с привлечением профессиональных представителей и экспертов от всех групп заинтересованных лиц. Особое внимание при этом следует уделить образовательной и научной сферам, установить имеющийся уровень их инновационности и прогрессивности, потенциал для инновационного роста, определить их соответствие выбранному направлению реализации «умной специализации» региона и установить потенциальные возможности для инновационного роста, мобильности и гибкости в соответствии с оперативными задачами и потребностями стратегии «умной специализации».

Учитывая, что региональная инновационная политика направлена на решение комплекса взаимозависимых проблем и задач, ее необходимо рассматривать как целостную систему инструментов, научно-методических подходов и принципов, в основу которых заложено устойчивое инновационное развитие региона в целом и интегрирован подход к определению перспективных сфер экономической деятельности на основе «умной специализации» (Рисунок 2).

⁴ Составлено авторами.

Первый блок механизма объединяет определение целей, задач и стратегии осуществления инновационной деятельности региона. Второй блок — блок анализа инновационной деятельности — предусматривает оценку инновационного потенциала региона и предприятий, результатов их инновационной деятельности (ИД) и оценку соответствия результатов и потенциала. В соответствии с определенными целями, задачами, выбранной стратегией и проведенным анализом инновационного потенциала и результатом ИД осуществляется планирование управления инновационной деятельностью региона (ИДР) (блок 3). Блок 4 предусматривает оценку эффективности осуществления инновационной деятельности органами регионального управления путем решения следующих задач: оценки эффективности инновационных проектов, которые финансируются; оценки экономической эффективности инновационной деятельности региона и оценки эффекта от инновационной активности предприятий. Блок 5 обеспечивает решение задачи принятия решений по управлению инновационной деятельностью региона. На основе сложившегося множества управленческих воздействий (блок 3) и их прогнозных оценок (блок 4) осуществляется имитация управления и формируются возможные сценарии управления. Блок 6 механизма предусматривает решение задач контроля за результатами реализации инновационной политики и регулирования инновационной деятельности региона.

Рисунок 2. Механизм управления инновационной деятельностью региона с учетом концепции «умной специализации»⁵

⁵ Составлено авторами.

Для развития инновационной политики регионов с учетом «умной специализации» и создания региональных конкурентных преимуществ авторами была разработана управленческая матрица моделирования перспектив устойчивого инновационного развития. Матрица состоит из 4 основных блоков, при реализации каждого из которых необходимо учитывать определенные требования и особенности регионального хозяйствования, привлекать наиболее влиятельные группы заинтересованных лиц для выбранного направления «умной специализации», активизировать релевантные рычаги регионального управления, создавать и внедрять проекты инновационного роста выбранного направления «умной специализации» региона (Таблица 2).

Таблица 2. Управленческая матрица моделирования устойчивого инновационного развития и реализации «умной специализации» региона⁶

1. Обоснование перспективного вида деятельности для региона, который будет выбран в качестве направления «умной специализации»		
1.1. Количественная оценка видов экономической деятельности региона, которые будут выбраны в качестве направлений «умной специализации» (коэффициенты локализации)		
1.2. Количественная оценка инновационного потенциала направлений «умной специализации»		
<p><i>Образовательная компонента</i></p> <p>Степень прогрессивности образовательных программ вузов региона по направлению «умной специализации».</p> <p>Годовая потенциальная способность вузов региона к подготовке профессиональных кадров по направлению.</p> <p>Способность и подготовленность выпускников вузов по направлению к инновационному труду.</p> <p>Заинтересованность выпускников в труде в регионе по полученной специальности на длительное время.</p>	<p><i>Научная компонента</i></p> <p>Наличие исследований прикладного и фундаментального характера по направлению.</p> <p>Степень прогрессивности и инновационности исследований в регионе по направлению.</p> <p>Уровень коммерциализации результатов исследований ученых региона по направлению.</p> <p>Объемы финансирования исследований по направлению и количество результативных ученых.</p>	<p><i>Инновационная компонента деловой среды</i></p> <p>Уровень использования информационных технологий субъектами хозяйствования напрямую.</p> <p>Объемы средств, направленных на проведение научных исследований по направлению.</p> <p>Уровень обеспечения и развития человеческого капитала у субъектов хозяйствования.</p> <p>Уровень инновационности управленческих решений, технологий и продуктов по направлению.</p>
1.3. Качественная оценка инновационного потенциала направлений «умной специализации» с применением инструментов нечеткой логики (кластерный анализ, SWOT-анализ, форсайт-анализ)		
2. Разработка и реализация стратегии «умной специализации» региона		
2.1. Формирование стратегических альтернатив инновационного развития (1) и выбор эффективной стратегии «умной специализации» (2):		
$ss_{in}^j \in S_{in}^j \Rightarrow p_n^j \in P_n \quad (1),$ $\sum_i U (ss_{in}^j \times \beta \rightarrow \max \quad (2),$		
<p>где ss_{in}^j — стратегия «умной специализации» i в регионе n в соответствии с региональной инновационной политикой по сценарию j; S_{in}^j — множество стратегий социально-экономического развития региона n, включающих направления «умной специализации» в соответствии с региональной инновационной политикой по сценарию j; p_n^j — сценарий j политики инновационного развития региона n; P_n — множество возможных сценариев реализации региональной инновационной политики; ϵ — математический знак принадлежности к множеству; Uss_{in}^j — интегральный социально-экономический эффект реализации стратегии «умной специализации» i по сценарию j политики инновационного развития в регионе n. α — коэффициент булевского типа, который равняется 1, если выбрана стратегия i, во всех остальных случаях — 0.</p>		
2.2. Создание благоприятных условий для реализации проектов «умной специализации» по выбранному направлению в регионе		
<p><i>Федеральный уровень</i></p> <p>Введение программ государственной поддержки избранных направлений «умной специализации» в регионах страны.</p> <p>Государственное финансирование инновационно перспективных научно-исследовательских работ по направлению «умная специализация».</p> <p>Налоговое урегулирование и снятие регуляторных барьеров.</p> <p>Привлечение иностранных инвесторов.</p>	<p><i>Региональный уровень</i></p> <p>Разработка программ и проектов по аккумулированию инвестиций и ресурсов региона с целью направления их на инновационный рост развития.</p> <p>Координация и диалог между образовательно-научными и бизнес-структурами по направлениям с целью предотвращения кадрового дефицита и активизации инновационной деятельности.</p> <p>Организационная поддержка по привлечению высококомпетентных специалистов из разных сфер деятельности к направлению с целью его инновационного роста.</p>	

⁶ Составлено авторами.

3. Реализация проектов «умной специализации» региона с целью повышения уровня его конкурентных позиций		
<p>Субъекты хозяйствования направления</p> <p>Внедрение инновационных технологий использования ресурсов, персонала, средств.</p> <p>Оптимизация производственных затрат.</p> <p>Внедрение информационных технологий.</p> <p>Создание подразделений в НИОКР.</p> <p>Непрерывное развитие навыков и компетенций персонала.</p> <p>Сотрудничество с научными и образовательными учреждениями.</p>	<p>Высшие учебные заведения</p> <p>Открытие образовательных программ по направлению и увеличение количества студентов.</p> <p>Широкое внедрение новейших информационных технологий в образовательный процесс.</p> <p>Внедрение проектов дуального образования.</p> <p>Усиление научной и инновационной составляющих в образовательном процессе.</p>	<p>Научные учреждения</p> <p>Проведение исследований по темам, актуальным для развития направления.</p> <p>Высокий уровень инновационности и перспективности исследований.</p> <p>Тесное сотрудничество с субъектами хозяйствования региона по направлению.</p> <p>Использование информационных систем.</p>
4. Распространение положительных результатов и приобретенного опыта на другие инновационно перспективные направления региона		

Принятие регионами концепции «умной специализации» является проявлением их сознательного перехода на стратегию выборочного или точечного разумного инвестирования в активный инновационный рост тех сфер экономической деятельности, которые имеют наивысший инновационный потенциал и способны принести региону наибольшую социально-экономическую, экологическую и демографическую пользу в кратчайший срок.

Выводы и рекомендации

Для практической реализации представленных положений были проанализированы стратегии развития ряда регионов Российской Федерации и разработаны направления реализации инновационной политики на принципах «умной специализации». В рамках данного исследования была проведена оценка стратегий развития регионов в пределах экономико-географических районов России, граничащих с Китайской Народной Республикой (КНР) — Республика Алтай, Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край.

Для данных регионов был рассчитан коэффициент специализации производств, характеризующий уровень развития различных отраслей региона и их значимость для экономики региона (Таблица 3).

Таблица 3. Коэффициент локализации производства регионов⁷

Коэффициент локализации (К1)	Сельское, лесное, рыбное хозяйство			Добыча полезных ископаемых			Обрабатывающие производства			Обеспечение электроэнергией		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Забайкальский край	1,07	0,81	0,78	1,31	2,50	2,09	0,17	0,13	0,12	1,38	1,14	1,12
Приморский край	1,95	1,91	2,27	0,07	0,10	0,07	0,56	0,43	0,44	0,76	0,79	0,92
Хабаровский край	1,38	1,51	1,51	0,44	0,74	0,58	0,56	0,59	0,65	0,93	0,89	0,96
Амурская область	1,02	1,04	1,31	0,87	1,47	1,01	0,20	0,19	0,20	1,66	1,75	1,68
Еврейская автономная область	0,76	0,70	0,82	0,84	1,33	1,65	0,20	0,23	0,24	1,17	1,21	1,40
Республика Алтай	2,43	2,32	2,56	0,07	0,08	0,06	0,15	0,12	0,13	1,21	1,07	1,24
Коэффициент локализации (К1)	Строительство			Торговля			Транспортировка и хранение			Гостиничная деятельность и общественное питание		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Забайкальский край	0,84	1,07	1,25	0,60	0,56	0,51	2,41	1,96	2,14	1,20	1,13	1,00
Приморский край	0,80	0,72	0,78	1,13	1,13	1,12	2,46	2,73	2,88	1,40	0,88	1,22

⁷ Рассчитано авторами по: Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 19.10.2023).

Хабаровский край	1,02	1,12	1,12	1,06	0,99	0,91	2,35	2,23	2,55	1,20	1,25	1,22
Амурская область	2,96	2,77	3,76	0,71	0,63	0,62	1,59	1,44	1,48	0,80	1,25	1,00
Еврейская автономная область	1,62	1,49	1,33	0,56	0,43	0,38	2,35	2,53	2,31	0,80	0,63	0,56
Республика Алтай	1,69	1,40	1,33	0,92	0,98	1,04	0,66	0,51	0,71	1,80	2,38	3,56

Коэффициент локализации выше 1 характеризует высокий уровень концентрации и значимости отрасли для регионального развития. Перспективные направления экономической деятельности региона выделены в таблице цветом. Количественная оценка уровня специализации региона была дополнена качественным анализом более конкретных возможных направлений «умной специализации». В свою очередь, в качестве направлений уже «умной специализации» также были выделены «зеленые» технологии (Таблица 4).

Таблица 4. Оценка степени инновационности и инновационной активности регионов на основе SWOT-анализа соответствующих стратегий развития⁸

Регион	Возможные сферы «Умной специализации» (УС) и развития «зеленых» технологий (ЗТ)	Сильные стороны	Слабые стороны
Республика Алтай	УС: Туризм и рекреация; фармацевтика и биотехнологии. ЗТ: Транспортные кластеры, внешняя торговля.	Наличие трудовых ресурсов.	Низкий уровень инновационной и инвестиционной активности субъектов хозяйственной деятельности.
Амурская область	УС: Дорожно-транспортная логистика; туризм и рекреация; фармацевтика и биотехнологии. ЗТ: —	Достаточная научно-исследовательская база исследований для отрасли сельского хозяйства. Развита транспортно-логистический кластер.	Отрицательная динамика результатов научной деятельности и их внедрение в практику хозяйствования.
Забайкальский край	УС: Горнодобывающая промышленность; нефтегазохимия; туризм и рекреация; дорожно-транспортная логистика; информационные технологии. ЗТ: Минерально-сырьевые кластеры.	Наличие высокопрофессиональной исследовательской среды в сфере металлургии, агропромышленного комплекса.	Низкий уровень инновационной и инвестиционной активности субъектов хозяйственной деятельности. Низкий уровень сотрудничества науки и бизнеса
Приморский край	УС: Производство продуктов питания, в том числе рыбная отрасль; туризм и рекреация; судостроение и морской транспорт; информационные технологии. ЗТ: Судостроение и морской транспорт.	Развитая система образования, имеющий научный и кадровый потенциал. Наличие высокопрофессиональной исследовательской среды в сфере машиностроения, судостроения, нефтегазохимии, пищевых производств. Реализация научно-исследовательских программ и создание новейших разработок на судостроительных предприятиях.	Низкий уровень сотрудничества науки и бизнеса. Низкий уровень инноваций в производственной сфере и недостаточная цифровизация.

⁸ Составлено авторами по: Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 года // Законодательство России [Электронный ресурс]. URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&prevDoc=181031549&backlink=1&&nd=181165238> (дата обращения: 19.10.2023); Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/410804127> (дата обращения 19.10.2023); Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. // Инвестиционный портал Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <https://invest.primorsky.ru/files/guide/strategy/strategy2030.pdf> (дата обращения 19.10.2023); Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006?ysclid=le2d86dtqk572634090> (дата обращения 19.10.2023).

<p>Хабаровский край</p>	<p>УС: Горнодобывающая промышленность; судостроение и морской транспорт; строительный комплекс; информационные технологии; машиностроение; авиастроение; производство продуктов питания, в том числе рыбная отрасль; химическая промышленность. ЗТ: Горнодобывающий и промышленный кластер.</p>	<p>Наличие высокопрофессиональной исследовательской среды в сфере металлургии, машино- и авиастроения, лесной и перерабатывающей промышленности, высокая доля инновационно активных предприятий.</p>	<p>Низкий уровень сотрудничества науки и бизнеса; слабо развитая база для осуществления научной и исследовательской деятельности.</p>
--------------------------------	---	--	---

По результатам исследования можно сделать три основных вывода. Во-первых, ни в одном из исследованных регионов РФ стратегии развития не были направлены на поиск и реализацию «умной специализации», что стало одним из факторов торможения процессов экономической стабилизации и преодоления кризисных явлений на территориях. Во-вторых, начиная с 2021 г. регионы России признали актуальность и целесообразность основательного установления инновационной специфики своей деятельности и осуществили дальнейшую ориентацию на «умную специализацию» региональной экономики. Этот факт должен внушать оптимизм, однако, в-третьих, большинство регионов в своих Стратегиях развития на период до 2022–2030 гг. заложили исключительно декларативные тезисы о необходимости распространения принципов «умной специализации» (в некоторых случаях словосочетание «умная специализация» просто дописано в конце предложения без конкретизации содержания). Исключение составляет Приморский край, стратегии развития которого, несмотря на то, что не содержат действенного плана реализации «умной специализации», определяют конкретные сферы экономической деятельности, развитие которых должно в первоочередном порядке быть направлено на стратегический рост экономики региона. Этот положительный опыт необходимо закрепить и в дальнейшем распространять на все без исключения регионы, что даст возможность повысить уровень конкурентоспособности экономики и обеспечить рост благосостояния населения.

Определение в Стратегиях регионального развития одновременно нескольких направлений «умной специализации» не позволит получить ожидаемый результат и приведет к существенным непроизводительным расходам и потерям. С учетом того, что экономика России в течение достаточно длительного времени находится в состоянии экономических ограничений, «распыление» ресурсов не будет способствовать достижению поставленных амбициозных целей. Отсутствие координации при внедрении и реализации региональной «умной специализации» на государственном уровне может привести к дублированию регионами сфер деятельности, которые они выбрали как потенциально способные для инновационного роста, что также воспрепятствует рациональному распределению всех видов ресурсов.

Заключение

В процессе решения поставленной цели и задач исследования применительно к регионам России, граничащим с Китаем, были разработаны практические механизмы управления инновационной деятельностью с учетом концепта «умной специализации», направленного на повышение инновационной активности и формирование уникальных конкурентных преимуществ. Предложен концептуальный подход к установлению отраслевых приоритетов реализации проектов «умной специализации» региона, которые имеют самый высокий уровень инвестиционной перспективности. Управленческая матрица моделирования перспектив устойчивого инновационного развития регионов позволяет пошагово обосновывать перспективные направления «умной специализации» (учитывая достигнутое состояние образовательной, научной, инновационной

компоненты деловой среды), формировать благоприятные условия для реализации проектов «умной специализации», транслировать положительные результаты и приобретенный опыт на другие инновационно перспективные виды деятельности региона.

Список литературы:

Буреш О.В. Экономика региона как объект управления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 9. С. 23–28.

Бухвальд Е.М. Пространственные аспекты «Концепции-2020» и реализация целевых установок политики регионального развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 2. С. 67–83. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_2_67_83](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_67_83)

Воронов А.С. Управление устойчивым инновационным развитием региональных социально-экономических систем. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: Экономика и Социология. 2004. № 1. С. 57–81.

Кондратьев Н. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.

Левчаев П.А. Инновационная модель развития экономики региона. М.: ИНФРА-М, 2018.

Лыщикова Ю.В. Механизмы институционализации и имплементации концепции «умный регион» в управлении устойчивым пространственным развитием территорий // Экономика. Информатика. 2021. Т. 48. № 2. С. 229–243. DOI: [10.52575/2687-0932-2021-48-2-229-243](https://doi.org/10.52575/2687-0932-2021-48-2-229-243)

Молчанов И.Н. Особенности пространственного развития территорий (на примере субъектов РФ в составе дальневосточного федерального округа) // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 1. С. 79–93. DOI: [10.15688/re.volsu.2022.1.8](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.8)

Назанова К.В., Захаров П.Н. Механизмы управления инновационным развитием экономики на мезоуровне: социально-экономическая система «регион» как объект стратегического планирования // Современные технологии управления. 2015. № 9(57). С. 22–28.

Орлова Л.Н. Конкурентоспособность предпринимательских структур в системе устойчивого инновационного развития. Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2016.

Сорокина Н.Ю. Особенности старопромышленного региона как объекта управления социально-экономическим развитием // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–1. С. 72–80.

Шкарина В.С., Янь Мин Цзе К вопросу устойчивого экономического развития экономики России // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С. 11–15

Aranguren M. J., Magro E., Navarro M., Wilson J.R. Governance of the Territorial Entrepreneurial Discovery Process: Looking under the Bonnet of RIS3 // Regional Studies. 2019. Vol. 53. Is. 4. P. 451–461. DOI: [10.1080/00343404.2018.1462484](https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1462484)

Breznitz D. Innovation in Real Places. Strategies for Prosperity in an Unforgiving World. Oxford: Oxford University Press, 2021

Christensen C.M., Raynor M.E. The Innovator's Solution: Creating and Sustaining Successful Growth. Boston: Harvard Business School Press, 2003.

Cooke P. Four Minutes to Four Years: The Advantage of Recombinant over Specialized Innovation — RIS3 versus 'Smartspec' // European Planning Studies. 2016. Vol. 24. Is. 8. P. 1494–1510. DOI: [10.1080/09654313.2016.1151482](https://doi.org/10.1080/09654313.2016.1151482)

Creating Economic Space for Social Innovation / ed. by A. Nicholls, R. Ziegler. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Grillitsch M., Tripl M. Innovation Policies and New Regional Growth Paths: A Place-Based System Failure Framework // *Innovation Systems, Policy and Management* /ed. by J. Niosi. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 329–358.

Kroll H. Efforts to Implement Smart Specialization in Practice — Leading Unlike Horses to the Water // *European Planning Studies*. 2015. Vol. 23. Is. 10. P. 2079–2098. DOI: [10.1080/09654313.2014.1003036](https://doi.org/10.1080/09654313.2014.1003036)

Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. Smart by Oneself? An Analysis of Russian Regional Innovation Strategies within the RIS3 Framework // *Foresight and STI Governance*. 2018. Vol. 12. Is. 1. P. 25–45. DOI: [10.17323/2500-2597.2018.1.25.45](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45)

Markkula M., Kune H. Making Smart Regions Smarter: Smart Specialization and the Role of Universities in Regional Innovation Ecosystems // *Technology Innovation Management Review*. 2015. Vol. 5. Is. 10. P. 7–15. DOI: [10.22215/timreview/932](https://doi.org/10.22215/timreview/932)

Morgan K. Smart Specialisation: Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy // *Regional Studies*. 2015. Vol. 49. Is. 3. P. 480–482. DOI: [10.1080/00343404.2015.1007572](https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1007572)

Schumpeter J.A. *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. New Brunswick, London: Transaction Publishers, 1983.

Sotarauta M. Smart Specialization and Place Leadership: Dreaming about Shared Visions, Falling into Policy Traps? // *Regional Studies, Regional Science*. 2018. Vol. 5. Is. 1. P. 190–203. DOI: [10.1080/21681376.2018.1480902](https://doi.org/10.1080/21681376.2018.1480902)

Taylor M.Z. *The Politics of Innovation. Why Some Countries Are Better Than Others at Science and Technology*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

孟根仓·萨如拉. “中蒙俄经济走廊”建设背景下跨境区域经济合作研究——以俄罗斯布里亚特共和国为例. *东北亚经济研究*. 2022. № 2(30). P. 63–81. [Мэн Гэн Цан, Са Рула. Приграничные территории в контексте строительства «Экономического коридора Китай – Монголия – Россия». Исследование экономического сотрудничества на примере Республики Бурятия (Россия) // *Экономические исследования Северо-Восточной Азии*. 2022. № 2(30). С. 63–81].

葛新蓉. 俄罗斯远东超前发展: 基于区域政策层面的思考. *对外经贸*. 2017. № 12(282). P. 36–38. [Гэ Синьжун. Опережающее развитие Дальнего Востока России: мышление на уровне региональной политики // *Внешняя Торговля*. 2017. № 12(282). С. 36–38].

References:

Aranguren M.J., Magro E., Navarro M., Wilson J.R. Governance of the Territorial Entrepreneurial Discovery Process: Looking under the Bonnet of RIS3. *Regional Studies*. 2019. Vol. 53. Is. 4. P. 451–461. DOI: [10.1080/00343404.2018.1462484](https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1462484)

Breznitz D. (2021) *Innovation in Real Places. Strategies for Prosperity in an Unforgiving World*. Oxford: Oxford University Press.

Buchwald E.M. (2021) Spatial Aspects of “The Concept–2020” and the Implementation of the Targets of the Regional Development Policy. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 2. P. 67–83. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_2_67_83](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_67_83)

Buresh O.V. (2016) Economy of Region as Management Object. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. No. 9. P. 23–28.

Christensen C.M., Raynor M.E. (2003) *The Innovator’s Solution: Creating and Sustaining Successful Growth*. Boston: Harvard Business School Press.

- Cooke P. (2016) Four Minutes to Four Years: The Advantage of Recombinant over Specialized Innovation — RIS3 versus 'Smartspec'. *European Planning Studies*. Vol. 24. Is. 8. P. 1494–1510. DOI: [10.1080/09654313.2016.1151482](https://doi.org/10.1080/09654313.2016.1151482)
- Granberg A.G. (2004) Regional'naya ekonomika i regional'naya nauka v Rossii: desyat' let spustya [Regional economy and regional science in Russia: Ten years later]. *Region: Ekonomika i Sociologiya*. No. 1. P. 57–81.
- Grillitsch M., Trippel M. (2018) Innovation Policies and New Regional Growth Paths: A Place-Based System Failure Framework. In: Niosi J. (ed.) *Innovation Systems, Policy and Management*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 329–358.
- Kondrat'yev N. (2002) *Bol'shiye tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Large cycles of conjuncture and the theory of foresight]. Moscow: Ekonomika.
- Kroll H. (2015) Efforts to Implement Smart Specialization in Practice — Leading Unlike Horses to the Water. *European Planning Studies*. Vol. 23. Is. 10. P. 2079–2098. DOI: [10.1080/09654313.2014.1003036](https://doi.org/10.1080/09654313.2014.1003036)
- Kutsenko E., Islankina E., Kindras A. (2018) Smart by Oneself? An Analysis of Russian Regional Innovation Strategies within the RIS3 Framework. *Foresight and STI Governance*. Vol. 12. Is. 1. P. 25–45. DOI: [10.17323/2500-2597.2018.1.25.45](https://doi.org/10.17323/2500-2597.2018.1.25.45)
- Levchaev, P.A. (2018) *Innovatsionnaya model' razvitiya ekonomiki regiona* [Innovative model for the development of the region's economy]. Moscow: INFRA-M.
- Lyshchikova YU.V. (2021) Mechanisms of Institutionalization and Implementation of the Concept of "Smart Region" in the Management of Sustainable Spatial Development of Territories. *Ekonomika. Informatika*. Vol. 48. No. 2. P. 229–243. DOI: [10.52575/2687-0932-2021-48-2-229-243](https://doi.org/10.52575/2687-0932-2021-48-2-229-243)
- Markkula M., Kune H. (2015) Making Smart Regions Smarter: Smart Specialization and the Role of Universities in Regional Innovation Ecosystems. *Technology Innovation Management Review*. Vol. 5. Is. 10. P. 7–15. DOI: [10.22215/timreview/932](https://doi.org/10.22215/timreview/932)
- Molchanov I.N. (2022) Features of Spatial Development of Territories (on the Example of Regions of the Russian Federation in the Far Eastern Federal District). *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*. Vol. 10. No. 1. P. 79–93. DOI: [10.15688/re.volsu.2022.1.8](https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.8)
- Morgan K. (2015) Smart Specialisation: Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy. *Regional Studies*. Vol. 49. Is. 3. P. 480–482. DOI: [10.1080/00343404.2015.1007572](https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1007572)
- Nazvanova K.V., Zaharov P.N. (2015) Mechanisms of Economic Innovation Development Management at Meso-Level: Socio-Economic System "Region" as an Object of Strategic Planning. *Sovremennye tekhnologii upravleniya*. No. 9(57). P. 22–28.
- Nicholls A., Ziegler R. (eds.) (2020) *Creating Economic Space for Social Innovation*. Oxford: Oxford University Press.
- Orlova L.N. (2016) *Konkurentosposobnost' predprinimatel'skikh struktur v sisteme ustoychivogo innovatsionnogo razvitiya* [Competitiveness of business structures in the system of sustainable innovative development]. Moscow: Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet imeni G.V. Plekhanova.
- Schumpeter J.A. (1983) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.
- Shkarina V.S., Yan Ming Ze (2022) On the Issue of Sustainable Innovative Development of the Russian Economy. *Innovatsii i investitsii*. No. 11. P. 11–15.
- Sorokina N.YU. (2016) Features of the Old Industrial Region as Object of Management Social and Economic Development. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. No. 1–1. P. 72–80.

Sotarauta M. (2018) Smart Specialization and Place Leadership: Dreaming about Shared Visions, Falling into Policy Traps? *Regional Studies, Regional Science*. Vol. 5. Is. 1. P. 190–203. DOI: [10.1080/21681376.2018.1480902](https://doi.org/10.1080/21681376.2018.1480902)

Taylor M.Z. (2016) *The Politics of Innovation. Why Some Countries Are Better Than Others at Science and Technology*. Oxford: Oxford University Press.

Voronov A.S. (2022) *Upravleniye ustoychivym innovatsionnym razvitiyem regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem* [Managing sustainable innovative development of regional socio-economic systems]. Moscow: YUNITI-DANA.

孟根仓·萨如拉 (2022) “中蒙俄经济走廊”建设背景下跨境区域经济合作研究——以俄罗斯布里亚特共和国为例. *东北亚经济研究*. No. 2(30). P. 63–81. [Meng Geng Tsang, Sa Ru La (2022) Border territories in the context of the construction of the «China-Mongolia-Russia Economic Corridor». Study of economic cooperation on the example of the Republic of Buryatia (Russia). *Economic Research of Northeast Asia*. No. 2(30). P. 63–81].

葛新蓉 (2017) 俄罗斯远东超前发展: 基于区域政策层面的思考. *对外经贸*. No. 12(282). P. 36–38. [Ge Xin Rong (2017) Advanced development of the Russian Far East: Thinking at the level of regional policy. *Foreign Trade*. No. 12(282). P. 36–38].

Дата поступления/Received: 14.11.2023

Безопасность иностранных инвестиций в Китае: библиометрический анализ и системный комментарий к литературе¹

Чжао Лили

Доктор юридических наук, профессор, ORCID: [0000-0003-4555-2119](https://orcid.org/0000-0003-4555-2119)

Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай

Чжан Сюэ²

Магистр права, ассистент, ORCID: [0000-0003-1716-8507](https://orcid.org/0000-0003-1716-8507), zx6688738@163.com

Тайшаньский колледж науки и технологий, Тайань, Китай.

Аннотация

Быстрое изменение мировой ситуации в области проверки безопасности иностранных инвестиций предъявляет более высокие требования к теоретическим исследованиям для построения и совершенствования китайской системы проверки безопасности иностранных инвестиций. С помощью программного обеспечения для визуализации CiteSpace в этом исследовании выбраны 304 наиболее цитируемые работы из базы данных CNKI, которые тесно связаны с обзором национальной безопасности иностранных инвестиций, в течение десяти лет с момента официального создания «Системы обзора безопасности иностранных инвестиций, слияний и поглощений» в 2011–2021 годах; проанализированы важные аспекты исследований, обобщены алгоритмы исследований, а также создана исследовательская сеть. Исследовательская сеть: исследование показывает, что существующие работы в этой области по-прежнему имеют проблемы, связанные с нестабильной сетью сотрудничества, узким охватом исследований, недостаточным вниманием к отечественным теориям и практике и недостаточными инновациями в содержании исследований, что не способствует продвижению научного развития исследований в области анализа безопасности иностранных инвестиций. В исследовании делается вывод о том, что последующие исследования в этой области должны быть сосредоточены на совершенствовании национальной нормативной системы для проверки иностранных инвестиций, проверки безопасности в области прав интеллектуальной собственности и взаимодействия с проверкой кибербезопасности и проверкой безопасности данных, с тем чтобы повысить потенциал национальной проверки иностранных инвестиций и обеспечить национальную безопасность.

Ключевые слова

Обзор безопасности, иностранные инвестиции, исследовательская сеть, Китай, CiteSpace.

Для цитирования

Чжао Л., Чжан С. Безопасность иностранных инвестиций в Китае: библиометрический анализ и системный комментарий к литературе // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 54–76. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-54-76

Security Review of Foreign Investment in China: A Bibliometric Analysis and Systematic Literature Commentary³

Zhao Li-li

DSc (Law), Professor, ORCID: [0000-0003-4555-2119](https://orcid.org/0000-0003-4555-2119)

Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China.

Zhang Xue⁴

LL.M., Assistant, ORCID: [0000-0003-1716-8507](https://orcid.org/0000-0003-1716-8507), zx6688738@163.com

Taishan College of Science and Technology, Tai'an, China.

Abstract

The rapid change of global foreign investment security review situation proposes higher theoretical research requirements for the construction and improvement of China's foreign investment security review system. With the help of visualization software CiteSpace, this study selects 304 high-quality documents in CNKI database that are closely related to national security review of foreign investment during the ten years from the formal establishment of the security review system of foreign investment and mergers and acquisitions from 2011 to 2021, analyzes the research hotspots, summarizes the research patterns, and builds a research network. Research network. The study finds that the current research in this field still has the problems of unstable cooperation network, narrow research scope, insufficient attention to domestic theories and practices, and insufficient innovation in research content, which is not conducive to promoting the scientific and reasonable development of the research in the field of security review of foreign investment. The study concludes that subsequent research in this area should focus on the improvement of the domestic normative system for foreign investment review, security review in the field of intellectual property rights, and the interface with cybersecurity review and data security review, so as to improve the capacity of national security review of foreign investment and safeguard national security.

¹ Финансовая поддержка: 1) «Исследование системы проверки безопасности данных об иностранных инвестициях» Министерства юстиции (22SFB2004); 2) Инновационная команда по управлению интеллектуальной научно-технической безопасностью Шаньдунского университета науки и технологий (2020RWB003).

² Корреспондирующий автор.

³ Fund Support: 1) "Research on the Security Review System of Foreign Investment Data" of the Ministry of Justice (22SFB2004); 2) Intelligent science and Technology Security Governance Innovation Team of Shandong science and technology university (2020RWB003).

⁴ Corresponding author.

Keywords

Security review, foreign investment, research network, China, CiteSpace.

For citation

Zhao L., Zhang X. (2024) Security Review of Foreign Investment in China: A Bibliometric Analysis and Systematic Literature Commentary. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 54–76. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-54-76

Introduction

Given the unprecedented changes since the turn of the century, coupled with a shrinking scale of global investment and a turbulence in the investment environment, China has clearly articulated its developing philosophy to accelerate the establishment of a “dual circulation” development pattern in which domestic economic cycle plays a leading role while international economic cycle remains its extension and supplement, emphasizing the continued expansion of opening up. The realization of the “dual circulation” development pattern cannot be achieved without the participation of foreign investment.

As early as the middle of the 20th century, the United States established a complete set of national security review systems for the control over investment of foreign capital in the United States. But China initiated its action relatively late, which was first attached to industrial policy review and anti-monopoly review [Sun, Peng 2014], and officially established after the promulgation of the Notice on Establishing a Security Review System for Foreign Investors’ Mergers and Acquisitions of Domestic Enterprises (hereinafter referred to as the M&A Notice) in 2011. It was not until 2020 that the implementation of Article 33 of the Foreign Investment Law of the People’s Republic of China (hereinafter referred to as the Foreign Investment Law) raised the legislative level of foreign-invested national security legal governance.

Timely review is believed to be the premise to avoid detours [Zheng, Chen 2020]. The practice of China’s foreign investment security review system occurred later than theoretical researches is and guided by them. Over the past ten years, regulations and practices pertaining to the security review of foreign investments have been gradually examined and enhanced, but it remains doubtful whether theoretical research can keep pace with the development of practice and continue to guide the further development of practice. In order to further use the theory to guide the practice development attention should be paid to the current theoretical development and finding new problems in the practice reflected by the theoretical research (especially regarding the latest domestic legislation and the latest foreign investment security review developments in recent years).

Using the bibliometric software CiteSpace, this paper reviews and sorts out the high-quality literature of the decade from the formal establishment of the security review system for foreign mergers and acquisitions (M&A) from 2011 to 2021, and analyzes the quality of the output of theoretical research results and the changes in research paradigms. Our study is the first study that systematically analyzes the changes in the focus and research paradigm of the relevant literature in the decade since the establishment of China’s foreign investment security review system. Existing relevant studies focus more on the field of foreign investment and are less refined to the field of foreign investment security review, or are conducted earlier and selected in a shorter time frame that is not timely and universal. This study is also one of the first studies to apply the CiteSpace scientometrics analysis tool to the field of foreign investment security review, transforming relevant data into a visual graphical presentation. The tool is currently mostly used for research in disciplines such as library intelligence and digital libraries, educational theory and educational management, computer software and computer applications, and sports, and rarely for research in legal disciplines.

To better use the positive role of the results of theoretical research in practice, this paper discusses around the following issues:

- 1) what is the focus of theoretical research in this field in the past 10 years?
- 2) how does the focus of theoretical research in this field reflect practical problems?
- 3) can theoretical research in this field play a guiding role in practice?
- 4) how can theoretical research in this field be further carried out to guide practice?

Research methods and data sources

Research methods. This paper adopts CiteSpace (5.7.R2)⁵. The research history and current state of this field were analyzed and summarized from macro and micro perspectives, and a knowledge map and table matrix that introduce the dynamic track and research hotspots on foreign investment security review were presented.

CiteSpace is a citation visualization analysis software developed under the background of scientometrics and data visualization. Developed in 2004, the tool is capable of objectively extracting keywords from a large body of literature for research in the field of foreign investment security reviews and performing cluster analysis. The purpose, structure, patterns and trends of the research are translated into a visual graphical presentation without loss of data and without impact on objective measurement results. Compared with other bibliometric software such as Viewer, the reasons for selecting this software are as follows:

- 1) the amount of data used in this article is small. CiteSpace is more suitable for a small amount of data processing and conversion, and can more accurately display the results of data analysis;
- 2) CiteSpace's powerful clustering capabilities enable clustering analysis based on topics and keywords. The results generated by its clustering algorithm are more transparent to readers;
- 3) in this paper, the purpose of software analysis is to summarize the research hotspots and trends. The visualization analysis of CiteSpace combines PENETs, Kleinberg's burst monitoring algorithm, and Freeman's intermediate measurement rules to produce better visualization effect and further enhance its advantages in capturing scientific frontiers, hotspots, and trends.

Data sources. In order to ensure the predictability of the conclusion, the data selection needs to be accurate and reasonable. In this paper, we selected high-quality literature from the formal implementation of the security review system of foreign investment and mergers and acquisitions from 2011 to 2021, and searched the Chinese National Knowledge Infrastructure (CNKI)⁶ database with the keywords "security review of foreign investment", "national security of foreign investment", "national security review of foreign investment", "national security review of foreign investment", and "national security review of foreign investment". The keywords "foreign investment security review", "foreign investment national security", "foreign investment national security review" are searched in CNKI database, and the source journals of the articles are limited to those of Chinese Social Science Citation Index (CSSCI)⁷, Chinese Science Citation

⁵ CiteSpace is a Java application for visualizing and analyzing trends and patterns in scientific literature. It is designed as a tool for progressive knowledge domain visualization [Chen 2005]. It focuses on finding critical points in the development of a field or a domain, especially intellectual turning points and pivotal points. CiteSpace provides various functions to facilitate the understanding and interpretation of network patterns and historical patterns, such as identifying the fast-growth topical areas, finding citation hotspots in the land of publications, decomposing a network into clusters, automatic labeling clusters with terms from citing articles.

⁶ The China National Knowledge Infrastructure (CNKI) was initiated by Tsinghua University and Tsinghua Tongfang and was established in June 1999. It is an informatization construction project aiming at realizing the dissemination, sharing and value-added utilization of knowledge resources in the whole society.

⁷ The Chinese Social Sciences Citation Index (CSSCI) is a database developed by the China Social Sciences Research Evaluation Center of Nanjing University in 1997. It is used to search the collection and citations of papers in the field of Chinese social sciences. It is an important basis for the evaluation of disciplines, projects and achievements. The selected ones are China's authoritative core publication.

Database (CSCD)⁸, and A Guide to the Core Journals of China⁹; 328 articles in Chinese are searched, and 304 articles are filtered out by consulting with experts in this field. By consulting the experts in the field, 304 high-quality documents were screened out, and by consulting the experts in the field as well as the experience, it was shown that these high-quality documents could represent the main research contents and research trends in the field.

Meanwhile, in order to observe the research focus and trend in this field from multiple perspectives, this paper also searched the English literature related to China's foreign security review in Web of Science Core Collection (including SCIE, SSCI, and A&HCI), and a total of 24 English articles were retrieved, of which 14 were selected after screening, and the results of the analyses will be used as references of the article.

The conclusions of this paper are based on the analysis of all the above literature, which can ensure the robustness and clarity of the findings.

Study selection. Only documents closely related to “national security review of foreign investment” and “security review of foreign investment” were selected, and documents such as announcements, reports, speeches, solicitation, and conference notices were excluded.

Data extraction. The first author independently extracted literature using predetermined data fields, and the second author reconciled the extracted data. The two contributing authors resolved differences through discussion. Finally, a total of 304 articles in Chinese and 14 articles in English were screened.

Literature statistics and visual analysis

Time characteristics of publication. As shown in Figure 1, the number of publications on foreign investment security review has been fluctuatingly increasing since 2011, and this trend is expected to continue in the future, indicating that the academic community will continue to pay close attention to this field. Two peaks should be highlighted in particular.

The volume of literature research reached its first peak between 2013 and 2014, due to the fact that during the fifth round of China-US Strategic and Economic Dialogue in July 2013, China agreed to use the basis of “Pre-entry National Treatment + Negative List”¹⁰ and substantive negotiations of the bilateral investment agreement with the United States were initiated. China's scale of foreign investment absorption ranked first globally in 2014, establishing a new equilibrium between “outward investment” and “attracting foreign investment” in practice. In 2014, China surpassed the United States as the most attractive economy for foreign investment.

The number of published papers fluctuated in the subsequent years, with a rise from 2018 to 2020 and a peak in 2019 that was closely tied to the modification of the US foreign investment security review system. Since 2017, the federal government of the United States has vigorously reformed the foreign investment security review system. Developed economies such as the European Union and the United Kingdom, as well as developing nations such as India, have followed suit — a dramatic increase in the number of research documents on the global foreign investment review trend.

Moreover, the adjustment of China's normative system has had a significant impact on the number of documents issued during the same time frame. Foreign investment security review was previously the responsibility of the Ministry of Commerce. In 2019, the National Development and Reform Commission

⁸ The Chinese Science Citation Database (CSCD) was established in 1989 and is the first citation database in China. The selected ones are China's authoritative core publication.

⁹ The Guide to Chinese Core Journals is compiled under the auspices of Peking University Library and Beijing University Library Journal Work Research Association. It is mainly for the evaluation and ordering of Chinese academic journals by the library and information department, and provides a reference for readers to guide reading. The selected ones are core journals in China.

¹⁰ “Pre-entry national treatment” refers to extending national treatment to the stage of investment access, and granting foreign investors and their investments no less favourable than domestic investors and their investments in the stages of establishment, acquisition, and expansion of enterprises. “Negative list” means that the State Council clearly lists the industries, fields, and businesses that are prohibited and restricted from investment and operation within the territory of the People's Republic of China in the form of a list. The industries, fields, and businesses that are not on the negative list can be entered by all market players on an equal footing in accordance with the law. Its essence is the management mode of foreign investment.

assumed full responsibility for the negotiation, acceptance of applications, submission for review, and feedback on the review decision for foreign investment security review. The Foreign Investment Law was enacted in the same year as the fundamental law governing foreign investment. It is evident that research in this field is significantly influenced by the shifting global situation and the reform of China's normative system.

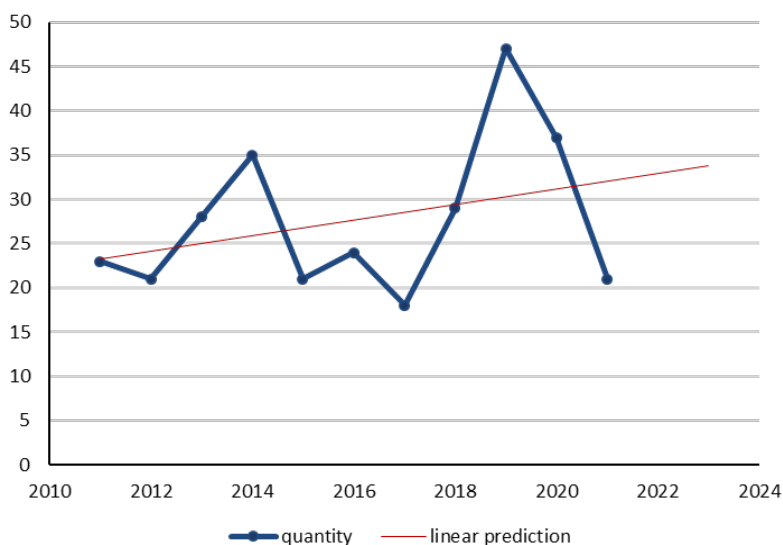

Figure 1. Statistics of big data literature on foreign investment security review¹¹

Distribution of main research institutions. Based on the co-occurrence network map of research institutions, universities and research institutes are the primary fronts for foreign investment security review research. Universities and research institutions, such as Jilin University Law School and Fudan University Law School, have historically possessed robust research capacities.

It should be noted, however, that the Jilin University School of Law has been focusing on this field since 2010, and the research results produced are primarily concentrated in the past five years, whereas the Fudan University School of Law began focusing on this field in 2008, with its results concentrating on output in 2014 and 2015, but the focus has decreased since then. In 2009, the WuHan University School of Law began focusing on this field, and since 2015, it has gradually developed representative perspectives.

In recent years, research institutes represented by the German Studies Center of Tongji University have also conducted their research in this field, and have formed a prototype of a cooperation network exhibiting a good development momentum, indicating that the research on foreign investment security review has attracted a growing amount of interest from academics (Table 1).

Table 1. Map of major research institutions¹²

The name of the major research institution	The number of high-quality articles	Earliest attention time	High frequency publication time of articles
WuHan University School of Law	10	2009	2020–2021
Jilin University School of Law	7	2010	2020–2021
Fudan University Law School	5	2008	2014–2015
Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation	4	2007	2011–2012
Institute of World Economics and Politics Chinese Academy of Social Sciences	4	2013	2020–2021
German Studies Center of Tongji University	2	2020	2020–2021

¹¹ Compiled by the authors.

¹² Compiled by the authors.

Distribution of main researchers. The distribution of the authors of the literature is a microcosm of scholarly research in the field, and the prosperity of the field cannot be achieved without a group of core researchers equipped with deep theoretical knowledge and research accomplishments. The distribution of core authors can help to grasp the breadth and depth of research in the field.

Authors were selected by “Node Types” to create a knowledge map of author collaboration co-occurrence networks with Nodes = 261, Links = 81, and Density = 0.001. The lower the density, the less collaboration between authors and the smaller the number of mature research teams. Data analysis revealed a low density of the core author co-occurrence network in the field of foreign national security review research, more single collaborations or primarily independent research among authors, fewer research teams with significant scales, and the number of teams that can continue to conduct research and produce results is low.

In the meantime, as indicated in the “Summary Table” the number of core authors reached as high as 261, including co-authors. However, only 12 of them had published three or more articles between 2011 and 2021, with five core authors publishing the most articles and the others publishing only one. The small number of both core and prolific authors indicated that scholars in this field remained fragmented, but it also indicated that an increasing number of authors were shifting their attention to this field (Table 2).

Table 2. Authors with high volume of published articles in 2011–2021¹³

Ranking	Author name	Number of published articles	Ranking	Author name	Number of published articles
1	Zhang	5	7	Lu	3
2	Hu	5	8	Sun	3
3	Li	5	9	Peng	3
4	Li	4	10	Shang	3
5	Jiang	4	11	Cui	3
6	Chang	3	12	Li	3

The analysis of co-citations in the literature is also an important indicator for evaluating authors in this field. Due to the absence of cited references in the data exported from CNKI, the co-citation analysis of literature in CiteSpace cannot be performed. Therefore, we selected the top 20 most cited articles during the ten-year period using the CNKI China Citation Database and included them in Table 3.

It was found that the majority of highly cited literature was published between 2011 and 2016, which was slightly out of sync with the peak period of literature quantity, indicating that the attention to this field has grown in recent years, but the quantity of high-quality literature is still insufficient, necessitating further improvement.

Table 3. Highly cited literature in 2011–2021¹⁴

Number	Title	Author	Source	Publication date	Cites	Downloads
1	Some Important Issues in National Security Review Legislation of Foreign Investment	Qi	China Law Review	2015 (01)	77	1573
2	Analysis and Suggestions on China’s National Security Review System for Foreign M&A	Ding and Pan	Contemporary Law Review	2012 (03)	74	2166
3	National Security Review Risks and Legal Countermeasures of the Chinese Enterprises’ Overseas Acquisition	He	Legal Forum	2012 (02)	68	2088

¹³ Compiled by the authors.

¹⁴ Compiled by the authors.

4	The Influence of the U.S.A. National Security Review of Foreign Merger and Acquisition Towards State-owned Enterprises of China and the Related Suggestions	Tu and Zhou	Journal of Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences)	2016 (05)	66	1612
5	New Developments in Australia's National Security Review System for Foreign M&A	Zhang and Liu	Law Review	2012 (04)	62	1728
6	On the Status Quo Issues and Reconstruction of the Foreign Investment Admittance to Our Country	Li	Northern Legal Science	2011 (01)	59	1423
7	Proposed Legislative Improvements and Refinements to the National Security Review System for Foreign Investment: A Perspective of the Foreign Investment Law (Draft for Public Comments)	Sun and Hu	Journal of Shanghai University of Finance and Economics	2015 (04)	56	2545
8	International Experiences of Negative List Management for Foreign Investment: the Case of China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone	Sun	Reform	2014 (10)	52	2292
9	Pre-establishment National Treatment and Negative List Approach: Effect of Sino-US BIT in China's Foreign Investment Management System	Han	International Economic Review	2014 (06)	51	2694
10	A Study on Chinese Companies' Acquisitions of Sensitive Assets Abroad	Li, Huang, and Wu	The Journal of World Economy	2017 (03)	43	1961
11	The Reform of EU Regulation on IFDI: Dynamics, Resistance and Dilemma	Shi	Chinese Journal of European Studies	2018 (01)	43	675
12	The Power Allocation Issue in National Security Review on Foreign Capital M&A: The Difference between China and the United States and Its Implications	Peng	International Business Research	2012 (04)	42	696
13	Institutional Changes in U.S. National Security Review of Foreign Investment and Their Impacts on China	Li and Zhao	Global Review	2019 (01)	39	1183
14	National Security Review System for Foreign Investment Mergers and Acquisitions in the United States and Implications for China — Comment on the Blockage of Sany Heavy Industries and Huawei's Investment in America	Du	Modern Economic Research	2013 (03)	38	2591
15	Legislative improvement and perfection measures of the national security review system for foreign-invested mergers and acquisitions	Sun and Peng	Academia Bimestris	2014 (03)	37	943
16	The Legal Risks for Chinese M&As in USA and the Legal Strategies	Liu	Legal Forum	2012 (02)	36	1548
17	The New Trend of the United States' National Security Review in Foreign Investment and China's Response Measures — A Study of The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2017	Feng	Hebei Law Science	2018 (09)	35	1563
18	The Absence of Investor Protection in National Security Investigations for Foreign Investment: An Analysis of the Ralls v. Obama Case	Zhao	Modern Law Science	2015 (04)	34	1400
19	Foreign Investment Security Review Mechanism in China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone	Song	Law Science	2014 (01)	33	1473
20	New Development of EU Foreign Investment Security Review System and China's Response	Liao	Studies in Law and Business	2019 (04)	31	1568

Distribution of research hotspot knowledge groups. Each threshold is adjusted to increase the concentration of the final data, with “Threshold” set to 10 and the top 20 nodes in the frequency ranking are extracted and compiled in Table 4. A higher betweenness centrality indicates that a node serves as a bridge more often.

After the establishment of the national security review system for foreign mergers and acquisitions in 2011, the academic community has focused primarily on keywords, such as “national security review”, “foreign mergers and acquisitions”, “national security”, “CFIUS”, “pre-entry national treatment” and “foreign businessmen”. Several topics, such as “investment law”, “negative list” and “state-owned enterprises”, are influenced by international conditions and domestic management. Research in this field focuses primarily on the reform of relevant legislation and systems in China, the growth of advanced economies like those in the United States and Europe, and the changing trends and responses to foreign investment security reviews.

Table 4. Keyword centrality sequences¹⁵

Serial number	Keywords	Frequency	Betweenness centrality	Degree centrality
1	National security review	55	0.43	67
2	Security review	40	0.34	56
3	Foreign mergers and acquisitions	40	0.21	41
4	National security	40	0.30	49
5	CFIUS	11	0.05	25
6	Pre-entry national treatment	10	0.05	13
7	Foreign investment security review	10	0.08	12
8	Foreign investor	10	0.05	22
9	National security review system	9	0.08	29
10	Foreign investment	9	0.03	17
11	Cross-border mergers and acquisitions	9	0.01	9
12	EU	8	0.09	18
13	Foreign investment	8	0.05	19
14	Foreign Investment Law	8	0.04	8
15	Negative list	7	0.03	9
16	America	7	0.03	8
17	Chinese companies	7	0.05	17
19	State-owned enterprise	6	0.06	13
20	Shanghai Free-Trade Zone	6	0.02	8

Cluster analysis of the keywords based on the number of nodes, which includes #0 Foreign Investment, #1 Cross-border Investment, #2 Anti-monopoly, #3 CFIUS, #4 State-owned enterprise, #5 Foreign M&A Security Review System, #6 List mode, #7 Pre-entry national treatment, and 11 other keyword clusters. In Table 5, the Summary Table’s data is exported to a table for ease of reading.

On the basis of the keyword clustering chart, there are 11 keyword clusters in total, but there are obviously clusters with similar semantics. The clustering results are further classified and simplified in order to obtain accurate clustering results. A number of high-frequency words and central keywords are combined into combined cluster identifiers, such as the merging of the words “#0 foreign investment” with “#1 cross-border investment” and “#9 foreign investment”, to analyze the precision of the highly-cited literature and summarize the research hot topics in this field from January 2011 to August 2021.

¹⁵ Compiled by the authors.

Table 5. Main keyword clusters¹⁶

Cluster number	Number of nodes	Contour value	Average year	marker
#0	44	0.865	2015	foreign investment
#1	33	0.865	2017	cross-border investment
#2	30	0.816	2012	anti-monopoly
#3	29	0.832	2014	CFIUS
#4	21	0.881	2019	state-owned enterprise
#5	21	0.93	2014	foreign M&A security review system
#6	20	0.873	2013	list mode
#7	16	0.848	2017	pre-entry national treatment
#9	13	0.86	2015	foreign investment
#10	11	0.96	2012	cross-strait industrial cooperation
#11	8	0.997	2015	protocol control

As can be seen from the results, the research relating to the security review of foreign investment falls into two broad categories, namely “foreign investment” and “outbound investment”, with particular emphasis on “security review of foreign investment in special fields” and “related to the antimonopoly review system” (Figure 2).

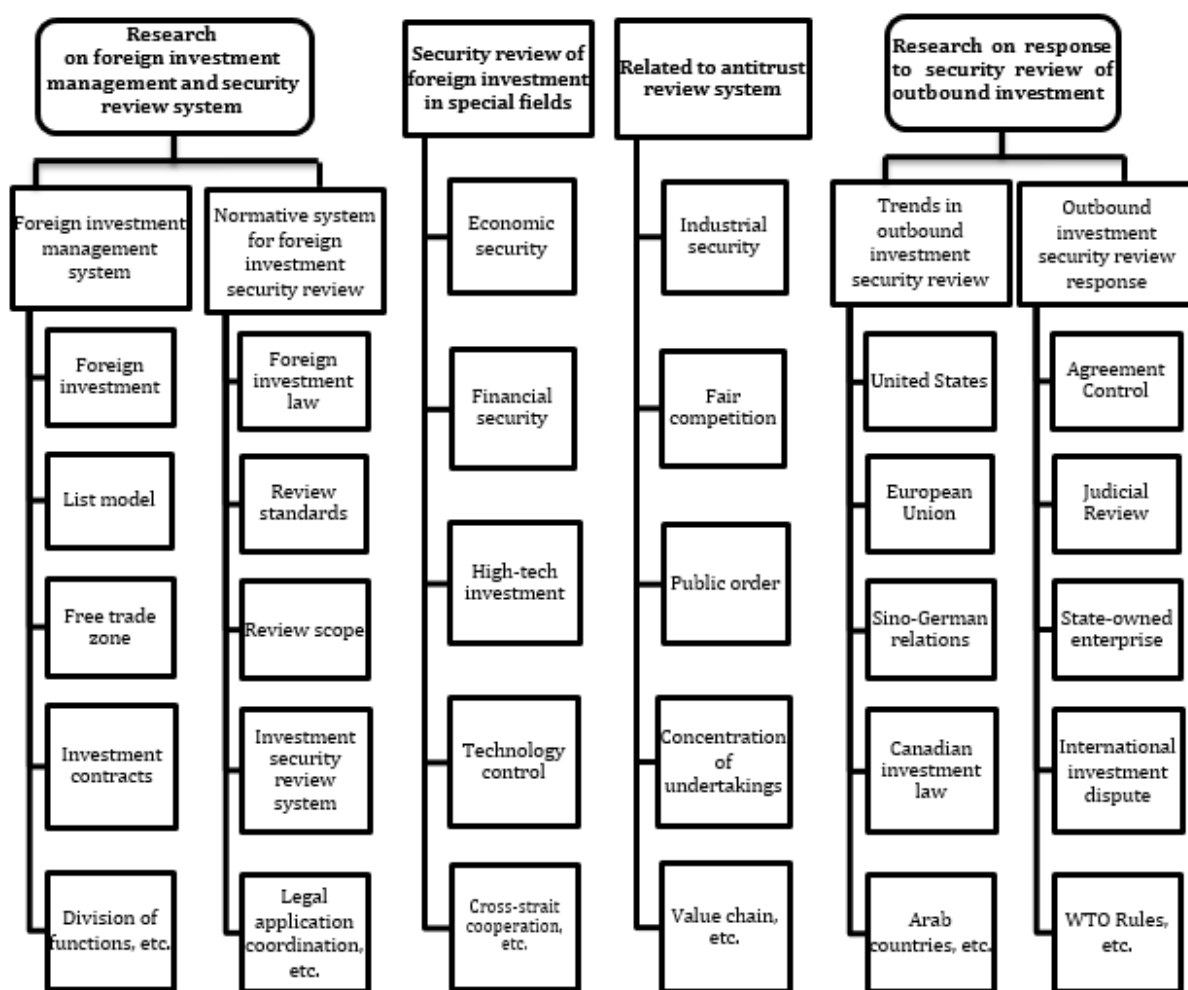

Figure 2. List of main knowledge groups, hot topics and high-frequency keywords¹⁷

Analysis of research hotspots in foreign investment security review

¹⁶ Compiled by the authors.

¹⁷ Compiled by the authors.

The analysis of the co-occurrence network reveals that highly cited articles not only discuss the fundamental theory and historical changes of foreign investment security review at the macro level, but also focus on security review regulations, system construction, and international agreements at the meso level. Based on case studies, it examines at the micro level how the government attracts foreign capital and how investors (such as discussions on state-owned enterprises and high-tech enterprises) adjust their strategies to avoid investment risks.

Compared to existing research, early studies focused more on “going out” research and less on “coming in” research. Since 2000, when the Chinese government elevated outbound investment to the level of a national strategy, research on “bringing in” and “going out” has been gradually integrated.

Foreign investment security review has become a research hotspot in the field of foreign investment, particularly since the change in the international situation in 2018, which has presented China with a significant challenge. In the past decade, the output of relevant literature has reached its highest point ever.

Research on the normative system of foreign investment management and security review.

The normative system of foreign investment security review has been the subject of extensive and granular research. The focus of theoretical research is on the legal structure of foreign investment security review, review authority, review standards and review procedures, etc.

There is, however, room for additional in-depth research. Current research on the normative system of foreign investment security review largely reflects the protection of national economic security in content. This is targeted but insufficient to prevent security risks associated with foreign investment in the modern era.

The research conducted in China on the development of security-related rules of law has entered a new era guided by the “overall national security concept.” The implementation of this concept in theoretical research should be strengthened. The “overall national security concept” in the modern era encompasses a broad spectrum of connotations, and consists not only of economic security closely tied to foreign investment, but also of 15 other types of security, such as political, military, cultural, technological, and network security. As part of the “overall national security concept,” it is crucial to examine the security risks of foreign investment comprehensively and to enhance the applicability and practicality of the normative system for foreign investment management and security review.

Foreign investment management system: from “administrative approval” to “pre-entry national treatment and negative list”. Top keywords such as “pre-entry national treatment” and “negative list” clearly reflect the focus of academic research on foreign investment management systems based on keyword frequency and clustering results.

Historically, China has always used the administrative approval model to manage foreign investment. Prior to November 2011, the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the Communist Party of China proposed the Decision on Several Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform, which proposed the orientation to “explore the management mode of implementing pre-entry national treatment and negative list for foreign investment”.

As a leader in the reform of the foreign investment management system, the pilot zone was the first to test this management model based on the principle of trade and investment facilitation. This marked the official beginning of the transition from “administrative approval” to “pre-establishment national treatment and negative list,” which has become a new trend in academic research.

Before the establishment of the new foreign investment management system of “pre-entry national treatment and negative list,” a number of scholars pondered, using comparative logic, the disadvantages of “administrative examination and approval” [Pang et al. 2014]. The “national pre-entry treatment” has been met with mixed reviews. Some argue that it lacks a legal foundation, and the national treatment at

the stage of foreign investment should take precedence [Zhang 2015]. Some believe that the new foreign investment management system of “pre-entry national treatment and negative list” is not only beneficial to the development of China’s economy, but also to the promotion of institutional innovation in other free trade zones. Among them, “negative list” is regarded as a highly universal management technique due to its high transparency and simplicity, which makes it simple to comprehend [Sun 2014].

In recent years, the new foreign investment management system has achieved positive results in accordance with international investment rules, inspiring scholars to advocate for the reform and development of the foreign investment management system [Ren 2017]. Nevertheless, with the promulgation and implementation of the Foreign Investment Law, it is necessary to further examine the relationship between legislation and management system reform, and on this basis, a comprehensive analysis of the foreign investment management system should be conducted in conjunction with regions and industries. Moreover, international investment continues to expand. However, foreign investment in banking [Zhao 2018], the financial industry, the high-tech industry, and other fields with high risk and high penetration do not pay sufficient attention to the foreign investment management system, particularly the security review. Therefore, the time has come to seize the “safety valve” of foreign investment in special fields that affect national security.

Normative system for foreign investment security review: continued emphasis on the interpretation and improvement of the normative system. As a result of discussions about the Foreign Investment Law, the research focus has expanded from focusing solely on foreign mergers and acquisitions at the early stages to focusing on newly established investment methods as well, including greenfield investment. It should be noted that although theory guides practice, it is theoretical research that still follows the development of actual practice.

- 1) Research on the normative system of foreign investment security review. Strict system construction contributes to the justification of the foreign investment security review, while the law represents the highest level of institutionalization [Wang 2016]. The passage of the Foreign Investment Law is of critical importance for fostering a new pattern of comprehensive opening. Prior to this, the majority of research focused on the foreign investment security review by virtue of the Foreign Investment Law of the People’s Republic of China (Draft for Comments), and further discussed the review objects, review institutions, and review standards. Concerns such as the criteria for defining the review scope have not been specified [Tu, Shi 2016], some of which have been responded to in the Foreign Investment Law and the Review Measures.
- 2) On the one hand, scholars affirmed concepts such as the adjustment of the review body (the security review body was changed from the interministerial joint meeting to the working mechanism office), the expansion of the scope of the review (important financial services, Internet products, and services were included), and the enhancement in the oversight of review decisions. In contrast, they made progress in the implementation and handling of violations, etc., and analyzed concerns such as the absence of security review considerations, relief channels, and supervisory mechanisms. The objective was to give more recommendations on review subjects, agencies, standards, and suggestions regarding the construction of institutional mechanisms such as mechanisms, as well as the review procedures.
- 3) Research on the blank of safety review considerations and the absence of relief channels and supervision mechanisms. The blank of security review concerns criteria is a current issue that is widely addressed by academics. Some argue that the consideration criteria

should be categorized and ranked according to the relative importance of other security variables, such as national social security, economic and social security, and specific social condition [Cai 2020]. Some have also recommended, in light of the job crisis, that the impact of foreign investment on employment be included as a review element [Chen, Gao 2018].

- 4) In addition, the absence of relief channels and monitoring measures has drawn the attention of academics. Some of them argue that investors should be granted sufficient remedy rights, such as the right to appeal [Qi 2020; Huang 2016]; and that court supervision should be implemented to ensure procedural justice [Tao 2016]. Alternately, internal oversight (the State Council) and exterior oversight (the legislature and society) must be developed to constitute the power oversight mechanism of foreign investment review institutions [Chen, Zhong 2021]. Although the Review Measures have introduced restrictions on the supervision and implementation of review judgments as well as the treatment of violations, problems still persist due to the lack of investor relief channels and the absence of a procedure-wide oversight mechanism.

Research on the trend and response of outbound investment security review. The authors of English literature have paid much attention to this topic. Most of them discuss how to deal with China's rise through foreign investment security reviews from the perspective of domestic institutional norms and behavior patterns based on the analysis of the relationship between China and other countries [Chin 2018; Hundt 2020]. This approach is different from most domestic authors. Domestic scholars mostly analyze the attitudes of countries around the world toward Chinese investment and how domestic governments and enterprises respond to security reviews in other countries.

Since the reform and opening, China has transitioned from an early "export-oriented economy combining export-oriented and import substitution driven by FDI expansion" to an export-oriented economy with the common development of two-way FDI and the coordinated development of eastern, central, and western regions. The theoretical content distribution of the findings also supports this conclusion, and the number of research results on outbound investment is remarkably more than research on foreign investment.

In recent years, the heightened risk consciousness and sensitivity of domestic academic groups to international events have increased. Current study also examines the effect of important events, such as the new crown pneumonia outbreak and Sino-American trade conflict, on the global investment landscape. In addition, little progress has been achieved in analyzing the legislative and policy modifications of foreign investment security review in civil law and mixed law nations. The focus on countries with civil law is notably insufficient. Still, more research on the trend of security evaluation in host countries is required. The majority of changes proposed in response to the outbound investment security review are in response to new legislative policies, new security review features, and key events in the host country. On the basis of the concept of reciprocity, the results can suggest countermeasures for the improvement of the legislation and system of foreign investment security review.

Outbound investment security review trends: focusing on the impact of global trends on Chinese investment. The globalization trend is irreversible [Zhao 2020], and the global foreign investment security examination is becoming more stringent. In recent years, western countries have begun to attach importance to China's growing economic strength, military power, and technological capabilities, fearing threats from China's strengthening of overseas M&A [Li 2018]. Academic research has focused more on describing new review features based on the legal and political changes of the security review of the host nation in response to global shifts in foreign perceptions.

The United States, the United Kingdom, and the European Union (representing western nations and regions) have been the primary focus of a research. The U.S. government, with Donald Trump at the helm, adopted the strategy of “withdrawing from the group” in an effort to restructure the global economic governance system, which sparked a new trend of revising foreign investment security review among its allies with global interests [Zhang 2017]. Developed economies, led by the European Union, have adopted a more cautious approach to foreign investment, and the scope of inspection has expanded to include developing nations like India [Zhang Y.Y. 2019].

Outbound investment security review response: government and investors jointly respond to host country review. China has established a worldwide FTA (Free Trade Agreement) network and suggested the “dual circulation” development pattern, but the process of “getting out” involves not only the backing of national governments but also the participation of investors. In consequence, experts focus primarily on the government’s and investors’ strategies for addressing the current trend of increasingly stringent security evaluation of foreign investment.

Attention should be paid to the strengthening of the government’s guiding role:

- 1) Enhance the foreign investment security evaluation mechanism and develop a countermeasure against foreign investment [Zhang 2020]. China should gradually strengthen its security review mechanism for foreign investment based on the increased transparency of review standards and the notion or principle of reciprocity, to increase the security review requirements for foreign company investments. Particular attention must be paid to military-related or industrial chain-related firms [Hu et al. 2017] and an external oversight system must be added to the evaluation [Chen, Feng 2018]. In addition, consideration should be given to the coordination of domestic and foreign investment security review processes in accordance with applicable international investment agreements [Zhang G.2019].
- 2) Establish a foreign investment guarantee and standards structure to facilitate international investment [Hu 2019a]. On the one hand, China should formulate its outbound investment Guarantee Law and gradually establish an overseas investment insurance support system, while on the other hand, it is recommended to build a list of sensitive industries and entities, establish an early warning mechanism for Chinese enterprises to outbound investment abroad [Lian et al. 2019], or establish a working group to assist with foreign investment supervision [Li 2019; Sun, Wang 2020].
- 3) Strengthen intergovernmental communication [Ji, Guo 2019] and seek agreement response channels [Zhang H.L.2019]. It is vital to aggressively clarify the investment intentions of state-owned firms [Ge et al. 2019] and to eradicate the questions and ambiguities regarding foreign investment in the host country [Hu 2019b]. Managing and controlling foreign investment risks through friendly communication between governments, such as friendly cooperation with local governments in the United States, or by utilizing bilateral or multilateral international cooperation mechanisms to realize the establishment of intergovernmental review communication and coordination mechanisms is also of great importance [Leng 2019].
- 4) Focus on local industrial construction and foster an environment conducive to foreign investment [Jiang, Zhang 2019]. To achieve a good and effective interaction between industrial policy and that for foreign investment, the domestic focus should be placed on the strategy to improve the quality of industrial construction, the adjustment of industrial policies, and a commitment to protecting innovation, particularly core technological innovation. Specifically, private economies and private entities should enhance their

technological cultivation [Lin, Hu 2018], whereas state-owned firms should concentrate on increasing their intellectual property protection [Li, Zhao 2019].

Attention should be also paid to the main role played by investors:

- 1) Familiarize yourself with the laws of the host nation and seek remedies promptly. Before investing, investors must comprehend the review rules of the host country in a timely and proper manner. In the event of a dispute, investors are permitted to seek a resolution through the BIT (Bilateral Investment Treaty), the local court, or the international cooperation mechanism [Li, Yue 2016].
- 2) Prepare in advance for the review [Ying 2019] and assess the investment risk [Han 2017]. To prevent foreseeable investment risks as much as possible, investors should define the features of investment risks in different industries and the primary hazards examined by the host country, forecast various risks, and establish contingency plans in advance of their investments. For instance, state-owned firms must concentrate on reducing the government's influence and assembling a competent advisory team [Tu, Zhou 2016].
- 3) Modify investment strategies [Hu, Qin 2020] and avoid vulnerable regions [Fang, Tian 2020]. To avoid strict security review by the host country, investors are advised to choose greenfield construction or joint ventures with lower investment risks, and to avoid large-scale and sensitive transaction investments, such as the communications and financial industries with high penetration and security risks, as well as industries where key technologies are located.

Research on security review of foreign investment in high-risk areas. In high-risk categories, such as “technology export control,” “financial security,” and “high-tech firms,” the number of keywords used to explore national security review issues remains relatively low. Chinese scholars have conducted more in-depth research on international security review systems, necessitating a discussion over the reform of China's legislation and system for foreign investment security review.

Competition in the investment market has become reliant on technological advancement among big countries [Zhao, Ding 2020]. Some high-tech companies are prevented from joining the host country's market, resulting in a rapid decline in the investment scale and income of the investing country in the near term. However, it should be highlighted that the impact on the long run is minimal. Taking Sino-American trade tensions as an example, this is most evident in the limited investment of high-tech businesses. To prevent the loss of essential technologies, it is crucial to maintain a high level of industrial innovation and technological superiority [Liu, Sun 2020].

In addition, investment in the financial sector accounts for a significant share of actual investment operations, making the security evaluation of investments in the financial sector a new trend in foreign investment security review. According to some experts, the security of the financial industry is directly tied to national security, and its inclusion in the foreign investment security evaluation is consistent with worldwide practice [Han, Xu 2021]. It is advised that China construct a financial security review system and consider financial key infrastructure, financial key technology, and financial data security to be the linchpins of foreign investment security review [Wu 2020].

In general, however, the primary objective of academic study on the security examination of certain high-risk areas of foreign investment is to provide light on OFDI (Outward Foreign Direct Investment). Investments in high-risk fields, such as banking and finance, which are subject to technological risks posed by technology investments, as well as cultural and social risks posed by entertainment intellectual property investments, and risks of cross-border data flow, etc., necessitate that scholars continually investigate the review principles and rules to support the practical development.

Research on the connection between anti-monopoly review and foreign investment security review system. Recent years have seen a considerable increase in the risk associated with international investment, particularly outbound investment in foreign investment mergers and acquisitions, which easily prompt anti-monopoly review and foreign investment security review. Early studies on the anti-monopoly review system and foreign investment security review system focused primarily on the foreign investment security review provisions of Article 31 of the Anti-Monopoly Law. The Anti-Monopoly Law only specifies review as a single article, which can easily lead to the lack of independence of the national economic security review mechanism and produce confusion between the two.

Anti-monopoly review and foreign investment security review have been separated into two different systems with the development and execution of the Foreign Investment Law, with Article 40 of the Foreign Investment Law serving as the basis for the foreign investment security review system.

In addition, Article 33 of the law provides that foreign investors who fulfill specific circumstances are subject to the operator's concentration of business review. Under the current framework, both anti-monopoly review and security review of foreign mergers and acquisitions are aimed at foreign mergers and acquisitions of domestic companies, but they have fundamentally different purposes: the former is to maintain market order and promote economic development, while the latter is to ensure investment safety. The purpose of the review is to preserve national security, and the two have distinct relationships.

The new law lacks clarity regarding the relationship between the two review processes and how to connect them, particularly the connection between anti-monopoly review and foreign investment access permit. The anti-monopoly evaluation of foreign investment calls for defined regulations and procedures [Kong 2019; Liao 2020].

Future research recommendations

Research logic: to strengthen the inductive logic to form local results. Foreign investment security review research focuses primarily on three logics. One is comparative and seeks similarities and differences between domestic and foreign experiences and outcomes; the second is deductive and introduces them into China; and the third is inductive and summarizes domestic theories and practices. There are several study outcomes based on comparative and deductive logic from which to take inspiration at now.

As the implementation of the localized governance theory advances, the building of a normative framework with Chinese characteristics must take precedence, necessitating the use of inductive logic. The following are particular instructions:

First, to strengthen inductive logic and constantly summarize domestic theories and practices; to explore relevant fundamental theories and improve them on this basis from a theoretical standpoint; to increase the power of empirical analysis and take into account regional differences from a practical standpoint; and to accumulate distinctive experiences.

While secondly, to uphold comparative logic and continue to pay attention to the evolution of the foreign investment security review system influenced by different ideological, historical, economic, and other factors in combination with domestic and foreign cases; and to derive risk countermeasures for outbound investment by comparing the relevant domestic and foreign experience and accomplishments.

Lastly, based on requirements for involvement in international cooperation, the consolidation of deductive logic is necessary to learn from the outcomes of advanced international experiences, consistent with actual deduction. In conclusion, it is suggested that the inductive logic be strengthened, that localized experience results be generated, and that its comparison with the deductive logic be coordinated so as to be intimately connected to the worldwide situation.

Research subject: to stabilize the cooperation network and improve the research breadth. Some research teams and collaboration networks with universities and research institutes as the core have been established, but they are not yet sufficiently robust. First, there are few widely cited discoveries produced by core research teams and cooperative institutions, and the majority of institutions and researchers are in dispute, with low levels of collaboration between individuals and between teams over the long term. Future research must therefore stabilize the cooperative network, steadily refine the research topic, and simultaneously limit generalizations.

Specifically, universities and research institutes are expected to build long-term and stable cooperative relationships, encourage the expansion of their internal research teams, collaborate with legislative bodies to participate in legislative formulation under the guidance of multiple research perspectives, collaborate with judicial bodies to strengthen domestic research on the wisdom of foreign cases, and collaborate with enterprises to enhance the operability of countermeasures.

Research objects: to refine the research content and strengthen the research depth. Focus on the improvement of the normative system for foreign investment security review. China's prominence in the international world is growing as a result of the country's strengthening national might. The "dual circulation" development pattern in the economic realm indicates that China is emphasizing its mastery of economic responsibility and the initiative of innovation and development more and more. China aspires to achieve integration into the global economy, while simultaneously vying for the initiative in the global economic game and driving the growth of the global economy.

Therefore, the academic community should transform their research concept from "how to cope with the problem of outbound investment review" to "how to defend national security based on the notion of reciprocity" and conduct foreign investment security reviews with a reciprocal mindset. Risk-avoidance and risk-management skills are also essential.

On this premise, it is anticipated that an in-depth investigation of the precise content of review subjects, objects, standards, and procedures will be done in China's foreign investment security review normative framework. In order to increase the research depth in this sector, additional studies on the impact of extraterritorial review measures on China's various industries and analyses of risk-avoidance strategies are also necessary.

Focus on the security review of foreign investment in the field of intellectual property. Given the enlargement of the foreign investment security review's scope and the tightening of review criteria, it is time to do relevant security review research in the high-risk fields of foreign investment, particularly the security review for intellectual property investment.

Foreign investment has become increasingly asset-light in recent years, with the proportion of investments in the sector of intellectual property constantly increasing. In terms of attracting foreign investment, there were 12,557 new foreign-invested enterprises in China's high-tech service industry in 2018, an increase of 108.2% year-over-year. In terms of outbound investment, knowledge-intensive service trade has a good development momentum in 2020, with service exports reaching 1,070.14 billion yuan, an increase of 7.9%. To attract more foreign investment in the field of intellectual property, the Chinese government has strengthened the protection of intellectual property rights from the perspectives of legislation, the judiciary, and law enforcement, among others, to further optimize the investment environment and stabilize foreign investment motivations; it has also encouraged intellectual property innovation, continued researching and developing core technologies, and established a guidance center for handling intellect. Evidently, intellectual property has been accorded with a high emphasis in the investment sector.

Intellectual property is tied to national security because, on the one hand, it is directly linked to national economic security, military security, and scientific and technological security, and, on the other

hand, it influences cultural and social security. Therefore, it is crucial to adhere to the notion of total national security while conducting a national security analysis of intellectual property investments. To further guide practice and protect the nation in the field of intellectual property, it is necessary to investigate the risks of intellectual property investments that have not yet occurred, and to propose preventive countermeasures, based on the findings of the investigation into the solution of existing problems.

Focus on the connection with network security review and data security review. Cybersecurity Review Measures were drafted and put into effect in June 2020 in accordance with the National Security Law of the People's Republic of China, the Cybersecurity Law of the People's Republic of China, and the Data Security Law of the People's Republic of China; its draft was solicited from the public in July 2021. Simultaneously, the data security review mechanism has been developed, based on the Data Security Law of the People's Republic of China, and will be defined by following supplementary rules.

National security is the common objective of foreign investment security review, network security review [Ma 2016], and data security review. Linking investment security review with cybersecurity review and data security review in the sphere of foreign investment is of tremendous importance in order to achieve the goal of minimizing costs while increasing benefits and protecting foreign investment national security. But research pertaining to the connection of network security review and data security review has not yet occupied a "place" in this field of study. Existing efforts are still insufficient to build a more comprehensive and diverse research network. Therefore, future research should pay greater attention to the relationship between network security review and data security review, the enhancement of theoretical research compatibility based on the needs of the country and the international scenario, and a deeper understanding of the three.

Conclusion

The security review of foreign investment directly affects the direction and level of investment and trade liberalization and facilitation as well as the legal governance of national security, and the advancement of the relevant normative system and practical application is also gradually enriching the theoretical research results in this field.

In this study, keyword co-occurrence network and cluster analysis are used to analyze the evolution and distribution of research hotspots in all aspects:

- 1) discover the characteristics of the cooperation network in the field of foreign investment security review;
- 2) analyze the focus of theoretical research in the field and the most pressing practical problems reflected therein;
- 3) reveal the research gap, propose research opportunities, and make recommendations for future research in this field.

At present, this field has attracted much attention from researchers, but there are still many problems. In view of the progress and shortcomings of the existing research in the field of security review of foreign investment, in the future, we should pay more attention to the requirements based on the national strategy, combining with the practical needs of the local community, broadening the scope of research, and further deepening the theoretical research on the field of security review of foreign investment under the new situation.

Limitations

Our study has several limitations, mainly in the study and review process.

Limitations of data volume. The amount of data selected in this paper is small, and the selected literature is high-quality literature with high recognition at home and abroad, and the literature published in

ordinary journals with lower visibility is not considered; although the quality and credibility of the analytical results can be guaranteed, high-quality article research in ordinary journals may be missed.

Limitations of the analysis method. The data exported from the CNKI database does not directly include literature citations, so only the top 20 highly cited literature is analyzed by manual addition, lacking the results of co-citation analysis of all literature, and possibly ignoring the particular problems in the field reflected by the less cited literature. In addition, after the data were analyzed using CiteSpace software, only the results of the analysis were manually checked, and no other software was used for cross-validation, which was flawed.

Acknowledgment

We are very grateful for the editor of “Public Administration. E-Journal (Russia)”, reviewers, as well as all teachers and classmates who help with the research work of the project. We are also grateful for funding and support through Ministry of Justice 2022 Rule of Law Construction and Legal Theory Research Ministerial Key Research Project “Research on Foreign Investment Data Security Review System” (22SFB2004), Shandong University of Science and Technology Humanities and Social Sciences Research Innovation Team “Intelligent Science and Technology Security Governance Innovation Team”.

Data availability statement

The data used to support the findings of this study are available from the corresponding author upon request.

Список литературы:

- Cai W. Legalization of National Security Review on Foreign Investment // *Intertrade*. 2020. Vol. 9. P. 90–96.
- Chen C.M. CiteSpace II: Detecting and Visualizing Emerging Trends and Transient Patterns in Scientific Literature // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2005. Vol. 57. Is. 3. P. 359–377. DOI: [10.1002/asi.20317](https://doi.org/10.1002/asi.20317)
- Chen Y.H., Gao E.P. Suggestions on Improving Employment Security Review in Foreign Investment Law // *Academic Journal of Zhongzhou*. 2018. Vol. 4 P. 50–56.
- Chen Z., Zhong Y.W. Evaluation of China’s Foreign Investment Security Review System under the New Development Pattern: Progress, Limitations and Improvement // *International Business Research*. 2021. Vol. 4. P. 87–97.
- Chen Y.D., Feng C.C. Analysis of the United States’ National Security Review System in Foreign Investment and China’s Countermeasures // *Hunan University of Science & Technology (Social Science Edition)*. 2018. Vol. 3. P. 104–112.
- Chin G.T. An Uncomfortable Truth: Canada’s Wary Ambivalence to Chinese Corporate Takeovers // *International Journal*. 2018. Vol. 73. Is. 3. P. 399–428. DOI: [10.1177/0020702018792917](https://doi.org/10.1177/0020702018792917)
- Fang Y., Tian Z. Study on New Trends, Impacts and Response Strategies of U.S. Foreign Investment Security Review // *Theoretical Investigation*. 2020. Vol. 6. P. 14–19.
- Ge S.Q., Lin L., Chen J.Y. Chinese Enterprises’ Cross-border Mergers and Acquisitions and the New System of Host Country Security Review // *Intertrade*. 2019. Vol. 10. P. 49–57.
- Han B., Xu Q.Y. The Necessity of Financial Industry into Security Review // *China Finance*. 2021. Vol. 7. P. 74–75.
- Han C.L. International Cooperation on Antitrust Review of Cross-Border Mergers and Acquisitions: From the Case of NXP’s Acquisition of Freescale // *Intertrade*. 2017. Vol. 3. P. 58–62.
- Hu Z.N. Germany’s Enhanced Review of Foreign Direct Investment and its Impact on China — An Analysis

- Based on the Revision of the Foreign Economic Regulations // Contemporary International Relations. 2019a. Vol. 6. P. 10–18.
- Hu Z.N. The Impact and Response of the EU's First FDI Security Review Mechanism // Social Sciences. 2019b. Vol. 10. P. 42–51.
- Hu Z.H., Jia Y.Z., Yu X. Study on the US Foreign Investment Security Review Mechanism and its Impact on China // Public Finance Research. 2017. Vol. 5. P. 89–99.
- Hu Z.N., Qin Y. The New Trend and Implication of U.S. Tightening the National Security Review of FDI and the Countermeasures // Intertrade. 2020. Vol. 4. P. 64–71.
- Huang X. Reflections on the Improvement of China's National Security Review System // Intertrade. 2016. Vol. 6. P. 59–62.
- Hundt D. The Changing Role of the FIRB and the Politics of Foreign Investment in Australia // Australian Journal of Political Science. 2020. Vol. 55. Is. 3. P. 328–343. DOI: [10.1080/10361146.2020.1766415](https://doi.org/10.1080/10361146.2020.1766415)
- Ji C., Guo J.X. The Historical Changes Institutional Design and China's Response of U. S. National Security Review Institutional in Foreign Investment // Intertrade. 2019. Vol. 6. P. 69–78.
- Jiang X.F., Zhang Q.L. Study on the Legal Framework for Screening Foreign Direct Investment in the European Union — From the Prospective of Industrial Policy // Suibe. 2019. Vol. 26. P. 84–98.
- Kong Q.J. The Convergence and Coordination of the Foreign Investment Law of the People's Republic of China and Related Laws // Shanghai University of International Business and Economics. 2019. Vol. 3. P. 5–13.
- Leng S. The Appraisal of European Union Framework for Screening Foreign Direct Investments and Countermeasures: Based on the Regulation Establishing a Framework for Screening Foreign Direct Investment in EU // Modern Law Science. 2019. Vol. 41. P. 194–209.
- Li F.N., Yue L. Routes and Choices of Dispute Settlement for US Investment under National Security Review // Wuhan University of Technology (Social Science Edition). 2016. Vol. 3. P. 485–490.
- Li J. National Security Review System in Cross-border Investment of China's Enterprises // Proceedings of 2018 7th International Conference on Social Science, Education and Humanities Research (SSEHR 2018). Xi'an, 2018. P. 411–416. DOI: [10.25236/ssehr.2018.080](https://doi.org/10.25236/ssehr.2018.080)
- Li W., Zhao L. Institutional Changes in U.S. National Security Review of Foreign Investment and Their Impacts on China // Global Review. 2019. Vol. 1. P. 44–71+159.
- Li Z.Q. Controversy and Solutions Concerning the US National Economic Security Review System // Frontiers. 2019. Vol. 19. P. 104–107.
- Lin L., Hu T. New Trends in U.S. Foreign Investment Security Review from FIRRMA // International Economic Cooperation. 2018. Vol. 8. P. 12–15.
- Liu Y., Sun B. On Technology Export Control from the Perspective of Linkage Relationship with National Security Review of Foreign Investment and China's Countermeasures // Intertrade. 2020. Vol. 6. P. 72–79.
- Lian Z., Wang Y., Sun W.L. The National Security Review Regime on Investment Activities under the Trump Administration: New Features and Their Reasons // International Forum. 2019. Vol. 2. P. 112–124 +158–159.
- Liao F. Foreign Investment Law: Background, Innovation and Prospect // Xiamen University (Arts & Social Sciences). 2020. Vol. 3. P. 140–149.
- Ma N. The Guarantee Function and Realization Path of National Network Security Review System // Global Law Review. 2016. Vol. 5. P. 134–150.

- Pang M.C., Zhu H., Liu J. Reform of China's Foreign Investment Access System Based on Pre-Entry National Treatment Plus Negative List Management // *Macroeconomics*. 2014. Vol. 12. P. 12–18+41.
- Qi T. On the Judicial Review of National Security Screening Decision of Foreign Investment // *Wuhan University Journal (Philosophy & Social Science)*. 2020. Vol. 3 P. 142–150.
- Ren C.Y. Reform of Foreign Investment System in China's Pilot Free Trade Zone // *Enterprise Economy*. 2017. Vol. 10. P. 164–170.
- Sun J., Wang Y.R. Deficiencies of the EU' s New FDI Review Mechanism and China's Response // *Practice in Foreign Economic Relations and Trade*. 2020. Vol. 12. P. 8–11.
- Sun N.S., Peng Y. Legislative Improvement and Perfection Measures of the National Security Review System for Foreign-Invested Mergers and Acquisitions // *Academia Bimestris*. 2014. Vol. 3. P. 145–151.
- Sun Y.X. International Experiences of Negative List Management for Foreign Investment: The Case of China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone // *Reform*. 2014. Vol. 10. P. 37–45.
- Tao L.F. Accountability Analysis of National Security Review of Foreign Investment // *Law Science*. 2016. Vol. 1. P. 67–75.
- Tu X.Q., Shi D.S. Research on the System of Foreign Participation in PPP Projects in China // *Study & Exploration*. 2016. Vol. 1. P. 111–116.
- Tu X.Q., Zhou J.K. The Influence of the U.S.A. National Security Review of Foreign Merger and Acquisition Towards State-owned Enterprises of China and the Related Suggestions // *Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences)*. 2016. Vol. 5. P. 74–83+194.
- Wang D.G. National Security Review: Legalization of Politics and Politicization of Law // *Peking University Law Journal*. 2016. Vol. 5. P. 1289–1313.
- Wu C.H. On the Review Organization and Scope of China's National Financial Security // *Law Science Magazine*. 2020. Vol. 3. P. 18–29+2.
- Ying H.H. Analysis of the Impact of Economic and Political Changes in Europe on Chinese Enterprises' Trade and Investment in Europe // *Practice in Foreign Economic Relations and Trade*. 2019. Vol. 11. P. 16–19.
- Zhang G.P. A Legal Interpretation of Pre-Establishment National Treatment Plus Negative List // *Jiangsu Social Sciences*. 2015. Vol. 3. P. 140–146.
- Zhang J.P., Liu H. 40 Years of Reform and Opening Up: 'Bringing in' and 'Going Out' // *Pioneers*. 2019. Vol. 2. P. 37–40.
- Zhang H.L. Enhanced Foreign Investment Security Review in the U.S. and Europe and Its Impact // *International Studies*. 2019. Vol. 5. P. 65–85.
- Zhang H.L. Path and Influence of British Foreign Investment Review Reform under the Background of Openness and Security Balance // *Intertrade*. 2020. Vol. 9. P. 68–75.
- Zhang G. On Relief Approaches of National Security Review under International Investment Arbitration // *International Business Research*. 2019. Vol. 5. P. 55–62.
- Zhang Y.Y. Tightening Global Investment Security Review and Reconstruction of International Investment Pattern // *Studies of International Finance*. 2019. Vol. 1. P. 8.
- Zhang X.T. Current Trends in International Investment Agreements and China's Response // *Frontiers*. 2017. Vol. 5. P. 69–75.
- Zhao B.W. New Trends in Global Foreign Investment Security Reviews and Their Impact on China // *World Economy Studies*. 2020. Vol. 6. P. 3–10+135.

Zhao J.J. A Comparative Study on the “Pre-Establishment National Treatment” of Banking Foreign Investment: From the Perspective of Practice in China(Shanghai) Pilot Free Trade Zone // *International Economics and Trade Research*. 2018. Vol. 2. P. 69–82.

Zhao J.Z., Ding G.N. The Security Review of the United States on the Investment and Merger of Chinese High-Tech Enterprises and China’s Countermeasures // *Asia-pacific Economic Review*. 2020. Vol. 1. P. 71–79+151.

Zheng Z.Y., Chen D.M. Knowledge Map of Environmental Law Research CSSCI (2009–2019), Literature Metering Analysis Based on Citespace // *Arid Land Resources and Environment*. 2020. Vol. 6. P. 62–72.

References:

Cai W. (2020) Legalization of National Security Review on Foreign Investment. *Intertrade*. Vol. 9. P. 90–96.

Chen C.M. (2005) CiteSpace II: Detecting and Visualizing Emerging Trends and Transient Patterns in Scientific Literature. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 57. Is. 3. P. 359–377. DOI: [10.1002/asi.20317](https://doi.org/10.1002/asi.20317)

Chen Y.H., Gao E.P. (2018) Suggestions on Improving Employment Security Review in Foreign Investment Law. *Academic Journal of Zhongzhou*. Vol. 4 P. 50–56.

Chen Z., Zhong Y.W. (2021) Evaluation of China’s Foreign Investment Security Review System under the New Development Pattern: Progress, Limitations and Improvement. *International Business Research*. Vol. 4. P. 87–97.

Chen Y.D., Feng C.C. (2018) Analysis of the United States’ National Security Review System in Foreign Investment and China’s Countermeasures. *Hunan University of Science & Technology (Social Science Edition)*. Vol. 3. P. 104–112.

Chin G.T. (2018) An Uncomfortable Truth: Canada’s Wary Ambivalence to Chinese Corporate Takeovers. *International Journal*. Vol. 73. Is. 3. P. 399–428. DOI: [10.1177/0020702018792917](https://doi.org/10.1177/0020702018792917)

Fang Y., Tian Z. (2020) Study on New Trends, Impacts and Response Strategies of U.S. Foreign Investment Security Review. *Theoretical Investigation*. Vol. 6. P. 14–19.

Ge S.Q., Lin L., Chen J.Y. (2019) Chinese Enterprises’ Cross-border Mergers and Acquisitions and the New System of Host Country Security Review. *Intertrade*. Vol. 10. P. 49–57.

Han B., Xu Q.Y. (2021) The Necessity of Financial Industry into Security Review. *China Finance*. Vol. 7. P. 74–75.

Han C.L. (2017) International Cooperation on Antitrust Review of Cross-Border Mergers and Acquisitions: From the Case of NXP’s Acquisition of Freescale. *Intertrade*. Vol. 3. P. 58–62.

Hu Z.N. (2019) Germany’s Enhanced Review of Foreign Direct Investment and its Impact on China — An Analysis Based on the Revision of the Foreign Economic Regulations. *Contemporary International Relations*. Vol. 6. P. 10–18.

Hu Z.N. (2019) The Impact and Response of the EU’s First FDI Security Review Mechanism. *Social Sciences*. Vol. 10. P. 42–51.

Hu Z.H., Jia Y.Z., Yu X. (2017) Study on the US Foreign Investment Security Review Mechanism and its Impact on China. *Public Finance Research*. Vol. 5. P. 89–99.

Hu Z.N., Qin Y. (2020) The New Trend and Implication of U. S. Tightening the National Security Review of FDI and the Countermeasures. *Intertrade*. Vol. 4. P. 64–71.

Huang X. (2016) Reflections on the Improvement of China’s National Security Review System. *Intertrade*. Vol. 6. P. 59–62.

Hundt D. (2020) The Changing Role of the FIRB and the Politics of Foreign Investment in Australia. *Australian Journal of Political Science*. Vol. 55. Is. 3. P. 328–343. DOI: [10.1080/10361146.2020.1766415](https://doi.org/10.1080/10361146.2020.1766415)

- Ji C., Guo J.X. (2019) The Historical Changes Institutional Design and China's Response of U.S. National Security Review Institutional in Foreign Investment. *Intertrade*. Vol. 6. P. 69–78.
- Jiang X.F., Zhang Q.L. (2019) Study on the Legal Framework for Screening Foreign Direct Investment in the European Union — From the Prospective of Industrial Policy. *Suibe*. Vol. 26. P. 84–98.
- Kong Q.J. (2019) The Convergence and Coordination of the Foreign Investment Law of the People's Republic of China and Related Laws. *Shanghai University of International Business and Economics*. Vol. 3. P. 5–13.
- Leng S. (2019) The Appraisal of European Union Framework for Screening Foreign Direct Investments and Countermeasures: Based on the Regulation Establishing a Framework for Screening Foreign Direct Investment in EU. *Modern Law Science*. Vol. 41. P. 194–209.
- Li F.N., Yue L. (2016) Routes and Choices of Dispute Settlement for US Investment under National Security Review. *Wuhan University of Technology (Social Science Edition)*. Vol. 3. P. 485–490.
- Li J. (2018) National Security Review System in Cross-border Investment of China's Enterprises. *Proceedings of 2018 7th International Conference on Social Science, Education and Humanities Research (SSEHR 2018)*. Xi'an. P. 411–416. DOI: [10.25236/ssehr.2018.080](https://doi.org/10.25236/ssehr.2018.080)
- Li W., Zhao L. (2019) Institutional Changes in U.S. National Security Review of Foreign Investment and Their Impacts on China. *Global Review*. Vol. 1. P. 44–71+159.
- Li Z.Q. (2019) Controversy and Solutions Concerning the US National Economic Security Review System. *Frontiers*. Vol. 19. P. 104–107.
- Lin L., Hu T. (2018) New Trends in U.S. Foreign Investment Security Review from FIRRMA. *International Economic Cooperation*. Vol. 8. P. 12–15.
- Liu Y., Sun B. (2020) On Technology Export Control from the Perspective of Linkage Relationship with National Security Review of Foreign Investment and China's Countermeasures. *Intertrade*. Vol. 6. P. 72–79.
- Lian Z., Wang Y., Sun W.L. (2019) The National Security Review Regime on Investment Activities under the Trump Administration: New Features and Their Reasons. *International Forum*. Vol. 2. P. 112–124+158–159.
- Liao F. (2020) Foreign Investment Law: Background, Innovation and Prospect. *Xiamen University (Arts & Social Sciences)*. Vol. 3. P. 140–149.
- Ma N. (2016) The Guarantee Function and Realization Path of National Network Security Review System. *Global Law Review*. Vol. 5. P. 134–150.
- Pang M.C., Zhu H., Liu J. (2014) Reform of China's Foreign Investment Access System Based on Pre-Entry National Treatment Plus Negative List Management. *Macroeconomics*. Vol. 12. P. 12–18+41.
- Qi T. (2020) On the Judicial Review of National Security Screening Decision of Foreign Investment. *Wuhan University Journal (Philosophy & Social Science)*. Vol. 3. P. 142–150.
- Ren C.Y. (2017) Reform of Foreign Investment System in China's Pilot Free Trade Zone. *Enterprise Economy*. Vol. 10. P. 164–170.
- Sun J., Wang Y.R. (2020) Deficiencies of the EU's New FDI Review Mechanism and China's Response. *Practice in Foreign Economic Relations and Trade*. Vol. 12. P. 8–11.
- Sun N.S., Peng Y. (2014) Legislative Improvement and Perfection Measures of the National Security Review System for Foreign-Invested Mergers and Acquisitions. *Academia Bimestris*. Vol. 3. P. 145–151.
- Sun Y.X. (2014) International Experiences of Negative List Management for Foreign Investment: The Case of China (Shanghai) Pilot Free Trade Zone. *Reform*. Vol. 10. P. 37–45.
- Tao L.F. (2016) Accountability Analysis of National Security Review of Foreign Investment. *Law Science*. Vol. 1. P. 67–75.

- Tu X.Q., Shi D.S. (2016) Research on the System of Foreign Participation in PPP Projects in China. *Study & Exploration*. Vol. 1. P. 111–116.
- Tu X.Q., Zhou J.K. (2016) The Influence of the U.S.A. National Security Review of Foreign Merger and Acquisition Towards State-owned Enterprises of China and the Related Suggestions. *Tsinghua University (Philosophy and Social Sciences)*. Vol. 5. P. 74–83+194.
- Wang D.G. (2016) National Security Review: Legalization of Politics and Politicization of Law. *Peking University Law Journal*. Vol. 5. P. 1289–1313.
- Wu C.H. (2020) On the Review Organization and Scope of China's National Financial Security. *Law Science Magazine*. Vol. 3. P. 18–29+2.
- Ying H.H. (2019) Analysis of the Impact of Economic and Political Changes in Europe on Chinese Enterprises' Trade and Investment in Europe. *Practice in Foreign Economic Relations and Trade*. Vol. 11. P. 16–19.
- Zhang G.P. (2015) A Legal Interpretation of Pre-Establishment National Treatment Plus Negative List. *Jiangsu Social Sciences*. Vol. 3. P. 140–146.
- Zhang J.P., Liu H. (2019) 40 Years of Reform and Opening Up: 'Bringing in' and 'Going Out'. *Pioneers*. Vol. 2. P. 37–40.
- Zhang H.L. (2019) Enhanced Foreign Investment Security Review in the U.S. and Europe and Its Impact. *International Studies*. Vol. 5. P. 65–85.
- Zhang H.L. (2020) Path and Influence of British Foreign Investment Review Reform under the Background of Openness and Security Balance. *Intertrade*. Vol. 9. P. 68–75.
- Zhang G. (2019) On Relief Approaches of National Security Review under International Investment Arbitration. *International Business Research*. Vol. 5. P. 55–62.
- Zhang Y.Y. (2019) Tightening Global Investment Security Review and Reconstruction of International Investment Pattern. *Studies of International Finance*. Vol. 1. P. 8.
- Zhang X.T. (2017) Current Trends in International Investment Agreements and China's Response. *Frontiers*. Vol. 5. P. 69–75.
- Zhao B.W. (2020) New Trends in Global Foreign Investment Security Reviews and Their Impact on China. *World Economy Studies*. Vol. 6. P. 3–10+135.
- Zhao J.J. (2018) A Comparative Study on the "Pre-Establishment National Treatment" of Banking Foreign Investment: From the Perspective of Practice in China(Shanghai) Pilot Free Trade Zone. *International Economics and Trade Research*. Vol. 2. P. 69–82.
- Zhao J.Z., Ding G.N. (2020) The Security Review of the United States on the Investment and Merger of Chinese High-Tech Enterprises and China's Countermeasures. *Asia-pacific Economic Review*. Vol. 1. P. 71–79+151.
- Zheng Z.Y., Chen D.M. (2020) Knowledge Map of Environmental Law Research CSSCI (2009–2019), Literature Metering Analysis Based on CiteSpace. *Arid Land Resources and Environment*. Vol. 6. P. 62–72.

Дата поступления/Received: 15.12.2023

Формирование мероприятий опережающего развития научно-технического потенциала обрабатывающих производств России

Худяков Владимир Викторович¹

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [7262-9518](#), ORCID: [0000-0002-5103-5508](#), hvv.74@mail.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ.

Мерзлов Игорь Юрьевич

Доктор экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [2622-0582](#), ORCID: [0000-0002-8317-5708](#), imerzlov@yandex.ru

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ.

Аннотация

Статья посвящена формированию мероприятий по реализации механизмов обеспечения опережающего развития научно-технического потенциала обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе принципов концепции «умная специализация». Методологической базой исследования послужили модель развития инноваций «открытый новатор» на основе комбинирования линейных и нелинейных моделей развития инноваций с определением рамочных условий, роли и места «открытого новатора», положения сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности, мероприятия стратегии научно-технологического развития и концепции технологического развития Российской Федерации. Методы работы — анализ научной литературы, нормативно-правовых актов; векторный метод вычисления величины и целеустремленности достижения поставленной цели управления; систематизация мероприятий. Опережающее развитие научно-технического потенциала обрабатывающих производств России представляется в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе комбинирования линейных и нелинейных моделей развития инноваций с определением рамочных условий, роли и места «открытого новатора», который рассматривается авторами в качестве концептуальной основы формирования как национальной инновационной системы, так и региональной и отраслевой инновационных систем. Определены компоненты научно-технического потенциала обрабатывающих производств России — организационный, материальный и финансовый потенциалы, развитие которых обеспечит опережающий рост научно-технического потенциала обрабатывающих производств России. В качестве механизмов опережающего развития научно-технического потенциала обрабатывающих производств России предложены принципы концепции «умной специализации». Сформированы мероприятия для реализации механизмов обеспечения опережающего развития научно-технического потенциала обрабатывающих производств России с позиции промышленной системы и с позиции новатора в модели развития инноваций «открытый новатор».

Ключевые слова

Научно-технический потенциал, обрабатывающая промышленность, модель развития инноваций, национальная инновационная система, механизмы развития.

Для цитирования

Худяков В.В., Мерзлов И.Ю. Формирование мероприятий опережающего развития научно-технического потенциала обрабатывающих производств России // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 77–94. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-77-94

Formation of Measures for the Advanced Development of Scientific and Technical Potential of Manufacturing Industry in Russia

Vladimir V. Khudyakov²

Postgraduate student, ORCID: [0000-0002-5103-5508](#), hvv.74@mail.ru

Perm State University, Perm, Russian Federation.

Igor Yu. Merzlov

DSc (Economics), ORCID: [0000-0002-8317-5708](#), imerzlov@yandex.ru

Perm State University, Perm, Russian Federation.

Abstract

The article is devoted to the formation of measures for implementing mechanisms to ensure the advanced development of scientific and technical potential of manufacturing industries in Russia in the model of innovation development “open innovator” based on the principles of the concept of “smart specialization”. The methodological basis of the study is the model of innovation development “open innovator” based on the combination of linear and non-linear models of innovation development with the definition of the framework conditions, the role and place of “open innovator”, the provisions of the consolidated strategy for developing the manufacturing industry, the measures of the strategy of scientific and technological development and the concept of technological development of the Russian Federation. Methods of work include analysis of scientific literature, normative and legal acts; vectorial method of calculation of value and expediency of achievement of the set management goal; systematisation of measures. The advanced

¹ Корреспондирующий автор

² Corresponding author.

development of the scientific and technical potential of the Russian manufacturing industry is presented in the model of innovation development "open innovator", which is based on the combination of linear and non-linear models of innovation development with the definition of the framework conditions, the role and place of the "open innovator", considered by the authors as a conceptual basis for the formation of both the national innovation system, and regional and sectoral innovation systems. The components of the scientific and technological potential of the Russian manufacturing industry are defined: organisational, material and financial potential, the development of which will ensure the advanced growth of the scientific and technological potential of the Russian manufacturing industry. The principles of the concept of "smart specialisation" are proposed as mechanisms of advanced development of the scientific and technical potential of the manufacturing industry in Russia. Measures for the implementation of mechanisms to ensure the advanced development of scientific and technical potential of Russia's manufacturing industry from the position of the industrial system and from the position of the innovator in the "open innovator" model of innovation development were developed.

Keywords

Scientific and technical potential, manufacturing industry, innovation development model, national innovation system, development mechanisms.

For citation

Khudyakov V.V., Merzlov I.Yu. (2024) Formation of Measures for the Advanced Development of Scientific and Technical Potential of Manufacturing Industry in Russia. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 77–94. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-77-94

Введение

В сложившихся геополитических условиях опережающее развитие³ обрабатывающих производств⁴ определено как одна из важнейших государственных задач в российской экономике. Обрабатывающие производства России рассматриваются как драйвер импортозамещения, а их опережающее развитие является жизненной необходимостью для развития экономики России в целом и ее регионов [Батов и др. 2019, 45]. Из анализа зарубежного опыта следует, что состояние научно-технического потенциала (далее — НТПт), наряду с приоритетными потребностями развития экономики, во многом определяет выбор инновационной политики [Суховой, Голова 2020, 1307]. В свою очередь, установлено, что главной государственной задачей в области инновационной деятельности остается мобилизация возможностей НТПт промышленности [Demidenko et al. 2019].

Практика показывает, что развитие НТПт обрабатывающих производств России только путем вливания капитальных вложений недостаточен, необходимы и другие механизмы [Miller, Miller 2019]. В последнее время широкое распространение получает концепция «умной специализации», определяющая стратегические приоритеты инновационной политики, нацеленная на создание механизмов управления и использования «умной политики» для максимальной реализации и развития имеющегося НТПт⁵. В этой связи реализацию концепции «умной специализации» в промышленности [Чернова, Климук 2019], нацеленной на внедрение инноваций и укрепление НТПт промышленного комплекса [Широкова, Курникова 2020, 100], целесообразно рассматривать как механизм обеспечения опережающего развития обрабатывающих производств России и национальной экономики в целом, нацеленной на «умный» экономический рост. Концепция «умной специализации» является движущей силой структурных изменений, позволяет строить модели развития инноваций и, будучи отраслевой политикой, продвигая предпринимательскую инициативу «снизу вверх», занимает особое место в пространстве национальной инновационной системы (НИС) [Foray 2016, 1428, 1431], основанной на моделях развития инноваций. Предприятия и организации промышленности также являются неотъемлемой частью НИС, а их инновационное развитие — важной частью повышения качества функционирования НИС.

³ Опережающее развитие — концепция, которая предполагает высокий темп экономического роста в среднесрочной и долгосрочной перспективах за счет качественных изменений институтов и структуры экономики для сокращения расстояния от стран-лидеров [Штельцер 2016].

⁴ обрабатывающие производства, обрабатывающая промышленность, промышленность рассматриваются как тождественные термины.

⁵ Midtkandal I., Sörvik J. What Is Smart Specialization // Nordregio News [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.nordregio.se/en/Metameny/Nordregio-News/2012/Smart-Specialisation/Context/index.html> (дата обращения: 10.12.2023).

В целях формирования мероприятий для обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в рамках данной работы поставлены следующие задачи:

- обзор научной литературы, посвященной роли и месту обрабатывающих производств в НИС, моделям развития инноваций, для обоснования использования модели развития инноваций «открытый новатор» в качестве НИС, региональной инновационной системы (РИС), отраслевой инновационной системы (ОИС) и для доказательства важности построения современной НИС для обеспечения опережающего развития;
- формирование мероприятий по реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе принципов концепции «умной специализации» для определенных компонентов НТПт обрабатывающих производств России и НТПт обрабатывающих производств России в целом; анализ принятых и действующих нормативно-правовых актов (НПА) в России, направленных на научно-техническое развитие и развитие обрабатывающих производств России.

Исследование базируется на следующих предпосылках (результатах предыдущих исследований авторов):

- использование конкретных компонентов НТПт обрабатывающих производств России, эффективное применение которых с помощью сформированных мероприятий обеспечит опережающее развитие НТПт обрабатывающих производств России;
- опережающее развитие НТПт обрабатывающих производств России рассматривается в рамках авторской модели развития инноваций «открытый новатор» на основе комбинирования линейных и нелинейных моделей развития инноваций с определением рамочных условий, роли и места «открытого новатора» (далее — модель развития инноваций «открытый новатор») как единой основы формирования НИС, РИС и ОИС; место и роль обрабатывающих производств России в данной модели определяется как в качестве новатора, так и в качестве промышленной системы;
- механизмы обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» разработаны на принципах концепции «умной специализации».

Обзор научной литературы

Роль и место обрабатывающих производств России в НИС

Основным индикатором при реализации Указа Президента Российской Федерации № 642⁶ будет служить развитие НТПт, на первом этапе которого основной задачей является создание необходимых условий для роста технологий и инноваций. В этом же НПА указано, что лидерство по избранным отраслям научно-технического развития и построение целостной НИС России являются альтернативными сценариями стратегии научно-технологического развития Российской Федерации для обеспечения независимости и конкурентоспособности российской экономики.

Правильный выбор приоритетного направления развития экономики при наличии необходимого НТПт позволит достичь опережающего развития национальной экономики и обеспечит ее конкурентоспособность [Глазьев 2018]. Стратегия опережающего развития национальной экономики должна включать форсированный рост отраслей [Глазьев 2020, 17], стимулирование активизации имеющегося НТПт, полноценного раскрытия НТПт. Одним из возможных решений может стать стимулирование научно-технического развития промышленности [Uskov 2020]. Именно опережающее развитие НТПт обрабатывающих производств России позволит решить

⁶ Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения: 10.12.2023).

важнейшие социально-экономические задачи [Shinkevich et al. 2017] и обеспечит значительный рост национальной экономики. Опережающее развитие НТПт обрабатывающих производств России без построения современной НИС неосуществимо.

Если рассматривать роль обрабатывающих производств в НИС из опыта успешно развивающихся экономик, то некоторые авторы отводят обрабатывающей промышленности особую роль, например, в НИС Китая, отмечая в ее инфраструктуре широту и глубину, которые делают китайскую экономику «мастерской мира», и указывают, что НИС Китая можно в широком смысле определить как институциональный потенциал страны [Hu, Mathews 2008]. Ранний отечественный опыт построения НИС характеризуется в основном его формированием на базе высокотехнологичных отраслей промышленности и науки, входящей в структуру Российской академии наук [Воронцова 2020]. В настоящее время отечественная НИС, пока еще фрагментарная, состоит из отдельных институтов и организаций, движется к экономике знаний и открытым инновациям, в которых важнейшее значение приобретают НТПт и интеллектуальный потенциал [Ситников, Гринев 2019]. Современность и качество моделей развития инноваций (или НИС) для обеспечения опережающего развития обрабатывающих производств России, следовательно, и ускоренного развития национальной экономики становятся важнейшей основой развития.

Модели развития инноваций, НИС

Хорошо организованные НИС являются мощными двигателями роста экономики, тогда как плохо организованные НИС могут тормозить инновации [Cimolia, Porcilec 2009, 684]. Инновации обеспечивают формирование моделей развития инноваций и выступают как основа для научно-технического развития [Просалова и др. 2019]. «Открытые инновации в основном происходят в промышленности» [Yun, Liu 2019, 4], использующей открытые платформы для создания и поддержания инноваций, которые можно продвигать с помощью государственной политики в рамках НИС. Для определения современной модели инноваций, на основе которой можно формировать отечественную НИС, произведем классификацию поколений моделей развития инноваций по времени появления:

- 1) первое поколение моделей развития инноваций относится к началу 1950-х – концу 1960-х годов; суть инновационной модели «технологический рывок» характеризуется линейным процессом;
- 2) второе поколение (с конца 1960-х до первой половины 1970-х годов) связано с С. Майерсом и Д. Маркизом, которые в 1969 году сформулировали суть инновационной модели «рыночный спрос»: научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (исследования и разработки, НИОКР) осуществляются с учетом пожеланий заказчика;
- 3) третье поколение (со второй половины 1970-х до конца 1980-х годов) представлено двумя инновационными моделями:
 - суть «модели сцепления», предложенной Д. Мауэри и Н. Розенбергом в 1979 году, — взаимодействие различных функций;
 - суть «интерактивной модели», предложенной Р. Ротуэллом и В. Зегвельдом в 1985 году, — взаимодействие с научно-исследовательскими институтами и рынком.
- 4) четвертое поколение относится к концу 1980-х — началу 1990-х годов; Ст. Клайн и Н. Розенберг в 1986 году ввели в оборот «интегрированную (комплексную) модель», суть которой характеризуется одновременным процессом с контурами обратной связи — «цепная» модель;

- 5) пятое поколение охватывает 1990-е годы; «модель сетевого взаимодействия» была представлена Р. Ротуэллом в 1992 году, суть модели — системная интеграция и сети;
- 6) шестое поколение относится к 2000-м годам; основоположником инновационной модели «открытые инновации» является Г. Чесбро, суть предложенной им в 2003 году модели — инновационное сотрудничество и множество путей использования;
- 7) седьмое поколение, зарождающееся с 2010 года, но еще до конца не сформированное, — «открытый новатор», суть модели — сосредоточение на индивидуальных и рамочных условиях, в которых можно стать новатором [Meissner 2014].

НИС, построенная на евроатлантической модели, базирующейся на относительно новой модели «тройной спирали», позволяет на практике инновационно развитым государствам занимать лидирующие места в международных рейтингах инновационного развития. НИС России базируется на основе модели «тройной спирали», обладающей следующими особенностями: разветвленной сетью организаций, осуществляющих НИОКР; ведущей ролью предпринимательского сектора как основного потребителя результатов НИОКР в структуре источников финансирования; институциональной системой поддержки инновационной деятельности; разноплановой совокупностью мероприятий, направленных на стимулирование и поддержку организаций на длительный период, выполняющих НИОКР; встречным потоком спроса на инновации в промышленности [Краснянская 2022]. Одним из примеров успешной реализации модели «тройной спирали» в России является сотрудничество Томского государственного университета систем управления радиотехники (ТУСУР) с промышленными предприятиями, входящими в учебно-научно-инновационный комплекс, результатом которого является развитие собственных технологий, развитие НТПт промышленных предприятий и выпуск 80% всей наукоемкой продукции Томской области [Наумова, Соколова 2022]. На современном этапе в моделях развития инноваций выделяются также «четырёхзвенные» и «пятизвенные» инновационные спирали. Исходя из тенденций формирования моделей развития инноваций, построение целостной НИС России целесообразно осуществлять на базе современной модели развития инноваций «открытый новатор».

Концептуальная основа НИС, построенная на моделях развития инноваций, предполагает, что конечной целью структуры НИС являются инновации и что НИС является более крупной системой, состоящей из таких секторов, как правительство, университет, промышленность и их среда [Godin 2009]. М.В. Курбатова, Е.С. Каган, А.А. Вшивкова в качестве движущей силы развития в рамках базовой модели развития инноваций, модели «тройной спирали» видят предпринимательский университет и отводят ему центральную роль в формировании НТПт и переходе на инновационный путь развития, что превращает вузы в драйверы регионального развития [Курбатова и др. 2018]. С.А. Иванова и Е.А. Карагулян ключевую роль в стратегическом экономическом развитии страны также отводят научным кадрам как компоненту НТПт и определяют вузам центральную роль в модели взаимодействия «наука — бизнес — государство» [Иванова, Карагулян 2019]. НИС, вследствие масштабов страны, многоплановости и многофакторности экономики, поэтапно формируется на базе региональных и отраслевых инновационных подсистем [Хачатурян, Хачатурян 2016], поэтому построение НИС, РИС, ОИС путем использования единой модели развития инноваций стало бы разумным решением.

Механизмы обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России

Н.М. Абдикеев, Ю.С. Богачев, С.Р. Бекулова отмечают несоответствие механизмов организации инновационной деятельности как в государственном, так и в частном секторах экономики и неадекватность модели развития инноваций в России, приводят парадигму стран-лидеров по развитию инновационной экономики, в которой определяющими, ключевыми факторами развития является наличие благоприятных условий для ученых, новаторов, предпринимательской среды и организаций, которые с помощью определенных механизмов должны обеспечить увеличение межотраслевого взаимодействия, генерацию знаний, повышение инновационной мобильности обрабатывающих производств [Абдикеев и др. 2019]. Повышение качества функционирования и развития НИС путем структурных изменений в экономике, направленных только на значительный рост доли обрабатывающих производств за счет государственной поддержки, не обеспечивается, хотя потенциал «экономического роста за счет обрабатывающей промышленности практически безграничный, но в большей части не используется» [Шевченко и др. 2017, 106]. Даже ведущие отрасли промышленности России не имеют ресурсов для увеличения расходов на технические инновации для научно-технического развития и не располагают финансовыми возможностями для форсирования развития НТПт [Корепанов 2021], поэтому необходимы и другие механизмы научно-технического развития. Использование принципов концепции «умной специализации» в качестве механизмов опережающего развития может стать среднесрочной перспективой развития обрабатывающей промышленности [Котов 2023], а оптимальным инструментом реализации концепции «умной специализации» является модель инновационной системы, построенная на концепции «четверной спирали» [Батракова 2020, 77] или «пятизвенной спирали». Поэтому формирование мероприятий по реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» и на основе принципов «умной специализации» должно опираться на «целенаправленную деятельность по приобретению высококачественного состояния, обеспечению поступательного и устойчивого развития на основе различных факторов, позволяющих эффективно использовать ресурсы» [Батов 2022, 276], что позволит разрешить вызовы текущего десятилетия: устранить недостаточную эффективность НИС России⁷ и ускорить развитие обрабатывающих производств России.

Методика, результаты исследования

В формировании политики в области научно-технического и инновационного развития, в государственном управлении среди организаций и учреждений, входящих в модель развития инноваций, в управлении инновациями все более активную роль занимает оценка инноваций и НТПт [Arnold 2004]. Стратегический анализ НТПт отрасли, выявление приоритетных направлений развития и формирование мероприятий для развития являются ключевыми этапами формирования отраслевого механизма обеспечения сбалансированного функционирования НИС [Винслав 2019]. В связи с этим методика формирования мероприятий реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе принципов концепции «умная специализация» структурно представлен на Рисунке 1.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 10.12.2023).

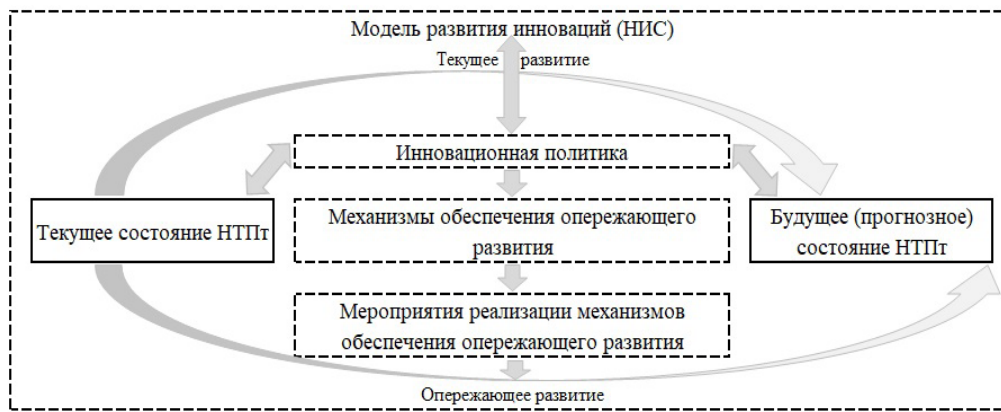

Рисунок 1. Методика формирования мероприятий по реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт⁸

Анализ текущего состояния НТПт обрабатывающих производств России авторами произведен подробно в другом исследовании, в соответствии с которым для определения конкретных компонентов НТПт обрабатывающих производств России, эффективное использование которых обеспечит опережающее развитие НТПт обрабатывающих производств России, используется векторный метод вычисления величины и целеустремленности достижения поставленной цели управления. Для достижения поставленных целей управления — прогнозных значений индекса НТПт обрабатывающих производств России, представленных в Таблице 1 (восьмой этап прогнозно-управленческой модели оценки НТПт), определяется величина достижения цели управления σ по формуле 1:

$$\sigma = \frac{(B,A)}{|A|^2} 100\% = \frac{\sum_{i=1}^n b_i a_i}{\sum_{i=1}^n a_i^2} 100\%, \quad (1)$$

и целеустремленность достижения цели управления α по формуле 2:

$$\alpha = \cos\beta = \frac{(B,A)}{|B||A|} = \frac{\sum_{i=1}^n b_i a_i}{\sqrt{\sum_{i=1}^n b_i^2} \sqrt{\sum_{i=1}^n a_i^2}}. \quad (2)$$

Величина достижения цели и целеустремленность достижения цели производится для групп, блоков, подблоков компонентов НТПт обрабатывающих производств России [Пенский 2020], представленных в Таблице 2 (девятый этап прогнозно-управленческой модели оценки НТПт).

Таблица 1. Цели управления обрабатывающих производств России⁹

Цели управления							
Годы	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028
Прогнозные значения индекса НТПт обрабатывающих производств России	1,61	1,60	1,60	1,59	1,58	1,58	1,57

⁸ Составлено авторами.

⁹ Составлено авторами.

Таблица 2. Величина достижения цели управления и целеустремленность достижения цели управления НТПт обрабатывающих производств России¹⁰

Компоненты	Величина достижения цели управления σ	Целеустремленность достижения цели управления α
Группа внутренних компонентов	274,81	1,00
Блок кадрового (трудового) потенциала	89,44	0,99
<i>Удельный вес численности занятых по уровню образования и квалификации</i>	87,47	0,99
<i>Удельный вес персонала, занятого исследованиями и разработками</i>	1,97	0,99
Блок материально-технического потенциала	5,81	1,00
<i>Материальный потенциал</i>	1,57	1,00
<i>Технический потенциал</i>	4,25	0,99
Блок информационного потенциала	2,18	0,99
Блок инновационного потенциала	14,90	0,98
<i>Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг</i>	12,17	0,98
Блок технологического потенциала	36,78	0,97
Блок нематериального потенциала	0,04	0,84
Блок организационного потенциала	60,71	1,00
Блок правового потенциала	1,61	0,99
Блок финансового потенциала	1,93	1,00
Блок инвестиционного потенциала	1,44	0,98
Блок налогового потенциала	52,24	0,98
Блок бюджетного потенциала	0,41	0,94
<i>Удельный вес затрат на технологические инновации по источникам бюджетного финансирования</i>	0,41	0,94
Блок предпринимательского потенциала	7,31	0,84
Группа входных компонентов	0,52	0,99
Группа выходных компонентов	0,04	0,83

Расчеты величины σ и целеустремленности α достижения цели управления свидетельствуют, что развитие внутренних компонентов, прежде всего организационного потенциала, материально-технического потенциала, а именно материального потенциала и финансового потенциала, — наиболее эффективный путь для опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России.

В разработанной авторами модели развития инноваций «открытый новатор» на Рисунке 2 в качестве механизмов обеспечения опережающего развития предложены принципы концепции «умной специализации» [Худяков 2022].

¹⁰ Составлено авторами.

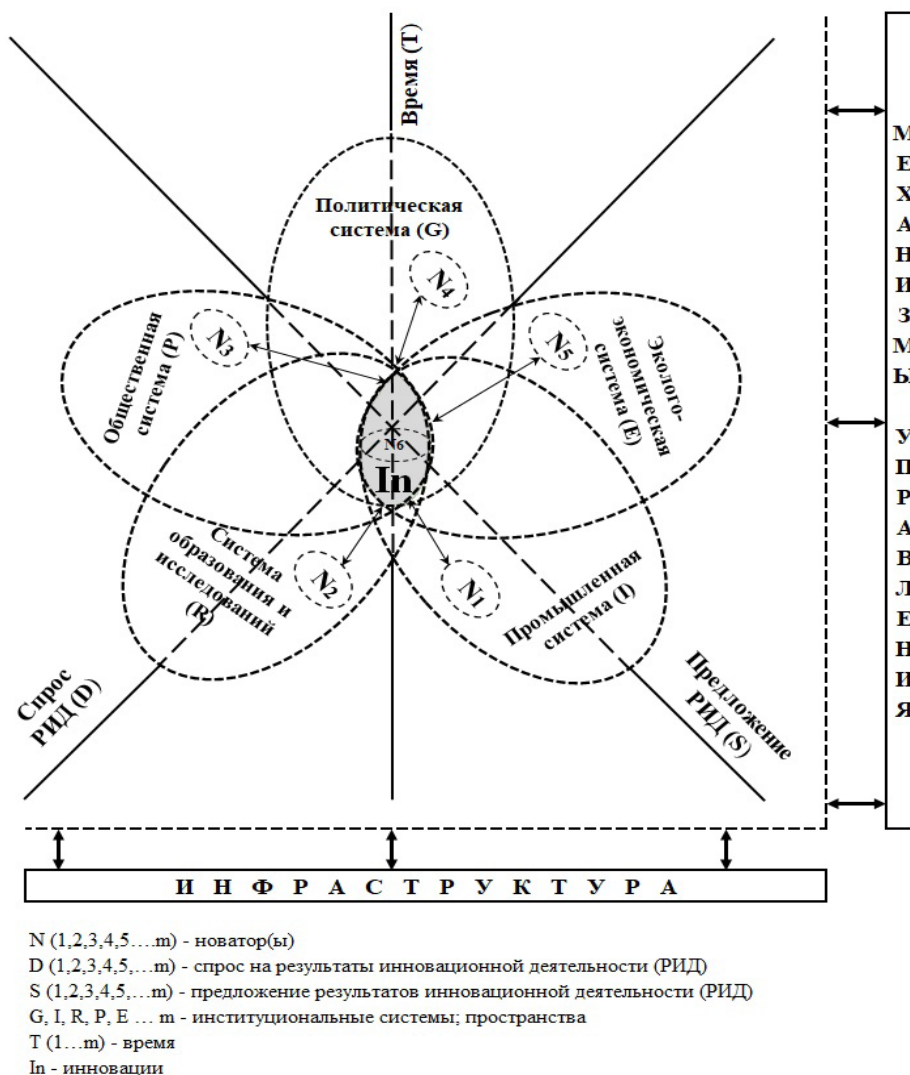

Рисунок 2. Модель развития инноваций «открытый новатор»¹¹

Модель развития инноваций «открытый новатор» может рассматриваться перспективной основой для формирования современной НИС и использоваться как единый методологический подход к формированию как НИС, так и РИС, ОИС. РИС — более общая концепция, чем кластеры, опирающаяся на НИС и являющаяся частью НИС и глобальных инновационных систем [Asheim et al. 2011]. Кластеры представляют собой мощный инструмент для развития промышленности, обладают огромным потенциалом знаний, межрегиональных взаимодействий и динамики для реализации принципов концепции «умной специализации», могут служить основой на этапе разработки и этапе реализации концепции «умной специализации» на местном уровне¹², рассматриваются как важный компонент НИС, РИС, ОИС и представляются авторами как зона *In* в модели развития инноваций «открытый новатор». НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» может рассматриваться как в качестве промышленной системы (*I*), так и новатора(ов) (*N*).

Для опережающего достижения будущего (прогнозного) состояния НТПт обрабатывающих производств России (Таблица 1) сформированы мероприятия по реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций

¹¹ Составлено авторами.

¹² Foray D., Goddard J., Beldarrain X.G., Landabaso M., McCann P., Morgan K., Nauwelaers C., Ortega-Argiles R. Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisations // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/en/w/guide-on-research-and-innovation-strategies-for-smart-specialisation-ris3-guide-> (дата обращения: 10.12.2023).

«открытый новатор» на основе принципов концепции «умная специализация» организационного потенциала, материального потенциала, финансового потенциала и НТПт обрабатывающих производств России в целом (Таблица 3).

Таблица 3. Мероприятия по реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе принципов концепции «умная специализация»¹³

Механизмы обеспечения опережающего развития в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе принципов концепции «умной специализации» ¹⁴	Мероприятия ¹⁵	
	НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» в качестве промышленной системы (I)	НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» в качестве новатора(ов) (N)
Создание системы взаимодействия государственного, промышленного, научного, общественного, экологического и других секторов, $N_m \in GVPVRVIVEV \dots mVIn$	Организационный потенциал	
	в законодательстве Российской Федерации для реализации крупномасштабных инновационных проектов новой организационно-правовой формы — исследовательского консорциума.	Обеспечение правовой охраной внедрение РИД (НИОКР) новатора(ов) в действующее производство на вновь созданных демонстрационных зонах промышленного освоения РИД, в том числе в рамках инновационных научно-технологических центров.
	Материальный потенциал	
	Разработка порядка управления материальными активами, образовавшимися в результате НИОКР при реализации государственного заказа (опытные образцы, испытательные стенды, материальные носители информации о РИД и т.д.).	Разработка порядка использования материальных фондов на льготных условиях новатором(ами), стартапами, быстрорастущими технологическими компаниями на вновь созданных демонстрационных зонах промышленного освоения РИД, в том числе в рамках инновационных научно-технологических центров.
Создание системы взаимодействия государственного, промышленного, научного, общественного, экологического и других секторов, $N_m \in GVPVRVIVEV \dots mVIn$	Финансовый потенциал	
	1. Снижение требований при государственном софинансировании отдельных сложных, технологически сложных и рискованных НИОКР. 2. Льготное финансирование проектов долгосрочных НИОКР с выделением этапов, с возможным выходом за рамки бюджетного цикла компаний, стимулирующих коммерциализацию создаваемых РИД..	Обеспечение развития новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний источниками финансирования посредством создания или адаптации специальных долговых и долевого финансовых инструментов.
	НТПт обрабатывающих производств России	
	1. Организация новых субъектов инновационного развития: а) объединений (технологических холдингов и др.); б) научно-образовательных структур (исследовательских консорциумов) на основе комплексных организационных форм управления и сетевого формата взаимодействия. 2. Развитие международного научно-технического сотрудничества и промышленной кооперации (разработка и согласование стандартов, регламентов взаимодействия, договорно-правовой базы).	1. Организация новых субъектов инновационного развития: а) малых технологических компаний; б) профессиональных технологических посредников (брокеров) на основе комплексных организационных форм управления и сетевого формата взаимодействия. 2. Обеспечение поддержки в иностранных юрисдикциях новатора(ов), стартапов, отечественных технологических компаний в сфере охраны прав на РИД.

¹³ Составлено авторами.

¹⁴ В соответствии с Таблицей 1 в публикации [Худяков 2022].

¹⁵ На основании Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. N 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71551998/> (дата обращения: 10.12.2023); Распоряжения Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года» // Гарант Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74142592/> (дата обращения: 10.12.2023); Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 10.12.2023).

<p>Поиск уникальной специализации, конкурентоспособного вида экономической деятельности,</p> <p>$I_n \leq N_m$</p>	Организационный потенциал	
	Обеспечение правового режима преференциальных инновационных научно-технических центров на отдельных территориях, пространствах (унификация предоставляемых льгот и преференций, оптимизация количества).	Предоставление возможности применения в отдельных сферах инноваций новатором(ами), стартапами, быстрорастущими технологическими компаниями экспериментальных правовых режимов.
	Материальный потенциал	
	Обновление, расширение основных фондов.	Обновление средств производства через утилизационные механизмы.
	Финансовый потенциал	
	Тестирование новых финансовых механизмов на созданных экспериментальных территориях (зонах, пространствах) внедрения инноваций, принципиально новых технологий.	Выделение квот в рамках финансового обеспечения уникальных инновационных проектов новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
	НТПт обрабатывающих производств России	
	Реализация крупномасштабных исследовательских проектов приоритетного инновационного развития и технологического суверенитета, включая прикладные исследования.	Реализация программы внедрения наилучших инновационных разработок и доступных технологий, собственных линий разработки технологий новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
<p>Поддержка предпринимательского открытия, поиск бизнесом новых возможностей,</p> <p>$N_m \Rightarrow I_n$</p>	Организационный потенциал	
	Нормативное обеспечение поддержки инновационных проектов с повышенным риском инвестиций в технологические компании с применением «портфельного подхода» к оценке эффективности инвестиций с учетом возможных отрицательных результатов по отдельным проектам.	Обеспечение правовой защитой, устранение регуляторных барьеров для инноваций и рынка интеллектуальной собственности в интересах разработчиков, предпринимателей, инвесторов, новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
	Материальный потенциал	
	Оформление, регистрация объектов интеллектуальной собственности (опытный образец, изобретение, база данных, секрет производства (ноу-хау) и др.) в результате НИОКР.	Обеспечение возможности использования новатором(ами), стартапами, быстрорастущими технологическими компаниями материальной базы центров коллективного пользования инфраструктурой НИОКР, тестирования и испытаний.
<p>Поддержка предпринимательского открытия, поиск бизнесом новых возможностей,</p> <p>$N_m \Rightarrow I_n$</p>	Финансовый потенциал	
	Развитие альтернативного финансирования предпринимательского открытия – облигации, вхождение в капитал, содействие инвесторам в заключении долгосрочных контрактов принятие рисков, части затрат государством при реализации долгосрочных некупаемых предпринимательских инновационных проектов.	Создание специальных инструментов финансовой поддержки в целях доработки инноваций под требования крупных заказчиков, создание института кредитования под залог интеллектуальной собственности, повышение доступности кредитных продуктов, предоставление инвестиционного финансирования с использованием крауд-платформы, эндаумент-фондов (фонды целевого капитала), института бизнес-ангелов для новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
	НТПт обрабатывающих производств России	
	Создание и развитие экспериментальных и опытно-промышленных производств с НИОКР.	Поддержка и развитие молодежного инновационного и технологического предпринимательства.

<p>Интенсификация приоритетного межрегионального взаимодействия,</p> <p>$N_m \in In$</p>	Организационный потенциал	
	Тестирование новых организационно-правовых форм на созданных для экспериментальных территориях (зонах, пространствах) внедрения инноваций, принципиально новых технологий.	Разработка единых стандартов и регламента взаимодействий для функционирования межрегиональной сети центров трансфера инноваций и технологий.
	Материальный потенциал	
	Технологическая модернизация материальных фондов промышленности для повышения эффективности предприятий.	Технологическая модернизация средств производства новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
	Финансовый потенциал	
	Финансирование для стимулирования параллельных НИОКР, инноваций, технологий и продуктов одного назначения.	Проектное финансирование с предоставлением долгосрочных и льготных источников финансирования для сетевых региональных институтов развития.
	НТПт обрабатывающих производств России	
Создание и развитие института «квалифицированного заказчика» в составе генеральных конструкторов и конструкторских бюро выработки технических заданий на НИОКР улучшения производственных и технологических процессов.	Создание и развитие навигатора мер поддержки в сфере инноваций по принципу «единого окна».	
<p>Содействие взаимодействию заинтересованных сторон,</p> <p>$(D_m \Leftrightarrow S_m) \in T_m$</p>	Организационный потенциал	
	Установление и реализация предпочтительно на государственном уровне прозрачных и стабильных регуляторных норм поведения и взаимодействия субъектов инновационного и технологического развития.	Урегулирование правоотношений новатора (правообладателя) с государством в отношении созданных за счет собственных средств новатора(ов) в инициативном порядке РИД, необходимых для государственных нужд (исключительные права, права использования, установление цены приобретения прав на РИД и т.д.).
	Материальный потенциал	
	Предоставление промышленной ипотеки для обновления материального фонда, разработка льготного лизинга для производственных сооружений и зданий по аналогии с промышленной ипотекой.	Предоставление государственных компенсаций собственных затрат новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний на совершенствование материальной базы.
	Финансовый потенциал	
Обеспечение государственно-частного партнерства, включая соглашения между Правительством Российской Федерации и компаниями-лидерами.	Государственная финансовая поддержка частных инновационных проектов, включая компании с государственным участием и институты развития.	
<p>Содействие взаимодействию заинтересованных сторон,</p> <p>$(D_m \Leftrightarrow S_m) \in T_m$</p>	НТПт обрабатывающих производств России	
	Защита прав инвесторов и устранение барьеров использования РИД.	Организация сетевого взаимодействия субъектов инновационного и технологического развития на базе цифровых платформ и информационных сервисов, включая новатора(ов), стартапы, быстрорастущие технологические компании.

<p>Формирование новых видов экономической деятельности,</p> <p><i>In => GVPVRVIVEV ... m</i></p>	Организационный потенциал	
	Обеспечение правовой охраной РИД, трансформирующихся в действующее производство на базе демонстрационных зон промышленного освоения результатов НИОКР, инновационных и технологических работ.	Обеспечение правовой охраной РИД новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
	Материальный потенциал	
	Организация материальной базы для проведения испытаний опытных образцов, фундаментальных и прикладных исследований.	Совершенствование собственной материальной базы новатора(ов), стартапов, быстрорастущих технологических компаний.
	Финансовый потенциал	
	Формирование и использование правил льготного финансирования инвестиционных проектов для строящихся предприятий с экспериментальными цехами и площадками для опытного внедрения.	Финансовая поддержка государством развития вновь созданных малых инновационных и технологических компаний.
	НТПт обрабатывающих производств России	
	<p>1. Обеспечение условий для «выращивания» инновационных и технологических компаний — мировых лидеров.</p> <p>2. Создание инновационных и технологических бирж для обеспечения коммерческого оборота запатентованных РИД, промышленных образцов.</p>	Организация системы «выращивания» малых инновационных и технологических компаний как формы капитализации знаний (идей), обеспечение приоритета поддержки частной инициативы в рамках сотрудничества государства и бизнеса.

Мероприятия, направленные на стимулирование спроса и предложения, в «Концепции технологического развития на период до 2030 года»¹⁶ обеспечивают реализацию механизма поиска уникальной специализации, конкурентноспособного вида экономической деятельности в модели развития инноваций «открытый новатор».

Заключение

Механизмы обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России построены на принципах концепции «умной специализации». Мероприятия по реализации механизмов обеспечения опережающего развития НТПт обрабатывающих производств России авторами сформированы с позиции применения НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор», представленной как единая платформа формирования НИС, РИС и ОИС, в качестве промышленной системы (I) и новатора(ов) (N). Сами мероприятия соответствуют положениям рассмотренных в данном исследовании НПА. Следует отметить, что НПА в части научно-технического развития и развития обрабатывающих производств России в целом направлены на обеспечение развития таких компонентов НТПт, как организационный потенциал, финансовый потенциал, инвестиционный потенциал, кадровый потенциал, технологический потенциал и косвенно материальный потенциал. Авторами систематизированы мероприятия НПА для организационного потенциала, финансового потенциала и материального потенциала по результатам определения компонентов НТПт обрабатывающих производств России, эффективное использование которых обеспечит опережающее развитие НТПт обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор», что, как представляется, позволит, согласно рассмотренным в исследовании НПА, достичь национальных целей развития к 2030–2035 годам: переход к инновационно ориентированному экономическому росту, поддержание ежегодных темпов роста обрабатывающих производств России на уровне не менее 104,5% в 2023–2025 годах, не

¹⁶ Утверждена Концепция технологического развития до 2030 года // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1626877/> (дата обращения: 10.12.2023).

менее 103% в 2031–2035 годах и увеличение доли организаций обрабатывающей промышленности, осуществляющих технологические инновации, к 2030 году в 1,6 раза.

Несмотря на то, что мероприятия, представленные в данном исследовании, согласно действующим в России НПА в области научно-технологического развития, стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации, реализуются в России на протяжении длительного периода времени, но комплексных исследований об эффективности их реализации в обрабатывающих производствах на национальном и региональном уровнях не существует. Исходя из этого, следует исследовать, насколько предложенные мероприятия эффективно реализуются в обрабатывающих производствах различных регионов страны с момента принятия НПА и насколько будут эффективны конкретные мероприятия для определенных механизмов обеспечения опережающего развития НТП обрабатывающих производств России в модели развития инноваций «открытый новатор» на основе принципов концепции «умной специализации» с учетом индивидуальной специфики регионов, что и представляется основным направлением следующего исследования.

Список литературы:

Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Бекулова С.Р. Институциональные механизмы обеспечения научно-технологического прорыва в экономике России // Управленческие науки. 2019. № 9(1). С. 6–19. DOI: [10.26794/2304-022X-2019-9-1-6-19](https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-1-6-19)

Батов Г.Х. Основные факторы поступательного опережающего развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 2. С. 39–52. DOI: [10.52180/2073-6487_2022_2_39_52](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_2_39_52)

Батов Г.Х., Кумышева З.Х., Тлисов А.Б. Технологический аспект в концепции опережающего развития // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. № 10(2). С. 275–287. DOI: [10.18184/2079-4665.2019.10.2.275-287](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.2.275-287)

Батракова Л.Г. Инновационное развитие регионов России по модели «тройной спирали» // Социально-политические исследования. 2020. № 3(8). С. 67–80. DOI: [10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80)

Винслав Ю.Б. Национальная инновационная система: актуальность формирования, контуры концептуальной модели и интеграционные механизмы реализации // Российский экономический журнал. 2019. № 2. С. 3–31. DOI: [10.33983/0130-9757-2019-2-3-31](https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-2-3-31)

Воронцова Ю.В. Проблемы развития национальной инновационной системы РФ // Теоретическая экономика. 2020. № 2(62). С. 26–33.

Глазьев С.Ю. Какая политика обеспечит опережающее развитие российской экономики? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2(24). С. 12–16.

Глазьев С.Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием // Инновации. 2020. № 2(256). С. 14–23. DOI: [10.26310/2071-3010.2020.256.2.002](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.002)

Иванова С.А., Карагулян Е.А. Место и роль научных кадров в повышении научно-технического потенциала России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 4. С. 36–43. DOI: [10.25198/2077-7175-2019-4-36](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-4-36)

Корепанов Е.Н. Воспроизводство научно-технического потенциала Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 3. С. 133–145. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_3_133_145](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_133_145)

Котов А.В. Стратегия импортозамещения в экспортоориентированном регионе России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 1. С. 64–73.

Краснянская О.В. Анализ состояния организации научно-технологического развития промышленности в России и за рубежом // Инновационное развитие экономики. 2022. № 3–4 (69–70). С. 41–47. DOI: [10.51832/2223798420223-441](https://doi.org/10.51832/2223798420223-441)

Курбатова М.В., Каган Е.С., Вшивкова А.А. Региональное развитие: проблемы формирования и реализации научно-технического потенциала // Terra Economicus. 2018. № 16(1). С. 101–117. DOI: [10.23683/2073-6606-2018-16-1-101-117](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-101-117)

Наумова Е.А., Соколова Е.В. Региональные аспекты применения модели «тройной спирали» как фактор развития инновационной экономики // Путеводитель предпринимателя. 2022. № 15(4). С. 45–51. DOI: [10.24182/2073-9885-2022-15-4-45-51](https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-4-45-51)

Пенский О.Г. Математические модели интегральной оценки привлекательности объектов курортной зоны // 4-я Международная научно-практическая онлайн-конференция «Формирование комфортной среды Средиземноморья», 7–10 декабря 2020, Нетания (Израиль). Нетания: [онлайн], 2020. С. 291–293.

Просалова В.С., Локша А.В., Петрова Н.И. Анализ рейтинга научно-технического развития субъектов РФ // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. № 1(26). С. 267–269.

Ситников Е.В., Гринев Н.Н. Повышение эффективности национальной инновационной системы как необходимое условие экономического роста, конкурентоспособности технологий и продукции // Транспортное дело России. 2019. № 3. С. 19–23.

Суховой А.Ф., Голова И.М. Дифференциация стратегий инновационного развития регионов как условие повышения эффективности социально-экономической политики в РФ // Экономика региона. 2020. № 16(4). С. 1302–1317. DOI: [10.17059/ekon.reg.2020-4-20](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20)

Хачатурян А.А., Хачатурян К.С. Инновационное развитие промышленных предприятий как основа повышения качества функционирования национальной инновационной системы // Транспортное дело России. 2016. № 5. С. 6–8.

Худяков В.В. Разработка механизмов обеспечения опережающего развития для модели развития инноваций «Открытый новатор» // Управление инновациями-2022: материалы международной научно-практической конференции. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2022. С. 73–78. DOI: [10.34981/Lab-67.2022.innovconf.16-khudyakov](https://doi.org/10.34981/Lab-67.2022.innovconf.16-khudyakov)

Чернова О.А., Климук В.В. Концепция четырехзвенной спирали в стратегиях «умной специализации» промышленного развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25(3). С. 179–184.

Шевченко И.К., Развадовская Ю.В., Марченко А.А., Ханина А.В. Гармонизация механизмов стратегического развития национальной инновационной системы // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 1. С. 103–129. DOI: [10.18522/2073-6606-2017-15-1-103-129](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2017-15-1-103-129)

Широкова Е.А., Курникова М.В. Развитие инновационного потенциала промышленного комплекса региона на принципах «умной специализации» // Проблемы развития предприятий: теория и практика. 2020. № 1–2. С. 99–103.

Штельцер М.С. Концепция опережающего развития: предпосылки и препятствия // Экономические исследования и разработки. 2016. № 4. С. 26–34.

Arnold E. Evaluating Research and Innovation Policy: A Systems World Needs Systems Evaluations // Research Evaluation. 2004. Vol. 13. Is. 1. P. 3–17. DOI: [10.3152/147154404781776509](https://doi.org/10.3152/147154404781776509)

Asheim B.T., Smith H.L., Oughton C. Regional Innovation Systems: Theory, Empirics and Policy // Regional studies. 2011. Vol. 45. Is. 7. P. 875–891. DOI: [10.1080/00343404.2011.596701](https://doi.org/10.1080/00343404.2011.596701)

Cimolia M., Porcilec G. Sources of Learning Paths and Technological Capabilities: An Introductory Roadmap of Development Processes // Economics of Innovation and New Technology. 2009. Vol. 18. Is. 7. P. 675–694. DOI: [10.1080/10438590802564600](https://doi.org/10.1080/10438590802564600)

Demidenko A., Kramar A., Demidenko I., Demidenko A. Best Practices Application in the Development of Industry in Russia // MATEC Web of Conferences: X International Scientific and Practical Conference "Innovations in Mechanical Engineering" (ISPCIME-2019). Kemerovo: EDP Sciences, 2019. Vol. 297. DOI: [10.1051/mateconf/201929707003](https://doi.org/10.1051/mateconf/201929707003)

Foray D. On the Policy Space of Smart Specialization Strategies // European Planning Studies. 2016. Vol. 24. Is. 8. P. 1428–1437. DOI: [10.1080/09654313.2016.1176126](https://doi.org/10.1080/09654313.2016.1176126)

Godin B. National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective // Science, Technology & Human Values. 2009. Vol. 34. Is. 4. P. 476–501. DOI: [10.1177/0162243908329187](https://doi.org/10.1177/0162243908329187)

Hu M.C., Mathews J.A. China's National Innovative Capacity // Research Policy. 2008. Vol. 37. Is. 9. P. 1465–1479. DOI: [10.1016/j.respol.2008.07.003](https://doi.org/10.1016/j.respol.2008.07.003)

Meissner D. Approaches for Developing National STI Strategies // STI Policy Review. 2014. Vol. 5. Is. 1. P. 34–56.

Miller A., Miller M. Study of the Problems of Technological Integration in the Manufacturing Industry in Russia // Strategic Management. 2019. Vol. 24. Is. 3. P. 33–42.

Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Chikisheva N.M., Korotun O.N., Fatikhova L.E., Gainullina R., Ostanina S.S. Scientific and Technical Potential of Russia as a Factor of Economic Growth in the Knowledge Economy // International Journal of Environmental and Science Education. 2017. Vol. 12. Is. 1. P. 47–56.

Uskov V.S. Scientific and Technological Development of the Russian Economy in the Transition to a New Technological Order // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. Is. 1. P. 70–86. DOI: [10.15838/esc.2020.1.67.4](https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.4)

Yun J.H.J., Liu Z. Micro- and Macro-Dynamics of Open Innovation with a Quadruple-Helix Model // Sustainability. 2019. Vol. 11. Is. 12. DOI: [10.3390/su11123301](https://doi.org/10.3390/su11123301)

References:

Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S., Bekulova S.R. (2019) Institutional Mechanisms for Ensuring a Scientific and Technological Breakthrough in the Russian Economy. *Upravlencheskiye nauki*. No. 9(1). P. 6–19. DOI: [10.26794/2304-022X-2019-9-1-6-19](https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-1-6-19)

Arnold E. (2004) Evaluating Research and Innovation Policy: A Systems World Needs Systems Evaluations. *Research Evaluation*. Vol. 13. Is. 1. P. 3–17. DOI: [10.3152/147154404781776509](https://doi.org/10.3152/147154404781776509)

Asheim B.T., Smith H.L., Oughton C. (2011) Regional Innovation Systems: Theory, Empirics and Policy. *Regional studies*. Vol. 45. Is. 7. P. 875–891. DOI: [10.1080/00343404.2011.596701](https://doi.org/10.1080/00343404.2011.596701)

Batov G.H., Kumisheva Z.H., Tlisov A.B. (2019) Technological Aspect in the Concept of Advanced Development. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. No. 10(2). P. 275–287. DOI: [10.18184/2079-4665.2019.10.2.275-287](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.2.275-287)

Batrakova L.G. (2020) Innovative development of Russian regions according to the «triple helix» model. *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya*. No. 3(8). P. 67–80. DOI: [10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80](https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80)

Cimolia M., Porcilec G. (2009) Sources of Learning Paths and Technological Capabilities: An Introductory Roadmap of Development Processes. *Economics of Innovation and New Technology*. Vol. 18. Is. 7. P. 675–694. DOI: [10.1080/10438590802564600](https://doi.org/10.1080/10438590802564600)

Chernova O.A., Klimuk V.V. (2019) Four-Link Spiral Concept in Strategies Smart Specialization of Industrial Development. *Estestvenno-gumanitarnyye issledovaniya*. No. 25(3). P. 179–184.

Demidenko A., Kramar A., Demidenko I., Demidenko A. (2019) Best Practices Application in the Development of Industry in Russia. *MATEC Web of Conferences: X International Scientific and Practical Conference "Innovations in Mechanical Engineering" (ISPCIME-2019)*. Kemerovo: EDP Sciences. Vol. 297. DOI: [10.1051/mateconf/201929707003](https://doi.org/10.1051/mateconf/201929707003)

- Foray D. (2016) On the Policy Space of Smart Specialization Strategies. *European Planning Studies*. Vol. 24. Is. 8. P. 1428–1437. DOI: [10.1080/09654313.2016.1176126](https://doi.org/10.1080/09654313.2016.1176126)
- Glazyev S.Y. (2018) What Policies Will Ensure Priority Development of Russian Economy? *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. No. 2(24). P. 12–16.
- Glazyev S.Y. (2020) On the Creation of Systems of Strategic Planning and Management of Scientific and Technological Development. *Innovatsii*. No. 2(256). P. 14–23. DOI: [10.26310/2071-3010.2020.256.2.002](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.256.2.002)
- Godin B. (2009) National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 34. Is. 4. P. 476–501. DOI: [10.1177/0162243908329187](https://doi.org/10.1177/0162243908329187)
- Hu M.C., Mathews J.A. (2008) China's National Innovative Capacity. *Research Policy*. Vol. 37. Is. 9. P. 1465–1479. DOI: [10.1016/j.respol.2008.07.003](https://doi.org/10.1016/j.respol.2008.07.003)
- Batov G.H. (2022) Key Factors of the Progressive Advanced Development. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 2. P. 39–52. DOI: [10.52180/2073-6487_2022_2_39_52](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_2_39_52)
- Ivanova S.A., Karagulyan E.A. (2019) The Place and Role of Scientific Personnel in Increasing the Scientific and Technical Potential of Russia. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. No. 4. P. 36–43. DOI: [10.25198/2077-7175-2019-4-36](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2019-4-36)
- Khachatryan A.A., Khachatryan K.S. (2016) Innovative Development of Industrial Enterprises as a Basis for Quality Improvement of Functioning of National Innovation Systems. *Transportnoye delo Rossii*. No. 5. P. 6–8.
- Khudyakov V.V. (2022) Razrabotka mekhanizmov obespecheniya operezhayushchego razvitiya dlya modeli razvitiya innovatsiy «Otkrytyy novator» [Development of mechanisms to ensure rapid development for the “open innovator” innovation development model]. *Upravleniye innovatsiyami-2022: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novochoerkassk: Yuzhno-Rossiyskiy gosudarstvennyy politekhnicheskii universitet (NPI) imeni M.I. Platova. P. 73–78. DOI: [10.34981/Lab-67.2022.innovconf.16-khudyakov](https://doi.org/10.34981/Lab-67.2022.innovconf.16-khudyakov)
- Korepanov E.N. (2021) Reproduction of the Scientific and Technical Potential of the Russian Federation: Problems and Prospects. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*. No. 3. P. 133–145. DOI: [10.52180/2073-6487_2021_3_133_145](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_3_133_145)
- Kotov A.V. (2023) Import Substitution Strategy in Russia's Export-Oriented Region. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. No. 1. P. 64–73.
- Krasnyanskaya O.V. (2022) Analysis of the State of Organization of Scientific and Technological Development of Industry in Russia and Abroad. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*. No. 3–4(69–70). P. 41–47. DOI: [10.51832/2223798420223-441](https://doi.org/10.51832/2223798420223-441)
- Kurbatova M.V., Kagan E.S., Vshivkova A.A. (2018) Regional Development: Addressing the Problems of Building and Realization of Scientific and Technological Capacities. *Terra Economicus*. No. 16(1). P. 101–117. DOI: [10.23683/2073-6606-2018-16-1-101-117](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-101-117)
- Meissner D. (2014) Approaches for Developing National STI Strategies. *STI Policy Review*. Vol. 5. Is. 1. P. 34–56.
- Miller A., Miller M. (2019). Study of the Problems of Technological Integration in the Manufacturing Industry in Russia. *Strategic Management*. Vol. 24. Is. 3. P. 33–42.
- Naumova E.A., Sokolova E.V. (2022) Regional Aspects of the Application of the «Triple Helix» Model as a Factor in the Development of an Innovative Economy. *Putevoditel' predprinimatel'ya*. No. 15(4). P. 45–51. DOI: [10.24182/2073-9885-2022-15-4-45-51](https://doi.org/10.24182/2073-9885-2022-15-4-45-51)
- Pensky O.G. (2020) Mathematical Models for the Integral Assessment of the Attractiveness of Resort Facilities. *4th International Scientific-Practical Online Conference Formation of a Comfortable Mediterranean Environment*, December 7–10, 2020, Netanya (Israel). Netanya: [online]. P. 291–293.

Prosalova V.S., Loksha A.V., Petrova N.I. (2019) Analysis of Rating of Scientific and Technical Development of Territorial Subjects of the Russian Federation. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*. No. 1(26). P. 267–269.

Shevchenko I.K., Razvadovskaya Y.V., Marchenko A.A., Khanina A.V. (2017) The Harmonization of Mechanisms for the Strategic Development of the National Innovation System. *Terra Economicus*. Vol. 15. No. 1. P. 103–129. DOI: [10.18522/2073-6606-2017-15-1-103-129](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2017-15-1-103-129)

Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Chikisheva N.M., Korotun O.N., Fatikhova L.E., Gainullina R., Ostanina S.S. (2017) Scientific and Technical Potential of Russia as a Factor of Economic Growth in the Knowledge Economy. *International Journal of Environmental and Science Education*. Vol. 12. Is. 1. P. 47–56.

Shirokova E.A., Kurnikova M.V. (2020) The Development of the Innovative Potential of Regional Industrial Complex Based on “Smart Specialization”. *Problemy razvitiya predpriyatiy: teoriya i praktika*. No. 1–2. P. 99–103.

Sitnikov E.V., Grinev N.N. (2019) Improving the Efficiency of the National Innovation System Is a Necessary Condition for Economic Growth and Competitiveness of Technologies and Products. *Transportnoye delo Rossii*. No. 3. P. 19–23.

Stelzer M.S. (2016). The Concept of Priority Development: Conditions and Obstacles. *Ekonomicheskkiye issledovaniya i razrabotki*. No. 4. P. 26–34.

Sukhovey A.F., Golova I.M. (2020) Differentiation of Innovative Development Strategies of Regions for Improving the Effectiveness of Socio-Economic Policy in the Russian Federation. *Ekonomika regiona*. No. 16(4). P. 1302–1317. DOI: [10.17059/ekon.reg.2020-4-20](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-20)

Uskov V.S. (2020). Scientific and Technological Development of the Russian Economy in the Transition to a New Technological Order. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 13. Is. 1. P. 70–86. DOI: [10.15838/esc.2020.1.67.4](https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.4)

Vinslav Yu.B. (2019). National Innovative System: Relevance of Formation, Contours of Conceptual Model and Integration Mechanisms of Realization. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal*. No. 2. P. 3–31. DOI: [10.33983/0130-9757-2019-2-3-31](https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-2-3-31)

Vorontsova Ju.V. (2020). Problems of Development of the National Innovation System of the Russian Federation. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 2(62). P. 26–33.

Yun J.H.J., Liu Z. (2019). Micro- and Macro-Dynamics of Open Innovation with a Quadruple-Helix Model. *Sustainability*. Vol. 11. Is. 12. DOI: [10.3390/su11123301](https://doi.org/10.3390/su11123301)

Дата поступления/Received: 08.12.2023

Верификация предсказательной и объяснительной силы модели экономического роста Солоу на основе современных статистических данных Германии и Франции (памяти Роберта Мертона Солоу (23 августа 1924 – 21 декабря 2023))

Шевчук Андрей Русланович

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [7197-6956](https://elibrary.ru/7197-6956), andrew1873@rambler.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Осипов Владимир Сергеевич

Доктор экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, SPIN-код РИНЦ: [9357-6409](https://elibrary.ru/9357-6409), ORCID: [0000-0003-3109-4786](https://orcid.org/0000-0003-3109-4786), vs.ossipov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

21 декабря 2023 года не стало выдающегося американского экономиста лауреата премии по экономике памяти Альфреда Нобеля 1987 года Роберта Мертона Солоу. Солоу сделал выдающийся вклад в развитие современной экономической науки: ему удалось доказать, что не столько капитал и труд формируют будущий выпуск, сколько технологические достижения определяют высокие темпы экономического роста. Модель Солоу — модель экзогенного экономического роста, иногда называемая моделью Солоу-Сводна, разработанная независимо Робертом Солоу и Тревором Сводном в 1956 году. Модель в своем классическом варианте предполагает зависимость выпуска в экономике от затрат труда и капитала, а также от коэффициента уровня технологического развития рассматриваемой экономики. Производственная сфера описывается хорошо известной в научной литературе функцией Кобба-Дугласа. Как писал в своей статье 1956 года сам Роберт Солоу, теории опираются на предположения, лишь упрощенно описывающие окружающую действительность, поэтому эти предположения не являются вполне истинными и поэтому теории, опирающиеся на эти предположения, являются именно теориями. Цель теории — грамотно упростить окружающую реальность до модели, учитывающей факторы, чувствительно влияющие на результаты расчетов, сделав модель малочувствительной к колебаниям неучитываемых параметров. Модель Солоу использует ограниченный круг факторов, влияющих на выпуск экономики, не принимая во внимание при этом множество других, таких как, например, развитие и накопление человеческого капитала. Поэтому проверка модели на современных эмпирических данных и длинных статистических рядах с целью определения ее предсказательной (и объяснительной) силы, а также чувствительности к неучтенным факторам представляет научный интерес и является целью данной статьи. В статье рассмотрена математическая модель экономического роста Солоу, некоторые ее базовые предпосылки, установлено соответствие экономических параметров, учитываемых в модели, и показателей экономической статистики для проверки на современных статистических рядах длиной в 25 лет, определено соответствие расчетных показателей годового выпуска реальным, а также сделана оценка экономического содержания расчетных параметров модели.

Ключевые слова

Модель Солоу, функция Кобба-Дугласа, метод наименьших квадратов, метод градиента, коэффициент эластичности, Германия, Франция.

Для цитирования

Шевчук А.Р., Осипов В.С. Верификация предсказательной и объяснительной силы модели экономического роста Солоу на основе современных статистических данных Германии и Франции (памяти Роберта Мертона Солоу (23 августа 1924 – 21 декабря 2023)) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 95–105. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-95-105

Verification of Predictive and Explanatory Power of the Solow Economic Growth Model Based on Modern Statistical Data of Germany and France (in Memoriam of Robert Merton Solow (August, 23, 1924 – December, 21, 2023))

Andrey R. Shevchuk

Postgraduate student, andrew1873@rambler.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Vladimir S. Osipov

Doctor of Economic Sciences, Head of the Department, ORCID: [0000-0003-3109-4786](https://orcid.org/0000-0003-3109-4786), vs.ossipov@spa.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

On December 21, 2023, an outstanding American economist, winner of the 1987 Alfred Nobel Prize in Economics, Robert Merton Solow died. Solow made an outstanding contribution to the development of modern economics; he was able to prove that it is not so much capital and labor that shape future output, but technological advances that determine high rates of economic growth. The Solow model is an exogenous model of economic growth, also known as Solow-Swan model, developed independently by Robert

Solow and Trevor Swan in 1956. Classical variation of this model assumes that output of the economy depends on the spendings on labor and capital, as well as on the coefficient of the technological development level of said economy. The production capabilities are described by the well-known Cobb-Douglas function. As Robert Solow stated in the article (1956), theories rely on assumptions that only simplistically describe the actual reality, therefore these assumptions are not completely true, and therefore theories based on these assumptions are theories. The purpose of the theory is to intelligently simplify the actual reality to a model that takes into account factors that significantly affect the results of calculations, making the model insensitive to fluctuations of parameters not taken into account. The Solow model takes a limited number of factors affecting the output of the economy into account, avoiding many others, such as, for example, the development and accumulation of human capital. Therefore, testing the model on modern empirical data and long statistical series in order to determine its predictive (and explanatory) power, as well as significance of unaccounted factors, is of scientific interest and is the aim of this article. The article considers Solow's mathematical model of economic growth, some of its basic prerequisites, establishes the correspondence of the economic parameters taken into account in the model and the indicators of economic statistics for testing on modern statistical series with a length of 25 years, determines the correspondence of the calculated annual output indicators to real ones, and also makes an assessment of the economic content of the calculated parameters of the model.

Keywords

Solow model, Cobb-Douglas function, least squares method, gradient method, elasticity coefficient, Germany, France.

For citation

Shevchuk A.R., Osipov V.S. (2024) Verification of the predictive and explanatory power of the Solow economic growth model based on modern statistical data on Germany and France (in memoriam of Robert Merton Solow (August, 23, 1924 – December, 21, 2023)). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 95–105. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-95-105

Введение. Сбор и анализ статистических показателей

Исследования, связанные с моделями экономического роста, всегда привлекали внимание ученых-экономистов [Эггертссон 2022]. Действительно, поиск факторов экономического роста и формирование на их базе модели привлекает своей простотой и строгой научностью выводов [Барро, Сала-и-Мартин 2017]. Одной из таких моделей является разработка Р. Солоу [Солоу 2000; Солоу 2002; Solow 1956; Solow 2018; Halmayer 2014]. Его модель довольно хорошо известна, однако параметры, которые в нее включены, не всегда могут быть строго идентифицированы и рассчитаны на основе национальной статистики. Отсюда возникает необходимость проверки модели Солоу на имеющихся данных, поиск значимых факторов подтверждения ее правильности или опровержение отдельных параметров или способов их расчета.

Для проверки модели Солоу (иногда называемой моделью Солоу-Свона, разработанной независимо Робертом Солоу и Тревором Своном [Swan 1956; Kadigi et al. 2022] в 1956 году) на эмпирических данных необходимо выбрать конкретные статистические показатели экономического развития нескольких стран из их экономической статистики. Для корректности и точности проверки и сравнения эти страны должны отвечать ряду критериев:

- 1) сравнимость площади территории стран, чтобы убрать искажения, связанные с разными логистическими условиями;
- 2) сравнимость структуры экономики стран, а также отсутствие существенной доли ресурсной ренты в ВВП страны, чтобы убрать искажения, связанные с возможным доминированием добывающего сектора [Mejia 2023];
- 3) сравнимость размера и качества экономики (ежегодного выпуска), чтобы убрать искажения, связанные с разными институциональными и другими экономическими факторами [Alesina, Summers 1993; Acemoglu 2009];
- 4) длительность сбора статистики экономического развития страны сроком более 25 лет для рассмотрения динамики показателей и более репрезентативной оценки предсказательной силы моделей на длинных статистических рядах [Bernanke, Mishkin 1997].

Для анализа статистических показателей экономического развития были выбраны Федеративная Республика Германия и Французская Республика, так как они отвечают всем вышеуказанным критериям. Статистические ряды были собраны на основе данных Всемирного банка.

Математическая модель и вычисления

Модель рассматривает совокупный товарный выпуск экономики за определенный период времени (t), исчисляемый в денежном выражении и обозначаемый $Y(t)$. Под совокупным выпуском экономики понимается чистый выпуск после вычета расходов на амортизацию, а также промежуточных расходов.

Выпуск экономики определяется двумя факторами производства — трудом $L(t)$ и капиталом $K(t)$, являющимися параметрами производственной функции.

Для учета разного уровня технологического развития модель расширяется параметром технологического развития экономики A :

$$Y(t) = A * F(K(t), L(t)).$$

Динамика задействованных трудовых ресурсов $L(t)$, запасов капитала $K(t)$ и параметра технологического развития A заданы экзогенно. Рассмотрим динамику этих параметров.

Под трудом $L(t)$ понимается численность работающего населения. Одним из условий модели Солоу является наличие полной занятости в экономике, что ведет к тождеству работающего и экономически активного населения. Динамика изменения численности населения, и, соответственно, численности экономически активного населения, и, соответственно, численности работающего населения $L(t)$ с течением времени задается экспоненциальной функцией, где n — темп роста населения, L_0 — население в нулевой базовый временной отрезок (например, год), а t — номер расчетного временного отрезка:

$$L(t) = L_0 e^{nt}.$$

Запасы капитала $K(t)$ пополняются за счет сохранения и инвестирования доли совокупного выпуска — s , остальная часть выпуска потребляется. Норма сбережения s в модели предполагается постоянной и задается экзогенно, обычно на уровне 0,5:

$$K\Delta = sY.$$

Запасы капитала в экономике на определенный момент времени (t) представляют собой долю сохраненного и инвестированного совокупного выпуска на моменты (t) и обозначаются как $K(t)$.

В классической версии модели производственная функция задается функцией Кобба-Дугласа [Cobb, Douglas 1928] и выглядит следующим образом:

$$Y(t) = A * K(t)^\alpha L(t)^{1-\alpha}$$

$$0 < \alpha < 1.$$

В приведенном уравнении параметры соответствуют следующим показателям:

$Y(t)$ — выпуск экономики в определенный период времени (t) в денежном выражении; $K(t)$ — объем вложенного капитала в период времени (t) в денежном выражении; $L(t)$ — количество вложенного труда в период времени (t), выраженное в количестве занятого населения; A — параметр отражающий уровень технологического развития экономики, позволяющий при прочих равных учитывать разность экономического развития различных экономик и влияющий на конечный выпуск; α — коэффициент эластичности по труду; $1-\alpha$ — коэффициент эластичности по капиталу.

Одним из способов практического применения модели Солоу является прогнозирование выпуска экономики. Для этого необходим длинный статистический ряд показателей развития национальной экономики, опираясь на который возможно рассчитать параметры $A(t)$ и α

(не представляемые напрямую в национальной экономической статистике). После расчета этих параметров становится возможным оценить корректность модели и ее предсказательную силу на более свежих данных [Балацкий, Екимова, 2022].

Одним из способов расчета параметров $A(t)$ и α является использование метода наименьших квадратов с последующим использованием метода оптимизации на основе градиента [Алексеева, Галиаскарова 2017]. Для этого необходимо провести следующие вычисления:

$$\sum_{t=1}^n (A * K(t)^\alpha L(t)^{1-\alpha} - Y_t)^2 \rightarrow \min ,$$

где $Y(t)$ — расчетный выпуск за период t ; Y_t — фактический выпуск за период t ; K_t — фактические затраты на капитал; L_t — фактическое количество труда; A и α — подбираемые параметры.

После подбора необходимых рядов экономической статистики необходимо установить стартовые значения параметров A и α , в нашем случае мы предлагаем установить значения $A=0,5$ и $\alpha=0,6$, после чего рассчитать квадрат разницы показателей расчетного и фактического выпуска за все периоды: $e(t) = (Y(t) - Y_t)^2$; после чего применить метод оптимизации на основе градиента для минимизации суммы квадратов отклонений: $\sum_{t=1}^n e(t) \rightarrow \min$ — и нахождения оптимальных значений $A(t)$ и α .

Проведем эти вычисления на основе данных экономической статистики Франции и Германии. Вычисления приведены в Таблице 1 и Таблице 2.

Y_t — выпуск экономики в определенный период времени (t) в денежном выражении и отражается в экономической статистике в показателе *Adjusted net national income*. K_t — объем затраченного капитала в период времени (t) в денежном выражении и отражается в экономической статистике в показателе *Net investment in non-financial assets*. L_t — количество вложенных затрат труда в период времени (t), выраженное в показателе объема оплаты рабочей силы и отраженное в показателе *Households and NPISHs Final consumption expenditure*.

Оптимизация коэффициентов A и α на основе градиента производится с помощью инструментов Microsoft Excel. В результате оптимизации были получены следующие показатели:

Франция	Германия
$\alpha=0,33$	$\alpha=0,00$
$\beta=0,67$	$\beta=1,53$
$A=1,088$	$A=1,28$

Использование метода наименьших квадратов с последующим использованием метода оптимизации на основе градиента для вычисления параметров α и A дали результаты, релевантность которых и соответствие реальному положению дел вызывают сомнения.

Таблица 1. Показатели экономической статистики и расчеты суммы разницы квадратов для экономики Франции¹

Франция						
Год	Yt Национальный доход (млн 2015 US\$)	Kt чистые инвестиции (млн 2015 US\$)	Lt потребительские расходы домохозяйств, (млн 2015 US\$)	Y(t) расчетный национальный доход (млн 2015 US\$)	e=Y(t)-Yt	e^2
1991	1409,6	1699,3	896,45	1203,1	-206,5	42624
1992	1445,4	1687,2	906,53	1209,3	-236,1	55724
1993	1438,1	1345,9	906	1122,6	-315,5	99528
1994	1470,9	1353,7	921,18	1137,4	-333,5	111236
1995	1504,4	3674,2	937,05	1595,7	91,23	8323,1
1996	1527,3	3737,1	955,41	1625,7	98,37	9676,6
1997	1571,7	3219,2	960,56	1553,7	-17,95	322,36
1998	1636,7	3600,7	998,84	1654,7	17,97	323,04
1999	1705,4	3518,2	1033,4	1680,2	-25,14	632
2000	1742,2	3485,4	1071,3	1716,1	-26,12	682,35
2001	1784	3634,9	1098,3	1769,2	-14,75	217,7
2002	1788,1	3845,6	1121,2	1827,3	39,19	1535,6
2003	1802,2	3873	1137,8	1849,8	47,69	2274,6
2004	1859,7	3867,5	1160	1873,2	13,46	181,25
2005	1879,3	3841,6	1188,1	1899,3	19,99	399,42
2006	1916	3645,1	1213,5	1893,7	-22,24	494,43
2007	1970,3	3608,6	1245,6	1920,8	-49,46	2446,8
2008	1955,4	3668,3	1252,1	1938	-17,41	303,28
2009	1900	4194,3	1255,9	2029,1	129,04	16653
2010	1937,1	4452,2	1279,5	2095,3	158,18	25021
2011	1975,3	4018,4	1287,4	2034,5	59,19	3504
2012	1963,1	3997,3	1282	2025,2	62,11	3857,8
2013	1980,7	3900,5	1288,5	2015,9	35,17	1236,9
2014	2003,9	3797,1	1299,1	2009,2	5,3	28,04
2015	2054,9	3696,5	1318,3	2011,3	-43,58	1898,8
2016	2078	3815,3	1341,8	2056,6	-21,41	458,57
					Сумма:	389583,43

¹ Составлено авторами на основе статистики.

Таблица 2. Показатели экономической статистики и расчеты суммы разницы квадратов для экономики Германии²

Германия						
Год	Yt Национальный доход (млн 2015 US\$)	Kt чистые инвестиции (млн 2015 US\$)	Lt потребительские расходы домохозяйств, (млн 2015 US\$)	Y(t) расчетный национальный доход (млн 2015 US\$)	e=Y(t)-Yt	e ²
1991	2055,83	2048,4	1396,7	2138,8	-82,98	6885,4
1992	2103,29	2070,2	1437,6	2103,3	-98,16	9634,6
1993	2067,38	1917,4	1438,6	2067,4	-135,7	18416
1994	2116,18	1694,1	1458,9	2116,2	-118	13912
1995	2166,5	1651	1481,5	2166,5	-102,2	10449
1996	2186,96	1586,1	1505,2	2187	-118	13920
1997	2210,86	1380,8	1516,4	2210,9	-111,2	12374
1998	2259,28	1581,8	1538,2	2259,3	-96,32	9277,7
1999	2297,49	1748,8	1578,3	2297,5	-119,4	14254
2000	2320,41	0	1604,2	0	0	0
2001	2360,53	1708,5	1623,4	2360,5	-125,5	15756
2002	2347,55	1629,2	1601	2347,6	-104,2	10856
2003	2341,94	1788,7	1607,8	2341,9	-120,2	14435
2004	2423,8	1618,4	1618,1	2423,8	-54,08	2924,8
2005	2430,59	1850,4	1630,4	2430,6	-66,08	4367,1
2006	2539,52	1957,5	1652,2	2539,5	9,35	87,33
2007	2611,85	1674,6	1648,3	2611,9	87,66	7685,1
2008	2586,95	1858	1653,8	2587	54,33	2951,2
2009	2469,72	2206,3	1652,4	2469,7	-60,73	3687,8
2010	2568,84	1667	1664,2	2568,8	20,41	416,59
2011	2673,52	2298,5	1694,9	2673,5	77,97	6079,9
2012	2669,81	2392,4	1720,4	2669,8	35,32	1247,5
2013	2687,19	2152,9	1726,6	2687,2	43,17	1863,7
2014	2750,37	1985,2	1744,7	2750,4	78,57	6172,9
2015	2826,44	2137,9	1778,5	2826,4	102,89	10586
2016	2916,33	2255	1821,9	2916,3	126,32	15958
					Сумма:	214197,56

² Составлено авторами на основе статистики.

Мы предложили более простое решение, при этом логика которого сравнительно более безупречна, на наш взгляд. Использование в классическом варианте модели производственной функции Кобба-Дугласа подразумевает взаимозаменяемость одного фактора производства другим до определенного предела. Использование функции Кобба-Дугласа при ограничениях на α и β подразумевает также равномерную отдачу от масштаба при росте экономики [Клейнер 1986].

Для расчета выпуска экономики с использованием функции Кобба-Дугласа нам необходимо определить α — коэффициент эластичности капитала по труду, или, иными словами, степень возможности замещения труда капиталом:

$$Y(t) = A(t) K(t)^\alpha L(t)^\beta$$
$$0 < \alpha < 1$$
$$\beta = 1 - \alpha.$$

Так как равномерность отдачи от масштаба предполагается моделью вследствие использования функции Кобба-Дугласа, оптимальной пропорцией затрат на труд и капитал является соотношение α и β . Таким образом, для подсчета коэффициента эластичности по труду одним из способов является вычисление доли факторного дохода по труду в общем выпуске, посчитанном также по доходам.

$Y(t)$ — выпуск экономики в определенный период времени (t) в денежном выражении. Для подсчета общего выпуска нам доступно несколько показателей, в той или иной мере отражающих выпуск определенной национальной экономики.

Необходимо выбрать методику подсчета годового выпуска, предполагающую четкое выделение факторного дохода по труду:

ВВП по доходам = зарплаты + прибыль корпораций + процентный доход + рентный доход + косвенные налоги.

Национальный доход = ВВП по дох. – амортизация - косвенные налоги = заработная плата + прибыль корпораций + процентный доход + рентный доход.

Амортизация при подсчете национального дохода учитывается в прибыли корпораций, так как амортизация — это законный способ увеличения расходов, что влечет за собой увеличение прибыли.

Таким образом, при подсчете национального дохода можно выделить заработную плату как факторный доход труда, в то время как прибыль корпораций, процентный и рентный доход не являются факторными доходами труда.

Соответственно, доля факторного дохода труда в общем выпуске $C / Y_t = \alpha$, то есть она равна коэффициенту эластичности капитала по труду.

Расчет параметра α с использованием данных экономической статистики Германии и Франции приведен в Таблице 3 и Таблице 4.

Получившиеся в результате расчета значения параметра α лежат в промежутке $0,6 < \alpha < 0,7$, что позволяет нам говорить о вышеуказанном методе расчета коэффициента эластичности капитала по труду как о более релевантном в сравнении с аналитическим методом, приведенным ранее.

Расчетные значения технологического параметра A также лежат в промежутке $0,6 < A < 1,6$, что также является более релевантным результатом.

Таблица 3. Расчет показателя α и A для Франции³

Франция					
Год	Yt Национальный доход (млн 2015 US\$)	Kt чистые инвестиции (млн 2015 US\$)	Lt=C потребительские расходы домохозяйств, (млн 2015 US\$)	$\alpha = C/Yt$	$A = Yt / ((Kt^\alpha) * (Lt^{(1-\alpha)}))$
1991	1409,6	1699,3	896,45	0,64	1,05
1992	1445,4	1687,2	906,53	0,63	1,08
1993	1438,1	1345,9	906	0,63	1,24
1994	1470,9	1353,7	921,18	0,63	1,25
1995	1504,4	3674,2	937,05	0,62	0,69
1996	1527,3	3737,1	955,41	0,63	0,68
1997	1571,7	3219,2	960,56	0,61	0,78
1998	1636,7	3600,7	998,84	0,61	0,75
1999	1705,4	3518,2	1033,4	0,61	0,79
2000	1742,2	3485,4	1071,3	0,61	0,79
2001	1784	3634,9	1098,3	0,62	0,78
2002	1788,1	3845,6	1121,2	0,63	0,74
2003	1802,2	3873	1137,8	0,63	0,73
2004	1859,7	3867,5	1160	0,62	0,76
2005	1879,3	3841,6	1188,1	0,63	0,75
2006	1916	3645,1	1213,5	0,63	0,79
2007	1970,3	3608,6	1245,6	0,63	0,81
2008	1955,4	3668,3	1252,1	0,64	0,78
2009	1900	4194,3	1255,9	0,66	0,68
2010	1937,1	4452,2	1279,5	0,66	0,66
2011	1975,3	4018,4	1287,4	0,65	0,73
2012	1963,1	3997,3	1282	0,65	0,73
2013	1980,7	3900,5	1288,5	0,65	0,75
2014	2003,9	3797,1	1299,1	0,65	0,77
2015	2054,9	3696,5	1318,3	0,64	0,80
2016	2078	3815,3	1341,8	0,65	0,79
			Среднее значение:	0,63	0,81

³ Составлено авторами.

Таблица 4. Расчет показателя α и A для Германии⁴

Германия					
Год	Yt Национальный доход (млн 2015 US\$)	Kt чистые инвестиции (млн 2015 US\$)	Lt=C потребительские расходы домохозяйств, (млн 2015 US\$)	$\alpha = C/Yt$	$A = Yt / ((Kt^\alpha) * (Lt^{1-\alpha}))$
1991	2055,83	2048,4	1396,7	0,68	1,13
1992	2103,29	2070,2	1437,6	0,68	1,14
1993	2067,38	1917,4	1438,6	0,70	1,18
1994	2116,18	1694,1	1458,9	0,69	1,31
1995	2166,5	1651	1481,5	0,68	1,36
1996	2186,96	1586,1	1505,2	0,69	1,40
1997	2210,86	1380,8	1516,4	0,69	1,55
1998	2259,28	1581,8	1538,2	0,68	1,44
1999	2297,49	1748,8	1578,3	0,69	1,36
2000	2320,41	0	1604,2	0,69	0,00
2001	2360,53	1708,5	1623,4	0,69	1,40
2002	2347,55	1629,2	1601	0,68	1,45
2003	2341,94	1788,7	1607,8	0,69	1,35
2004	2423,8	1618,4	1618,1	0,67	1,50
2005	2430,59	1850,4	1630,4	0,67	1,37
2006	2539,52	1957,5	1652,2	0,65	1,38
2007	2611,85	1674,6	1648,3	0,63	1,57
2008	2586,95	1858	1653,8	0,64	1,45
2009	2469,72	2206,3	1652,4	0,67	1,23
2010	2568,84	1667	1664,2	0,65	1,54
2011	2673,52	2298,5	1694,9	0,63	1,30
2012	2669,81	2392,4	1720,4	0,64	1,25
2013	2687,19	2152,9	1726,6	0,64	1,35
2014	2750,37	1985,2	1744,7	0,63	1,45
2015	2826,44	2137,9	1778,5	0,63	1,42
2016	2916,33	2255	1821,9	0,62	1,40
			Среднее значение:	0,67	1,32

⁴ Составлено авторами.

Выводы

В статье была рассмотрена классическая версия модели экономического роста Солоу, производственная функция от труда и капитала является функцией Кобба-Дугласа. Была рассмотрена математическая модель и некоторые ее базовые предпосылки, а также установлено соответствие экономических параметров, учитываемых в модели, и показателей экономической статистики. Были подобраны современные статистические ряды показателей экономического развития Германии и Франции длиной в 25 лет, на основании которых был проведен расчет параметров модели, не представленных напрямую в экономической статистике. В результате анализа экономического содержания различных параметров модели Солоу был разработан более релевантный метод расчета одного из параметров модели, который заключается в подсчете коэффициента эластичности по труду с помощью вычисления доли факторного дохода по труду в общем выпуске, посчитанном также по доходам. В результате использования предложенного метода модели экономического роста по методу Солоу для Французской Республики будет выглядеть так: $Y(t) = 0,81K(t)^{0,63} L(t)^{0,37}$, а для Федеративной Республики Германия так: $Y(t) = 1,32K(t)^{0,67} L(t)^{0,33}$.

Список литературы:

- Алексеева К.В., Галиаскарова Г.Р. Построение производственной функции Кобба-Дугласа на основе статистических данных компании «Газпром» // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 1 URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13578>
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Новые подходы к моделированию экономического развития. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2022.
- Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. М.: Издательство: Просвещение / Бином, 2017.
- Клейнер Г.Б. Производственные функции: теория, методы, применение. М.: Финансы и статистика, 1986.
- Солоу Р.М. Экономическая теория ресурсов или ресурсы экономической теории // Вехи экономической мысли. Т. 3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В.М. Гальперина. СПб: Экономическая школа, 2000.
- Солоу Р.М. Теория роста // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2002.
- Эггертссон Т. Несовершенные институты. Возможности и границы реформ. М., СПб.: Издательство Института Гайдара, 2022.
- Acemoglu D. The Solow Growth Model. Introduction to Modern Economic Growth. Princeton: Princeton University Press, 2009.
- Alesina A.F., Summers L.H. Central Bank Independence and Macroeconomic Performance: Some Comparative Evidence // Journal of Money, Credit and Banking. 1993. Vol. 25. P. 151–162.
- Bernanke B.S., Mishkin F.S. Inflation Targeting: A New Framework for Monetary Policy // The Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11. № 2. P. 97–116.
- Cobb C.W., Douglas P.H. A Theory of Production // American Economic Review. 1928. № 18 (Supplement). P. 139–165.
- Halsmayer V. From Exploratory Modeling to Technical Expertise: Solow's Growth Model as a Multipurpose Design // History of Political Economy. 2014. № 46. P. 229–251. DOI: [10.1215/00182702-2716181](https://doi.org/10.1215/00182702-2716181)
- Kadigi R.M.J., Robinson E., Nhau B., Szabo S., Kangile J., Mgeni C.P., De Maria M., Tsusaka T. Revisiting the Solow-Swan Model of Income Convergence in the Context of Coffee Producing and Re-Exporting Countries in the World // Sustainable Futures. 2022. Vol. 4. DOI: [10.1016/j.sfr.2022.100082](https://doi.org/10.1016/j.sfr.2022.100082)
- Mejia S.A. The Effects of Debt Dependence on Economic Growth in Less-Developed Countries, 1990–2019 // Social Science Research. 2023. Vol. 117. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2023.102943](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2023.102943)

Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. № 1. P. 65–94. DOI: [10.2307/1884513](https://doi.org/10.2307/1884513)

Solow R.A. Theory is a sometime thing // *Review of Keynesian Economics*. 2018. Vol. 6. Is. 4. P. 421–424. DOI: [10.4337/roke.2018.04.02](https://doi.org/10.4337/roke.2018.04.02)

Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation // *Economic Record*. 1956. Vol. 32. Is. 2. P. 334–361. DOI: [10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x)

References:

Acemoglu D. (2009) *The Solow Growth Model. Introduction to Modern Economic Growth*. Princeton: Princeton University Press.

Alekseeva K.V., Galiaskarova G.R. (2017) Constructions of the Production Function of the Cobb-Douglas Based on the Statistics of the Company «Gazprom». *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy*. No. 1 Available at: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/01/13578>

Alesina A.F., Summers L.H. (1993) Central Bank Independence and Macroeconomic Performance: Some Comparative Evidence. *Journal of Money, Credit and Banking*. Vol. 25. P. 151–162.

Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2022) *Novyye podkhody k modelirovaniyu ekonomicheskogo razvitiya* [New approaches to modeling economic development]. Moscow: NITS INFRA-M.

Barro R.J., Sala-i-Martin X. (2017) *Economic Growth*. Moscow: Prosveshcheniye / Binom.

Bernanke B.S., Mishkin F.S. (1997) Inflation Targeting: A New Framework for Monetary Policy. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 11.No. 2. P. 97–116.

Cobb C.W., Douglas P.H. (1928) A Theory of Production. *American Economic Review*. No. 18 (Supplement). P. 139–165.

Eggertsson T. (2002) *Imperfect Institutions: Possibilities and Limits of Reform*. Moscow, Saint Petersburg.: Izdatelstvo Instituta Gaydara.

Halsmayer V. (2014) From Exploratory Modeling to Technical Expertise: Solow's Growth Model as a Multipurpose Design. *History of Political Economy*. No. 46. P. 229–251. DOI: [10.1215/00182702-2716181](https://doi.org/10.1215/00182702-2716181)

Kadigi R.M.J., Robinson E., Nhau B., Szabo S., Kangile J., Mgeni C.P., De Maria M., Tsusaka T. (2022) Revisiting the Solow-Swan Model of Income Convergence in the Context of Coffee Producing and Re-Exporting Countries in the World. *Sustainable Futures*. Vol. 4. DOI: [10.1016/j.sfr.2022.100082](https://doi.org/10.1016/j.sfr.2022.100082)

Kleiner G.B (1986) *Proizvodstvennyye funktsii: teoriya, metody, primeneniye* [Production functions: Theory, methods, application]. Moscow: Finansy i statistika.

Mejia S.A. (2023) The Effects of Debt Dependence on Economic Growth in Less-Developed Countries, 1990–2019. *Social Science Research*. Vol. 117. DOI: [10.1016/j.ssresearch.2023.102943](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2023.102943)

Solow R.M. (1956) A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70. No. 1. P. 65–94. DOI: [10.2307/1884513](https://doi.org/10.2307/1884513)

Solow R.M. (2002) Growth Theory. In: Greenaway D., Bleaney M., Stewart I. (eds.) *Companion to Contemporary Economic Thought*. Vol. 1. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.

Solow R.M. (2000) The Economics of Resources or the Resources of Economics. In: Galperin V.M. (ed.) *Vehi ekonomicheskoy misli*. Vol. 3. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.

Solow R.A. (2018) Theory is a sometime thing. *Review of Keynesian Economics*. Vol. 6. Is. 4. P. 421–424. DOI: [10.4337/roke.2018.04.02](https://doi.org/10.4337/roke.2018.04.02)

Swan T.W. (1956) Economic Growth and Capital Accumulation. *Economic Record*. Vol. 32. Is. 2. P. 334–361. DOI: [10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x)

Дата поступления/Received: 15.01.2024

Социология управления
Management sociology

УДК: 331.1

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-106-117

Мотивы поступления на государственную службу как факторы организационного
гражданского поведения

Мордашова Анна Владимировна

Аспирант, SPIN РИНЦ: [1336-5475](https://orcid.org/0000-0002-8235-5731), ORCID: [0000-0002-8235-5731](https://orcid.org/0000-0002-8235-5731), annamordashova@yandex.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, РФ.

Аннотация

В статье исследована взаимосвязь мотивов поступления на государственную гражданскую службу и последующего организационного гражданского поведения государственных гражданских служащих. Среди мотивов поступления на государственную гражданскую службу были рассмотрены различающиеся типы мотивов: просоциальные мотивы (желание помочь обществу), мотивы служения государству (участие в принятии решений, от которых зависит развитие государства), мотивы престижа государственной службы и мотивы социальной стабильности (стабильность работы, уровня оплаты труда, социальных гарантий). Изучены различные формы проявления организационного гражданского поведения государственными гражданскими служащими: проявление инициативы, оказание моральной поддержки коллегам, обмен профессиональным опытом, взаимовыручка на уровне отдела, департамента, государственного органа и помощь сотрудникам других организаций. Поставлен вопрос о том, какие виды мотивов поступления на государственную гражданскую службу являются наиболее значимыми для проявления организационного гражданского поведения. Тестирование гипотезы проведено посредством полуструктурированных интервью со служащими одного из федеральных органов исполнительной власти. В результате проведенных интервью было установлено, что все государственные гражданские служащие склонны проявлять организационное гражданское поведение, несмотря на жесткие рамки, установленные их должностными регламентами. Вместе с тем государственные гражданские служащие с просоциальной мотивацией проявляют все выявленные формы организационного гражданского поведения. Одновременно государственные гражданские служащие, у которых преобладали иные мотивы при поступлении на государственную гражданскую службу (служение, престиж, стабильность), склонны проявлять организационное гражданское поведение только частично, в определенных формах (проявление инициативы, оказание моральной поддержки коллегам, обмен профессиональным опытом, взаимовыручка на уровне отдела). В результате проведенного исследования делается вывод о том, что просоциальная мотивация поступления на государственную гражданскую службу является предиктором организационного гражданского поведения.

Ключевые слова

Организационное гражданское поведение, экстраролевое поведение, мотивация государственных гражданских служащих, просоциальная мотивация, поведение государственных гражданских служащих.

Для цитирования

Мордашова А.В. Мотивы поступления на государственную службу как факторы организационного гражданского поведения // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 106-117. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-106-117

Motives for Entering Public Services as Factors of Organizational Citizenship Behavior

Anna V. Mordashova

Postgraduate student, ORCID: [0000-0002-8235-5731](https://orcid.org/0000-0002-8235-5731), annamordashova@yandex.ru

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation.

Abstract

The aim of this article is to identify the relationship between motivation of public servants and organizational citizenship behavior. The motives for working at public service are: prosocial motives (desire to help society), motives for serving the state (a desire to influence important decisions for the development of the state), prestige motives and social stability motives (stability of work, wages, social guarantees). Various forms of organizational citizenship behavior of public servants have been studied (showing initiative, providing moral support to colleagues, exchanging professional experience, assistance to departments' colleagues, state body's employees and employees of other organizations). The issue which types of motives for working at public service are the most significant for organizational citizenship behavior has been studied. The hypothesis was tested by conducting semi-structured interviews with public servants of one of the federal executive authorities. As a result of the interviews, it was found that all state public servants tend to show organizational citizenship behavior, despite the strict framework established by their labor contracts. Public servants with prosocial motivation show all the identified forms of organizational citizenship behavior. At the same time, public servants with other motives for working at public service (serving the state, prestige, stability), tend to show organizational citizenship behavior only in certain forms (showing initiative, providing moral support to colleagues, sharing professional experience, assistance to departments' colleagues). As a result of this research, it is concluded that prosocial motivation for working at public service is a predictor of organizational citizenship behavior.

Keywords

Organizational citizenship behavior, extra-role behavior, motivation of public servants, prosocial motivation, behavior of public servants.

For citation

Mordashova A.V. (2024) Motives for Entering Public Services as Factors of Organizational Citizenship Behavior. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 106–117. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-106-117

Введение

Персонал организации является активом, обеспечивающим ее устойчивое развитие. От качества работы сотрудников зависят результаты всей организации в целом. Изучение факторов, влияющих на качество работы персонала и эффективность функционирования организаций, является предметом различных исследований в менеджменте. В качестве одного из таких факторов выступает организационное гражданское поведение (organizational citizenship behavior, далее — гражданское поведение) — поведение сотрудника, не входящее в его должностные обязанности и, соответственно, не предполагающее какое-либо материальное вознаграждение, но направленное на благо организации. В этой связи вопросы, связанные с мотивами проявления такого типа поведения, являются актуальными.

Основателем теории гражданского поведения принято считать Д. Органа [Organ 1988]. Поскольку рассматриваемый тип организационного поведения является не регламентированным какой-либо должностной инструкцией, существует множество классификаций форм проявления гражданского поведения. Так, Д. Орган предложил широко используемую классификацию форм гражданского поведения: альтруизм, добросовестность, «спортивное поведение», учтивость и гражданская добродетель.

Вместе с тем необходимо гражданское поведение отделить от таких смежных понятий, как организационная приверженность (organizational commitment), организационная лояльность (organizational loyalty), организационная идентификация (organizational identification).

Под организационной приверженностью понимается «уважительное отношение индивида к организации, продиктованное чувством солидарности и желанием оставаться в организации как можно дольше» [Алексеева 2022, 8]. При этом идентификация (разделение целей, миссии и ценностей организации), лояльность (эмоциональная связь, отражающая стремление как можно дольше быть частью организации) и вовлеченность человека в работу (стремление прилагать максимальные усилия для выполнения своих обязанностей) могут рассматриваться как «начальные шаги», составляющие основу организационной приверженности [Там же].

Таким образом, указанные термины определяют отношение сотрудника к организации, в то время как гражданское поведение является понятием, характеризующим активные действия человека, его поведение. Безусловно, отношение человека к организации может лежать в основе его организационного поведения.

Особое внимание к гражданскому поведению необходимо уделить в контексте федеральных государственных гражданских служащих (далее — гражданские служащие), поскольку от качества их служебной деятельности зависит социальное, политическое и экономическое развитие всего государства.

Применительно к гражданским служащим предлагается уточнить сложившееся в частном секторе понимание гражданского поведения. Учитывая, что нанимателем федеральных гражданских служащих является Российская Федерация, то и их поведение, направленное на благо организации, необходимо рассматривать применительно не к конкретному государственному органу, в котором они работают, а ко всему обществу, государству в целом. В этой связи гражданское поведение

гражданских служащих в данной статье рассматривается как поведение гражданских служащих, направленное на благо государства в целом, в отличие от гражданского поведения в частных организациях, которое направлено на конкретную фирму.

Мотивация поступления на государственную гражданскую службу (далее — гражданская служба) обладает ярко выраженными особенностями. Гражданские служащие работают на государство, общество в целом, и в этой связи их мотивы для проявления гражданского поведения могут быть шире, чем у сотрудников частной сферы. Различия в гражданском поведении гражданских служащих и сотрудников частной сферы могут проявляться также вследствие разного вклада организаций, их «инвестиций» в гражданское поведение. В бизнес-структурах можно наблюдать поощрение гражданского поведения работников, например в виде карьерного роста, премии, выдачи благодарственных писем за предложения работника, которые повысили производительность организации или улучшили какой-либо процесс. При этом в государственном органе не распространено вознаграждать работника за его личные новаторские идеи.

В этой связи возникает исследовательская проблема: может ли мотивация выбора сектора занятости являться предпосылкой последующего гражданского поведения гражданских служащих?

Целью данной работы является определение влияния мотивов поступления на гражданскую службу на гражданское поведение гражданских служащих.

Для достижения указанной цели необходимо выявить основные формы гражданского поведения, в этой связи автором были проведены интервью в одном из органов государственной власти.

Теоретические основы исследования

Гражданское поведение. С учетом того, что поведение человека складывается из множества отдельных действий, гражданское поведение может проявляться в различных формах. Д. Орган [Organ 1988] предложил следующую классификацию форм гражданского поведения:

- альтруизм (altruism) — помощь коллегам;
- добросовестность (conscientiousness) — выполнение обязанностей сотрудниками выше минимального необходимого уровня;
- «спортивное поведение» (sportsmanship) — позитивное отношение к работе и отсутствие жалоб;
- вежливость (courtesy) — уважительное отношение к коллегам;
- гражданская добродетель (civic virtue) — участие в политической жизни организации.

Существует также другая классификация гражданского поведения в зависимости от типа поведения: аффилиативное (affiliative) и гражданское поведение, направленное на изменения (challenging). Аффилиативное гражданское поведение можно охарактеризовать как действия, направленные на сохранение статуса-кво путем поддержки существующих производственных процессов. К такому типу поведения относятся помощь коллегам, проявление вежливости. Гражданское поведение, направленное на изменения, — действия, имеющие своей целью улучшение существующих рабочих процессов. К нему можно отнести озвучивание проблем, предложения по внедрению новых методов работы [Grant, Mayer 2009].

Исследователи отмечают, что мотивы играют важную роль в гражданском поведении: просоциальные мотивы связаны с гражданским поведением, направленным на индивида, а мотивы организационной заботы (organizational concern motives) — с гражданским поведением, направленным на организацию [Rioux, Penner 2001]. В результате исследования взаимосвязи

мотивации служения обществу и гражданского поведения было установлено, что чем выше уровень такой мотивации, тем выше уровень гражданского поведения [Kim 2006].

В российской науке вопросам, связанным с гражданским поведением, уделяется недостаточно внимания. Так, в работе [Сидоренков, Бороховский, 2020] отмечается, что к «неролевым» типам поведения, среди которых присутствует и гражданское поведение, за рубежом интерес возрастает (с 2013 по 2018 гг. — 238 публикаций), а в России за период с 2000 по 2018 г. было обнаружено только шесть опубликованных статей. При этом в этих работах в основном изучалось гражданское поведение работников частной сферы или сотрудников бюджетных учреждений (например, исследование гражданского поведения научно-педагогических работников вузов [Сидоренков и др. 2022]), но не гражданских служащих.

Возможно, данный пробел связан с тем, что, согласно распространенной теории «идеального бюрократа» М. Вебера, чиновник «состоит в жесткой служебной иерархии, обладает четкими служебными компетенциями, подчиняется строгой единообразной служебной дисциплине» [Вебер 2016, 260]. При таком описании гражданского служащего от него не ожидается никакое поведение, которое не прописано в его должностном регламенте.

Вместе с тем опыт показывает, что часто можно наблюдать поведение государственных служащих, которое не прописано в должностном регламенте: они нередко помогают друг другу даже в условиях бюрократии, что может вступать в противоречие с формальными требованиями и правилами. Например, среди кадровых практик государственных органов в России можно встретить отдельные элементы, направленные на изучение организационного поведения гражданских служащих, в том числе и меры по стимулированию проявления гражданского поведения.

Так, в органах государственной власти Ярославской области с 2014 г. проводится оценка личностных компетенций гражданских служащих, в том числе с целью прогнозирования их дальнейшего поведения при исполнении своих служебных обязанностей. Среди поведенческих индикаторов личностных компетенций присутствуют показатели, которые могут свидетельствовать о наличии гражданского поведения: доброжелательность (оказание помощи коллегам), инициативность (предложение новых подходов к решению проблем, готовность выполнять дополнительные обязанности). В ходе данной оценки измеряется также уровень мотивации гражданских служащих¹.

Кроме того, следует отметить, что гражданское поведение может оказывать положительное влияние на рабочие процессы в организации, что применительно к гражданской службе способствует нивелированию недостатков бюрократии, а также оказывает влияние на качество работы государственных органов и на имидж гражданской службы в целом.

Мотивация поступления на гражданскую службу. Персонал является ключевым звеном любой организации. Для ее эффективного функционирования необходимы не просто специалисты с соответствующим образованием и стажем работы, а мотивированные, заинтересованные в работе сотрудники, стремящиеся к постоянному совершенствованию своей деятельности. Мотивацию можно охарактеризовать как побуждение к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей человека, достижением наилучшего результата [Родюкова 2023]. Поэтому трудовая мотивация часто выступает предметом изучения у многих исследователей в качестве средства повышения производительности компании. Органы государственной власти, являющиеся работодателями для многих граждан нашей страны, не являются исключением и заинтересованы в высокомотивированных сотрудниках.

¹ База данных лучших практик применения кадровых технологий на государственной гражданской и муниципальной службе (2015 г.) // Минтруд России [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/14> (дата обращения 10.11.2023).

Дж. Перри и П. Вайс предложили теорию мотивации, которая наилучшим способом описывала бы мотивы трудоустройства гражданских служащих — теорию мотивации служения обществу (public service motivation, PSM). Под мотивацией служения обществу они понимают предрасположенность индивида реагировать на мотивы, которые встречаются в государственных организациях [Perry, Wise 1990]. Авторы определяют мотивы как психологические потребности, которые индивид стремится удовлетворить.

Было установлено, что сотрудники с высоким уровнем мотивации служения обществу предпочитают нематериальное стимулирование денежному поощрению [Bright 2009], а также они более терпимы к характеристикам бюрократической организации [Scott, Pandey 2005]. Кроме того, исследователи отмечают положительную взаимосвязь между мотивацией служения обществу, удовлетворенностью гражданскими служащими работой и их приверженностью организации [Yudiatmaja 2019].

Стоит обратить внимание на взаимосвязь мотивации служения обществу и гражданского поведения. По мнению исследователей, существует положительная связь между мотивацией служения обществу и гражданским поведением, поскольку гражданская добродетель (civic virtue), являющаяся одной из форм гражданского поведения, также может быть охарактеризована как «любовь» к общественным интересам и правосудию, желание к самопожертвованию для общественных нужд, что свойственно концепции мотивации служения обществу [Aqli et al. 2019]. В этой связи указанные теории скорее дополняют друг друга, чем являются противоположными.

Вопросы мотивации не остаются без внимания и в России. В качестве факторов, оказывающих влияние на мотивацию работы в государственном секторе, российские специалисты выделяют в том числе следующие: стабильность работы, социальные гарантии, уровень оплаты труда [Емельянова и др. 2020], возможность карьерного роста, престиж [Родюкова 2023], возможность профессионального развития и личностного роста, отношения с руководством [Овчаренко и др. 2020].

Перечисленные в этих работах факторы мотивации можно отнести скорее к тем, которые рассматривались в классических теориях бюрократии, чем к альтруистическим, поскольку указанные мотиваторы связаны преимущественно с личными интересами и комфортом гражданского служащего, а не с его самопожертвованием.

Исследование взаимосвязи мотивов поступления на гражданскую службу и гражданского поведения

Чтобы выявить основные формы проявления гражданского поведения и определить степень влияния мотивов поступления на гражданскую службу на выявленные формы, было проведено пилотное исследование в форме полуструктурированных интервью с гражданскими служащими. На основе полученных результатов проверялась исходная гипотеза исследования: мотивы поступления на гражданскую службу являются предпосылками для проявления гражданскими служащими гражданского поведения. Данный метод исследования был выбран потому, что с его помощью возможно выявить глубинные мотивы гражданских служащих, которые скрыты при использовании других методов исследования (например, при использовании вопросов с закрытым перечнем ответов).

Интервью проводились в одном из федеральных органов исполнительной власти (федеральное министерство), но в разных структурных подразделениях в ноябре 2021 года. В исследовании приняли участие 10 гражданских служащих различных должностей: от ведущего специалиста-эксперта до начальника отдела, с которыми были проведены получасовые интервью. Респонденты отбирались с помощью метода «снежный ком», при этом при выборе интервьюируемых

имел значение их опыт работы в организации (не менее 2 лет), чтобы у гражданского служащего было сформировано определенное мнение об организационных процессах.

Основной гайд для интервью состоял из 16 вопросов: из них 11 вопросов по теме исследования и 5 вопросов о личности респондента (возраст, образование, должность, опыт работы в данной организации, предыдущий опыт работы).

Вопросы по теме исследования можно разделить на несколько блоков:

- 1) вопросы о мотивации (например, «Почему Вы решили устроиться в государственный орган?», «Какие у Вас были ожидания от работы в государственном органе?»);
- 2) вопросы о гражданском поведении (например, «Вы предлагаете руководителю свои идеи относительно решения возникающих проблем или ставящихся руководством задач? Если нет, то почему? Если да, то как часто?», «Вы помогаете коллегам из своего департамента, когда они об этом просят?», «Вы делитесь профессиональным опытом с коллегами?»).

В процессе интервью, в зависимости от ответов респондентов, были заданы также дополнительные вопросы для раскрытия каких-либо ответов и дополнительных пояснений.

Проявление гражданскими служащими гражданского поведения. В целях определения форм, в которых может проявляться гражданское поведение, интервьюируемым было задано несколько вопросов об инициативе гражданских служащих, поддержке коллег, взаимовыручке, обмене опытом. Так, на вопрос о том, предлагают ли они руководству идеи относительно решения возникающих проблем или ставящихся руководством задач, ряд респондентов ответили, что они редко проявляют инициативу, поскольку непосредственный руководитель сам принимает решения и не прислушивается к мнению сотрудника.

Вместе с тем большинство интервьюируемых выражают свою точку зрения по поставленной задаче и предлагают возможные пути ее решения, поскольку их руководство спрашивает мнение сотрудников. Один из гражданских служащих отметил, что непосредственный руководитель интересуется его мнением и готов обсуждать различные идеи. При этом вышестоящее руководство, несмотря на то что тоже спрашивает мнение сотрудника, почти всегда отвергает его предложения.

Отвечая на вопрос о поощрении инициативы сотрудников, большинство респондентов ответили, что, как правило, поощрение производится в устной форме. При этом некоторые руководители хвалят такого сотрудника не только в личной беседе, но и перед коллегами, ставя его в пример. Однако один гражданский служащий отметил, что его руководство никак не поощряет сотрудников за проявление инициативы, даже устно. По его мнению, отсутствие каких-либо «поощряющих слов», в том числе слова «спасибо», не позволяет ему оценить качество проделанной им работы. Он обратил также внимание на то, что в его структурном подразделении отсутствие негативной реакции руководителя на идеи сотрудника либо на его работу уже считается поощрением:

«У нас положительным фидбэком является отсутствие негативного фидбэка. Если руководитель не повысил голос, значит, уже нормально».

На вопрос об оказании гражданскими служащими моральной поддержки своим коллегам (из одного отдела) все респонденты ответили утвердительно: *«Конечно, поскольку атмосфера в коллективе — это один из ключевых элементов успешной и плодотворной работы».* При этом чаще всего такая поддержка оказывается коллегам в стрессовых ситуациях и в периоды переработок: *«У нас в кабинете своя маленькая группа взаимной поддержки».*

Респондентам также был задан вопрос о помощи коллегам не из своего отдела, но в рамках одного структурного подразделения (департамента). Отвечая на этот вопрос, гражданские служащие разделились на две группы: тех, кто в большинстве случаев помогает таким сотрудникам, но к ним довольно редко обращаются за помощью из-за специфики их работы, и тех, кто старается «аккуратно» помогать, поскольку чаще всего в результате оказания такой помощи сотрудники других структурных подразделений перекладывают на них свою работу:

«Они могли бы и сами разобраться в вопросах, которые спрашивают, но им неохота, и легче спросить меня. При этом один раз поможешь, а в следующий раз уже считают, что я обязан им помочь, воспринимают уже как данность».

Кроме того, такую помощь гражданские служащие оказывают, если у них нет срочных задач и они могут отвлечься, чтобы помочь разобраться с возникшей проблемой.

На вопрос об обмене профессиональным опытом с коллегами гражданские служащие ответили, что они всегда делятся профессиональными советами друг с другом (в рамках одного отдела), поскольку такой обмен информацией позволяет увеличить производительность и результативность работы:

«Я делюсь своим профессиональным опытом с коллегами, и они — со мной. Считаю это нормальной практикой, помогающей каждому самосовершенствоваться и повышать эффективность работы нашего департамента».

Для того чтобы определить, проявляют ли интервьюируемые гражданское поведение вне своей малой группы (отдела) и структурного подразделения (департамента), им были заданы вопросы о взаимодействии с сотрудниками других департаментов и других организаций.

На вопрос о возможности оказания помощи сотрудникам других структурных подразделений (но в рамках одного государственного органа) респонденты ответили, что их коллеги склонны помогать другим, но если эта помощь «устная» и необходим профессиональный совет. Как и на вопрос о помощи в рамках одного департамента, респонденты отметили, что при оказании помощи сотрудникам других подразделений необходимо четко расставлять границы, поскольку в противном случае на них могут переложить чужую работу. Кроме того, несколько интервьюируемых сказали, что на оказание такой помощи влияет наличие межличностных неформальных отношений между подразделениями/ сотрудниками.

Что касается вопроса об оказании в коллективе помощи сотрудникам других организаций, когда на это отсутствует поручение от руководства, ответы гражданских служащих разделились в зависимости от просьбы, с которой к ним обратился сотрудник другой организации. Так, если респонденту задают вопрос, ответ на который не занимает много времени и не требует от него особых усилий (например, подсказать исполнителя по документу или номер телефона другого сотрудника), то он на него отвечает. Если же вопрос достаточно глубокий и ответ требует больших усилий, то часть интервьюируемых может постараться и помочь, но только в том случае, если вопрос относится к их компетенции. При этом некоторые респонденты могут уведомить сотрудника другой организации, что в соответствии с их должностным регламентом они не проводят консультации по телефону и при наличии вопросов необходимо письменно обращаться в государственный орган путем направления официального письма.

В качестве причин «обращения к должностному регламенту» гражданские служащие указали следующие: высокая загруженность текущей работой, отсутствие свободного времени, отсутствие уверенности в правильности своих ответов на поставленный вопрос (позиция руководства относительно одной и той же проблемы может часто меняться), нежелание нести ответственность за последствия своей консультации, недоверие к честности сотрудника другой организации.

Так, например, один из респондентов пояснил, почему он относится настороженно к вопросам сотрудников других организаций:

«Один раз мне позвонил сотрудник регионального ведомства и попросил помощи, пожаловался на подведомственную нам организацию, что они плохо выполняют свои обязанности. Описал свою ситуацию очень жалостливо, что у них там случилось. В ходе его рассказа мне показалось, что эта ситуация отдаленно напоминает письмо, на которое я давала позицию другому нашему департаменту, и регион был тот же. Я и спросила — случайно это не одна и та же ситуация, на что мне дали ответ, что это она и есть. Моему удивлению не было предела, поскольку я знаю, что им официально от нашего ведомства направили отказ, и информацию по телефону он мне рассказал совсем в другом ключе. Когда я ему об этом сказала, что я знаю, что им отказано, он сразу сменил тон на другой и уже просто стал требовать от меня, чтобы я их проблему решила в положительном ключе. Конечно, после такого я стараюсь полученную информацию по телефону от незнакомых сотрудников других организаций «делить на два». И я знаю много таких ситуаций, в другом отделе даже не берут трубку, если видят чужой входящий номер, поскольку у них были аналогичные ситуации».

Кроме того, некоторые из респондентов отметили, что есть «дружественные» внешние организации и сотрудникам таких государственных органов они почти всегда помогают, поскольку часто с ними работают и в случае необходимости могут рассчитывать на помощь с их стороны.

Мотивация поступления на гражданскую службу гражданских служащих. Для выявления мотивации поступления на гражданскую службу были заданы вопросы, связанные с причинами трудоустройства респондентов в государственный орган: были ли у них какие-либо ожидания от работы в государственном органе и оправдались ли они.

В качестве мотивов поступления на государственную службу гражданские служащие отметили следующие: стремление помочь людям, желание совершенствовать государственное управление, интересная работа с разнообразными задачами, стабильность, престиж, ценности государственного органа, желание узнать, как устроен государственный орган изнутри.

«Чтобы работать в коммерческой организации, надо разделять ее ценности, цели, миссию и т. д. Быть лояльным этой организации. В этом плане меня ни одна компания не привлекает»; «Всегда хотел связать свою жизнь с совершенствованием государства»; «Хотелось помочь людям, обществу, улучшить жизнь людей».

При этом до поступления на гражданскую службу ожидания респондентов были связаны с возможностью работать на благо общества, соответствием ценностей респондента ценностям государственного органа, возможностью оказывать влияние на решения, от которых зависит будущее страны (*«Смогу помочь обществу, влиять на события, происходящие в стране, и быть непосредственным участником этих событий»*). Один из интервьюируемых отметил также, что до трудоустройства ему казалось, что работа в государственном органе является чем-то «недоступным и заоблачным», и он удивился, что гражданские служащие — самые обычные люди.

Вместе с тем не у всех гражданских служащих оправдались ожидания от работы в государственном органе:

«Были большие ожидания от работы на государственной службе. Конечно, я заранее понимала, что может быть большая нагрузка, переработки, зарплата меньше, чем в коммерции, рутинный характер работы, бюрократизм. Но я думала, что это все второстепенное, я же буду делать что-то очень полезное, буду улучшать жизнь людей... На работе мы реализуем один федеральный закон, который непосредственно влияет на конечного получателя услуги — гражданина. Совершая каждое свое действие, я думаю, как это отразится на гражданах, улучшит оно или усложнит их

жизнь, это, конечно, очень психологически давит... Когда я только поступила на государственную службу, я думала, что здесь все действуют рационально и четко следуют букве закона, хотя приносят пользу обществу. При этом встречаются разные люди, у которых свои цели и мотивы, которые могут быть далеки от твоих, это, конечно, очень демотивирует... Иногда вообще непонятно, зачем я делаю ту или иную работу, поскольку я не понимаю, как она может принести пользу обществу и как она вообще связана с целью нашего государственного органа. Из-за таких непонятных задач и рутины иногда теряется смысл работы».

У некоторых респондентов не оправдались также ожидания от возможности принятия каких-либо важных решений, поскольку такие решения принимаются на более высоком уровне без их участия.

Вместе с тем у отдельных гражданских служащих ожидания оправдались: *«Приятно осознавать, что ты приложил свои усилия к документу, который повлияет на жизнь в стране»; «Результат работы департамента и государственного органа в целом виден и осязатим».*

Таким образом, на основе проведенных интервью и полученных результатов можно составить сравнительную таблицу форм гражданского поведения и мотивов гражданских служащих. Мотивы гражданских служащих были разделены на две группы: просоциальные (стремление помочь обществу) и иные (престиж, интересная работа, стабильность). Формы гражданского поведения были выделены в зависимости от ответов респондентов, некоторые формы (например, оказание помощи) разделены на подвиды, поскольку ответы гражданских служащих относительно разных «категорий» обращающихся к ним за помощью сотрудников различаются (Таблица 1).

Таблица 1. Соответствие форм проявления гражданского поведения мотивам поступления на гражданскую службу²

Формы проявления гражданского поведения гражданскими служащими	Мотивы поступления на гражданскую службу	
	Просоциальные	Иные
Проявление инициативы в решении поставленных задач	Да	Да
Оказание моральной поддержки коллегам	Да	Да
Обмен профессиональным опытом	Да	Да
Взаимовыручка на уровне малой группы (отдела)	Да	Да
Оказание помощи коллегам в рамках одного структурного подразделения (департамента)	Да	Скорее да, чем нет
Оказание помощи другому структурному подразделению, но в рамках одного государственного органа	Да	Скорее да, чем нет
Оказание помощи сотрудникам «дружественной» организации	Да	Скорее да, чем нет
Оказание помощи сотрудникам «незнакомой» организации	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да

Из таблицы и полученных результатов следует, что гражданским служащим свойственно проявлять гражданское поведение в различных формах. При этом некоторые формы гражданского поведения более зависимы от внешней среды, чем другие. Например, проявление инициативы зависит от стиля руководства, сложившегося в структурном подразделении, и обратной связи от начальника о проделанной работе. При этом помощь и взаимовыручка сильнее проявляются на уровне малой группы (отдела), чем в более многочисленных группах (департаменты, другие организации).

Выявленные формы гражданского поведения также могут быть разделены на аффилиативное поведение и поведение, направленное на изменения, в соответствии с ранее указанной классификацией, приведенной в теоретической части работы. При этом все указанные

² Составлено автором на основе проведенного исследования.

в таблице формы гражданского поведения являются аффилиативными, кроме поведения, связанного с проявлением инициативы.

Несмотря на довольно активное проявление гражданского поведения, такой тип поведения поощряется руководством только устно, в форме похвалы. При этом какие-либо материальные стимулы к проявлению гражданского поведения (например, премия или карьерный рост) не были выявлены.

Среди мотивов поступления на гражданскую службу преобладающим является желание совершенствовать социально-экономические отношения в обществе. При этом респонденты, которые в большей степени отмечали альтруистические мотивы, чаще остальных говорили о стремлении помочь коллегам.

Заключение

Гражданские служащие с любым типом мотивации поступления на гражданскую службу склонны проявлять гражданское поведение. На основе проведенных интервью можно сделать вывод о том, что мотивы поступления на гражданскую службу являются важными факторами проявления гражданского поведения.

В исследовании получено подтверждение того, что альтруистические мотивы поступления на гражданскую службу предопределяют гражданское поведение, что, в свою очередь, может благоприятно сказываться на качестве служебной деятельности гражданских служащих, взаимоотношениях гражданских служащих как друг с другом, так и с гражданами, а также может оказывать влияние на имидж гражданской службы и повышение ее престижа. Гражданские служащие с просоциальными мотивами в большей степени проявляют гражданское поведение, связанное с помощью другим, в отличие от гражданских служащих с иными мотивами. В связи с этим ключевым типом мотивов гражданского поведения на гражданской службе выступают просоциальные мотивы поступления на гражданскую службу.

Полученные выводы могут внести вклад в развитие связи теорий гражданского поведения и теорий просоциальной мотивации, в изучение сравнения гражданского поведения в бизнес-структурах и органах власти. В частности, результаты исследования свидетельствуют о проявлении гражданскими служащими гражданского поведения, несмотря на различные ограничения на гражданской службе. Отсюда следует, что мотивационное тестирование при приеме на гражданскую службу и в дальнейшем при проведении аттестаций гражданских служащих может применяться в качестве инструмента выявления потенциала гражданского поведения и тем самым способствовать повышению качества работы государственных органов.

В дальнейших исследованиях при анализе взаимосвязи мотивации и гражданского поведения возможно включение мотивационного тестирования респондентов. Таким образом можно будет проследить соответствие результатов тестирования и полученных ответов, а также определить, какой тип мотивации ведет к тому или иному проявлению гражданского поведения.

К ограничениям исследования можно отнести его пилотный характер. Учитывая полученные в результате проведенных интервью выводы, можно провести масштабное исследование гражданского поведения на гражданской службе.

Необходимо упомянуть также об ограничениях, связанных с выбранным методом исследования (интервью). Поскольку при проведении интервью интервьюер лично общается с респондентом, имеется риск, что респондент может «приукрашивать» свои ответы, чтобы показать себя в лучшем свете (социально желательные ответы), что потребует введения дополнительных контрольных вопросов. В дальнейшем исследовании было бы интересно проверить предположение, что затруднения в установлении связи мотивации гражданских служащих и качества их

служебной деятельности вызваны именно тем, что мотивация оказывает опосредованное влияние на качество работы государственного органа. Как представляется, промежуточным звеном такого влияния выступает гражданское поведение — именно через него мотивация трансформируется в качественную инициативную работу.

Список литературы:

Алексеева Е.А. Концепт организационной приверженности в социологической дискуссии // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6(57). С. 4–10. DOI: [10.26907/2079-5912.2022.6.4-10](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.4-10)

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4-х томах. Том 1. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Емельянова О.Я., Шершень И.В., Кравец М.А. Исследование мотивационных факторов в профессиональной адаптации государственных гражданских служащих // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 4(51). С. 86–92. DOI: [10.22394/1997-4469-2020-51-4-86-92](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-51-4-86-92)

Овчаренко Р.К., Лунева И.А., Штепа М.А. Мотивация гражданских служащих и результативность их профессиональной служебной деятельности (по данным социологического опроса) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 50–54. DOI: [10.22394/2079-1690-2020-1-1-50-54](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-50-54)

Родюкова Т.Н. Проблемы мотивации и стимулирования на государственной гражданской службе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 46–50. DOI: [10.23672/SAE.2023.17.65.001](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.17.65.001)

Сидоренков А.В., Бороховский Е.Ф. Гражданское поведение и организационная коммуникативность работников в институциональном контексте // Journal of Institutional Studies. 2020. № 2. С. 119–131. DOI: [10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131)

Сидоренков А.В., Штроо В.А., Бороховский Е.Ф. Связь идентификаций и организационного гражданского поведения научно-педагогических работников в вузе // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 323–337. DOI: [10.17323/1813-8918-2022-2-323-337](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-323-337)

Aqli Z., Ujjianto, Syafi'I A. Public Employees' Risk Aversion and Organizational Citizenship Behavior: The Effects of Ethical Leadership, Work Culture and Public Service Motivation // Public Administration Issues. 2019. Vol. 6. DOI: [10.17323/1999-5431-2018-0-5-145-162](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2018-0-5-145-162)

Bright L. Why Do Public Employees Desire Intrinsic Non-Monetary Workplace Opportunities? // Public Personnel Management. 2009. Vol. 38. Is. 3. P. 15–37. DOI: [10.1177/009102600903800302](https://doi.org/10.1177/009102600903800302)

Grant A., Mayer D. Good Soldiers and Good Actors: Prosocial and Impression Management Motives as Interactive Predictors of Affiliative Citizenship Behaviors // Journal of Applied Psychology. 2009. Vol. 94. Is. 4. P. 900–912. DOI: [10.1037/a0013770](https://doi.org/10.1037/a0013770)

Kim S. Public Service Motivation and Organizational Citizenship Behavior in Korea // International Journal of Manpower. 2006. Vol. 27. Is. 8. P. 722–740. DOI: [10.1108/01437720610713521](https://doi.org/10.1108/01437720610713521)

Organ D.W. Organizational Citizenship Behavior: The Good Soldier Syndrome. Lexington, MA: Lexington Books, 1998.

Perry J.L., Wise L.R. The Motivational Bases of Public Service // Public Administration Review. 1990. Vol. 50. Is. 3. P. 367–373. DOI: [10.2307/976618](https://doi.org/10.2307/976618)

Rioux S., Penner L. The Causes of Organizational Citizenship Behavior: A Motivational Analysis // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86. Is. 6. P. 1306–1314. DOI: [10.1037/0021-9010.86.6.1306](https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.6.1306)

Scott P.G., Pandey S.K. Red Tape and Public Service Motivation: Findings from a National Survey of Managers in State Health and Human Services Agencies // Review of Public Personnel Administration. 2005. Vol. 25. Is. 2. P. 155–180. DOI: [10.1177/0734371X04271526](https://doi.org/10.1177/0734371X04271526)

Yudiatmaja W.E. How Does Public Service Motivation Contribute to Service Orientation? Testing Mediation Models // *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. 2019. Vol. 9. Is. 2. P. 162–178.

References:

Alekseeva E.A. (2022) Concept of Organizational Commitment of the Sociological Discussion. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*. No. 6(57). P. 4–10. DOI: [10.26907/2079-5912.2022.6.4-10](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.4-10)

Aqli Z., Ujianto, Syafi'i A. (2019) Public Employees' Risk Aversion and Organizational Citizenship Behavior: The Effects of Ethical Leadership, Work Culture and Public Service Motivation. *Public Administration Issues*. Vol. 6. DOI: [10.17323/1999-5431-2018-0-5-145-162](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2018-0-5-145-162)

Bright L. (2009) Why Do Public Employees Desire Intrinsic Non-Monetary Workplace Opportunities? *Public Personnel Management*. Vol. 38. Is. 3. P. 15–37. DOI: [10.1177/009102600903800302](https://doi.org/10.1177/009102600903800302)

Emelyanova O.Y., Shershen I.V., Kravets M.A. (2020) Remote Activity as an Actual Form of Employment of Employees in the World Labor Market. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. No. 4(51). P. 86–92. DOI: [10.22394/1997-4469-2020-51-4-86-92](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-51-4-86-92)

Grant A., Mayer D. (2009) Good Soldiers and Good Actors: Prosocial and Impression Management Motives as Interactive Predictors of Affiliative Citizenship Behaviors. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 94. Is. 4. P. 900–912. DOI: [10.1037/a0013770](https://doi.org/10.1037/a0013770)

Kim S. (2006) Public Service Motivation and Organizational Citizenship Behavior in Korea. *International Journal of Manpower*. Vol. 27. Is. 8. P. 722–740. DOI: [10.1108/01437720610713521](https://doi.org/10.1108/01437720610713521)

Organ D.W. (1998) *Organizational Citizenship Behavior: The Good Soldier Syndrome*. Lexington, MA: Lexington Books.

Ovcharenko R.K., Luneva I.A., Shtepa M.A. (2020) Motivation of Civil Servants and the Effectiveness of Their Professional Official Activities (Results of Sociological Survey). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. No. 1. P. 50–54. DOI: [10.22394/2079-1690-2020-1-1-50-54](https://doi.org/10.22394/2079-1690-2020-1-1-50-54)

Perry J.L., Wise L.R. (1990) The Motivational Bases of Public Service. *Public Administration Review*. Vol. 50. Is. 3. P. 367–373. DOI: [10.2307/976618](https://doi.org/10.2307/976618)

Rioux S., Penner L. (2001) The Causes of Organizational Citizenship Behavior: A Motivational Analysis. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 86. Is. 6. P. 1306–1314. DOI: [10.1037/0021-9010.86.6.1306](https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.6.1306)

Rodyukova T.N. (2023) Problems of Motivation and Stimulation in the Civil Service. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. No. 2. P. 46–50. DOI: [10.23672/SAE.2023.17.65.001](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.17.65.001)

Scott P.G., Pandey S.K. (2005) Red Tape and Public Service Motivation: Findings from a National Survey of Managers in State Health and Human Services Agencies. *Review of Public Personnel Administration*. Vol. 25. Is. 2. P. 155–180. DOI: [10.1177/0734371X04271526](https://doi.org/10.1177/0734371X04271526)

Sidorenkov A.V., Borokhovskiy E.F. (2020) Organizational Citizenship Behavior and Communicativeness of Employees in the Institutional Context. *Journal of Institutional Studies*. No. 2. P. 119–131. DOI: [10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131)

Sidorenkov A.V., Stroh W.A., Borokhovskiy E.F. (2022) Relationship between Identifications and Organizational Citizenship Behavior of Academic Personnel in Universities. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. No. 2. P. 323–337. DOI: [10.17323/1813-8918-2022-2-323-337](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-323-337)

Weber M. (2016) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. In 4 vol. Vol. 1. Sociology. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Yudiatmaja W.E. (2019) How Does Public Service Motivation Contribute to Service Orientation? Testing Mediation Models. *Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan*. Vol. 9. Is. 2. P. 162–178.

Дата поступления/Received: 23.11.2023

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration

УДК 353.1

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-118-141

Этнокультурная поляризация кадрового состава органов власти и выбор модели государственного управления (на примере юго-западных штатов США)

Минат Валерий Николаевич

Кандидат географических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [2844-5748](#), ORCID: [0000-0002-8787-4274](#),
minat.valera@yandex.ru

Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева, Рязань, РФ.

Аннотация

Цель статьи заключается в выявлении влияния этнокультурной структуры кадрового состава органов власти юго-западных штатов США на выбор модели государственного управления, отвечающей необходимости решения проблем, связанных с поляризацией населения «примексиканской» территории страны. Актуальность исследования заключается в необходимости преодоления негативных последствий, вызванных активизацией процессов этнокультурной турбулентности и неопределенности за последние сорок лет. Поставленная в работе проблема модельного изменения системы государственного управления в юго-западных штатах США сопряжена с необходимостью достижения этнополитической стабильности. Последняя характеризуется преодолением негативных воздействий поляризованного социума, снижением турбулентного проявления конфликтных ситуаций в системе государственного управления и способностью последнего улучшать свойства и качество субъектов управления и управляемых объектов, идентифицирующих себя в качестве разных социокультурных и этнокультурных групп населения юго-западных штатов США. С использованием индексного метода, на основе данных Бюро трудовой статистики США и Национальной Ассоциации институтов государственной службы США показана динамика этнокультурной поляризации, затронувшая три ветви власти штатов Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас. С опорой на необходимый теоретический материал проведено сравнение характеристик моделей государственного управления, потенциально отвечающих требованиям решения проблем турбулентности и неопределенности, достижения этнополитической стабильности для каждого из названных штатов региона. Наиболее значимые результаты исследования, опирающиеся на использование институционального анализа сложившейся и рекомендуемой модели государственного управления исследуемых штатов, отражают резкое увеличение доли испаноязычной этнокультурной группы («хиспаник/латинос») в органах государственного управления за последние сорок лет. Указанная группа, сравниваемая прежде всего с группой белых европейского происхождения, к 2021 г. доминирует в кадровом составе исполнительной власти в сфере организационных структур межведомственной координации, отвечающих за согласование в системе «федеральный центр — власть штата — местное управление». В этих условиях представляется необходимым использование новых концептуальных моделей государственного управления — сетевой и робастной, отражающих этнокультурную специфику кадрового потенциала органов власти юго-западных штатов США. Представляется, что институционально-структурная характеристика как сетевой модели, ориентированной на закрепление разных культурных ценностей посредством общественного договора, так и модели робастного управления, характеризующейся адаптивностью и системностью политического управления, найдут практическое применение в опоре на развитие новых целевых промежуточных институтов государственного управления. В большинстве штатов Юго-Запада США роль промежуточных институтов может быть отведена уже формирующейся системе всевозможных советов межведомственной и административной координации, которые демонстрируют оптимальное сочетание кадрового состава представительных и исполнительных органов региональной власти, формируемых по принципу этнического квотирования.

Ключевые слова

Государственное управление, этнокультурная неоднородность, этнокультурная поляризация, модели государственного управления, промежуточные институты государственного управления, этническое квотирование, турбулентность, неопределенность, этнополитическая стабильность, юго-западные штаты США.

Для цитирования

Минат В.Н. Этнокультурная поляризация кадрового состава органов власти и выбор модели государственного управления (на примере юго-западных штатов США) // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 118–141. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-118-141

Ethnocultural Polarization of Government Personnel and the Choice of Public Administration Model (Using the Example of the Southwestern United States)

Valery N. Minat

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-8787-4274](#), minat.valera@yandex.ru

Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev, Ryazan, Russian Federation.

Abstract

The aim of the article is to identify the influence of the ethnocultural structure of government personnel in the Southwestern United States on the choice of a public administration model that meets the need to solve problems associated with the polarization among the population of the country's "Mexican" territory. The relevance of the study lies in the need to overcome the negative consequences caused by the intensification of ethnocultural turbulence processes and uncertainty over the past forty years. The problem posed

in the work of model changes in the system of public administration in the Southwestern United States is associated with the need to achieve ethnopolitical stability. The latter is characterized by overcoming the negative impacts of a polarized society, reducing the turbulent manifestation of conflict situations in the public administration system and the latter's ability to improve the properties and quality of governing subjects and managed objects that identify themselves as different sociocultural and ethnocultural groups of the population of the Southwest. Using the index method, based on data from the US Bureau of Labor Statistics and the National Association of Public Service Institutes, the dynamics of ethnocultural polarization affecting the three branches of government in the states of California, Arizona, New Mexico and Texas are shown. Using the necessary theoretical material, a comparison was made of the characteristics of public administration models that potentially meet the requirements of solving the problems of turbulence and uncertainty, achieving ethnopolitical stability for each of the named states in the region. The most significant results of the study, based on the use of institutional analysis of the established and recommended model of public administration of the states studied, reflect a sharp increase in the share of the Hispanic ethnocultural group (Hispanic/Latinos) in public administration over the past forty years. This group, compared primarily with the group of whites of European origin, by 2021 dominates the personnel of the executive branch in the field of organizational structures of interdepartmental coordination, responsible for coordination in the system "federal center — state government — local government". In these conditions, it seems necessary to use new conceptual models of public administration — network and robust, reflecting the ethnocultural specifics of the personnel potential of government bodies in the Southwestern United States. It seems that the institutional and structural characteristics of both the network model, focused on consolidating different cultural values through a social contract, and the robust management model, characterized by adaptability and systematicity of political management, will find practical application based on the development of new targeted intermediate institutions of public administration. In most states of the Southwest, the role of intermediate institutions can be assigned to the already emerging system of various councils of interdepartmental and administrative coordination, characterized by an optimal combination of personnel of representative and executive bodies of regional government, formed on the principle of ethnic quotas.

Keywords

Public administration, ethnocultural heterogeneity, ethnocultural polarization, models of public administration, intermediate institutions of public administration, ethnic quotas, turbulence, uncertainty, ethnopolitical stability, Southwestern United States.

For citation

Minat V.N. (2024) Ethnocultural Polarization of Government Personnel and the Choice of Public Administration Model (Using the Example of the Southwestern United States). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 118–141. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-118-141

Введение

Эволюция государственного управления (public administration) в Соединенных Штатах Америки (США) объективно отражает динамику структуры и функционирования американской общественной системы, позволяя более или менее адекватно отвечать на новые вызовы, возникающие в постоянно меняющихся внутренних и внешних условиях развития территориальной федерации, основанной не по этническому принципу. Американская федерация на протяжении всей истории своего существования отличалась высокой степенью дифференциации общественно-имущественных страт и территорий в социально-экономическом плане, крайней неоднородностью этнического и культурного пространства, постоянным иммиграционным воздействием на структуру социума, нарастающей политизацией внутри тех или иных сообществ и расово-этнических групп. В дополнение к перечисленному во второй половине XX в. на новый качественный уровень вышла регионализация самосознания и самоидентичности значительной части американцев, составляющих конституционно закрепленную единую нацию [Дискин 2021]. Базисом неоднородности в рамках национального государства (state) выступает характер американского экономического федерализма, неизменно поддерживаемого так называемыми конституционными традициями [Володин 1984; Супян 2023]. Последние позволили американскому обществу во второй половине прошлого века и в начале XXI столетия пройти путь от постепенного возрастания роли центральной федеральной власти (политической, экономической и т. д.) к усиливающейся децентрализации властных функций в американском обществе постмодерна [Горгола 2015].

Управленческие структуры Соединенных Штатов, прежде всего высшего уровня власти, неизменно формировались при непосредственном участии крупного бизнеса, выполняющего, среди прочего, роль «...поставщика "кадров" для американских политических элит, которые определяют внутреннюю и внешнюю политику США» [Станис, Курылев 2020, 226]. Такая традиционная для Америки политэкономическая связка интересов крупного бизнеса и государственных институтов

характерна не только для федерального уровня власти, но и исторически имеет географическую привязку на внутривнутристрановом субрегиональном уровне, включая политические и административные механизмы лоббизма на уровне штатов [Купряшин и др. 2023] или этнических групп [Гирфанова 2019]. Таким образом, помимо центральных политических и административных элит, в Американской федерации сформировались влиятельные региональные и местные элитарные кадровые общности [Dixon et al. 2018]. Последние, находясь во взаимодействии с политическими элитами центра, постепенно формируют основу кадрового потенциала конкретных территорий, то есть возможности эффективного исполнения властных функций. Формируемые на местах специфические кадровые общности, эволюционируя в политически установленной институциональной и ментальной среде, субъективно определяют качество и характер соответствующих институтов, их изменения, эволюцию. Следовательно, институты государственного управления (ИГУ) США, находящиеся под воздействием институций (норм, правил, традиций), понимаются нами прежде всего как совокупности социально-политических и административно-государственных структур, в рамках которых функционируют кадры соответствующих органов власти, воздействуя определенным образом на управляемые объекты и формируя управленческие связи и взаимодействия [Овчаров, Овчарова 2021]. Понятно, что институциональные ограничения во многом будут продиктованы характеристиками выбранной модели государственного управления (структурой, критериями качества, инструментарием, средствами координации).

Качественное изменение ИГУ обуславливает значительную роль территориальных систем государственного и местного управления в триаде отношений: федеральный центр — региональные элиты — местные администрации. В прямой и обратной зависимости от экономических интересов территориальных структур власти, управления и бизнеса находятся политические явления и административные функции, соответственно определяющие и непосредственно осуществляющие двуединый процесс, включающий политическое управление и административно-государственное управление, а также характер государственной службы — как в центре, так и на местах [Пискунов, Мерзляков 2019].

Как отмечают специалисты, «политическое управление представляет собой необходимо возникающее явление, а процессы децентрализации и регионализации неизбежно требуют смещения акцентов от административно-государственного управления к политическому» [Новикова 2015, 115]. Отличая понятие «политическое управление» от категории «политическая власть», нельзя не заметить, что в сознании американских граждан ценностно закреплено самовосприятие в качестве «свободных людей», проживающих на территории конкретного штата страны, что способствует развитию регионального сознания, воспринимающего прежде всего политическое управление. Вместе с тем на практике политическое управление неотделимо от административно-государственного, поскольку основной субъект их деятельности совпадает — это органы государственного управления США, реализующие возложенные на них властные полномочия, а значит, воспринимаемые гражданами страны как органы власти, компетентностно формирующие систему из трех известных ветвей. Исследуя кадровый состав соответствующих органов власти/органов госуправления на местах, целесообразно рассматривать административно-государственную систему управления, ориентированную на распределение кадрового потенциала. При этом обосновывая выбор модели государственного управления с опорой на структуру и состав кадров органов власти и характерные институции, определяющие приоритет ценностей и целеполагания в развитии региональных социумов, нужно учитывать, что политическое управление доминирует, исходя из примата демократизации управления в США. Вновь обращаясь к институциональному анализу, отметим, что формирование и изменение институциональной среды

государственного управления подразумевают функционирование и эволюцию институтов в смысле «политического установления», то есть формальных и неформальных правил взаимодействия людей для достижения целей управления.

Многоаспектность регионального сознания американских граждан, во многом обусловленная полиэтничностью и ретроспективно характеризуемая неравномерным распределением социальных и хозяйственных функций, даже в рамках классической территориальной федерации определяет принципы формирования и реформирования государственного управления под воздействием комплексного фактора этнокультурной неоднородности/гетерогенности (*ethnocultural heterogeneity*).

Специалистами по сравнительному правоведению обоснованно отмечается, что «...расово-этнический, культурный, религиозный, языковой и иные факторы не могут не воздействовать на функционирование институтов федеративной системы в целом, на построение органов публичной власти и их внутреннюю политику» [Саликов 2015, 9]. Понятно, что на уровне местного управления отмеченное влияние аксиоматично, исходя из англо-саксонской специфики широко распространенной в США единицы местного управления, понимаемой в качестве муниципальной корпорации. Последняя законодательно призвана объединять или, напротив, географически разделять американские административно-территориальные структуры низового уровня, характерные либо для разных штатов страны (графства, тауншипы, школьные округа и т. д.), либо в рамках урбанизированных пространств — мегалополисов и мегарегионов (муниципалитеты) [Черкасов 2017].

Отмеченный выше фактор этнокультурной неоднородности наиболее «влиятелен» в экономическом, политическом и социально-культурном пространстве тех территорий США, где наблюдается не фракционализация населения, характеризующаяся исторически обусловленным взаимодействием разных рас и многочисленных этносов, а этнокультурная поляризация социума¹ — система общественных отношений, построенная на основе конкурентного сосуществования двух доминирующих этнических, культурных и языковых групп. К таким территориям в Американской федерации, согласно исследованиям автора, относятся юго-западные штаты (ЮЗШ) США, имеющие границу с Мексикой². На географически единой территории штатов Калифорния, Аризона, Нью-Мексико и Техас к настоящему времени сложилась ситуация, при которой во всех сферах жизни и хозяйственной деятельности объективно взаимодействуют две культурно дистанцированные друг от друга крупные этнические группы, значительно превосходящие остальные группы по численности. Характер взаимодействия, безусловно, имеет как созидательные, так и конфронтационные проявления в региональных социумах. Однако исследования ученых, прежде всего американского происхождения, приводят результаты противостояния поляризованных групп как в США в целом [Fearon 2003; Миланович 2016; Читтам 2020], так и в указанных штатах

¹ Само понятие поляризации, присущей конкретным общественным явлениям, зачастую ограниченно пространственно, подразумевает фрагментацию, разделение субъектов поляризации на разнокачественные группы, формирующие в пространственно-временном континууме исследуемого объекта два полюса. Обзор методов и трендов поляризации включает не менее десяти тематических направлений, основанных на объективной неравномерности развития и неравенстве общественных отношений [Анохин, Кузин 2021]. В числе таковых выделяется национальная и этнокультурная неоднородность, которая так или иначе может выступать причиной разногласий в обществе. Российские специалисты отмечают, что измеритель этнического разнообразия должен отражать возможность конфликтов [Буфетова, Коломак 2021]. Западные исследователи, не приписывая неравенству и неравномерности как таковому непременное формирование конфликта, однозначно подчеркивают, что наличие поляризации в обществе гарантирует социальный конфликт [Keefe, Knack 2002]. Критерии поляризации (по Х. Эстебану и Д. Рею): наличие двух внутренне однородных групп и коренные различия между этими группами, которые являются причиной конфликта [Esteban, Ray 1994].

² Историко-географически и этнографически к числу таких территорий на юго-западе США относятся нынешние штаты Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Техас, территория которых выступает объектом нашего исследования, а также штаты Невада, Юта, часть Вайоминга, не рассматриваемые нами в этой работе. Все указанные пространства (около миллиона квадратных миль) с расположенными в их пределах на данный момент времени социально-экономическими объектами и этнически неоднородным населением стали частью Американской федерации по результатам войны с Мексикой (1846–1848 гг.) и были вовлечены в систему государственного управления, а также инкорпорированы в рамках местного управления США [Геевский, Червоная 1985].

страны [Horowitz 1985; Geng 2012]³. Отмеченные авторы определяют субъектами поляризации, с одной стороны, белых американцев европейского происхождения (european descent whites), а с другой — испаноязычных граждан страны, называемых в научной литературе «хиспаник» или «латино» (hispanic or latino). При этом численность последних более интенсивно увеличивается не только за счет естественного прироста, но и посредством иммиграционного притока из стран Латинской Америки (преимущественно транзитом через Мексику), несмотря на активные меры противодействия со стороны федеральной власти Соединенных Штатов [Кудеярова 2019]. Других обширных и экономически значимых территорий в США, где столь явно и сильно была бы представлена поляризация как негативный фактор влияния этнокультурной неоднородности на региональный социум, автором не выявлено [Минат 2022b]. Поэтому выбор объектом настоящего исследования ЮЗШ США очевиден. Именно в рамках специфического геокультурного пространства ЮЗШ наблюдается не только наиболее активное размывание национальной идентичности под воздействием этнодемографической турбулентности, но и намечается начальная стадия перехода от экономического федерализма к экономической регионализации, что подтверждается результатами проведенного моделирования, включая перспективное до 2030 г. [Минат 2022c]⁴.

В этих условиях в системе государственного управления США, выступающего неотъемлемой частью всей общественной системы, нарастают явления неопределенности и турбулентности, как две стороны одной медали, усиливающие друг друга [Baehler, Biddle 2018], выражением которых в поляризованной социальной среде закономерно выступает изменение общественных ценностей, провоцирующих социальный кризис [Овчаров, Овчарова 2021]. Последний выражается в недоверии значительной части регионального социума, этнически и культурно отличной от других групп, не удовлетворенной прежде всего качеством управления, замененным на отчетность по количественным показателям рейтингования и программирования, то есть имитацию госуправления. Имитация, выступая деструктивным элементом государственного управления, способствует перенесению этнокультурной поляризации из социокультурного и геоэкономического пространства ЮЗШ на систему государственного управления, функционирующую на территории этих штатов. Материальной основой «вращения» этнокультурных противоречий в рамках реализации государственных функций и придания им «контрастного политического окраса» выступает наличие идейных (лоббистских) носителей изменения модели управления на основе этнических приоритетов в самой системе государственной службы США. Ответно возникает объективная необходимость реформирования системы государственного управления США в штатах, административно составляющих указанную территорию. Причем поскольку речь идет об изменении ценностей, то управленческие решения и новые институты, способные купировать возможность социального кризиса, могут быть основаны на использовании не бюрократических

³ Об этом же свидетельствуют и результаты исследований российских специалистов, в частности: Кельман Ю.Ф. Этнокультурное многообразие городского населения США и методы его исследования в географическом контексте: дис. ... канд. геогр. наук. М., 2016.

⁴ На наш взгляд, нельзя полностью отбрасывать даже чрезвычайно радикальные оценки, встречающиеся в работах российских исследователей, приведенные со ссылкой на американские источники, в которых отмечается, что штаты Калифорния и Техас, обладая крупнейшим в США человеческим и экономическим потенциалом, сравнимым только с Северо-Востоком страны, отличаются на протяжении последнего времени (особенно «ковидного и постковидного» периодов) возобновлением своего давнего устремления к самостоятельности, «переделу» административно-территориального устройства и отделению/сецессии от Американской федерации [Саликов 2015; Глигич-Золотарева 2021]. В частности, М.В. Глигич-Золотарева приводит следующее оценочное высказывание: «Автор вышедшей осенью 2020 г. книги "Круши давай: сецессия, разлад и тайная история неидеального американского союза" Ричард Крайтнер полагает, что идеи сепаратизма сопровождают США, сколько существует страна. В 2020 г. в США были изданы и другие книги на ту же тему, среди них — "Американская сецессия: надвигающаяся угроза распада страны" Фрэнсиса Бакли и "Разделившись, мы падем: угроза сецессии в Америке и как нам возродить страну" Дэвида Френча. Последний агитирует за распад и пишет следующее: "Мы слишком большие, мы одна из самых больших стран на свете. Маленькие страны счастливее, и в них меньше коррупции. Они не бряцают оружием, они свободнее... Большое — значит плохое"» [Глигич-Золотарева 2021, 170]. Еще более радикален Т. Читтам, на протяжении нескольких последних десятилетий (!), предрекающий ни много ни мало начало гражданской войны в США, причиной которой он видит именно этнокультурную неоднородность ряда регионов страны, включая поляризованный Юго-Запад [Читтам 2020, 104–129].

инструментов (регламентации и контроля) и даже не на учете разнонаправленных интересов посредством лоббизма и экономического стимулирования, а на системности и общественном доверии поляризованных этнокультурных групп. Актуализируется использование практик адаптивного характера и упреждающего управления со стороны государственной власти, способных обеспечить снижение степени ее уязвимости от поляризационных воздействий социума.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на примере ЮЗШ США выявить возможную взаимосвязь между изменением этнокультурной структуры кадрового состава государственных служащих в системе органов власти указанных штатов и выбором модели государственного управления, наиболее соответствующей поляризации населения данных территорий, активно влияющей на турбулентность и неопределенность текущего и дальнейшего развития.

Обзор литературы и постановка проблемы

Прежде всего заметим, что в научной американской литературе перманентно поднимается проблема реформирования системы государственного управления США, имеющего в первую очередь политический окрас, присутствующий в программных документах каждой без исключения администрации вновь избранного президента страны. В настоящем обзоре мы не имеем возможности уделить место анализу отмеченной проблематики. Однако даже общий институциональный анализ показывает, что отношения кадров, выступающих субъектами власти, и индивидов, выступающих объектом госуправления, осуществляются посредством набора институтов, формирующего определенный порядок (по Дж. Марчу и Дж. Ольсену) взаимосвязи между институциональными характеристиками и политическим действием [March et al. 1989]. Исследование нарушения или ограничений сложившегося институционального порядка власти (о чем мы упомянули во введении) выявляет отличия предложения по формированию новых штатов и разделению существующих, которые перманентно возникают в условиях постоянно развивающегося американского федерализма, с одной стороны, от призывов к открытому сепаратизму, с другой стороны [Desmet et al. 2011]. Последний вариант (выше названный нами чрезвычайно радикальным) вряд ли в скором будущем будет поддержан большинством населения даже ЮЗШ США, не говоря уже о реакции всей американской общественности и центральной власти. Вместе с тем, чтобы не допустить возникновения и развития кликократического (кланового, кастового) порядка кадрового обеспечения органов государственной власти в штатах с высокой степенью этнокультурной поляризации, дальнейшая универсализация региональных институтов и институций не представляется возможной. Этнополитический контекст необходим не просто как один из учитываемых факторов политического государственного управления, а как решающий фактор, меняющий институциональную среду посредством допустимых локальных управленческих практик, воздействующих на структурные ситуации [Остром 2020].

Наиболее реалистичным представляется формирование качественно новых региональных центров государственной власти в стране с учетом институциональных изменений и новых связей управления, основанных на разделенном правлении, феномен которого хорошо исследован в США с позиций электорального процесса и партийного строительства [Wattenberg 1991]. При этом российские специалисты обосновывают необходимость «...учитывать не только институциональные и структурные моменты, находящиеся в центре внимания американской политической науки, но и обстоятельства долговременного социо-экономического характера» [Лапшина 2008, 133]. Геоэкономический аспект разделенного правления, включающий этнокультурный фактор экономического роста и пространственного развития территорий, практически не изучен

[Минат 2022а]. При этом для ЮЗШ США он актуален не только теоретически, но и жизненно, поскольку поляризованный характер политически и экономически активного социума этих территорий объективно приводит к разграничению всего комплекса разнонаправленных интересов двух этнокультурных групп, занимающих доминирующее положение. Поэтому в этом контексте заслуживает внимания теория политического дрейфа Дж. Хэкера, объясняющая механизм сжатия социального государства скрытым политическим обструкционизмом, широко используемым в ЮЗШ в качестве альтернативы издержкам реформирования системы государственного управления в штатах с высокой поляризацией населения [Hacker et al. 2015; Карасев 2022]⁵.

Нарастающий турбулентный характер этнических и социальных противоречий в условиях формирования «новой административной культуры» (new administrative culture), выявленный рядом американских исследователей [Rosenbloom et al. 2009; Rondeaux 2006], связывается прежде всего с трудностями социально-экономической и бытовой жизни все большего числа наименее защищенных граждан [Григорьев, Григорьева 2021]. Более того, результаты периодических переписей населения США и их интерпретация как российскими [Марусенко, Марусенко 2019; Петровская 2021], так и западными [Emerson 1962; Humes et al. 2011] учеными обоснованно свидетельствуют о преобладании в группе наиболее уязвимых американцев небелых граждан, протестно активизирующихся в плане не только традиционных экономических, но и политических требований по реформированию всех сфер жизни в США, включая государственное управление. Протест этнических групп, считающих свои права ущемленными со стороны белого социума европейского происхождения, в какой-то мере купируется меритократическим принципом отбора руководящих кадров в органы государственной власти Соединенных Штатов. Однако декларируемый принцип набора на госслужбу в США лиц «... из всех общественных страт в результате прозрачной, честной и открытой конкуренции, не зависящей от социального положения, расы, возраста, пола конфессии и т. п.» [Комиссаров 2023, 50] отнюдь не является аналогом реальных социальных лифтов.

Неслучайно, что в Соединенных Штатах, выступавших в XX в. страной-лидером в сфере эффективного управления, на протяжении последних десятилетий сформировались объективные условия, способствующие снижению эффективности государственного управления. На это указывают как российские ученые, изучившие применение практик оценки эффективности госуправления в США на разных уровнях власти [Хахунова 2015] и кадрового состава государственного управления страны [Оболонский 2014], так и западные специалисты [Moynihan 2013]. Обобщающий вывод и главная рекомендация по поиску выхода из кризиса эффективности (efficiency crisis) государственного управления США (в части, касающейся предмета нашего исследования) состоит в необходимости деbüroкратизации всех ветвей власти, характеризующейся лоббистским «обременением» консервативного белого европейского социума. Для этого представляется необходимым не просто изменение устаревших элементов, а смена модели государственного управления по всему комплексу основных характеристик: институциональной структуры, критериев качества, инструментов управления, средств координации. Поворот от клиентоориентированности, подобной рыночным отношениям, к оптимальности и гибкости в рамках реформирования государственного управления США федеральная власть планирует и поэтапно реализует достаточно давно. Однако постоянно изменчивая в пространстве-времени и трудно прогнозируемая смена приоритетов и переход от правил к интересам, а от интересов к ценности в условиях турбулентного и неопределенного характера общественных отношений вполне могут обернуться шоковыми явлениями в нестабильных Соединенных Штатах.

⁵ Так, результаты авторских исследований, связанные с использованием тех или иных инструментов региональной политики в США, показали, что в пространстве ЮЗШ наблюдается формирование надстроенных институциональных структур, отвечающих поляризационным реалиям в сфере эффективного регулирования занятости [Минат 2023].

Опираясь на последние результаты исследований в рамках теоретических концепций турбулентности [Carano, Toth 2023], неопределенности [Dewulf, Biesbroe 2018], упреждающего государственного управления [Olson, Dunagan 2019], адаптивного управления [Bizikova et al. 2018], объединенных и моделируемых на основе робастного управления [Howlett 2019; Ansell et al. 2023], можно заключить, что ответом на сложно прогнозируемые возможности шокового воздействия поляризованного общества на все сферы жизни и деятельности в пространстве ЮЗШ выступают:

- институциональное формирование и правовое оформление «...способностей государственного управления, призванных обеспечить устойчивое развитие...» [Купряшин 2023, 175] территорий в сложных условиях этнокультурной поляризации;
- нахождение работающей компромиссной модели, позволяющей «...совместить региональные различия и этническое многообразие, присущее современным государствам, с необходимостью обеспечения их территориальной целостности» [Полунов 2023, 114] и институциональной эффективности управления.

Применительно к предмету настоящего исследования — влиянию кадрового состава государственных служащих на выбор модели государственного управления в рамках целостных территорий США, характеризующихся этнокультурной поляризацией, — представляется возможным выбор управленческой модели, характеризуемой рядом актуальных, преимущественно политических, инноваций госуправления.

Во-первых, упомянутые инновации должны способствовать изменению институциональной структуры управления ЮЗШ, учитывающей возможности этнокультурных конфликтов в случае неспособности разных ветвей власти отражать интересы по крайней мере двух крупнейших этнокультурных групп. В институциональном плане преодоление социокультурной дистанции, выразившейся в неприятии частью испаноязычной общности официальных институтов государственной власти и институций, перенесенных белыми американцами европейского происхождения на территорию ЮЗШ, начиная со второй половины XIX в., представляется возможным за счет формирования промежуточных институтов [Аузан 2022]. Последние призваны учитывать не только исторические и этнокультурные различия в рамках приграничной территории США с Мексикой, но и позволяют сформировать специфические в условиях поляризованного социума формальные и неформальные правила движения властных элит, кадрового потенциала государственного управления. Формирование промежуточных институтов в условиях этнокультурной поляризации, на наш взгляд, послужит самым эффективным объединительным институциональным элементом, соединяющим политическое и административно-государственное управление в ЮЗШ США. Именно такой элемент способен в управленческой практике, а не только в теории институционального анализа учитывать (например, в качестве общественно оговоренных квот) интересы каждой из двух крупнейших и даже остальных по численности этнокультурных групп, представленных на исследуемой территории. Естественно, что внедрение качественно нового институционального элемента в систему государственного управления ЮЗШ потребует изменения модели управления⁶.

⁶ «Под моделью управления понимается теоретически выстроенная совокупность представлений о том, как выглядит система управления, как она воздействует на объект управления, как адаптируется к изменениям во внешней среде, чтобы управляемая подсистема могла добиваться поставленных целей, устойчиво развиваться и обеспечивать свою жизнеспособность... Основные качественные характеристики будущей актуальной модели управления должны включать по меньшей мере: а) соответствующую ожиданиям общества модернизацию; б) ее ориентацию на “социальное поле” процесса государствообразования; в) соответствие возрастанию значения человеческих мотивов в управлении и экономике; г) удовлетворение требованиям оптимальности, устойчивости к экономическим потрясениям, инновационности, эффективности, гибкости, конкурентоспособности, легитимности» [Шрубенко 2012, 57].

Во-вторых, в рамках меняющейся институциональной среды необходимо улучшение свойств и качеств субъектов управления, представленных разными этнокультурными группами, связанными с соответствующими частями регионального социума этнолингвистически и ментально [Brown et al. 2008]. Практическая возможность соединения реалий этнокультурной поляризации регионального социума и системы государственного управления, включая создаваемые промежуточные ИГУ, некоторым специалистам представляется в применении необходимых квот: в нашем случае «...этнического квотирования (закрепления определенных должностей в системе управления, создания норм представительства для тех или иных этнических групп)» [Полунов 2023, 120]. По мнению американских ученых, этническое квотирование (ЭК) для групп белых европейцев и «хиспаник» в системе государственной службы и государственного управления ЮЗШ США является объективной необходимостью, а не призывом к жесту доброй воли со стороны федерального центра [Horowitz 1985; Esteban, Ray 1999]. В противном случае не далек тот час, когда крупнейшие этнокультурные группы оформятся во внутренние нации, выдвигающие в качестве приоритетных не экономические, а политические требования, что может стать очевидной угрозой государственной целостности всей страны, где нет законодательного закрепления этнофедерализма [Laitin 2000].

Таким образом, возникает проблема, требующая прежде всего теоретического концептуального решения, связанного со сменой приоритетов государственного управления на системном уровне принятия решений, когда в условиях турбулентности и неопределенности нет полного понимания развития системы, которой следует управлять [Brugnach et al. 2008]. Суть проблемы поиска новых концептуальных моделей государственного управления в ЮЗШ состоит в том, что в условиях этнокультурной поляризации не только социума, но и кадрового состава территориальных органов государственной власти, сохранение существующей модели управления неизбежно приведет, например, к формированию бюрократии «хиспаник» с ее лоббистскими устремлениями. Нарождающаяся этнобюрократия, являясь выразителем конъюнктурных интересов испаноязычных групп и этносов, неизбежно усилит противоречия с существующей бюрократией белых европейцев. Это еще больше усилит турбулентные процессы, формирующие новую этнокультурно-институциональную неопределенность, влияющую на процесс принятия решений [Dewulf, Biesbroe 2018].

Мы солидарны с мнением российских ученых о необходимости рассмотрения формирующейся неопределенности не как неизбежного факта, а, напротив, в качестве «того, от чего следует избавиться» [Купряшин 2023, 179]. Поэтому нам представляется необходимым в случае эмпирического установления количественных показателей этнокультурного разнообразия кадрового состава органов государственного управления ЮЗШ, близких к условиям поляризации, оценить выбор модели государственного управления, наиболее отвечающей интересам устойчивого развития этой специфической территории, выраженного в нашем случае в поддержании этнополитической стабильности, закрепленной системой ИГУ.

Административно-организационный и институциональный аспекты этнокультурной динамики кадрового состава органов государственного управления ЮЗШ США

Со времен доминирования чисто бюрократической модели государственного управления и до настоящего времени американские штаты, включая ЮЗШ, выступают в целом унитарными государственными образованиями, центральная власть в которых «...подразделяется, как и федеральная власть, на законодательную, исполнительную и судебную» [Моргачев 1987, 38]. В рамках объекта нашего исследования не представляется необходимым структурно исследовать,

в частности, исполнительную ветвь государственной власти ЮЗШ в разрезе функционально-отраслевых органов (департаментов, агентств, управлений), выделим только центральный аппарат штатов и организационные структуры межведомственной координации (как правило, координационные и консультативные комиссии, а также рабочие группы)⁷. В ЮЗШ большинство должностей государственной службы носит выборный характер (хотя есть и исключения), что указывает на прямую правовую зависимость системы госуправления этих штатов от групповых представительств поляризованного социума. Этот важный аспект закрепляет перенесение этнокультурных противоречий из общественной системы в систему государственного управления в разрезе всех трех вышеназванных ветвей власти. Вместе с тем именно организационные структуры межведомственной координации, на наш взгляд, способны институционализировать инициативы снизу, выделить совместно с органами законодательной власти штатов промежуточные ИГУ, адаптированные к культуре и уровню благосостояния, в частности, этнокультурной группы «хиспаник/латинос».

В Таблице 1 показана пространственно-временная динамика этнокультурной составляющей (согласно данным соответствующих переписей населения США, где предусмотрена самоидентификация граждан по этнокультурному признаку) кадрового обеспечения органов государственной власти (на основе федерального отчета о занятости, а также статистических данных NASPAA) в разрезе четырех ЮЗШ за длительный период времени.

Таблица 1. Динамика этнокультурной составляющей кадрового обеспечения органов государственного управления ЮЗШ США в 1980–2021 гг., %⁸

Штат	Год	Этнокультурные группы										
		белые европейского происхождения				испаноязычные («хиспаник/латинос»)			другие группы			
		ЗВ	ИВ		СВ	ЗВ	ИВ		СВ	ЗВ	ИВ	СВ
			ЦА	МК			ЦА	МК				
Калифорния	1980	60,4	68,5	52,4	70,6	24,1	22,7	30,9	18,8	15,5	12,8	10,6
	1990	55,3	63,4	48,9	71,4	27,8	22,0	35,7	16,8	16,9	14,6	11,8
	2000	49,7	61,5	44,7	68,7	30,6	23,8	39,0	17,1	19,7	15,5	14,2
	2010	44,2	58,3	40,1	64,7	33,8	24,4	43,6	18,5	22,0	16,8	16,8
	2021	43,4	56,4	34,9	63,4	34,0	25,1	47,6	18,7	22,6	18,0	17,9
Аризона	1980	72,8	77,5	65,8	88,3	21,1	13,9	27,4	5,8	6,1	7,7	5,9
	1990	68,6	74,0	62,2	86,7	24,8	15,2	31,0	6,5	6,6	6,8	6,8
	2000	65,6	71,7	60,4	85,3	27,6	20,2	33,4	7,2	6,8	7,2	7,5
	2010	60,3	66,8	55,7	83,3	31,7	25,4	36,8	8,4	8,0	7,7	8,3
	2021	55,2	59,5	48,8	77,4	33,9	30,2	41,2	12,0	10,9	10,2	10,6
Нью-Мексико	1980	54,4	62,7	55,0	67,4	41,4	31,4	40,7	22,8	4,2	5,1	9,8
	1990	47,9	56,8	48,8	64,3	46,5	37,8	46,5	25,0	5,6	5,1	10,7
	2000	42,2	47,8	40,2	61,0	52,0	44,1	51,7	27,4	5,8	8,1	11,6
	2010	36,0	43,1	33,6	57,4	58,5	50,5	58,4	29,7	5,5	7,2	12,9
	2021	31,6	37,6	27,0	55,8	63,0	56,4	65,5	33,6	5,4	6,8	10,6

⁷ Следует заметить, что недостаточная эффективность работы координационно-совещательных органов заставляет руководство штатов искать другие средства координации между федеральными органами власти и госуправлением штата, а также между последним и органами местного управления.

⁸ Составлено автором по: Federal Employment Report // U.S. Office of Personnel Management [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opm.gov/policy-data-oversight/data-analysis-documentation/federal-employment-reports/> (дата обращения: 02.10.2023); Сайт Национальной Ассоциации институтов государственной службы США // NASPAA [Электронный ресурс]. URL: http://naspaa.org/about_naspaa/naspaa.asp (дата обращения: 02.10.2023). Условные обозначения: органы государственного управления по ветвям власти: ЗВ — законодательная власть, ИВ — исполнительная власть (в том числе ЦА — центральный аппарат штатов, МК — организационные структуры межведомственной координации), СВ — судебная власть.

Техас	1980	64,5	70,2	63,8	80,3	26,7	20,4	29,0	11,8	8,8	8,3	7,9
	1990	60,8	66,4	58,7	76,9	30,4	25,6	34,4	12,7	8,8	7,5	10,4
	2000	56,5	62,0	53,8	74,2	36,0	30,9	39,5	14,0	7,5	6,9	11,8
	2010	52,4	58,7	47,5	69,7	41,1	36,0	44,8	18,9	6,5	6,5	11,4
	2021	48,1	55,2	43,1	64,5	46,2	40,7	48,5	21,8	5,7	6,3	13,7
В среднем по ЮЗШ	1980	63,0	69,7	59,3	76,7	28,3	22,1	32,0	14,8	8,7	8,5	8,5
	1990	58,2	65,2	54,7	74,8	32,3	25,2	36,9	15,3	9,5	8,5	9,9
	2000	53,5	60,7	49,8	72,3	36,5	29,8	40,9	16,4	10,0	9,4	11,3
	2010	48,2	56,7	44,2	68,8	41,3	34,1	45,9	18,9	10,5	9,6	12,3
	2021	44,6	52,2	38,5	65,3	44,3	38,1	50,7	21,5	11,1	10,3	13,2

Анализ полученных данных позволяет отметить следующие результаты.

Во-первых, на протяжении всех исследуемых лет наблюдается неуклонное снижение численности белых европейского происхождения в органах государственного управления в ЮЗШ, что отражает этнокультурную поляризацию регионального социума этой территории. При этом рассчитанные нами средние показатели по ЮЗШ в динамике 1980–2021 гг. ярко свидетельствуют о практически полной утрате доминирования некогда белого европейского большинства в законодательной и исполнительной ветвях власти в трех из четырех штатов. Наибольший темп убыли белых европейского происхождения (на 20,8% за 40 лет) наблюдается в организационных структурах межведомственной координации, пронизывающих госаппарат, охватывающий всю управленческую иерархию, связывающую власти штатов с федеральным центром и местным управлением. Этот факт позволяет говорить о неизбежном усилении этнокультурного давления на изменение ценностных установок при организации межведомственной координации, в особенности в штатах Нью-Мексико и Калифорния. Более того, в первом из названных штатов за исследуемый 40-летний период не менее значительно сократилась доля европейцев и в центральном аппарате (на 25,1%, то есть вдвое больше, чем в Калифорнии). Аналогичная картина в системе государственного управления штата Нью-Мексико сложилась и в законодательной власти (уменьшение на 22,8%). Таким образом, кадровый состав госуправления (за исключением судов), по крайней мере, одного из ЮЗШ в настоящее время на 2/3 представлен небелыми европейцами, а иными этнокультурными группами. По остальным штатам аналогичный показатель также составляет менее 1/2 (в Аризоне не многим более 1/2).

Во-вторых, наблюдается увеличение представителей этнокультурной группы «хиспаник/латинос» во всех ветвях органов государственного управления «примексиканской» территории США. Так, в среднем по ЮЗШ отмеченный рост наиболее значителен в организационных структурах межведомственной координации (на 18,7%), что ожидаемо в условиях этнокультурной поляризации, сформировавшейся за исследуемые 40 лет. По аналогичной причине сформировалась тенденция к росту доли испаноязычных госслужащих в законодательных органах власти штатов и ее центральном аппарате исполнительной власти (на 16%). По штатам картина различна. Так, наименьший рост доли «хиспаник/латинос» во всех ветвях власти отмечен в штате Калифорния: для центрального аппарата штата он за 40 лет составил всего 2,4%, для законодательных органов — 9,9%, а для судебных, напротив, отметился незначительным сокращением доли испаноязычных служащих (минус 0,1%). Лидером «испанизации» государственной службы среди ЮЗШ за исследуемый период стал штат Нью-Мексико (рост доли «хиспаник» в органах исполнительной власти составил порядка 25%, а законодательной — 21,6%). По этнокультурной составляющей кадрового состава госслужащих регионального уровня его сейчас можно считать «новой Мексикой», поскольку во всех властных структурах штата (за исключением судебных органов) в 2021 г.

наблюдалось 60-процентное доминирование испаноязычных этнокультурных групп, представители которых формально являются гражданами США. Прирост «хиспаник/ латинос» в кадровом составе госслужащих штата Техас несколько меньше, чем в Нью-Мексико, но столь же значителен (около 20% за 40 лет, не считая судов, где только 10%), что определило долю испаноязычных групп в 2021 г. в органах законодательной и исполнительной власти Техаса близкой к 50-процентному значению.

В-третьих, этнокультурный состав кадров госаппарата ЮЗШ в разрезе других групп служащих изменился незначительно, хотя и отмечен прирост (в среднем до 10% от общего числа региональных госслужащих). Расовый состав этих этносов прежде всего объединяет американских граждан азиатского происхождения и афроамериканцев. Значительный прирост доли государственных служащих этих групп характерен для штата Калифорния, где к 2021 г. их количество в законодательных органах власти штата превысило 1/5 всех служащих, а в исполнительной и судебной ветвях власти составило 18%.

Таким образом, региональная система государственного управления ЮЗШ США неизбежно была вовлечена в поляризацию социокультурного пространства на основе этнического противостояния приграничных штатов с различной степенью влияния на динамику кадрового состава испаноязычных и прочих этнокультурных групп в разных штатах. Факт этнокультурной поляризации кадрового состава органов власти ЮЗШ подтвержден нами эмпирически. При этом степень указанной поляризации различна, как и неодинаков уровень социально-экономического развития исследуемых «примексиканских» штатов США. Это требует осмысления в плане выбора модели государственного управления либо комбинации институциональных и функциональных элементов из разных моделей с целью учета противоречивых ценностей и интересов по крайней мере двух доминирующих этнокультурных групп в рамках создания промежуточных ИГУ в структурах наиболее «латиноамериканизированных» органов — межведомственной координации и законодательной ветви власти.

Выбор модели государственного управления под влиянием этнокультурной поляризации кадрового состава органов власти ЮЗШ: политический и институциональный аспекты

Необходимость модельного обновления государственного управления, признанная многими учеными в качестве целевого ответа на вызовы среды и направленного формирования ИГУ в условиях неопределенности и турбулентности [Купряшин 2023, 180–186], применительно к этнокультурной поляризации кадрового состава органов власти ЮЗШ должна быть направлена на обеспечение этнополитической стабильности на данной территории [Полунов 2023, 118–120]. Попытка решать проблемы этнополитического характера сугубо административными методами управления дает результат, прямо противоположный цели. В этой связи отмечаем, что из трех известных подходов к выбору форм правления с целью обеспечения этнополитической стабильности государства для органов госуправления ЮЗШ сам собой исключается центростремительный (интегративный), предполагающий наличие сильной президентской власти и подотчетной ему власти губернатора и центрального аппарата, стоящей над разделением регионального социума по этнокультурному принципу. В условиях поляризации, на наш взгляд, это не представляется возможным, так как сформировались две доминирующие во властных структурах группы, способные осуществить не только экономическую, но и политическую регионализацию как минимум наиболее развитых штатов — Калифорнии и Техаса, что, как мы отметили выше, перманентно актуализируется. Еще более нереальным представляется создание мультиэтнических партий в системах госуправления

штатов Нью-Мексико (доминирование «хиспаник/ латинос») и Аризона (доминирование белых европейского происхождения), характерных для центростремительного управления. Разделительный подход, предполагающий наличие множества форм большинства, регулируемых хорошо известной системой сдержек и противовесов во всех трех ветвях власти и конкуренцией отдельных институтов гражданского общества, также в условиях поляризации приведет к увеличению турбулентности. Тем более что в трех штатах (исключение в определенном смысле может составлять лишь Калифорния) имеются только две доминирующие формы этнокультурного большинства.

Методом исключения мы приходим к промежуточному выводу о необходимости поиска модели государственного управления, способной обеспечить этнополитическую стабильность в ЮЗШ США, только в рамках консоциативного (сообщественного) подхода, учитывающего представление во всех ветвях власти отдельных этнокультурных групп по принципу этнического квотирования, направляемого в промежуточный ИГУ, представленный подобием системы советов. Достоинством такой системы видится ограничение влияния каждой из доминирующих групп, пропорционально количеству населения штатов, относящих себя (в рамках переписи) к конкретной этнокультурной группе. Таким образом, квотирование не позволит охватить кадрами одной этнокультурной группы доминирующее большинство мест государственной службы, ущемив представительство другой группы. Это будет способствовать заявленной цели — сохранению этнокультурной стабильности во власти и обществе.

Как может выглядеть модель государственного управления, сочетающая промежуточные ИГУ ЮЗШ, основанные на этнокультурном квотировании, с традиционной политической системой США?

При выборе моделей государственного управления «отбраковываются» бюрократическая модель (по причине «тупиковости» развития иерархической структуры, подотчетности и регламентации, усложняющих согласование) и модель нового государственного управления. Последняя, привязанная к координации на основе средств рыночного обмена и использующая в качестве инструментов управления интересы, посредством цен и стимулов, уже малоэффективна (а клиентоориентированная эффективность — ее главный критерий) в условиях неопределенности и этнокультурной турбулентности. Причем недавние кризисные события, связанные с пандемией и ее последствиями, особенно остро выявили недостаточность сосредоточения внимания властей на эффективности государственного управления именно в ЮЗШ США, поскольку изменилась качественная составляющая критериев управленческой эффективности в условиях неопределенности. Более того, характерная структура модели нового госуправления — автономия — опасный элемент регионализации во всех проявлениях, провоцирующий политические элиты скорее на отделение, чем на управление в системе государственной власти. Следовательно, среди моделей государственного управления, позволяющих институционально (пусть на временной основе) закрепить уже сложившуюся поляризованную ситуацию 2021 года в кадровом составе органов власти ЮЗШ и не позволяющих развиваться крайним проявлениям автономизации и управленческой самостоятельности (вплоть до сецессии), особого внимания заслуживают сетевая модель и робастное управление.

С опорой на обобщающие теоретические исследования упомянутых в настоящем разделе статьи российских авторов в краткой табличной форме (Таблица 2) представлены возможные варианты выбора модели государственного управления, наилучшим образом соответствующей стабилизации региональной власти в условиях этнокультурной поляризации кадрового состава органов государственного управления каждого из четырех ЮЗШ по состоянию на 2021 г.

Таблица 2. Выбор модели государственного управления ЮЗШ США в условиях этнокультурной поляризации кадрового состава органов власти по состоянию на 2021 г., %⁹

Характеристики модели	Сетевая модель		Робастное управление	
	Реформирование политического управления	Институциональные изменения	Реформирование политического управления	Институциональные изменения
Структура	Широкое публичное обсуждение с целью всеобщего политического одобрения этнического квотирования госслужащих. Изменение кадровой структуры государственного управления посредством политической воли граждан.	Сетевое многообразие институтов, подразумевающее обмен информацией между как можно большим количеством граждан. Целевая направленность ИГУ на преодоление иерархичности и автономизации представительной нарождающейся испаноязычной этнобюрократии.	Широкое публичное обсуждение с целью всеобщего политического одобрения этнического квотирования госслужащих. Изменение кадровой структуры государственного управления посредством политической воли граждан.	Формирование целевых промежуточных ИГУ на основе органов законодательной и исполнительной властей по принципу системы советов — работающей корпорации с адекватным представительством кадров доминирующих этнокультурных групп.
Критерии качества	Способность сформировать справедливые и доверительные отношения между органами государственной власти и гражданами, максимально этнически и культурно едиными в выражении своих интересов. Это даст возможность в кратчайшее время (главный ресурс в условиях турбулентности) согласовать разновекторные этнокультурные интересы всех ветвей и институтов власти и общественных структур.	Общее усиление ИГУ, способствующих соблюдению институций с целью сохранения во властных структурах резко снижающегося количества госслужащих белого европейского происхождения.	В условиях неопределенности и этнокультурной турбулентности в социумах и органах государственной власти, адаптивность (в пространстве-времени) принимаемых решений отражает полипарадигматический характер управления, различные практики и полигибридные формы которого имеют реальные шансы удовлетворения интересов представителей разных этнокультурных групп: в структурах власти, региональном социуме и между ними.	Усиление промежуточных ИГУ, формирование новых целевых показателей характеристики институциональной среды, соответствующей сложившейся этнокультурной поляризации в системе органов власти.
Ключевые инструменты управления	Ценностная общность значительной части населения и государственного аппарата штата способствует развитию управленческих инструментов, характеризующихся наименьшей уязвимостью с этнокультурных позиций. Например, сохранению традиционного для США программного управления, отличающегося узкой направленностью задач и объектов воздействия в соответствии с внешней подотчетностью.	Необходимость формирования институциональной среды на основе доверия в условиях постепенного доминирования властных полномочий в рамках официальных ИГУ у представителей группы «хиспаник/латинос».	Приоритетность системного подхода в государственном управлении предполагает усиление интеграции между ветвями власти на принципах оптимальности, а не регламентации, как ранее. Органы власти штатов, состоящие из этнически поляризованного кадрового контингента служащих, подлежат реформированию на условиях перераспределения функций как минимум между законодателями и исполнителями, все более зависимыми от неопределенности интересов полиэтничного населения штата.	Интеграция промежуточных ИГУ в сложившуюся систему власти с целью учета реального интереса акторов, принадлежащих к поляризованным группам. Институционализация этнически ориентированных механизмов разработки и утверждения формальных институций.
Средства координации	Сложившееся к 2021 г. доминирование в кадровом обеспечении системы регионального управления испаноязычных по происхождению служащих, связанных с этническими структурами регионального социума, предусматривает сохранение общественно-договорного обмена ресурсами и информацией.	Институционализация общественно-договорного характера обмена ресурсами и информацией. Смещение институций от политической ангажированности к технической роли (подсистеме) государственного управления.	Необходимость мобилизационной координации обуславливается положением системы государственного управления ЮЗШ в неопределенной (бифуркационной) позиции между двумя поляризованными этнокультурными группами, представленными во всех ветвях региональной власти.	В момент создания новая институциональная структура может не являться источником традиционной власти (законодательной, исполнительной), но приносит недостающие средства координации в систему государственного управления за счет мобилизации ранее не используемых общественных ресурсов.

⁹ Составлено автором на основе теоретического материала источников: [Купряшин 2023; Полунов 2023].

Политико-административные способности	Необходимость первоочередного учета тенденций, определяемых исторической колеей развития территории.	Воспрепятствование локализации самоорганизуемых сообществ, мягкое ограничение инициатив этнокультурно ориентированных представителей властных структур и общественных институтов.	Возможность частичного игнорирования исторической колеей общественного развития с учетом этнокультурного разнообразия, вышедшего за пределы поляризации (в частности, 20-процентная составляющая госслужащих других этносов и рас во властных структурах штата Калифорния).	Гибкое регулирование нормативного и институционального обеспечения самоорганизации, вплоть до локализации по этническому принципу в системе советов конкретных территорий в рамках модернизированных организационных структур межведомственной координации.
	Возможность пересмотра и законодательного изменения политико-административных границ как внутри ЮЗШ, так и между ними с учетом этнокультурной структуры населения в пространстве-времени. Это дает практический инструментарий для купирования отделения/ сецессии, канализируя процессы развития этнокультурной поляризации в органах государственной власти по известному американскому принципу «салатной чаши» — единство из множества.			
Штат	Нью-Мексико			Калифорния
	Техас, Аризона			

Несомненно, вариативность характеристик обеих моделей государственного управления для конкретных ЮЗШ зависит от чрезвычайно многообразного сочетания свойств гибкости, последовательности, согласованности, оптимальности в пространстве и времени. Описание всех жизнеспособных (отвечающих реалиям практики госуправления в условиях этнокультурной поляризации, турбулентности и неопределенности) и просто политэкономически релевантных комбинаций и их критическая оценка в рамках ограниченного текста не представляются возможными. Позволим себе заметить, что нами произведен более-менее четкий выбор моделей государственного управления для двух из четырех ЮЗШ: достаточно однозначно в пользу сетевой модели для штата Нью-Мексико и робастного управления для Калифорнии. Штаты Техас и Аризона, по нашему мнению, нуждаются в сочетании разных элементов, заимствованных из обеих рассматриваемых нами моделей государственного управления¹⁰. Тем не менее обозначим условную группировку.

Первая группа представлена штатом Нью-Мексико. Он характеризуется как «отстающий» в социально-экономическом развитии и один из слабозаселенных штатов (особенно в соотношении с площадью административной территории). В системе органов власти этого штата к 2021 г. уже произошла смена доминирующей этнокультурной группы не только в региональном социуме, но и в органах государственного управления (за исключением судебной системы): белых европейского происхождения сменили граждане США, относящие себя к группе «хиспаник/ латинос». В указанном штате политическое реформирование государственного управления, по нашему мнению, должно быть основано на неукоснительном соблюдении справедливости, на доверии и уважении ценности испаноязычных представителей властных структур, общественно-договорном обмене — главном факторе этнополитической стабильности регионального социума. Институциональные изменения должны носить сетевой, неиерархический характер, позволяющий балансировать между формальными и неформальными институциями властных элит и кадровых структур посредством соблюдения квот.

Вторая группа также представлена одним штатом Калифорния, который является лидером среди штатов США по большинству показателей социально-экономического развития и численности населения. В его региональных властных структурах доля «хиспаник/ латинос» доминирует над белыми европейского происхождения только в органах межведомственной координации. При этом примерно 1/5 государственных служащих всех ветвей власти не относится ни к одной

¹⁰ Основываясь на мнении специалистов о робастном управлении как модели, вбирающей в себя элементы всех других моделей госуправления (бюрократического, нового государственного управления, сетевого управления) [Купряшин 2023, 181], считаем принципиально необходимым наибольший «уклон» при выборе модели для штатов Техас и Аризона в сторону робастного управления. Оно широко использует сценарное планирование, постоянный мониторинг результатов, экспериментальные подходы, разработку альтернативных решений, адаптирующих этнокультурные процессы в госуправлении, делающих их адекватными общественным задачам пространства-времени.

из указанных этнокультурных групп, определяющих поляризацию. Реформы политического управления в многонациональной и наиболее населенной Калифорнии должны согласовываться с оптимальными этническими квотами на замещение должностей государственной службы. Институциональная структура государственного управления требует, на наш взгляд, наиболее кардинальных преобразований, выраженных в выделении новых целевых промежуточных ИГУ, объединяющих (первоначально преимущественно на основе неформальных институций) функции представительной и исполнительной ветвей власти.

Третья группа объединяет штаты Техас — второй (после Калифорнии) по уровню социально-экономического развития и количеству жителей, и Аризона — со средними по стране показателями социально-экономического развития и численности населения. По этнокультурной структуре кадрового состава органов госуправления Техас характеризуется классической (близкой к средним показателям по ЮЗШ), а штат Аризона промежуточной между значениями в Техасе и Калифорнии ситуацией с этнокультурной поляризацией. Реформы госуправления и его основы ИГУ могут сочетать характеристики обеих моделей.

При этом во всех четырех ЮЗШ, независимо от предложенной нами группировки, процесс этнокультурной турбулентности в рамках нарастания структурной неопределенности и диспропорциональности кадрового состава региональной власти по этническому и культурному признакам развивается в той или иной степени весь исследуемый период времени.

Заключение

Безусловно, выбор модели государственного управления зависит не только и даже, возможно, не столько от этнокультурного состава кадров государственных служащих (в отличие от муниципального управления), составляющих субъектную основу реализации управленческих и организационных задач, адекватных меняющимся условиям. По результатам проведенного исследования, автор выдвигает два важных тезиса:

- необходимость институциональных преобразований на основе выделения из сложившейся системы ИГУ целевых промежуточных институтов, по-иному использующих нормы и правила в интересах этнокультурных групп;
- объективная необходимость квотирования этнических представителей в органах государственной власти всех ЮЗШ, в зависимости от их представительства в населении.

Отмеченные процессы представляются нам двуединым, общим, целостным явлением, системно обновляющим не только кадровый состав госслужбы в интересах региональных социумов и элит, но и формирующим такие модели государственного управления (сочетание их характеристик), которые отвечают сохранению этнополитической стабильности в ЮЗШ США.

В частности, институциональный анализ позволил установить, что структурная характеристика как сетевой модели, ориентированной на закрепление разных культурных ценностей посредством общественного договора, так и модели робастного управления, характеризующейся адаптивностью и системностью политической системы, в ЮЗШ так или иначе вынуждена будет искать опору в развитии новых ИГУ. Последние могут быть представлены как сетевыми структурами, так и подобием «системы советов», составляющих основу организационных структур межведомственной координации, где доля «хиспаник/ латинос» среди служащих в 2021 г. составила не менее половины. Конечно, тезис «Америка — страна Советов» звучит несвоевременно и даже нереально для большинства штатов США, но для ЮЗШ вполне может обрести практические очертания в ближайшем будущем при условии изменений критериев качества, инструментов управления, средств координации и формирования новых ИГУ, описанных в Таблице 2.

Помимо политического и институционального анализа государственного управления ЮЗШ, особое значение имеют, на наш взгляд, модернизирующиеся политико-административные способности государственного управления (прежде всего робастного), отвечающие требованиям поддержания этнополитической стабильности в ЮЗШ посредством создания субъективных условий для сохранения и формирования запаса устойчивости в длительном промежутке времени, с использованием этнокультурных особенностей пространства.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о понимании этнополитической стабильности ЮЗШ, находящихся в условиях поляризации кадрового состава государственного управления, как главной цели политического реформирования и институциональных преобразований. Отмеченная стабильность характеризуется преодолением негативных воздействий поляризованного социума, снижением турбулентного проявления конфликтных ситуаций в системе государственного управления и способностью последнего улучшать свойства и качество субъектов управления и управляемых объектов, идентифицирующих себя в качестве разных социокультурных и этнокультурных групп населения ЮЗШ.

Аргументация в пользу этнического квотирования кадрового состава государственных служащих ЮЗШ, на наш взгляд, в целом вытекает из объективной необходимости институционализации, прежде всего, политических (в будущем, возможно, и государственно-административных) изменений, напрямую связанных с поляризацией социальной структуры этих приграничных территорий. Эмпирические исследования показали, что игнорирование различий в ценностях и неформальных установках испаноязычных граждан США, постоянно количественно увеличивающихся за счет миграции и естественного прироста, к 2021 г. стало невозможным. С целью обеспечения этнополитической стабильности власть вынуждена не только осуществлять политическое реформирование госуправления, учитывая мнения потенциальных избирателей латиноамериканского происхождения, но и формировать иную институциональную среду, в которой формируются социальные связи управления штатами. Следовательно, субъекты управления в новой среде должны быть представлены по крайней мере двумя доминирующими этнокультурными общностями, гарантирующими соблюдение институциональных норм, правил, законов и т. п.

Список литературы:

Анохин А.А., Кузин В.Ю. Трансформация современной методологии и трендов исследования поляризации // Известия РГО. 2021. Т. 153. № 5. С. 3–20. DOI: [10.31857/S0869607121050025](https://doi.org/10.31857/S0869607121050025)

Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022.

Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 120–142. DOI: [10.32609/0042-8736-2021-1-120-142](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142)

Володин А.А. США: Экономика и местные органы власти. М.: Наука, 1984.

Геевский И.А., Червонная С.А. Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. М.: Наука, 1985.

Гирфанова А.Р. Этнический лоббизм в России и США: правовые, политические и культурные особенности осуществления деятельности // Nauka.me. 2019. № 4. DOI: [10.18254/S241328880007912-7](https://doi.org/10.18254/S241328880007912-7)

Глигич-Золотарева М.В. На пороге новой регионализации // Федерализм. 2021. № 1(101). С. 165–186. DOI: [10.21686/2073-1051-2021-1-165-186](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-165-186)

Горгола Е.В. Трансформация общества постмодерна как источник стремления США к мировому господству (опыт институционального анализа) // Теоретическая экономика. 2015. № 5(29). С. 37–53.

- Григорьев Л.М., Григорьева Н.Л. США: экономика и социальная структура перед сменой эпох // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 98–119. DOI: [10.32609/0042-8736-2021-1-98-119](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-98-119)
- Дискин И.Е. Нация и легитимность // Общественные науки и современность. 2021. № 4. С. 132–145. DOI: [10.31857/S086904990016459-6](https://doi.org/10.31857/S086904990016459-6)
- Карасев Д.Ю. Теория политического дрейфа: политический обструкционизм как механизм сжатия социального государства в США // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 141–156. DOI: [10.17976/jpps/2022.03.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.11)
- Комиссаров А.Г. Меритократический принцип отбора управленческих кадров: исторический аспект и современное применение // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 45–58. DOI: [10.32609/0042-8736-2023-1-45-58](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-45-58)
- Кудеярова Н.Ю. Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 11. С. 55–70. DOI: [10.31857/S032120680007286-8](https://doi.org/10.31857/S032120680007286-8)
- Купряшин Г.Л., Дробышева Е.С., Стародубцев А.С. Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 104–123. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96-104-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-104-123)
- Купряшин Г.Л. Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. С. 174–189. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-97-174-189](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-174-189)
- Лапшина И.К. Формирование новых региональных центров власти в США и проблема разделенного правления // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 3. С. 132–137.
- Марусенко М.А., Марусенко Н.М. Переписи населения в США и этнорасовый вопрос // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. Т. 49. № 6. С. 5–21. DOI: [10.31857/S032120680005176-7](https://doi.org/10.31857/S032120680005176-7)
- Миланович Б. Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. 2016. № 1. С. 14–26. DOI: [10.18288/1994-5124-2016-1-02](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-02)
- Минат В.Н. Влияние этнокультурного разнообразия на экономический рост и пространственное развитие трансграничных территорий США // Вестник Челябинского государственного университета. 2022а. № 12(470). С. 55–67. DOI: [10.47475/1994-2796-2022-11207](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11207)
- Минат В.Н. Оценка дифференциации этнодемографического фактора культурной эволюции в США: региональное исследование // Регионалистика. 2022б. Т. 9. № 5. С. 64–87. DOI: [10.14530/reg.2022.5.64](https://doi.org/10.14530/reg.2022.5.64)
- Минат В.Н. Этно-демографическая неоднородность и социально-экономическое развитие юго-западных штатов США // Общественные науки и современность. 2022с. № 5. С. 128–143. DOI: [10.31857/S0869049922050069](https://doi.org/10.31857/S0869049922050069)
- Минат В.Н. Реализация социальных программ в условиях нарастающей прекаризации труда: региональные аспекты на примере США // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2. С. 139–160. DOI: [10.21686/2073-1051-2023-2-139-160](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-139-160)
- Моргачев В.Н. Формы и методы территориального управления в США и Канаде. М.: Наука, 1987.
- Новикова А.В. Политическое и административно-государственное управление: грани отличия в теории и на практике // Вестник ЗабГУ. 2015. № 3(118). С. 114–119.
- Оболонский А.В. Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 145–170.

Овчаров А.О., Овчарова Т.Н. Социальный кризис в контексте государственного управления: концептуально-терминологический анализ // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 149–161. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-149-161](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-149-161)

Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: Социум, 2020.

Петровская Н.Е. Молодежный рынок труда в США // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 66–78. DOI: [10.31857/S086904990014322-6](https://doi.org/10.31857/S086904990014322-6)

Пискунов Д.С., Мерзляков С.Э. Особенности судебной системы США и ее роль в формировании источников права // Закон и право. 2019. № 8. С. 90–93. DOI: [10.24411/2073-3313-2019-10356](https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10356)

Полунов А.Ю. Этнополитическая стабильность, форма правления и территориальное устройство государства: особенности и механизмы взаимосвязи // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 98. С. 114–122. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-114-122](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-114-122)

Саликов М.С. О влиянии расово-этнического фактора на федеративные отношения в США // Российский юридический журнал. 2015. № 4(103). С. 9–13.

Станис Д.В., Курылев К.П. Крупный бизнес в высших эшелонах власти США. На примере Д. Трампа // Вестник РУДН. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 226–238. DOI: [10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238](https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238)

Супян В.Б. Экономика и население США в региональном измерении (зоны ускоренного роста) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 3. С. 5–13. DOI: [10.31857/S268667302303001X](https://doi.org/10.31857/S268667302303001X)

Хахунова А. Развитие практик оценки эффективности управления: мировые тренды и опыт США // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 2. С. 47–57. DOI: [10.20542/0131-2227-2015-2-47-57](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-2-47-57)

Черкасов А.И. Местное управление в США: организация и тенденции развития. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

Читтам Т. Вторая гражданская война в США. Разрушение Америки? М.: Книжный мир, 2020.

Шрубенко А.Г. Модель государственного управления, основанного на нравственности и социальной справедливости: некоторые аспекты проектирования // Проблемы управления (Минск). 2012. № 1(42). С. 56–65.

Ansell Ch., Sørensen E., Torfing J. Public Administration and Politics Meet Turbulence: The Search for Robust Governance Responses // Public Administration. 2023. Vol. 1. Is. 1. P. 3–22. DOI: [10.1111/padm.12874](https://doi.org/10.1111/padm.12874)

Baehler K.J., Biddle J.C. Governance for Adaptive Capacity and Resilience in the U.S. Water Sector // Ecology and Society. 2018. Vol. 23. Is. 4. DOI: [10.5751/ES-10537-230424](https://doi.org/10.5751/ES-10537-230424)

Bizikova L., Swanson D., Tyler S., Roy D., Venema H.D. Policy Adaptability in Practice // Policy Design and Practice. 2018. Vol. 1. Is. 1. P. 77–100. DOI: [10.1080/25741292.2018.1436376](https://doi.org/10.1080/25741292.2018.1436376)

Brown C., Holman E., Wichmann S. Automated Classification of the World's Languages // Language Typology and Universals. 2008. Vol. 61. Is. 4. P. 285–308. DOI: [10.1524/stuf.2008.0026](https://doi.org/10.1524/stuf.2008.0026)

Brugnach M., Dewulf A., Pahl-Wostl C., Taillieu T. Toward a Relational Concept of Uncertainty: About Knowing Too Little, Knowing Too Differently, and Accepting Not to Know // Ecology and Society. 2008. Vol. 13. Is. 2. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss2/art30/>

Capano G., Toth F. Thinking Outside the Box, Improvisation, and Fast Learning: Designing Policy Robustness to Deal with What Cannot Be Foreseen // Public Administration. 2023. Vol. 101. Is. 1. P. 90–105. DOI: [10.1111/padm.12861](https://doi.org/10.1111/padm.12861)

Desmet K., Le Breton M., Weber S. The Stability and Breakup of Nations: A Quantitative Analysis // Journal of Economic Growth. 2011. Vol. 16. P. 183–213. DOI: [10.1007/s10887-011-9068-z](https://doi.org/10.1007/s10887-011-9068-z)

- Dewulf A., Biesbroe R. Nine Lives of Uncertainty in Decision-Making: Strategies for Dealing with Uncertainty in Environmental Governance // *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. Is. 4. P. 441–458. DOI: [10.1080/14494035.2018.1504484](https://doi.org/10.1080/14494035.2018.1504484)
- Dixon J., Bhuiyan Sh., Üstüner Y. Public Administration in the Middle East and North Africa, *International // Journal of Public Administration*. 2018. Vol. 41. Is. 10. P. 759–764. DOI: [10.1080/01900692.2018.1433207](https://doi.org/10.1080/01900692.2018.1433207)
- Emerson R.M. Power-Dependence Relations // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. Is. 1. P. 31–41. DOI: [10.2307/2089716](https://doi.org/10.2307/2089716)
- Esteban J., Ray D. Conflict and Distribution // *Journal of Economic Theory*. 1999. Vol. 87. Is. 2. P. 379–415. DOI: [10.1006/jeth.1999.2549](https://doi.org/10.1006/jeth.1999.2549)
- Esteban J., Ray D. On the Measurement of Polarization // *Econometrica*. 1994. Vol. 62. Is. 4. P. 819–851. DOI: [10.2307/2951734](https://doi.org/10.2307/2951734)
- Fearon J. Ethnic and Cultural Diversity by Country // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. Is. 2. P. 195–222.
- Geng D. Identifying the Unique Polarization Index: A Mean-Preserving Axiomatic Approach // *Journal of Public Economic Theory*. 2012. Vol. 14. Is. 5. P. 791–812. DOI: [10.1111/j.1467-9779.2012.01562.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9779.2012.01562.x)
- Hacker J., Pierson P., Thelen K. Drift and Conversion: Hidden Faces of Institutional Change // *Advances in Comparative-Historical Analysis* / ed. by J. Mahoney, K. Thelen. New York: Cambridge University Press, 2015. P. 180–208. DOI: [10.1017/CBO9781316273104.008](https://doi.org/10.1017/CBO9781316273104.008)
- Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict: Theories, Patterns, Policies*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Howlett M. Procedural Policy Tools and the Temporal Dimensions of Policy Design // *International Review of Public Policy*. 2019. Vol. 1. Is. 1. P. 27–45. DOI: [10.4000/irpp.310](https://doi.org/10.4000/irpp.310)
- Humes R., Jones A., Ramirez R. *Overview of Race and Hispanic Origin: 2000–2010*. Washington, DC: U.S. Census Bureau, 2011.
- Keefer P., Knack S. Polarization, Politics and Property Rights: Links between Inequality and Growth // *Public Choice*. 2002. Vol. 111. Is. 1–2. P. 127–154.
- Laitin D. What is a Language Community? // *American Journal of Political Science*. 2000. Vol. 44. Is. 1. P. 142–155. DOI: [10.2307/2669300](https://doi.org/10.2307/2669300)
- March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York: Free Press, 1989.
- Moynihan D.P. Advancing the Empirical Study of Performance Management: What We Learned from the Program Assessment Rating Tool // *The American Review of Public Administration*. September 2013. Vol. 43. Is. 5. P. 499–517. DOI: [10.1177/0275074013487023](https://doi.org/10.1177/0275074013487023)
- Olson R., Dunagan J. Introduction to Special Issue: Government Foresight // *World Futures Review*. 2019. Vol. 11. Is. 3. P. 183–186.
- Rondeaux G. Modernizing Public Administration: The Impact on Organizational Identities // *International Journal of Public Sector Management*. 2006. Vol. 19. Is. 6. P. 569–584. DOI: [10.1108/09513550610686636](https://doi.org/10.1108/09513550610686636)
- Rosenbloom D.H., Kravchuk R.S., Clerkin R.M. *Public Administration: Understanding Management, Politics, and Law in the Public Sector*. New York: McGraw-Hill Education, 2009.
- Wattenberg M. The Republican Presidential Advantage in the Age of Party Disunity // *The Politics of Divided Government* / ed. by G. Cox, S. Kernell. New York: Routledge, 1991. P. 39–55.

References:

- Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. (2021) Transformation of Modern Methodology and Trends in the Study of Polarization. *Izvestiya RGO*. Vol. 153. No. 5. P. 3–20. DOI: [10.31857/S0869607121050025](https://doi.org/10.31857/S0869607121050025)
- Ansell Ch., Sørensen E., Torfing J. (2023) Public Administration and Politics Meet Turbulence: The Search for Robust Governance Responses. *Public Administration*. Vol. 1. Is. 1. P. 3–22. DOI: [10.1111/padm.12874](https://doi.org/10.1111/padm.12874)
- Auzan A.A. (2022) *Kul'turnyye kody ekonomiki. Kak tsennosti vliyayut na konkurenciyu, demokratiyu i blagosostoyaniye naroda* [Cultural codes of the economy. How values influence competition, democracy and the well-being of the people]. Moscow: AST.
- Baehler K.J., Biddle J.C. (2018) Governance for Adaptive Capacity and Resilience in the U.S. Water Sector. *Ecology and Society*. Vol. 23. Is. 4. DOI: [10.5751/ES-10537-230424](https://doi.org/10.5751/ES-10537-230424)
- Bizikova L., Swanson D., Tyler S., Roy D., Venema H.D. (2018) Policy Adaptability in Practice. *Policy Design and Practice*. Vol. 1. Is. 1. P. 77–100. DOI: [10.1080/25741292.2018.1436376](https://doi.org/10.1080/25741292.2018.1436376)
- Brown C., Holman E., Wichmann S. (2008) Automated Classification of the World's Languages. *Language Typology and Universals*. Vol. 61. Is. 4. P. 285–308. DOI: [10.1524/stuf.2008.0026](https://doi.org/10.1524/stuf.2008.0026)
- Brugnach M., Dewulf A., Pahl-Wostl C., Taillieu T. (2008) Toward a Relational Concept of Uncertainty: About Knowing Too Little, Knowing Too Differently, and Accepting Not to Know. *Ecology and Society*. Vol. 13. Is. 2. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol13/iss2/art30/>
- Bufetova A.N., Kolomak E.A. (2021) National Heterogeneity in the Regions of Russia: Assessment, Change, Impact on Economic Development. *Voprosy ekonomiki*. No. 1. P. 120–142. DOI: [10.32609/0042-8736-2021-1-120-142](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142)
- Capano G., Toth F. (2023) Thinking Outside the Box, Improvisation, and Fast Learning: Designing Policy Robustness to Deal with What Cannot Be Foreseen. *Public Administration*. Vol. 101. Is. 1. P. 90–105. DOI: [10.1111/padm.12861](https://doi.org/10.1111/padm.12861)
- Cherkasov A.I. (2017) *Mestnoye upravleniye v SShA: organizatsiya i tendentsii razvitiya* [Local government in the USA: Organization and development trends]. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Chittum T. (2020) *Civil War II: The Coming Breakup of America*. Moscow: Knizhnyy mir.
- Desmet K., Le Breton M., Weber S. (2011) The Stability and Breakup of Nations: A Quantitative Analysis. *Journal of Economic Growth*. Vol. 16. P. 183–213. DOI: [10.1007/s10887-011-9068-z](https://doi.org/10.1007/s10887-011-9068-z)
- Dewulf A., Biesbroe R. (2018) Nine Lives of Uncertainty in Decision-Making: Strategies for Dealing with Uncertainty in Environmental Governance. *Policy and Society*. Vol. 37. Is. 4. P. 441–458. DOI: [10.1080/14494035.2018.1504484](https://doi.org/10.1080/14494035.2018.1504484)
- Diskin I.E. (2021) Nation and legitimacy. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 4. P. 132–145. DOI: [10.31857/S086904990016459-6](https://doi.org/10.31857/S086904990016459-6)
- Dixon J., Bhuiyan Sh., Üstüner Y. (2018) Public Administration in the Middle East and North Africa, International. *Journal of Public Administration*. Vol. 41. Is. 10. P. 759–764. DOI: [10.1080/01900692.2018.1433207](https://doi.org/10.1080/01900692.2018.1433207)
- Emerson R.M. (1962) Power-Dependence Relations. *American Sociological Review*. Vol. 27. Is. 1. P. 31–41. DOI: [10.2307/2089716](https://doi.org/10.2307/2089716)
- Esteban J., Ray D. (1994) On the Measurement of Polarization. *Econometrica*. Vol. 62. Is. 4. P. 819–851. DOI: [10.2307/2951734](https://doi.org/10.2307/2951734)
- Esteban J., Ray D. (1999) Conflict and Distribution. *Journal of Economic Theory*. Vol. 87. Is. 2. P. 379–415. DOI: [10.1006/jeth.1999.2549](https://doi.org/10.1006/jeth.1999.2549)
- Fearon J. (2003) Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. Is. 2. P. 195–222.

- Geng D. (2012) Identifying the Unique Polarization Index: A Mean-Preserving Axiomatic Approach. *Journal of Public Economic Theory*. Vol. 14. Is. 5. P. 791–812. DOI: [10.1111/j.1467-9779.2012.01562.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9779.2012.01562.x)
- Geyevskiy I.A., Chervonnaya S.A. (1985) *Natsional'nyy vopros v obshchestvenno-politicheskoy zhizni SShA* [The national issue in the social and political life of the United States]. Moscow: Nauka.
- Girfanova A.R. (2019) Ethnic Lobbying in Russia and the USA: Legal, Political and Cultural Features of the Implementation of Activities. *Nauka.me*. No. 4. DOI: [10.18254/S241328880007912-7](https://doi.org/10.18254/S241328880007912-7)
- Gligich-Zolotareva M.V. (2021) On the Threshold of a New Regionalization. *Federalizm*. Vol. 26. No. 1(101). P. 165–186. DOI: [10.21686/2073-1051-2021-1-165-186](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-1-165-186)
- Gorgola E.V. (2015) Transformatsiya obshchestva postmoderna kak istochnik stremleniya SShA k mirovomu gospodstvu (opyt institutsional'nogo analiza) [Transformation of postmodern society as a source of the US desire for world domination (experience of institutional analysis)]. *Teoreticheskaya ekonomika*. No. 5(29). P. 37–53.
- Grigoryev L.M., Grigoryeva N.L. (2021) U.S. Economy and Social Structure before the Change of Eras. *Voprosy Ekonomiki*. No. 1. P. 98–119. DOI: [10.32609/0042-8736-2021-1-98-119](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-98-119)
- Hacker J., Pierson P., Thelen K. Drift and Conversion: Hidden Faces of Institutional Change. In: Mahoney J., Thelen K. (eds.) *Advances in Comparative-Historical Analysis*. New York: Cambridge University Press. P. 180–208. DOI: [10.1017/CBO9781316273104.008](https://doi.org/10.1017/CBO9781316273104.008)
- Horowitz D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict: Theories, Patterns, Policies*. Berkeley: University of California Press.
- Howlett M. (2019) Procedural Policy Tools and the Temporal Dimensions of Policy Design. *International Review of Public Policy*. Vol. 1. Is. 1. P. 27–45. DOI: [10.4000/irpp.310](https://doi.org/10.4000/irpp.310)
- Humes R., Jones A., Ramirez R. (2011) *Overview of Race and Hispanic Origin: 2000–2010*. Washington, DC: U.S. Census Bureau.
- Karasev D.Yu. (2022) A Theory of Policy Drift: Obstructionist Politics as a Mechanism of U.S. Welfare State Retrenchment. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 141–156. DOI: [10.17976/jpps/2022.03.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.11)
- Keefer P., Knack S. (2002) Polarization, Politics and Property Rights: Links between Inequality and Growth. *Public Choice*. Vol. 111. Is. 1-2. P. 127–154.
- Khakhunova A. (2015) The Development of Government Effectiveness Evaluation Practices: Global Trends and the Experience of the USA. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 47–57. DOI: [10.20542/0131-2227-2015-2-47-57](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-2-47-57)
- Komissarov A.G. (2023) Meritocratic Principles of Governmental Officials Selection: Historical Aspect and Modern Applications. *Voprosy ekonomiki*. No. 1. P. 45–58. DOI: [10.32609/0042-8736-2023-1-45-58](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-45-58)
- Kudeyarova N.Yu. (2019) The Southwest Border Problem Politicization: The U.S. And Mexico in Regional Migration System. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. No. 11. P. 55–70. DOI: [10.31857/S032120680007286-8](https://doi.org/10.31857/S032120680007286-8)
- Kupryashin G.L. (2023) Political-Administrative Capacities of Governance in Conditions of Turbulence and Uncertainty. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 97. P. 174–189. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-97-174-189](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-174-189)
- Kupryashin G.L., Drobysheva E.S., Starodubcev A.S. (2023) Latent in the Public: Flaws in the Regulation of Lobbying in the United States. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 96. P. 104–123. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-96-104-123](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-96-104-123)
- Laitin D. (2000) What is a Language Community? *American Journal of Political Science*. Vol. 44. Is. 1. P. 142–155. DOI: [10.2307/2669300](https://doi.org/10.2307/2669300)

- Lapshina I.K. (2008) The Formation of the New Regional Power Centers in the USA and the Problem of Divided Government. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. No. 3. P. 132–137.
- March J.G., Olsen J.P. (1989) *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York: Free Press.
- Marusenko M.A., Marusenko N.M. (2019) U.S. Population Censuses and the Ethno-Racial Question. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. Vol. 49. No. 6. P. 5–21. DOI: [10.31857/S032120680005176-7](https://doi.org/10.31857/S032120680005176-7)
- Milanovich B. (2016) Global Inequality: From Class to Location, from Proletarians to Migrants. *Ekonomicheskaya politika*. No. 1. P. 14–26. DOI: [10.18288/1994-5124-2016-1-02](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-02)
- Minat V.N. (2022a) The Impact of Ethno-Cultural Diversity on Economic Growth and Spatial Development of US Cross-Border Territories. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 12(470). P. 55–67. DOI: [10.47475/1994-2796-2022-11207](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11207)
- Minat V.N. (2022b) Assessing the Differentiation of the Ethnodemographic Factor of Cultural Evolution in United States: A Regional Study. *Regionalistika*. Vol. 9. No. 5. P. 64–87. DOI: [10.14530/reg.2022.5.64](https://doi.org/10.14530/reg.2022.5.64)
- Minat V.N. (2022c) Ethno-Demographic Heterogeneity and Socio-Economic Development of the Southwestern States of the USA. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. P. 128–143. DOI: [10.31857/S0869049922050069](https://doi.org/10.31857/S0869049922050069)
- Minat V.N. (2023) Implementation of Social Programs in Conditions of Increasing Labor Precarization: Regional Aspects on the Example of the USA. *Federalizm*. Vol. 28. No. 2. P. 139–160. DOI: [10.21686/2073-1051-2023-2-139-160](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-139-160)
- Morgachev V.N. (1987) *Formy i metody territorial'nogo upravleniya v SShA i Kanade* [Forms and methods of territorial government in the USA and Canada]. Moscow: Nauka.
- Moynihan D.P. (2013) Advancing the Empirical Study of Performance Management: What We Learned from the Program Assessment Rating Tool. *The American Review of Public Administration*. Vol. 43. Is. 5. P. 499–517. DOI: [10.1177/0275074013487023](https://doi.org/10.1177/0275074013487023)
- Novikova A.V. (2015) Political and State Management: The Borderline between Theory and Practice. *Vestnik ZabGU*. No. 3(118). P. 114–119.
- Obolonsky A.V. (2014) The Crisis of Bureaucratic State's Effectiveness and the Search for the Way Out: USA's Experience (the Evolution of Theory and Practice of Public Administration during the Last Decade). *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 2. P. 145–170.
- Olson R., Dunagan J. (2019) Introduction to Special Issue: Government Foresight. *World Futures Review*. Vol. 11. Is. 3. P. 183–186.
- Ostrom E. (2020) *Governing the Commons*. Moscow: Sotsium.
- Ovcharov A.O., Ovcharova T.N. (2021) Social Crisis in the Context of Public Administration: Conceptual and Terminological Analysis. *Voprosy upravleniya*. No. 3. P. 149–161. DOI: [10.22394/2304-3369-2021-3-149-161](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-149-161)
- Petrovskaya N.E. (2021) Youth labour market in the United States. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. P. 66–78. DOI: [10.31857/S086904990014322-6](https://doi.org/10.31857/S086904990014322-6)
- Piskunov D.S., Merzlyakov S.E. (2019) Osobennosti sudebnoy sistemy SShA i eye rol' v formirovanii istochnikov prava [Features of the US judicial system and its role in the formation of sources of law]. *Zakon i pravo*. No. 8. P. 90–93. DOI: [10.24411/2073-3313-2019-10356](https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10356)
- Polunov A.Yu. (2023) Ethno-Political Stability, Form of Government and Territorial Structure of the State: Features and Mechanisms of Interconnection. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 98. P. 114–122. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-114-122](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-114-122)
- Rondeaux G. (2006) Modernizing Public Administration: The Impact on Organizational Identities. *International Journal of Public Sector Management*. Vol. 19. Is. 6. P. 569–584. DOI: [10.1108/09513550610686636](https://doi.org/10.1108/09513550610686636)

Rosenbloom D.H., Kravchuk R.S., Clerkin R.M. (2009) *Public Administration: Understanding Management, Politics, and Law in the Public Sector*. New York: McGraw-Hill Education.

Salikov M.S. (2015) O vliyaniy rasovo-etnicheskogo faktora na federativnyye otnosheniya v SShA [On the influence of the racial-ethnic factor on federal relations in the USA]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. No. 4(103). P. 9–13.

Shrubenko A.G. (2012) A Model of Government Based on Moral and Social Justice: Some Aspects of Design. *Problemy upravleniya*. No. 1(42). P. 56–65.

Stanis D.V., Kurylev K.P. (2020) Large Business in Higher Levels of US Authority. Example of D. Trump. *Vestnik RUDN. Ser.: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*. Vol. 7. No. 3. P. 226–238. DOI: [10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238](https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238)

Supyan V.B. (2023) The US Economy and Population in Regional Dimension (Zones of Accelerated Growth). *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. Is. 3. P. 5–13. DOI: [10.31857/S268667302303001X](https://doi.org/10.31857/S268667302303001X)

Volodin A.A. (1984) *SShA: Ekonomika i mestnyye organy vlasti* [USA: Economy and local governments]. Moscow: Nauka.

Wattenberg M. (1991) The Republican Presidential Advantage in the Age of Party Disunity. In: Cox G., Kernell S. (eds.) *The Politics of Divided Government*. New York: Routledge. P. 39–55.

Дата поступления/Received: 05.10.2023

Исторический опыт применения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств на постсоветском пространстве

Филатов Михаил Станиславович

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [7338-3570](https://elibrary.ru/author_profile.aspx?id=7338-3570), mix98vvv@gmail.com

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств после распада СССР, ставшего геополитической катастрофой и послужившего возникновению конфликтов, основанных на столкновении этих принципов на территориях бывших советских республик. В статье рассмотрены политические и правовые аспекты реализации права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государств во время распада СССР. Цель статьи — доказать, что распад Советского Союза не был прецедентом реализации права народов на самоопределение, напротив, право народов на самоопределение не учитывалось в этот период. Распад же стал следствием провала политики по применению принципа территориальной целостности государств. В работе использованы такие методы, как сравнительно-исторический метод, политико-правовой анализ, контент-анализ прессы. Основными результатами работы являются следующие положения. Проведение границ государств по границам республик СССР привело к активному продвижению и реализации идеи мононациональных государств. Был нарушен базовый принцип права народов на самоопределение — принцип равноправия народов. На постсоветском пространстве, в частности в странах Балтии, в Грузии, Молдавии и на Украине, реализовывалась дискриминационная политика с продвижением интересов титульной нации. Выход союзных республик из СССР был следствием не реализации принципа права народов на самоопределение, а применения 72 статьи Конституции СССР 1977 г. Полученные результаты могут быть использованы для корректировки политики реализации принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств Российской Федерации.

Ключевые слова

Международные отношения, территориальная целостность, самоопределение, принцип территориальной целостности, право народов на самоопределение, Россия, постсоветское пространство.

Для цитирования

Филатов М.С. Исторический опыт применения принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств на постсоветском пространстве // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 142–154. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-142-154

Historical Experience of Applying the Principles of the Right of Peoples to Self-Determination and the Territorial Integrity of States on the Territory of the Post-Soviet Space

Mikhail S. Filatov

Postgraduate student, mix98vvv@gmail.com

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyses correlation of the principles of the right of peoples to self-determination and the territorial integrity of states with the collapse of the USSR, which became a geopolitical catastrophe and led to the emergence of conflicts based on the collision of these principles in the territories of the former Soviet republics. The article examines the political and legal aspects of the implementation of the right of peoples to self-determination and the principle of territorial integrity of states during the collapse of the USSR. The aim of the article is to prove that the collapse of the Soviet Union was not a precedent for the realization of the right of peoples to self-determination; on the contrary, the right of peoples to self-determination was not taken into account during this period. The collapse was a consequence of the failure of the policy to apply the principle of territorial integrity of states. The work uses such methods as the comparative historical method, political and legal analysis, and content analysis of the press. The main results of the work are the following provisions. Drawing the borders of states along the borders of the republics of the USSR led to the active promotion and implementation of the idea of mono-national states. The basic principle of the right of peoples to self-determination — the principle of equal rights of peoples — was violated. In the post-Soviet space, in particular in the Baltic countries, Georgia, Moldova and Ukraine, discriminatory policies were implemented to promote the interests of the titular nation. The withdrawal of the union republics from the USSR was a consequence not of the implementation of the principle of the right of peoples to self-determination, but of the application of Article 72 of the 1977 USSR Constitution. The results obtained can be used to adjust the policy of implementing the principles of the right of peoples to self-determination and the territorial integrity of states by the Russian Federation.

Keywords

International relations, territorial integrity, self-determination, the principle of territorial integrity, the right of peoples to self-determination, Russia, post-Soviet space.

For citation

Filatov M.S. (2024) Historical Experience of Applying the Principles of the Right of Peoples to Self-Determination and the Territorial Integrity of States on the Territory of the Post-Soviet Space. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 142–154. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-142-154

Введение

Распад СССР стал отправной точкой многих конфликтов, завязанных на праве народов на самоопределение. Народы, борющиеся за самоопределение, и государства, их поддерживающие, нередко ссылаются на так называемый «парад суверенитетов» как на прецедент реализации принципа права народов на самоопределение. Это влечет за собой некорректное понимание, трактовку и реализацию принципа права народов на самоопределение.

Рассматривая современную политику РФ по применению принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, невозможно игнорировать такую геополитическую катастрофу, как распад СССР [Коростелев 2022, 297]. Это событие не только изменило существовавшую модель международных отношений, но и оставило след на всей внешней политике правопреемницы СССР — Российской Федерации.

В основном исследователи, занимающиеся проблемой распада Союза Советских Социалистических Республик, видят в нем прецедент применения принципа права народов на самоопределение. Мнения ученых в контексте этой проблемы разнятся в отношении легитимности и нелегитимности самоопределения республик. Так, А.К. Каграманов считает, что правовой основой распада СССР с точки зрения международного права служил именно принцип права народов на самоопределение [Каграманов 2023, 157]. Эту же позицию разделяют многие другие ученые [Хасанов 2023; Тужба, Пчегатлук 2019; Лапшина 2019; Бююшкина 2021, 48; Коровин 2019, 183; Gray 1992; Walker 2003; Mark et al. 2019; Starovoitova 1997]. Противоположной позиции придерживаются такие авторы, как Э.Д. Нодари, Р.М. Тимошев [Нодари 2022, Тимошев 2008]. Они считают, что во время распада СССР принцип права народов на самоопределение применялся в угоду политическим интересам отдельных групп, а не в соответствии с его юридическим содержанием. Тем не менее, несмотря на столь широкую освещенность этой проблемы, достаточного анализа, подтверждающего то, что республики выходили из состава СССР не вследствие реализации принципа международного права, а в результате применения конституционной нормы СССР, а именно 72 статьи Конституции СССР 1977 г., до сих пор нет.

Цель работы — доказать, что распад Советского Союза не был прецедентом реализации права народов на самоопределение, напротив, право народов на самоопределение не учитывалось в этот период. Распад же стал следствием провала политики по применению принципа территориальной целостности государств. Попытки народов, борющихся за самоопределение на постсоветском пространстве, воспользоваться своим правом международным сообществом были проигнорированы.

В работе использованы такие методы, как сравнительно-исторический метод, политико-правовой анализ, контент-анализ прессы.

Реализация принципа права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государства в ходе распада СССР

Российская Федерация образовалась после распада самого большого государства в мире — Союза Советских Социалистических Республик. Распад СССР стал серьезным политическим

потрясением для всего мира. В эти тяжелые времена произошли прискорбные для нашей страны как правопреемницы СССР события.

Существует мнение, что процесс распада СССР, который стал отправной точкой многих конфликтов, является примером реализации права народов на самоопределение. По мнению Н.И. Биюшкиной, развитие права народов на самоопределение в условиях ослабления центральной власти создало правовую основу для распада СССР. При соблюдении четкой иерархической структуры власти и партийной вертикали право на самоопределение народов позволяло сохранять стабильные отношения в федерации. Однако, когда республиканские партии перешли на позиции суверенизации и объединились с националистическими силами, право на самоопределение было использовано как идеологическое и правовое обоснование для развала Советского Союза [Биюшкина 2021, 51]. И, действительно, право народов на самоопределение было лозунгом, сплотившим Союз в начале его существования. Но применялось ли это право во время распада Союза на самом деле?

Термин «право народов на самоопределение» стал известен благодаря швейцарскому юристу И. Блюнчли во второй половине XIX века и получил дальнейшее развитие в работах О. Бауэра и К. Реннера. В начале XX века под влиянием В.И. Ленина этот принцип нашел свое отражение не только в программах политических партий, включая программу большевиков, но и в Конституции РСФСР в 1918 г. и последующих конституциях СССР [Калинина, Рябова 2015, 9]. Именно с подачи СССР в Уставе ООН было закреплено право народов на самоопределение [Биюшкина 2021, 52].

В 1924 г. в Советском Союзе была принята Конституция¹, в которой впервые в истории человечества была прописана возможность выхода республик из состава государства [Маргиев 2005, 132]. Законодательство СССР не включало в себя механизма, описывающего, как именно республики могли бы воспользоваться этим правом. Это положение должно было стать символом того, что республики находятся в составе СССР по собственной воле. Упомянутое положение подразумевалось также как притягательное для возможных новых республик в составе СССР. В конечном счете это положение лишь ускорило крах Союза. Право выхода республик из Советского Союза было миной замедленного действия, Россия должна избежать подобных ошибок. Об этом президент РФ В.В. Путин заявил в интервью передаче «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия-1»².

3 апреля 1990 г. IV Съезд народных депутатов СССР принял Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»³. Закон задумывался как инструкция по реализации уже закрепленной в Конституции 1977 г. нормы о праве республик выходить из состава Союза. Согласно тексту этого нормативно-правового акта, выход союзной республики из состава СССР возможен лишь путем проведения референдума. Референдум было необходимо провести не ранее чем через 6 и не позднее чем через 9 месяцев после принятия решения о постановке вопроса о выходе союзной республики из состава СССР. На территориях автономий, входящих в состав республик, было необходимо провести отдельные референдумы, так как, согласно закону, они обладали правом самостоятельно определять свой политический статус. Во время проведения референдумов на территориях союзных республик и автономий должны были присутствовать

¹ Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик 1924 г. // Исторический факультет МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 03.11.2023).

² Путин рассказал о «мине замедленного действия» в советской конституции // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/8888955> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» № 1409-1 от 3 апреля 1990 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902002993> (дата обращения: 02.11.2023).

наблюдатели — уполномоченные представители Союза ССР. При распаде Советского Союза в подавляющем большинстве республик референдум не проводился, а проведенные референдумы нарушали регламент, предписанный законом СССР № 1409-1.

В связи с все нарастающей дестабилизацией экономических и социальных связей между республиками СССР и центром 24 декабря 1990 г. IV Съезд народных депутатов СССР проголосовал за сохранение СССР в формате федерации равноправных суверенных республик. Было решено провести референдум, на котором был бы поставлен вопрос о сохранении СССР в виде обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности⁴. К моменту проведения всесоюзного референдума Литва, Латвия, Эстония и Армения заявили о своем выходе из состава СССР. При этом в Литве и Латвии в нарушение Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» так и не было проведено народного голосования о выходе из состава СССР. Эти республики отказались от участия в референдуме. К ним примкнули Молдавия и Грузия. Результаты референдумов в Абхазской ССР, Юго-Осетинской автономной области в Грузии, Гагаузии и Приднестровье в Молдавии продемонстрировали желание народов этих территорий остаться в составе СССР [Борисов 2020, 55–56].

17 марта 1991 г. был проведен всесоюзный референдум. В бюллетене был поставлен следующий вопрос «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». Предлагалось выбрать один из вариантов ответа, «ДА» или «НЕТ», нужный было необходимо зачеркнуть. При столь двоякой формулировке вопроса ее значение для граждан, голосовавших в тот день, представлялось однозначным. Они голосовали за сохранение СССР. С явкой более 80% населения за сохранение СССР проголосовало 77% избирателей, около 23% проголосовали против.

Народ сделал свой выбор, но мир так и не увидел проекта нового союзного договора. 8 декабря 1991 г. главы трех республик, России, Белоруссии и Украины, подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), предусматривающее ликвидацию Союза Советских Социалистических Республик как «субъекта международного права и геополитической реальности»⁵. 12 декабря 1991 г. Соглашение было ратифицировано Верховным Советом РСФСР, одновременно с которым без проведения референдума Россией был расторгнут Союзный договор 1922 г.

Еще 26 июня 1945 г. глава делегации СССР А.А. Громыко на конференции в Сан-Франциско подписал устав ООН. С тех самых пор СССР был членом ООН, обязанным соблюдать закрепленные в Уставе принципы, в том числе принцип права народов на самоопределение и принцип территориальной целостности государств.

Факт распада СССР в ущерб принципу территориальной целостности был проигнорирован ООН. Действовавший в то время президент США Дж. Буш высказался по этому поводу следующим образом: «США поддерживают важное решение стран, которые хотят обеспечить свободу. Это, безусловно, заложено в основу Содружества независимых государств. Конечно, в этих странах теперь может наблюдаться некоторая нестабильность. Временами возможен хаос. Но выбор этих стран соответствует национальным интересам Америки» («Известия» от 26.12.1991). Очевидно,

⁴ Бюллетень для голосования на референдуме СССР 17 марта 1991 г. // gosportal.su [Электронный ресурс]. URL: <https://gosportal.su/dokumenty-gosudarstva-rsfsr/byulleten-referenduma-17-03-1991g/> (дата обращения: 22.11.2023).

⁵ Соглашение о создании содружества независимых государств 8 декабря 1991 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900745> (дата обращения: 22.11.2023).

что англосаксонский блок праздновал победу над советской идеологией и не особо беспокоился о территориях распадающегося Союза.

Так можно ли считать, что выход союзных республик из состава СССР произошел вследствие реализации международно-правового принципа права народов на самоопределение? Хотя нет однозначного определения термина «народ» в контексте международного права, существуют характеристики, наиболее часто употребляющиеся авторами для его определения. Согласно Международному совещанию экспертов ЮНЕСКО по проблемам прав народов, народ, борющийся за самоопределение, включает в себя группу лиц, которые имеют общие особенности, такие как расовая принадлежность, религия, история, этническая принадлежность, язык или культурное наследие, а также единая территория проживания [Al Sabbagh 2021, 288].

Передача территорий между республиками в рамках СССР была политическим решением, обусловленным стратегическими и экономическими интересами. Эти перестановки границ не всегда учитывали национальные, культурные и исторические факторы. Примером тому может быть передача Крыма от Российской Советской Федеративной Социалистической республики (РСФСР) Украинской Советской Социалистической Республике (УССР) в 1954 г. по указу Н.С. Хрущева. Это решение было принято без учета воли и интересов местного населения, что способствовало возникновению недовольства и конфликтов, которые проявились впоследствии.

Можно привести также пример передачи И.В. Сталиным части территорий РСФСР Белорусской и Киргизской Советским Социалистическим Республикам в разные периоды времени. В обоих случаях передача территории произошла без учета национальных факторов и интересов местного населения.

Таким образом, передача территорий в СССР была скорее политическим решением, основанным на интересах и внутривластной логике, а не на интересах единого и исконно проживающего на этих территориях народа.

Реализация принципа права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государства после распада СССР

Преобладание внутривластных и политических интересов над интересами народов подтвердилось, когда во время выхода республик из состава Союза границы новообразованных государств были проведены по границам республик СССР, которые носили административный характер и менялись в угоду конъюнктурным проектам внутривластного конструирования. Это привело к тому, что на постсоветском пространстве, в частности в странах Балтии, в Грузии, Молдавии и на Украине, начали активно продвигаться и реализоваться идеи мононациональных государств. Принцип равноправия народов, являющийся неотъемлемой частью принципа права народов на самоопределение, повсеместно игнорировался, а народы — представители титульной нации стали нежелательными. Значительная часть русских в Латвии и Эстонии с трудом могли добиться получения гражданства, но даже в случае успеха они все равно не получали доступа к должностям в государственном аппарате [Дискриминация русских в странах Балтии 2012, 86]. Национальные меньшинства, такие как абхазы и южные осетины в Грузии, также сталкиваются с пренебрежительным отношением со стороны титульной нации.

В результате многие народы, оказавшиеся в составе новообразованных государств, столкнулись с нетерпимостью и различными формами дискриминации со стороны официальных властей. Было бы справедливо и правомерно провести референдумы на территориях всех

постсоветских стран с учетом национальной и этнической идентичности населения. Таким образом могла бы быть восстановлена историческая справедливость и соблюден принцип равноправия народов.

Межнациональные конфликты на территориях постсоветских государств происходят именно от некорректного определения границ новых государств. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха, присоединение Крыма, образование ДНР и ЛНР, а также внутренние конфликты в соседних с РФ государствах демонстрируют эти последствия.

Границы государств, образованных в результате распада СССР, определялись согласно границам советских республик именно потому, что сецессия осуществлялась не в силу международно-правового принципа права народов на самоопределение, а в силу ст. 72 Конституции СССР 1977 г., которая закрепляла за каждой республикой право свободного выхода из состава СССР. Право же народов как на внутреннее самоопределение, так и на внешнее в СССР должным образом не учитывалось.

Вакуум внешнеполитического влияния и доминирования, возникший на новообразованных постсоветских территориях, способствовал эскалации этнополитических конфликтов. Так, например, Приднестровье на момент осуществления первой попытки на внешнее самоопределение было лишено возможностей для внутреннего самоопределения в силу прекращения существования СССР и отсутствия каких-либо механизмов для внутреннего самоопределения в Законе «О декларации о независимости» Молдавской ССР. Результаты многочисленных референдумов международным сообществом также были проигнорированы. На территории Приднестровья проживают этнические молдаване, русские и украинцы в примерно равном соотношении, статусом государственного языка также обладают молдавский, русский и украинский [Галинский, Мачуга 2018, 52].

29 мая 1992 г. Южная Осетия, провозгласив свою независимость в ходе вооруженного конфликта с Грузией, реализовала свое право на самоопределение. Осуществить внутреннее самоопределение в то время было невозможно в связи с фактическими военными действиями правительственных сил против народа Южной Осетии.

После окончания вооруженного конфликта Абхазия также воспользовалась правом на внешнее самоопределение [Филатов 2022, 80]. Объявив себя суверенным государством и субъектом международного права, Абхазия закрепила свое право на самоопределение в Конституции, которую приняла 26 ноября 1994 г. В условиях вооруженного конфликта Абхазия также была лишена возможности осуществления внутреннего самоопределения.

В 2014 г. два региона Украины — Крым и Донбасс — посредством референдумов выразили свое желание воссоединиться с их исторической родиной в лице Российской Федерации. Аналогичные настроения разделяли и другие регионы Новороссии. Тем не менее регионы Западной Украины поддержали нелегитимное правительство, пришедшее к власти насильственным путем в ходе так называемого второго Майдана. Проводимая Киевом политика притеснения и дискриминации привела к провозглашению независимости Донецкой и Луганской народными республиками. Вооруженная борьба за народный суверенитет продолжалась долгих 9 лет. Все это время украинская сторона нарушала все договоренности, в том числе Минские⁶, и не оставляла никакой возможности для реализации права на внутреннее самоопределение русскоязычной части населения. Народный суверенитет — это действительное обладание народом и возможность пользоваться социально-

⁶ Минск-1. Протокол Минских соглашений от 5 сентября 2014 г. // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/minskprotocol> (дата обращения: 22.11.2023); Минск-2. Протокол Минских соглашений от 11–12 февраля 2015 г. // РСМД [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/minskprotocol> (дата обращения: 22.11.2023).

экономическими и политическими правами, «всесторонне и последовательно обеспечивающими конкретное участие всех социальных групп и слоев в управлении делами общества и государства»⁷.

МИД РФ считает, что общекрымский референдум прошел в соответствии со всеми международно-правовыми требованиями. Народ Крыма осуществил свободное и добровольное волеизъявление, и теперь Крымский полуостров является неотъемлемой частью России⁸. В своих утверждениях российская сторона ссылается на положения Устава ООН, Декларацию о принципах международного права и косовский прецедент. В Представительстве РФ при ЮНЕСКО отметили, что право крымского народа на самоопределение было реализовано «в экстремальных условиях невозможности реализации права на самоопределение в рамках Украины, усугубившимся приходом к власти незаконных властей, которые не представляют весь украинский народ»⁹. Статья А.Я. Капустина содержит подробный юридический анализ обстоятельств присоединения Крыма и также поддерживает вывод о легитимности осуществления права на внешнее самоопределение в указанном положении. В своей статье автор размышляет о том, что еще в 1990-е гг. стремление Автономной Республики Крым к независимости всячески подавлялось. Жители Крыма были объявлены властями Украины гражданами Украины без проведения какой-либо формы референдума еще в 1992 г. Автономной Республике Крым было также отказано в праве на землю и природные ресурсы; был отменен официальный статус крымско-татарского и русского языков в пользу единого национального языка — украинского. Центральная власть Украины всячески подавляла развитие государственности Крыма, предоставляя вместо прав лишь название статуса автономии [Kapustin 2015, 115]. Помимо прочего, ситуация на Украине привела к дальнейшему охлаждению отношений между Россией и странами Запада [Храмова, Зорин 2020, 46].

Южноосетинский и абхазские конфликты перешли в стадию «заморозки», а конфликт на Украине перешел в конечном счете в «горячую» фазу. Это можно объяснить тем, что Украина является крупной и чрезвычайно важной в геополитическом отношении страной. Ее близость к российским границам, выход к Черному морю и ее статус буферной зоны¹⁰ между Россией и Европой объясняют интерес стран НАТО и их желание вывести Украину из сферы влияния России. Именно эти причины поспособствовали переходу украинского конфликта в борьбу мировых центров силы, бросивших вызов сложившемуся миропорядку и международному праву [Лапкин, Пантин 2016, 95].

Первые попытки провести референдум на территории Донбасса предпринимались еще в 1994 г. В марте того же года на Украине состоялся первый тур выборов депутатов Верховной Рады, одновременно с проведением регионального референдума в Донецкой и Луганской областях. На голосование пришло около 72% населения Донецкой области и примерно 75% населения Луганской области для ответов на четыре вопроса, представленных в бюллетене. Вопросы касались следующих аспектов: конституционное закрепление федеративно-земельного устройства Украины, функционирование русского языка в качестве государственного языка Украины наряду с украинским, закрепление русского языка как языка работы, документации, образования и науки на территории Донецкой и Луганской областей и подписание Устава СНГ и полноценное участие Украины

⁷ Пусько В.С. Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. С. 96.

⁸ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с высказываниями МИД Украины по вопросу правового статуса ядерных объектов в новых субъектах Российской Федерации – Республике Крым и г. Севастополь, 16 августа 2014 г. // МИД России [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/1634688/ (дата обращения: 22.11.2023); Комментарий МИД России в связи с ответной нотой Министерства иностранных дел России Министерству иностранных дел Украины, 18 августа 2015 // МИД России [Электронный ресурс]. URL: <https://mid.ru/ru/maps/ua/1513245/> (дата обращения: 22.11.2023).

⁹ Правовые обоснования позиции России по Крыму и Украине // Wayback Machine [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20150924092903/http://www.russianunesco.ru/rus/article/1636> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁰ Путин назвал нейтральный статус Украины принципиальным для России // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/07/2023/64c42e839a7947a0595d0888> (дата обращения: 15.11.2023).

в экономическом союзе и Межпарламентской ассамблее государств СНГ¹¹. Более 90% респондентов проголосовали за сближение с Россией и странами СНГ, а также закрепление русского языка в качестве государственного языка.

В 1994 г. Л. Кучма победил на президентских выборах на Украине и пообещал защитить права всех граждан, включая русскоязычных. Однако референдум, который состоялся в 1994 г., не получил должного внимания, и его результаты были проигнорированы. В последующие годы, в 2004 и 2006 гг., Б. Колесников и А. Пургин предприняли попытку провести аналогичные референдумы, чтобы выслушать мнение жителей Луганской и Донецкой областей, но эти инициативы не привели к конкретным результатам¹². Проблема игнорирования мнения народа может быть связана как с отсутствием стабильного демократического строя на Украине, так и с вмешательством других стран во внутренние дела Украины.

Временной промежуток 1991–1995 гг. для территории полуострова Крым ознаменовался возникновением «крымского кризиса». В 1991 г. население Крыма приняло решение о восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в качестве субъекта СССР и участника Союзного договора. Этот референдум был инициирован Крымским областным советом народных депутатов¹³. Проводилось голосование в соответствии со статьей 5 Конституции СССР и УССР. В связи с тем, что союзная практика, как и регламентация проведения подобных мероприятий отсутствовала, областной совет в рамках своих полномочий принял временное положение «О референдуме и порядке его проведения на территории Крымской области Украинской ССР и г. Севастополя»¹⁴. Несмотря на это, результаты крымского референдума также были проигнорированы Украиной. 1 декабря 1991 г. Украина провела собственный референдум о своей независимости, тем самым лишив народ Крыма возможности реализовать свое право на самоопределение.

С января по март 1995 г. в Крыму были проведены первые президентские выборы. По итогам голосования президентом Крыма стал Ю. Мешков. Это была вторая попытка народа Крыма воспользоваться своим правом на самоопределение. Однако Украина в рамках борьбы с «крымским сепаратизмом» приняла ряд законов, на основании которых из подчинения Республики Крым вывели милицию, службу безопасности, министерство юстиции. Таким методом Украина постаралась заморозить конфликт и перевести его в скрытую фазу.

Во время первой «оранжевой революции» 2004 г. вновь был поднят вопрос самоопределения Донбасса и Крыма, но он остался без внятного ответа со стороны Киева. Постоянные попытки Украины использовать лишь силовое решение для всех вопросов Крыма, Донбасса, всей «Большой Новороссии» привели к бомбардировкам и обстрелам городов и сел Донбасса.

Говоря о самоопределении Донбасса, стоит отметить, что население региона уже имело опыт создания самостоятельного государства со всеми его атрибутами. После отречения императора Николая II от престола в Российской империи возникло «двоевластие», что способствовало усилению сепаратистских движений и появлению новых государственных образований. Демократизация общественной жизни привела к расширению компетенции местных органов и увеличению их полномочий [Бабичева 2017, 30]. В ходе IV областного съезда Советов Донецкого и Криворожского бассейнов была создана Донецко-Криворожская республика, которая включала значительные территории современной Украины и части Российской Федерации, включая Луганскую, Донецкую,

¹¹ Референдум о федерализации Донбасса: 20 лет борьбы // Актуальные комментарии [Электронный ресурс]. URL: <https://actualcomment.ru/referendum-o-federalizatsii-donbassa-20-let-borby.html> (дата обращения: 15.11.2023).

¹² Там же.

¹³ Решение Крымского Областного Совета народных депутатов четвертой сессии 21 созыва «О проведении референдума» // ГАРК. Ф. Р-3287. Оп. 14. Д. 13.

¹⁴ Материалы внеочередной пятой сессии Севастопольского городского совета народных депутатов 21 созыва «Об утверждении Временного положения о референдуме и порядке его проведения на территории Крымской области» 1990 г. // Фонды Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя. А21854.

Харьковскую, Днепропетровскую, Сумскую, Запорожскую области, а также части Херсонской и Ростовской областей (угольные округа Области войска Донского)¹⁵. Новое советское государство учредило свое собственное правительство и отвергло обвинения в сепаратизме, утверждая, что они не стремятся расколоть ни одну федеративную республику и ущемлять национальные интересы Украины, а также не планируют создавать независимую республику. Их единственной целью было установление связей со всей страной [Груздев и др. 2019, 150]. После недолгой истории Донецко-Криворожской республики ее промышленные регионы — Дон-Кривбасс — были включены в единую Украинскую Советскую Социалистическую Республику с целью укрепления крестьянского края. На всей территории начался процесс украинизации. Опыт Донецко-Криворожской республики показывает, что идея самоопределения народа на территориях, где сегодня находятся Донецкая и Луганская Народные Республики, не возникла на пустом месте, а имела свои основания еще в начале XX века.

Итак, народ Крыма стремился реализовать свое право на самоопределение еще с 1990-х гг. После военного переворота на Украине 2013–2014 гг. и прихода к власти неконституционного и нелегитимного правительства стало ясно, что речи о внутреннем самоопределении региона быть не может, что привело к его присоединению к России. В результате тех же событий и по тем же причинам к внешнему самоопределению путем сепарации пришел и народ Донецкой, Луганской, Херсонской и Запорожской областей.

Заключение

Результатом описанных событий стало изменение подхода президента, правительства и политических партий Российской Федерации к национально-политическим процессам. В современных условиях единство и стабильность стали одними из важнейших направлений работы государственных структур России. Опыт показал, что межэтнические отношения являются основой жизнедеятельности и процветания стран, образовавшихся после распада СССР. Практически все новые государства СНГ осознали, что недооценка значения национальных отношений может привести к межэтническим конфликтам и представлять реальную угрозу сохранению целостности многонационального государства, каковой является Российская Федерация. Это понимание привело к необходимости разработки целостной государственной политики в области национальных отношений, которая способствовала бы сохранению стабильности в стране, укреплению и процветанию на основе взаимовыгодных межнациональных отношений. Только такой подход позволит добиться позитивного развития современных межэтнических и национальных отношений народов, проживающих в Российской Федерации. Важно учитывать интересы и потребности различных этнических групп, обеспечивать равные права и возможности для всех граждан, а также противостоять дискриминации и национальному неравенству¹⁶.

Распад СССР стал геополитической катастрофой и послужил возникновению конфликтов, основанных на столкновении принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств на территориях бывших советских республик. Участники конфликтов зачастую ссылаются на распад Союза как на прецедент реализации права народов на самоопределение. В действительности же выход республик из состава Советского Союза осуществлялся в нарушение внутреннего законодательства страны и без учета принципа равноправия народов, ключевой составляющей принципа права народов на самоопределение. Такая нелегитимная политика бывших

¹⁵ Скворцова Л.А. История Донбасса: учебное пособие для студентов дневной и заочной форм обучения всех специальностей. Макеевка: ГОУ ВПО «ДонНАСА», 2016.

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 15.06.1996 г. № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571> (дата обращения: 02.11.2023).

советских республик во многом стала причиной для развития последующих конфликтов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что распад СССР стал отправной точкой многих конфликтов на постсоветском пространстве, поскольку границы новообразованных государств проводились без учета желания народов, на них проживающих. Проведение границ государств по границам республик СССР привело к активному продвижению и реализации идеи мононациональных государств. При формировании новообразованных государств на постсоветском пространстве был нарушен базовый принцип права народов на самоопределение — принцип равноправия народов. В странах Балтии, в Грузии, Молдавии и на Украине реализовывалась политика продвижения интересов титульной нации за счет дискриминации других народов. Выход союзных республик осуществлялся с игнорированием внутригосударственного регламента, предписанного Законом СССР № 1409-1. Все это делает невозможным рассмотрение распада СССР в качестве прецедента реализации права народов на самоопределение. Крах Советского Союза стал провалом политики защиты территориальной целостности государств.

Было бы справедливо и правомерно по отношению к народам, лишенным возможности реализовать свое право на самоопределение во время формирования постсоветских государств, предоставить им такую возможность.

Список литературы:

Бабичева Н.А. Государственно-правовые аспекты возникновения губернских республик на юге России в 1918 г. // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. 2017. № 1(2). С. 27–38.

Биюшкина Н.И. Право наций на самоопределение как основное начало советского федерализма // Право и политика. 2021. № 10. С. 43–57. DOI: [10.7256/2454-0706.2021.10.36767](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.10.36767)

Борисов Н.А. Между идеологией и правом: правовые и политические аспекты выхода союзных республик из СССР // Новый исторический вестник. 2020. № 4(66). С. 48–65.

Галинский И.Н., Мачуга В.В. Молдо-приднестровский конфликт: особенности развития в начале XXI в. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 49–56. DOI: [10.18384/2224-0209-2018-2-876](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-876)

Груздев В.В., Бабичев Д.А., Бабичева Н.А. История самоопределения народа Донбасса. опыт Донецко-Криворожской советской республики // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 3. С. 148–152. DOI: [10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152](https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152)

Дискриминация русских в странах Балтии: причины, формы, возможности преодоления / под ред. А. Гапоненко. Москва — Рига: Московское бюро по правам человека, 2012.

Каграманов А.К. Право на самоопределение народов и формирующийся миропорядок // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 154–163. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163)

Калинина К.В., Рябова Е.Л. Проблемы реализации права народов на самоопределение // Альманах Казачество. 2015. № 11. С. 7–14.

Коровин К.С. Ленинское понимание права наций на самоопределение и советская конституционная доктрина 1922–1923 гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. С. 180–189. DOI: [10.25136/2409-868X.2019.12.31829](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.12.31829)

Коростелев Д.В. Распад СССР как «крупнейшая геополитическая катастрофа XX в.» // Проблемы развития современного общества: Сборник научных статей 7-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 5-ти томах. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. Т. 3. С. 296–301.

Лапкин В., Пантин В. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве: роль внешнеполитических факторов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 12. С. 92–103. DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103)

Лапшина И.Е. Международно-правовые основания и способы изменения государственной территории // *E-Scio*. 2019. № 9(36). С. 699–710.

Маргиев А.В. О праве выхода республик из состава Российской Федерации // *Вестник Адыгейского государственного университета*. 2005. № 2. С. 131–137.

Нодари Э.Д. Теоретико-правовые основы развития федерализма в условиях централизации государственной власти в Российской Федерации // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 150–155. DOI: [10.31857/S102694520022228-1](https://doi.org/10.31857/S102694520022228-1)

Тимошев Р.М. Право наций на самоопределение и современные межнациональные конфликты // *Электронный научный журнал Проблемы безопасности*. 2008. № 1(1). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19405823_99433877.pdf

Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Право народов на самоопределение (на примере Абхазии) // *Общество: политика, экономика, право*. 2019. № 8(73). С. 17–21.

Филатов М.С. Политическая практика применения и толкования принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2022. Т. 17. № 6. С. 67–86. DOI: [10.22394/2071-2367-2022-17-6-67-86](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-67-86)

Хасанов А.А. Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // *Журнал российского права*. 2017. № 10(250). С. 133–142. DOI: [10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514](https://doi.org/10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514)

Храмова М.Н., Зорин Д.П. Проблемы реализации конкурентных преимуществ российского Дальнего Востока в контексте развития человеческого капитала // *Научное обозрение*. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 4. С. 44–58. DOI: [10.26653/2076-4650-2020-4-04](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-04)

Al Sabbagh J. The Right to Self-Determination of Modern Secessionist Movements under International Law // *International Review of Law*. 2021. Vol. 10. Is. 1. DOI: [10.29117/irl.2021.0163](https://doi.org/10.29117/irl.2021.0163)

Gray Ch. Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union // *Yearbook of European Law*. 1992. Vol. 12. Is. 1. P. 465–503. DOI: [10.1093/yel/12.1.465](https://doi.org/10.1093/yel/12.1.465)

Kapustin A.Y. Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht (ZaöRV)*. 2015. № 75. P. 101–118.

Mark J., Jacob B.C., Rupprecht T., Spaskovska L. 1989: *A Global History of Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Starovoitova G. Sovereignty after Empire: Self-Determination Movements in the Former Soviet Union // *Peaceworks*. 1997. № 19. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks19.pdf>

Walker E.W. *Dissolution Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*. Berkeley, California: Berkeley Public Policy Press, 2003.

References:

Al Sabbagh J. (2021) The Right to Self-Determination of Modern Secessionist Movements under International Law. *International Review of Law*. Vol. 10. Is. 1. DOI: [10.29117/irl.2021.0163](https://doi.org/10.29117/irl.2021.0163)

Babicheva N.A. (2017) State-Legal Aspects the Emergence of the Provincial Republics in the South of Russia in 1918. *Vestnik Luganskoy akademii vnutrennikh del imeni E.A. Didorenko*. No. 1(2). P. 27–38.

Biyushkina N.I. (2021) The right of nations to self-determination as the main principle of Soviet federalism. *Pravo i politika*. No. 10. P. 43–57. DOI: [10.7256/2454-0706.2021.10.36767](https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.10.36767)

- Borisov N.A. (2020) Between Ideology and Law: Legal and Political Aspects of the Union Republics from the USSR. *Novyy istoricheskiy vestnik*. No. 4(66). C. 48–65.
- Filatov M.S. (2022) Political Practice of Application and Interpretation of the Principles of the Peoples' Right to Self-Determination and Territorial Integrity of States. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. Vol. 17. No. 6. P. 67–86. DOI: [10.22394/2071-2367-2022-17-6-67-86](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-67-86)
- Galinskii I.N., Machuga V.V. (2018) The Moldovan-Transnistrian Conflict: Features of Development in The Early XXI Century. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. No. 2. P. 49–56. DOI: [10.18384/2224-0209-2018-2-876](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-876)
- Gaponenko A. (ed.) (2012) *Diskriminatsiya russkikh v stranakh Baltii: prichiny, formy, vozmozhnosti preodoleniya* [Discrimination of Russians in the Baltic States: Causes, forms, possibilities of overcoming]. Moscow — Riga: Moskovskoe byuro po pravam cheloveka.
- Gray Ch. (1992) Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union. *Yearbook of European Law*. Vol. 12. Is. 1. P. 465–503. DOI: [10.1093/yel/12.1.465](https://doi.org/10.1093/yel/12.1.465)
- Gruzdev V.V., Babichev D.A., Babicheva N.A. (2019) History of Self-Determination of the People of Donbass. Experience of the Soviet Republic of Donetsk and Krivoy Rog. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 25. No. 3. P. 148–152. DOI: [10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152](https://doi.org/10.34216/1998-0817-2019-25-3-148-152)
- Kagramanov A.K. (2023) Right to Self-Determination of Peoples and the Emerging World Order. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. Vol. 18. No. 4. P. 154–163. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.154-163)
- Kalinina K.V., Ryabova E.L. (2015) Problems of Realization of the Right of Peoples to Self-Determination. *Al'manakh Kazachestvo*. No. 11. P. 7–14.
- Kapustin A.Y. (2015) Crimea's Self-Determination in the Light of Contemporary International Law. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht (ZaöRV)*. No. 75. P. 101–118.
- Khasanov A.A. (2017) Correlation and Interaction between the Principle of National Self-Determination and the Principle of Territorial Integrity of the State. *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 10(250). P. 133–142. DOI: [10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514](https://doi.org/10.12737/article_59c4d7604b9364.15443514)
- Khramova M.N., Zorin D.P. (2020) Problems of Realizing the Competitive Advantages of the Russian Far East in the Context of Human Capital Development. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo*. No. 4. P. 44–58. DOI: [10.26653/2076-4650-2020-4-04](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-4-04)
- Korostelev D.V. (2022) Raspad SSSR kak "krupneyshaya geopoliticheskaya katastrofa 20 v." [The collapse of the USSR as "the largest geopolitical catastrophe of the twentieth century"]. *Problemy razvitiya sovremennogo obshchestva: Sbornik nauchnykh statey 7-y Vserossiyskoy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. In 5 vol.* Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet. Vol. 3. P. 296–301.
- Korovin K.S. (2019) Lenin's Understanding of the Right of Nations to Self-Determination and the Soviet Constitutional Doctrine of 1922–1923. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*. No. 12. P. 180–189. DOI: [10.25136/2409-868X.2019.12.31829](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.12.31829)
- Lapkin V., Pantin V. (2016) Ethno-political Conflicts in the Post-Soviet Space: The Role of Foreign Policy Factors. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. Vol. 60. No. 12. P. 92–103. DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-12-92-103)
- Lapshina I.E. (2019) Mezhdunarodno-pravovyye osnovaniya i sposoby izmeneniya gosudarstvennoy territorii [International legal grounds and methods of changing the state territory]. *E-Scio*. No. 9(36). P. 699–710.
- Margiev A.V. (2005) O prave vykhoda respublik iz sostava Rossiyskoy Federatsii [On the right of withdrawal of republics from the Russian Federation]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. P. 131–137.
- Mark J., Jacob B.C., Rupprecht T., Spaskovska L. (2019) *1989: A Global History of Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nodari E.D. (2022) Theoretical and Legal Foundations of the Development of Federalism in the Conditions of Centralization of State Power in the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo*. No. 9. P. 150–155. DOI: [10.31857/S102694520022228-1](https://doi.org/10.31857/S102694520022228-1)

Starovoitova G. (1997) Sovereignty after Empire: Self-Determination Movements in the Former Soviet Union. *Peaceworks*. No. 19. Available at: <https://www.usip.org/sites/default/files/pwks19.pdf>

Timoshev R.M. (2008) Pravo natsiy na samoopredeleniye i sovremennyye mezhnatsional'nyye konflikty [The right of nations to self-determination and modern interethnic conflicts]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal Problemy bezopasnosti*. No. 1(1). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19405823_99433877.pdf

Tuzhba E.N., Pchegatluk S.K. (2019) The Right of Peoples to Self-Determination (a Case of Abkhazia). *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. No. 8(73). P. 17–21.

Walker E.W. (2003) *Dissolution Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union*. Berkeley, California: Berkeley Public Policy Press.

Дата поступления/Received: 29.11.2023

Стратегия цифровой экономики Digital Economy Strategy

УДК 338.486

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-155-167

На пути к цифровому туризму

Восколович Нина Александровна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [3471-1650](https://elibrary.ru/author_index.aspx?query=3471-1650), ORCID: [0000-0003-1395-4930](https://orcid.org/0000-0003-1395-4930), voskolovitch@mail.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье раскрываются особенности формирования цифрового туризма в современных российских условиях. Приоритетность развития внутреннего и въездного туризма, необходимость регулирования туристских потоков, важность улучшения качества обслуживания с учетом запросов туристов усиливают актуальность данной проблематики. Цель исследования — проанализировать особенности становления цифрового туризма в России и определить направления его поддержки. В процессе исследования использованы официальные статистические материалы, данные выборочных обследований и наблюдений, сравнительный анализ, метод группировки. Новизна статьи состоит в следующем: показана эволюция трактовки понятий «электронный туризм», «умный туризм», «цифровой туризм», отражающая различные этапы применения цифровых технологий; проанализирован уровень применения цифровых технологий в управлении и организации обслуживания туристскими посредниками и гостиничными предприятиями; выявлены особенности формирования моделей предпринимательской деятельности, базирующиеся на современных цифровых платформах. Рассмотрен также регионально-отраслевой аспект развития цифрового туризма, и выявлены различия в темпах цифровой трансформации в российских регионах. В качестве фактора, замедляющего распространение цифровых технологий, отмечена доля малого и среднего бизнеса, испытывающего трудности в финансировании обновления программного обеспечения, привлечении квалифицированных кадров, что обуславливает необходимость разработки соответствующих мер поддержки. Особое место в статье отведено анализу поддержки на федеральном и региональном уровнях посредством грантов, субсидий, выделяемых на конкурсной основе лучшим практикам цифровой трансформации сферы туризма. Повышению устойчивого развития цифрового туризма будет способствовать использование аналитических сервисов на основе больших данных и искусственного интеллекта по управлению региональными туристскими потоками, разработок «портрета» туриста с учетом его поведенческого профиля, геоаналитики инфраструктуры, что должно содействовать принятию обоснованных управленческих решений, улучшению качества обслуживания туристов.

Ключевые слова

Цифровой туризм, электронный туризм, «умный туризм», направления использования цифровых технологий, меры поддержки, успешные практики, большие данные, искусственный интеллект.

Для цитирования

Восколович Н.А. На пути к цифровому туризму // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 155-167. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-155-167

On the Way to Digital Tourism

Nina A. Voskolovich

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0003-1395-4930](https://orcid.org/0000-0003-1395-4930), voskolovitch@mail.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article reveals the features of forming digital tourism in modern Russian conditions. The priority of developing domestic and inbound tourism, the need to regulate tourist flows, and the importance of improving the quality of service taking into account the needs of tourists increase the relevance of this issue. The aim of the study is to analyze the features of digital tourism development in Russia and determine the directions for its support. During the research process, official statistical materials, data from sample surveys and observations, comparative analysis, and groupings were used. The novelty of the article is defined by the following: evolution of interpretations of such concepts as “electronic tourism”, “smart tourism”, “digital tourism” is shown, which reflects the various stages of digital technologies use; the level of application of digital technologies in the management and organization of services by tourist intermediaries and hotel enterprises was analyzed; the features of business models formation based on modern digital platforms have been identified. The regional-industrial aspect of the development of digital tourism is considered and differences in the pace of digital transformation in Russian regions are identified. As a factor slowing down the spread of digital technologies, the share of small and medium-sized businesses experiencing difficulties in financing software updates and attracting qualified personnel was noted, which necessitates the development of appropriate support measures and scaling of best practices. A special place in the article is given to the analysis of support at the federal and regional levels through grants and subsidies allocated on a competitive basis to the best practices of digital transformation of the tourism sector. Increasing the sustainable development of digital tourism will be facilitated by the use of analytical services based on big data and artificial intelligence for managing regional tourist flows, developing a portrait of a tourist taking into account his/her behavioral profile, geo-analytics of infrastructure, which should facilitate the adoption of informed management decisions and improve the quality of service for tourists.

Keywords

Digital tourism, e-tourism, smart tourism, directions of using digital technologies, support measures, successful practices, Big Data, artificial intelligence.

For citation

Voskoloich N.V. (2024) On the Way to Digital Tourism. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 155–167. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-155-167

Введение

Современному туризму принадлежит важная роль в мировой экономике: его вклад в 2019 г. в мировой валовой продукт составлял 10,3%, в сфере туризма было создано каждое десятое рабочее место¹. В Российской Федерации доля туризма в ВВП в 2019 г. достигала 2,8%, в занятости населения — 3,6%². По данным Генерального секретаря ООН, мировые потери из-за пандемии коронавируса в сфере туризма превысили 320 млрд долл. и 120 млн рабочих мест³. По прогнозам, к 2033 г. общий вклад путешествий и туризма возрастет более чем в полтора раза, в сравнении с 2019 г., и составит 15,5 трлн долл. США⁴.

Туристский потенциал России весьма высок, и, по прогнозу на 2035 г., валовая добавленная стоимость индустрии туризма и гостеприимства достигнет 16306 млрд руб., в два раза возрастет число внутренних поездок на одного россиянина, экспорт туристских услуг увеличится до 28,6 млрд долл. США⁵. Высокая экономическая и социальная значимость развития сферы туризма и гостеприимства в России обусловила постоянное внимание к ней государства, что отражено в ряде правительственных документов, таких как Национальный проект «[Туризм и индустрия гостеприимства](#)», государственная программа РФ «Развитие туризма»⁶, приказ «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федерального агентства по туризму»⁷, которыми предусматривается создание цифровой среды для эффективной предпринимательской деятельности и принятия государственных решений, повышения доступности информации, необходимой туристам.

Цифровая трансформация вывела сферу туризма на высокие позиции в использовании современных информационно-коммуникационных технологий. Среди лидеров цифровой трансформации сфера туризма выделяется не только широким применением цифровых технологий в менеджменте, маркетинге, реализации многих хозяйственных функций и производственных операций, но и в усилении активности и заинтересованности потенциальных потребителей и туристов в самостоятельном планировании путешествий и их непосредственном осуществлении во всем многообразии составляющих элементов (разработка маршрутов передвижения и выбор привлекательных для посещения объектов, бронирование транспортных билетов и средств размещения, услуги страхования, развлечения и др.). Вместе с тем процесс цифровой трансформации происходит неравномерно: более быстро в него включаются крупные организации и предприятия

¹ По данным ежегодного обследования Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) с участием экспертов Oxford Economic в 2022 г.

² Статистический бюллетень Росстата ко Всемирному дню туризма-2022. М.: Росстат, 2022. С. 3.

³ Генсек ООН назвал сумму потерь туристской отрасли из-за пандемии // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9280447> (дата обращения: 17.11.2023).

⁴ Total contribution of travel and tourism to gross domestic product (GDP) worldwide in 2019 and 2022, with a forecast for 2023 and 2033 // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/233223/travel-and-tourism-total-economic-contribution-worldwide/#:~:text=Overall%2C%20the%20contribution%20of%20travel,trillion%20U.S.%20dollars%20in%202022> (дата обращения: 17.01.2024).

⁵ Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г. Постановление Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503?marker=65801P> (дата обращения: 17.11.2023).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» (с учетом изменений от 21 декабря 2023 г.) // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/postanovlenie_pra_vitelstva_rossiyskoy_federacii_ot_24_dekabrya_2021_g_2439.html (дата обращения: 17.01.2024).

⁷ Приказ Ростуризма от 30.12.2020 № 512-Пр-20 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федерального агентства по туризму» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377304/ (дата обращения: 17.11.2023).

туристских посредников и гостиничного хозяйства, расположенные в городах и промышленно развитых регионах. Для малого и среднего бизнеса этот процесс сдерживается высокими затратами, сложностями в техническом и программном обеспечении, дефицитом квалифицированных кадров.

Цель данного исследования — раскрыть особенности формирования цифрового туризма в целом по России и наметить меры поддержки его дальнейшего развития. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: показана эволюция подходов к определению понятий «электронный туризм», «умный туризм», «цифровой туризм»; охарактеризованы основные направления использования цифровых технологий в сфере туризма; раскрыты особенности формирования новых моделей предпринимательской деятельности туристских посредников; проанализирован регионально-отраслевой аспект развития цифрового туризма и формы его поддержки.

Методология исследования

Быстрое развитие туризма, высокая его значимость в современном стандарте жизни людей, активизация соответствующих видов предпринимательской деятельности привлекают внимание как практиков, так и научных исследователей. Это привело к формированию различных методических подходов к изучению, а также к появлению разнообразных терминов и неоднозначному их толкованию. Распространение таких терминов, как «электронный туризм», «умный туризм», «цифровой туризм», в русском и английском языках произошло вследствие проникновения информационно-коммуникационных технологий в сферу туризма. Электронный туризм (e-tourism), или онлайн-туризм, как термин отражает прежде всего использование сети Интернет в менеджменте и маркетинге туристских продуктов и услуг для более полного взаимодействия с потребителем [Абдель Вахед 2016; Кононова и др. 2019]. Вместе с тем онлайн-туризм также связывают с виртуальными турами, виртуальными прогулками, онлайн-путешествиями, для чего используются разнообразные интернет-ресурсы (сайты турагентств, блоги путешественников в соцсетях, телеканалы о путешествиях и др.)⁸.

«Умный туризм» («смарт-туризм», smart tourism) как термин применяется для описания взаимодействия современных информационных технологий и устойчивого развития индустрии туризма, трактуется как вид туризма с использованием смарт-технологий для создания дополнительной ценности путешествия для туристов [Молчанова 2017; Платов и др. 2022]. «Умный туризм» предполагает конвергенцию технологий и туристского опыта, ведущего к более полному удовлетворению запросов и ожиданий новых молодежных типов туристов [Hunter et al. 2015]. В процессе своего формирования «умный туризм» вобрал в себя элементы электронного туризма, который развивался на основе инноваций, внедрения информационных технологий, приведших к созданию глобальных систем централизованного бронирования, социальных сетей, мобильных технологий. «Умный туризм» включает в себя несколько компонентов: во-первых, интеллектуальные технологии, сопряженные с принципами «умного города», учитывающего запросы как жителей, так и туристов в поддержке доступности и мобильности ресурсов для определенного качества жизни; во-вторых, социальное явление, опирающееся на персонализированный интеллектуальный опыт туристов; сложную бизнес экосистему, включающую государственно-частное партнерство, объединяющую обмен туристскими ресурсами и повсеместное создание туристского опыта. Китайский опыт развития «умного туризма» свидетельствует о том, что это длительный процесс долгосрочного планирования и реализации в сочетании с разработкой

⁸ См., например: Онлайн-туризм: путешествия налегке // ЯКласс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yaklass.ru/t-novosti/akcii-i-novosti-za-2023-god/stati-i-novosti-za-06-2023/onlajn-turizm-puteshestviya-nalegke> (дата обращения: 10.01.2024); Планета Земля — География — История — Природа // Планета Земля [Электронный ресурс]. URL: <https://geosfera.org/> (дата обращения: 10.01.2024).

проектов «умных городов» [Куан, Ай 2016]. Европейская комиссия начиная с 2019 г. для поощрения «умных» и устойчивых туристских практик на конкурсной основе выбирает европейскую столицу и европейского «зеленого пионера» «умного туризма» как туристские направления в четырех категориях: устойчивость, доступность, цифровизация, культурное наследие и творчество⁹. В 2023 г. такими столицами названы кипрский город Пафос и испанская Севилья¹⁰. «Умный туризм» определяется как туризм, поддерживаемый комплексными усилиями в месте назначения по сбору и агрегированию/ использованию данных, полученных из физической инфраструктуры, социальных сетей, правительственных/ организационных источников и человеческих тел/ разума в сочетании с использованием передовых технологий [Gretzel et al. 2015; Suman et al. 2022]. В последующем эти данные преобразуются в рабочую информацию и ценностные предложения для бизнеса, ориентированного на эффективность и устойчивость.

Дальнейшее продвижение цифровой трансформации обусловило новые формы коммуникаций между производителями туристских продуктов и услуг, что привело к появлению цифрового туризма (digital tourism) [Кононова и др. 2020]. Поскольку цифровой туризм — это новое понятие, пока еще не получившее конкретного общепринятого определения, то он рассматривается как этап цифровой трансформации, в ходе которого усиливается привлечение людей как активных пользователей современными информационно-коммуникационными технологиями в сферу реального туризма. Это обусловлено тем, что пока цифровые технологии в российской сфере туризма выполняют ограниченные функции. Тем не менее мировой опыт показывает повышение эффективности управления туризмом с применением цифровых технологий [Матвеевская 2022; Khatrui 2019]. Стратегией развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г.¹¹ предусмотрен комплекс мер по внедрению цифровых технологий в сферу туризма, в том числе по использованию цифровых решений, принимаемых на основе взаимодействия государственных информационных систем с предпринимательским и экспертным сообществом в ходе разработки и реализации проектов, формирования туристской экосистемы для обеспечения лучшего клиентского опыта всех участников рынка на онлайн-платформе, интегрированной с внешними источниками и социальными платформами, а также создание различных сервисов, мобильных приложений для продвижения туристских продуктов.

Цифровой туризм направлен на использование цифровых технологий и онлайн-инструментов для управления сферой туризма, создание, продвижение и реализацию туристских продуктов, привлечение потребителей и предоставление им доступа к необходимой информации для планирования путешествий и бронирования услуг.

Процесс постоянного совершенствования цифровых технологий в туризме формирует относительно новую индустрию Travel Tech, улучшающую возможности путешествий, поскольку «позволяет бесшовно спланировать путешествие онлайн с использованием платформ и приложений для бронирования полноценных туров или жилья и билетов отдельно»¹², что в целом улучшает восприятие и опыт туристов и повышает эффективность предпринимательской деятельности. Вместе с тем развитие цифрового туризма требует повышенного внимания к проблемам безопасности данных, финансовых платежей, доступности интернета в отдаленных территориях.

⁹ European Capital & Green Pioneer of Smart Tourism // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://smart-tourism-capital.ec.europa.eu/index_en (дата обращения: 09.01.2024).

¹⁰ В Европе выбрали «умные» столицы 2023 г. // 34Travel [Электронный ресурс]. URL: <https://34travel.me/post/umnye-stolicy-2023> (дата обращения: 09.11.2023).

¹¹ Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г. Постановление Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503?marker=65801P> (дата обращения: 17.11.2023).

¹² Цифровой туризм: какие сервисы нужны путешественникам // RB [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/cifrovoy-turizm-servisy/> (дата обращения: 18.01.2024).

Для изучения процесса развития цифрового туризма использованы официальные статистические данные, материалы выборочных обследований и наблюдений, сравнительный анализ, метод группировки.

Направления использования цифровых технологий в сфере туризма

Цифровые технологии непрерывно развиваются и совершенствуются, что способствует расширению их применения в сфере туризма (Таблица 1). Искусственный интеллект создает условия для персонализации путешествий, поскольку появляются возможности более представительного потребительского выбора при одновременной экономии времени на поиск нужного туристского продукта, маршрута или услуги. С помощью технологий искусственного интеллекта туристы могут узнать о датах более выгодной покупки билетов, об условиях бронирования средств размещения. Технологии распознавания лиц упрощают регистрацию на рейс. С помощью мобильных приложений удобно планировать поездки, одновременно оформляя и оплачивая билеты, бронь в гостиницы, страховку, трансфер, экскурсии и др. Набирает популярность использование голосовой поддержки при бронировании гостиниц, аренде автомобилей и других услуг. Чат-бот позволяет получать консультации в режиме реального времени 24/7. Технология виртуальной реальности раскрывает особенности туристского маршрута, демонстрируя наиболее интересные достопримечательности. Посредством технологии интернета вещей на расстоянии можно управлять разблокировкой арендованного автомобиля, контролировать передвижение багажа.

Большие данные служат основой для бизнес-аналитики, построенной на информации об электронных коммерческих операциях, разрабатываются рекомендации, и принимаются управленческие решения по совершенствованию обслуживания потребителей, продвижению бренда и конкретных продуктов, поиску путей повышения эффективности деятельности компании, развитию инфраструктуры, формированию туристских кластеров. Возможная консолидация больших данных в экосистеме российского внутреннего и въездного туризма позволит поднять на более высокий уровень прогнозирование масштабов и направлений туристских потоков, что существенно повлияет на развитие сферы туризма.

Большинство туристов начинают планировать свою поездку заранее, в ряде случаев ориентируясь на новые достопримечательности и маршруты. При этом они хотели бы заранее понимать, какие впечатления можно получить, какой уровень комфорта создают те или иные особенности путешествия, что можно предварительно оценить с помощью виртуальных туров, сторителлинга¹³, информации из соцсетей, рекламных видеороликов. Презентации отелей, гостиничных номеров, ресторанов, достопримечательностей, созданные на основе технологии виртуальной реальности, способны дать такое полное понимание особенностей предстоящего путешествия, сделать потребительский выбор надежным и обоснованным.

¹³ Сторителлинг — это интегрированная маркетинговая технология продвижения туристских направлений с помощью легенд, мифов, местных историй, сказок и другой повествовательной информации.

Таблица 1. Направления использования цифровых технологий в сфере туризма¹⁴

Технологии	Туристские посредники	Гостиничное хозяйство
Искусственный интеллект	<ul style="list-style-type: none"> — Персонализация путешествий; — улучшение бронирования; — бизнес-аналитика; — прогнозирование цен на услуги; — динамическое ценообразование; — поиск наиболее выгодных предложений для туристов; — использование мобильных приложений; — маркировка багажа для отслеживания его местонахождения; — поддержка туристов 24/7 посредством виртуальных помощников; — конфиденциальность данных и безопасность платежей; — оптимизация функциональных процессов, что снизит нагрузку на сотрудников; — распознавание образов и поведенческий анализ для предотвращения мошенничества; — оптимизация транспортных и логистических операций. 	<ul style="list-style-type: none"> — Аналитика данных о гостях; — прогнозирование запросов потребителя; — улучшение бронирования; — конверсия по каждой заявке; — оптимальное ценообразование; — использование программ лояльности; — использование чат-ботов на платформах соцсетей; — использование мобильных приложений; — системы «умного дома»; — роботы-помощники; — маркетинг и продвижение услуг; — рекламные технологии; — системы RMS (удаленное администрирование).
Анализ больших данных	<ul style="list-style-type: none"> — Изучение туристского потенциала региона; — анализ туристского потока; — геоаналитика; — выбор источников исходных данных; — прогнозирование и оценка целевых рынков; — разработка «портрета» туриста; — анализ структуры расходов туристов; — разработка поведенческого профиля туриста; — определение точек притяжения туристов; — хранение различных типов контента (документы, фото, презентации и др.); — обоснование принятия управленческих решений; — разработка рейтингов по различным показателям, в том числе отзывам потребителей. 	<ul style="list-style-type: none"> — Программное обеспечение для управления отелем; — анализ предпочтений гостей при бронировании; — прямое бронирование с сайта; — маркетинг и реклама услуг отеля; — метрики (показатели) сайта отеля; — носимые устройства (замена карточки гостя/ключей); — управление гостиничной недвижимостью; — управление ценообразованием на услуги; — ведение и мониторинг соцсетей; — анализ эффективности работы отеля.
Виртуальная реальность	<ul style="list-style-type: none"> — Ознакомление с достопримечательностями при планировании маршрута поездки; — виртуальные туры по городам, достопримечательностям, природным объектам, музеям, выставкам; — использование в маркетинге и продвижении туристских продуктов и услуг; — разработка уникальных программ для стимулирования интереса туристов к новым маршрутам; — снижение затрат на рекламу; — использование шлемов/очков для усиления впечатлений туристов от предлагаемых маршрутов и поездок; — сторителлинг как инструмент привлечения туристов. 	<ul style="list-style-type: none"> — Ознакомление с комфортом номера, интерьером отеля при выборе бронирования; — презентации преимуществ отеля в панорамном ролике 360 градусов; — использование в маркетинге и продвижении бренда отеля.

Изменение моделей предпринимательской деятельности

Переориентация на внутренний туризм, поиск возможностей путешествовать и отдыхать на ранее неизвестных маршрутах, стремление при поддержке государства активизировать внутренние туристские потоки создали условия для разработки новых и активизации действующих каналов продвижения отечественных туристских продуктов и услуг. Данный этап цифровой трансформации характеризуется широким использованием цифровых платформ, на базе которых формируются различные бизнес-модели. По определению института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, цифровая платформа — «это сервис взаимодействия двух и более типов экономических агентов, представляющий собой многосторонний рынок и реализованный посредством информационных

¹⁴ Составлено автором по: Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 236–253 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

технологий и доступа к сети Интернет»¹⁵. Среди наиболее значимых признаков цифровой платформы отмечается наличие нескольких взаимосвязанных получаемыми услугами групп потребителей (сторон рынка); сетевые эффекты в виде зависимости ценности продукта/ услуги для потребителей на одной стороне рынка от числа потребителей на другой стороне рынка; влияние на объем транзакций и число пользователей на каждой из сторон рынка кросс-рыночного субсидирования/ привлечения числа участников на платформу; использование цифровых технологий и сети Интернет для взаимодействия участников, установления цен на товары и услуги. Использование цифровых платформ позволяет укрепить взаимоотношения с потребителем, повысить его информированность о предлагаемых продуктах и услугах и тем самым улучшить качество обслуживания [Богомазова и др. 2019].

По данным Tourism Economics, использование цифровых платформ в российской сфере туризма позволило увеличить бронирование услуг размещения с 45% в 2012 г. до 76% в 2019 г.¹⁶ Дальнейший рост индустрии туризма будет достигаться за счет расширения активности поиска туристской информации в интернете, планирования поездки и бронирования услуг, расширения использования туристскими компаниями аналитики данных, учета изменений поведения туристов, повышения эффективности управления туристскими потоками [Аксенов и др. 2022].

Цифровые платформы в сфере туризма становятся основой для таких новых бизнес-моделей, как метапоисковики/ сайты-агрегаторы, маркетплейсы, сервисы онлайн-бронирования и другие, различающиеся набором предлагаемых услуг и условиями их продвижения, юридическо-правовой формой статуса предпринимательской деятельности и иными признаками. Сайты-агрегаторы, такие как Островок.ру (доля на российском рынке — 34,4%), «ЯндексПутешествия» (16,3%), 101Hotel.com (10,3%), Суточно.ру (9,1%), Bronevik.com/ МТС Travel (8,0%)¹⁷ и другие, занявшие конкурентные позиции на рынке туристских услуг, предлагают путешествия по внутрироссийским и зарубежным направлениям, обеспечивая онлайн-сравнения по уровню комфортности, ценам, срокам, дополнительным услугам (страхование, визовое сопровождение, послепродажное обслуживание и т. п.).

Крупнейший на российском рынке агрегатор [Островок.ру](https://ostrovok.ru) имеет 5 млн посетителей ежемесячно, более 20 тыс. бронирований в день, предлагает онлайн-поиск и бронирование размещения в отелях, апартаментах, хостелах и других типах проживания в 220 странах, авиабилетов с использованием интеллектуальных алгоритмов, обеспечивает персонализированный подход к поисковым запросам каждого посетителя. Наряду с этим сайт осуществляет круглосуточную поддержку пользователей, для удобства которых используется 18 языков. Партнерская программа компании содержит доступные ссылки и виджеты, адаптированные под мобильные устройства, с большим выбором объектов размещения, возможностью монетизировать иностранный трафик. Около трети аудитории пользователей сайта — люди в возрасте 25–34 лет, ориентированные на путешествия как по российским, так и по зарубежным маршрутам, многие из них интересуются спортивным, горнолыжным туризмом, прокатом авто, посещением театров, музеев, ресторанов и других развлечений. На сайте компании есть привлекательная программа лояльности, а также стимулируется раннее бронирование.

¹⁵ Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию. С. 21, 26. // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара [Электронный ресурс]. URL: https://www.iep.ru/files/news/issledovanie_jekosistem_otchet.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁶ Данные и цифровые платформы как факторы роста отрасли туризм в России. С. 6. // Amazon [Электронный ресурс]. URL: <https://s3.amazonaws.com/tourism-economics/craft/Google-Russia-Final-Small-Russian.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁷ Год после ухода Букинга: где путешественники бронируют отели // Horeca.Estate [Электронный ресурс]. URL: <https://horeca.estate/digits/86-gostinichnyj-biznes/1714-god-posle-ukhoda-bukinga-gde-puteshestvenniki-broniruyut-oteli%E1%B1%B9> (дата обращения: 10.11.2023).

Набирает популярность в качестве бизнес-модели туристский маркетплейс, под которым, согласно Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г, понимают «информационную систему на базе цифровой платформы по предоставлению информации, бронированию, приобретению туристских продуктов»¹⁸. Туристский маркетплейс объединяет значительное число участников процесса реализации туристского продукта, которым предоставляется прямое обращение к ресурсам агрегаторов, гостиничных цепей и отелей, авиа- и железнодорожных компаний. Ускоряет этот процесс использование электронных виз и электронных путевок. Динамическое пакетирование, базирующееся на технологии больших данных, обрабатываемых посредством искусственного интеллекта, дает целый ряд преимуществ при поиске, бронировании и быстром его подтверждении, а также экономию за счет пакетных тарифов.

Регионально-отраслевой аспект развития цифрового туризма

Региональные различия и неодинаковые темпы цифровой трансформации обусловили разнообразие уровней использования цифровых технологий в сфере туризма. Если в среднем по РФ в 2021 г. доля домохозяйств, имеющих персональный компьютер с доступом в интернет, составляла 82,6%, а доля населения, использующего интернет для заказа товаров и услуг, — 46,6%, то в отдельных регионах (Северо-Кавказском, Сибирском ФО) — еще меньше, что в значительной мере сдерживает использование цифровых технологий в организации путешествий¹⁹. Другой тормозящий фактор — пока еще невысокий уровень владения населением цифровыми навыками: если в среднем по стране — 37,8%, то по городскому населению — 42,5%, по сельскому — 23,5%²⁰.

Существенное влияние на возможности цифровой трансформации оказывает преобладание малого и микробизнеса — 83% от общего количества предприятий сферы услуг²¹. В регионах также велика доля малых ресторанов, кафе, кофеен, гостиниц, апартаментов, отелей, мотелей комфортностью менее трех звезд, для которых переход на цифровые технологии связан с высокими затратами.

Ранжирование субъектов РФ по ряду критериев, отражающих уровень интеграции принципов устойчивого развития в управлении туризмом, соответствие стандартам и лучшим практикам, показывает, что средняя оценка устойчивого развития туризма и гостеприимства в регионах России составляет 43,5%²². Среди лучших практик отмечены 15 субъектов РФ, из них к «продвинутым» отнесены Краснодарский край, Санкт-Петербург, Москва, Республика Татарстан, Московская область, в числе 10 «развитых» — Крым и г. Севастополь, Архангельская, Мурманская, Тюменская, Псковская, Свердловская области, Поволжье (Чувашия и Самарская область), Кабардино-Балкария. Остальные субъекты федерации находятся на различных стадиях умеренного, развивающегося, начального уровня устойчивого развития туризма, что, безусловно, сказывается и на их продвижении в цифровой трансформации.

Показатели использования цифровых технологий в организациях гостиничного и ресторанного бизнеса РФ свидетельствуют о невысоком уровне их практического применения. Так, по данным за 2021 г., использование аналитики больших данных составило 31,3%, облачных

¹⁸ Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г. Постановление Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-п // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503?marker=65801P> (дата обращения: 17.11.2023).

¹⁹ Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 294 // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

²⁰ Там же. С. 167.

²¹ Российский внутренний туризм-2023. Новые горизонты. С. 20 // Агентство стратегических инициатив, [Электронный ресурс]. URL: https://files-ice.asi.ru/iblock/72a/72a2f59a25960e6ef73c713468b10152/Brochure_tourizm_25.07_final.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

²² Рэнкинг устойчивости развития туризма и индустрии гостеприимства в субъектах РФ. С. 6–10 // НРА [Электронный ресурс]. URL: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2022/12/ranking_tur_2022.pdf (дата обращения: 10.11.2023).

сервисов — 29,9%, интернета вещей — 21,5%, цифровых платформ — 15,5%, искусственного интеллекта — 8,6% от общего числа организаций²³.

Исследования показывают, что применение цифровых технологий в региональных организациях сферы туризма находится на начальном уровне. Так, коммуникации посредством интернета для связи с поставщиками используют около половины организаций гостиничного и ресторанного бизнеса, в том числе для получения информации о товарах, работах и услугах — 58,5%, для предоставления таких сведений — 43,1%, для связей с потребителями — 39,2%, для электронных расчетов с поставщиками — 34,2%, с потребителями — 29,9%. Веб-сайты для размещения каталогов, прейскурантов используют 27,5% организаций, для онлайн-заказов товаров, услуг — 23,0%. Применение технологии искусственного интеллекта для интеллектуального анализа данных, базирующегося на алгоритмах глубинного обучения, компьютерного зрения, распознавания и синтеза речи, колеблется на уровне 7,1–7,3%. Послепродажное обслуживание с применением интернета не превышает 4,3%²⁴, что негативно сказывается на его качестве, усложняет организационно-хозяйственные процессы, сдерживает рост производительности труда.

Поддержка развития цифрового туризма в России

Представляется, что современный этап цифровой трансформации российского туризма следует рассматривать как переходный период от «умного туризма» к цифровому. Это проявляется в том, что внедряются отдельные цифровые технологии для решения наиболее актуальных проблем управления и организации обслуживания туристов. На это нацелены меры государственной поддержки развития туристской инфраструктуры, в том числе по разработке новых туристских маршрутов и систем навигации к ним, туристских информационных центров, электронных путеводителей, мобильных приложений и аудиогидов²⁵. В июле 2022 г. был проведен «Всероссийский конкурс лучших практик туристского кода центра города»²⁶, победителем которого стал 31 город, по результатам получивший государственную поддержку региональных программ по проектированию туристского городского центра²⁷. Города-победители, получившие федеральные гранты, имеют классифицированные средства размещения и питания, объекты культурно-исторического наследия, организуют событийные мероприятия, что обеспечивает им привлекательность и устойчивость туристского потока. В конкурсе участвовали малые и средние по численности населения города (33% от общего числа участников), большие и крупные города (67% участников), что позволило создать равные условия для конкурсантов, которые оценивались по комплексу критериев, учитывающих архитектуру центра города, туристский потенциал, имеющиеся инвестиционные и иные проекты, предназначенные не только для развития туризма данного муниципального образования, но и для улучшения условий жизни местного населения, которое также будет пользоваться цифровыми технологиями согласно модели «умного города».

²³ Индикаторы цифровой экономики 2022: статистический сборник. С. 236–253. // ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

²⁴ Там же.

²⁵ Постановление Правительства РФ от 19.02.2022 № 218 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Развитие туризма» и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202240025?index=1> (дата обращения: 10.11.2023).

²⁶ Разбор заявок «Всероссийского конкурса лучших практик туристского кода центра города» от Ростуризма // ЯРУС [Электронный ресурс]. URL: <https://yarus.center/razbor-zayavok-vsrossijskogo-konkursa-luchshih-proektov-turisticheskogo-koda-czentra-goroda-ot-rosturizma/> (дата обращения: 10.11.2023).

²⁷ Приказ Ростуризма от 19.05.2022 № 210-пр-22 «Об утверждении регламента организации и проведения конкурса субъектов Российской Федерации на осуществление государственной поддержки региональных программ по проектированию туристского кода центра города» (зарегистрировано в Минюсте России 21.06.2022 № 68927) // Кодификация.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Rosturizma-ot-19.05.2022-N-210-Pr-22/#:~:text=> (дата обращения: 10.11.2023).

Наряду с федеральными мерами поддержки получают распространение и региональные формы поддержки. Так, в 2023 г. Правительство Тюменской области провело конкурс на получение субсидий из областного бюджета на реализацию проектов по развитию внутреннего и въездного туризма, в том числе на реализацию проектов с использованием информационных сервисов²⁸.

Следует также отметить, что имеются высокотехнологичные разработки аналитического сервиса на основе больших данных и искусственного интеллекта по управлению региональными туристскими потоками компании «МегаФон»²⁹. По предлагаемой методике проведен анализ передвижения жителей и туристов в Мурманской области, и было обосновано решение о создании туристского кластера, проектов по развитию транспортной и туристской инфраструктуры³⁰. Правительство Калужской области, используя сервис «Цифровой туризм» компании «МегаФон», посредством технологии обезличенных больших данных получило аналитическую информацию о туристских потоках в регионе и точках его притяжения, «портрет» туриста с его поведенческим профилем, что позволило обосновать направления продвижения туристских продуктов, вложения инвестиций в инфраструктуру, разработать новые туристские маршруты³¹.

Для информационной поддержки национального проекта РФ «Туризм и индустрия гостеприимства» используется аналитическая панель «Туризм» компании «СберАналитика», с помощью которой осуществляется изучение уровня развития туризма в регионах, оценивается объем и направления туристских потоков, на основе больших данных составляется «портрет» туриста, на основе геоаналитики инфраструктуры выявляются точки притяжения и маршруты туристских потоков. Разработки «СберАналитики» помогли комитету по развитию туризма Казани составить «портрет» туриста и определить наиболее привлекательные маршруты путешествий³². Обобщенная информация на основе больших данных служит для обоснования управленческих решений по развитию туризма в регионе, чем воспользовались в 2022 г. 19 российских регионов³³.

Технология больших данных находит все большее применение в создании туроператорами и турагентами онлайн-кабинетов для бронирования средств размещения, транспорта, экскурсий и других услуг. Технология блокчейн обеспечивает безопасность платежей, идентификацию личности путешественника, применяется при оформлении документов, регистрации в аэропортах и отелях. В ходе цифровой трансформации сферы туризма все большее использование получают облачные технологии, интернет вещей, виртуальная и дополненная реальности и другие современные технологии, что позволяет эффективнее выстраивать партнерские взаимоотношения и повышать качество обслуживания туристов.

Цифровые технологии находят применение в улучшении качества обслуживания туристов. Так, на горнолыжном курорте Шерегеш в Кемеровской области внедрена система биометрии Face Pass, использующая технологию компьютерного зрения VisionLabs, которая была адаптирована

²⁸ Информация о рассмотрении заявок на получение субсидий из областного бюджета на поддержку проектов в сфере внутреннего и въездного туризма Тюменской области // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области [Электронный ресурс]. URL: https://www.admtyumen.ru/ogv_ru/society/tourism/more.htm?id=12040477@cmsArticle (дата обращения: 12.11.2023).

²⁹ Цифровой туризм // Мегафон [Электронный ресурс]. URL: <https://gov.megafon.ru/products/cifrovoy-turizm> (дата обращения: 12.11.2023).

³⁰ Цифровой туризм шагает по стране. Мегафон решает задачи в туристском кластере // News29 [Электронный ресурс]. URL: https://www.news29.ru/novosti/ekonomika/Cifrovoy_turizm_shagaet_po_strane_Megafon_reshaet_zadachi_v_turisticheskoy_klastere/98801 (дата обращения: 15.11.2023).

³¹ В Калужской области составили «цифровой портрет» туристов // НикаТВ [Электронный ресурс]. URL: <https://nikatv.ru/partner-news/v-kaluzhskoy-oblasti-sostavili-cifrovoy-portret-turistov> (дата обращения: 15.11.2023).

³² Комитет по развитию туризма Казани будет развивать туристскую отрасль при поддержке СберАналитики // СберАналитика [Электронный ресурс]. URL: <https://sberanalytics.ru/articles/73> (дата обращения: 15.11.2023).

³³ Большие данные и космическая съемка: как оценить туристский потенциал региона // СберПро [Электронный ресурс]. URL: <https://sber.pro/publication/bolshie-dannye-i-kosmicheskaya-semka-kak-otsenit-turisticheskii-potentsial-regiona> (дата обращения: 15.11.2023).

к условиям горнолыжного объекта³⁴. Это позволило избавиться от очередей при прохождении на горнолыжную трассу, подключить бесконтактную оплату за услуги, собирать и анализировать информацию об активности потребителей, разработать индивидуальную программу лояльности. Высокая эффективность данной технологии способствовала масштабированию ее применения и на других российских горнолыжных курортах³⁵.

Заключение

Дальнейшее развитие внутреннего и въездного туризма, увеличение туристских потоков, рост требований к качеству обслуживания требуют более активных темпов цифровой трансформации сферы туризма. В соответствии с этим представляется необходимым:

- разработать и реализовать типовые технико-технологические решения, предоставлять кредиты и субсидии на эти цели; создать онлайн-курсы по обучению навыкам работы персонала для микро-, малых и средних предприятий, для которых приобретение и установка соответствующего технического оборудования, программного обеспечения высокочрезвычайно;
- целесообразно расширить практику малого бизнеса пользоваться услугами туристских маркетплейсов для выхода на рынок и продвижения своих продуктов и услуг;
- активизировать распространение лучших практик внедрения цифровых технологий в управление и организацию обслуживания туристов как в крупном, так и в среднем и малом туристском бизнесе.

Поскольку основная часть организаций и предприятий в сфере туризма — это микро-, малые и средние предприятия, для которых приобретение и установка соответствующего технического оборудования, программного обеспечения требуют больших дополнительных затрат, то представляется необходимым разработка и реализация типовых технико-технологических решений, предоставление кредитов и субсидий на эти цели, создание онлайн-курсов по обучению навыкам работы персонала. Вместе с тем малому бизнесу целесообразно пользоваться услугами туристских маркетплейсов для выхода на рынок и продвижения своих продуктов и услуг. Значимость государственной поддержки и поддержки на региональном уровне на данном этапе развития цифрового туризма будет усиливаться, что ставит целый комплекс задач по распространению лучших практик внедрения цифровых технологий в управление и организацию обслуживания туристов как в крупном, так и в среднем и малом туристском бизнесе.

Список литературы

- Абдель Вахед Э.А.М. Влияние современных технологи на развитие электронного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 2. С. 4–12. DOI: [10.12737/19717](https://doi.org/10.12737/19717)
- Аксенов В.А., Носаков И.В., Аксенов С.В. Цифровизация экономики и развитие электронных услуг в сфере туризма и гостеприимства // Гостиничное дело. 2022. № 6. DOI: [10.33920/igt-2-2206-07](https://doi.org/10.33920/igt-2-2206-07)
- Богомазова И.В., Аноприева Е.В., Климова Т.Б. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 3. С. 34–47. DOI: [10.24411/1995-042X-2019-10303](https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10303)

³⁴ На подъемник по биометрии: систему Face Pass начали внедрять на российских горнолыжках // BFM [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/512578> (дата обращения: 15.11.2023).

³⁵ Лицом в гору. Горнолыжные курорты переходят на биометрию // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5652367> (дата обращения: 15.11.2023).

Кононова О.В., Прокудин Д.Е., Смирнова П.В. Технологии изучения контекстного знания при исследованиях основных направлений геймификации в городском развитии // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Вып. 3 (Труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. Сборник научных трудов). СПб: Университет ИТМО, 2019. С. 53–66. DOI: [10.17586/2587-8557-2019-3-53-66](https://doi.org/10.17586/2587-8557-2019-3-53-66)

Кононова О.В., Прокудин Д.Е., Тупикина Е.М. Исследование научного и медиа дискурса в сфере «цифрового туризма» // Научный сервис в сети Интернет: труды XXII Всероссийской научной конференции (21–25 сентября 2020 г., онлайн). М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. С. 424–448. DOI: [10.20948/abrau-2020-47](https://doi.org/10.20948/abrau-2020-47)

Куан С., Ай Ш. Исследование развития «умного» туризма в провинции Цзянси в рамках концепции «Интернет+» // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4(46). С. 199–205. DOI: [10.15838/csc/2016.4.46.11](https://doi.org/10.15838/csc/2016.4.46.11)

Матвеевская А.С. Цифровые технологии международного туризма: мировой опыт // Россия в глобальном мире. 2022. № 22(45). С. 31–41. DOI: [10.48612/rg/RGW.22.3](https://doi.org/10.48612/rg/RGW.22.3)

Молчанова В.А. Тенденции инновационного развития туристских дестинаций: «умная дестинация» // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–3. С. 715–720.

Платов А.В., Петраш Е.В., Силаев А.А. Роль смарт-технологий в формировании опыта посетителей устойчивых туристских дестинаций // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. Т. 8. № 1. С. 12–24. DOI: [10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-2)

Gretzel U., Sigala M., Xiang Zh., Koo Ch. Smart Tourism: Foundations and Developments // Electron Markets. 2015. Vol. 25. P. 179–188. DOI: [10.1007/s12525-015-0196-8](https://doi.org/10.1007/s12525-015-0196-8)

Hunter W.C., Chung N., Gretzel U., Koo Ch. Constructivist Research in Smart Tourism // Asia Pacific Journal of Information Systems. 2015. Vol. 25. Is. 1. P. 105–120. DOI: [10.14329/apjis.2015.25.1.105](https://doi.org/10.14329/apjis.2015.25.1.105)

Khatrii I. Information Technology in Tourism & Hospitality: A Review of Ten Years' Publication // Journal of Tourism & Hospitality Education. 2019. Vol. 9. P. 74–87. DOI: [10.3126/jthe.v9i0.23682](https://doi.org/10.3126/jthe.v9i0.23682)

Suman L., Aruditya J., Swati Sh. Sustainable Development in Tourism Destinations through Smart Cities: A Case of Urban Planning in Jammu City // Enlightening Tourism. A Pathmaking Journal. 2022. Vol. 12. Is. 2. P. 661–680. DOI: [10.33776/et.v12i2.6911](https://doi.org/10.33776/et.v12i2.6911)

References:

Abdel Vakhed E.A.M. (2016) The Impact of Modern Technologies on the Development of Electronic Tourism. *Servis v Rossii i za rubezhom*. Vol. 10. No. 2. P. 4–12. DOI: [10.12737/19717](https://doi.org/10.12737/19717)

Aksenov V.A., Nosakov I.V., Aksenov S.V. (2022) Digitalization of the Economy and Development of Electronic Services in the Field of Hospitality and Tourism. *Gostinichnoye delo*. No. 6. DOI: [10.33920/igt-2-2206-07](https://doi.org/10.33920/igt-2-2206-07)

Bogomazova I.V., Anoprieva E.V., Klimova T.B. (2019) Digital Economy in the Tourism and Hospitality Industry: Trends and Prospects. *Servis v Rossii i za rubezhom*. Vol. 13. No. 3. P. 34–47. DOI: [10.24411/1995-042X-2019-10303](https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10303)

Gretzel U., Sigala M., Xiang Zh., Koo Ch. (2015) Smart Tourism: Foundations and Developments. *Electron Markets*. Vol. 25. P. 179–188. DOI: [10.1007/s12525-015-0196-8](https://doi.org/10.1007/s12525-015-0196-8)

Hunter W.C., Chung N., Gretzel U., Koo Ch. (2015) Constructivist Research in Smart Tourism. *Asia Pacific Journal of Information Systems*. Vol. 25. Is. 1. P. 105–120. DOI: [10.14329/apjis.2015.25.1.105](https://doi.org/10.14329/apjis.2015.25.1.105)

Khatrii I. (2019) Information Technology in Tourism & Hospitality: A Review of Ten Years' Publication. *Journal of Tourism & Hospitality Education*. Vol. 9. P. 74–87. DOI: [10.3126/jthe.v9i0.23682](https://doi.org/10.3126/jthe.v9i0.23682)

Kononova O.V., Prokudin D.E., Smirnova P.V. (2019) Technologies of Contextual Knowledge Research in the Studies of the Main Directions of Gamification in Urban Development. *Informatsionnoye obshchestvo: obrazovaniye, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego. Vyp. 3 (Trudy XXII Mezhdunarodnoy ob'yedinennoy nauchnoy konferentsii «Internet i sovremennoye obshchestvo», IMS-2019, Saint Petersburg, 19–22 June 2019. Sbornik nauchnykh trudov)*. Saint Petersburg: Universitet ITMO. P. 53–66. DOI: [10.17586/2587-8557-2019-3-53-66](https://doi.org/10.17586/2587-8557-2019-3-53-66)

Kononova O.V., Prokudin D.E., Tupikina E.N. (2020) Research of Scientific and Media Discourse in the Field of «Digital Tourism». *Nauchnyy servis v seti Internet: trudy XXII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (21–25 September 2020, online)*. Moscow: IPM im. M.V. Keldysha. P. 424–448. DOI: [10.20948/abrau-2020-47](https://doi.org/10.20948/abrau-2020-47)

Kuang X., Ai S. (2016) Research on the Development of Smart Tourism in Jiangxi Province under the Background of the “Internet +”. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz. No. 4(46)*. P. 199–205. DOI: [10.15838/csc/2016.4.46.11](https://doi.org/10.15838/csc/2016.4.46.11)

Matveevskaya A.S. (2022) Digital Technologies of International Tourism: World Experience. *Rossiya v global'nom mire. No. 22(45)*. P. 31–41. DOI: [10.48612/rg/RGW.22.3](https://doi.org/10.48612/rg/RGW.22.3)

Molchanova V.A. (2017) The Trends in Innovation Development of Tourist Destinations: A “Smart Destination”. *Ekonomika i predprinimatel'stvo. No. 9–3*. P. 715–720.

Platov A.V., Petrash E.V., Cilaeva A.A. (2022) The Role of Smart Technologies in Shaping the Experience of Visitors to Sustainable Tourist Destinations. *Nauchnyy rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa. Vol. 8. No. 1*. P. 12–24. DOI: [10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-2](https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-2)

Suman L., Aruditya J., Swati Sh. (2022) Sustainable Development in Tourism Destinations through Smart Cities: A Case of Urban Planning in Jammu City. *Enlightening Tourism. A Pathmaking Journal. Vol. 12. Is. 2*. P. 661–680. DOI: [10.33776/et.v12i2.6911](https://doi.org/10.33776/et.v12i2.6911)

Дата поступления/Received: 29.11.2023

Алгоритмизация процессов управления в гиг-экономике

Гаврилюк Артём Владимирович

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [1567-0820](#), ORCID: [0000-0002-3583-6698](#), Gavriliuk@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Чжао Аньжань

Аспирант, ORCID: [0009-0002-3230-8184](#), anran.zhao@mail.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей применения алгоритмических технологий в организациях для реализации управленческих процессов. Показано, что алгоритмизацию процессов управления используют компании, функционирующие в сфере гиг-экономики, однако данная тенденция постепенно распространяется на остальные субъекты. В статье определено содержание процесса алгоритмического управления в гиг-экономике. Обозначено, что в гиг-экономике выстраивание трудовых отношений регулируется алгоритмическим управлением, которое представляет собой систему управления, реализуемую самообучающимися алгоритмами, принимающими решения относительно взаимодействия с работниками. Алгоритмическое управление позволяет автоматизировать процессы принятия управленческих решений, отслеживать поведение работников, осуществлять оценку их эффективности, устанавливать порядок взаимодействия работников с цифровой платформой, а также повышать прозрачность социально-экономических отношений. В ходе анализа раскрыты особенности, представлена структура и отмечены последствия алгоритмического управления как подхода к управлению организационными инновациями. В результате выполненного исследования было установлено, что рассматриваемый процесс определяет организационную реформу компании в качестве основного фактора стратегического развития и цифровые платформы в виде инструмента для кооптации, контроля, стимулирования и обратной связи гиг-работников на основе установления доверия (лояльности) между субъектами. Отмечено, что применение алгоритмов в организациях гиг-экономики оказывает определенное влияние на гиг-работников, которые могут адаптироваться к данной тенденции, выразить несогласие или вовсе прекратить работу на платформе. Кроме того, в статье выдвигаются предложения по устойчивому развитию организаций гиг-экономики и подчеркивается необходимость выстраивания парадигмы управления алгоритмической ответственностью во избежание неправомерности действий и для защиты прав и интересов всех заинтересованных сторон в гиг-экономике. Изложены ключевые направления будущих исследований, которые могут расширить механизмы применения алгоритмических технологий.

Ключевые слова

Алгоритм, алгоритмизация процессов управления, алгоритмическая власть, алгоритмическая ответственность, гиг-экономика.

Для цитирования

Гаврилюк А.В., Чжао А. Алгоритмизация процессов управления в гиг-экономике // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 168-182. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-168-182

Algorithmization of Management Processes in Gig Economy

Artyom V. Gavrilyuk

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-3583-6698](#), Gavriliuk@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Zhao Anran

Postgraduate student, ORCID: [0009-0002-3230-8184](#), anran.zhao@mail.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article presents the results of the research dealing with the main features of algorithmic technologies application in the implementation of management processes in organizations. It is revealed that the algorithmization of the management processes is used by the companies functioning in the field of the gig economy, but this trend is gradually spreading to other organizations. The article defines the main content of the algorithmic management process in the gig economy. It is indicated that in the gig economy, the construction of labour relations is regulated by algorithmic management, which is a management system implemented by self-learning algorithms that make decisions regarding interaction with gig workers. Algorithmic management makes it possible to automate managerial decision-making processes, track the behavior of gig workers, evaluate their effectiveness, establish principles of interaction between them and the digital platform, and increase the transparency of socio-economic relations. The characteristics are revealed, the structure is presented, and the implications of algorithmic management as an approach to managing organisational innovation are noted. The study found that the considered process regards the organization reform of the company as the key factor of its strategic development and the digital platforms as the tool for cooptation, control, providing incentive and feedback for the gig workers on the basis of confidence-building (loyalty) between the subjects. It should be noted that the use of algorithms in gig economy organisations has a certain impact on gig workers, who can adapt to this trend, express their disagreement or even

stop working on the platform. Furthermore, several suggestions on the sustainable development of the gig economy organizations are made. The research confirms the necessity to build the paradigm of the algorithmic responsibility management in order to avoid the company misconduct and to safeguard the rights and interests of the gig economy stakeholders. The key directions for future research are outlined which can extend the scope of algorithmic technologies implementation.

Keywords

Algorithm, algorithmization of management processes, algorithmic power, algorithmic responsibility, gig economy.

For citation

Gavrilyuk A.V., Zhao A. (2024) Algorithmization of Management Processes in Gig Economy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 168-182. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-168-182

Введение

Внедрение цифровых технологических решений в управленческие процессы привело к значительным изменениям экономических отношений. В последнее время стремительно развивается так называемая гиг-экономика, которая представляет собой систему трудовых отношений, в которой организации привлекают независимых подрядчиков для выполнения краткосрочных обязательств. Гиг-экономика основана на гибкой временной или внештатной работе, часто предполагающей общение с клиентами или заказчиками через цифровую платформу.

В гиг-экономике активно используются цифровые платформы, выполняющие роль менеджера и анализирующие большие данные, для сетевого взаимодействия и интеграции исполнителей услуг (гиг-работники) и их потребителей (субъекты малого и среднего предпринимательства, крупные компании, органы государственной власти) в целях совместного создания ценности. Большинство работников в гиг-экономике определяются как самозанятые или независимые подрядчики, потому что они получают вознаграждение за выполненную задачу, что позволяет компаниям снизить затраты на содержание больших офисов и набор льгот для сотрудников.

Принимая во внимание существенное количество пользователей и значительный объем данных, которыми необходимо управлять, платформенные компании используют алгоритмические технологии для создания инновационной модели алгоритмического управления, то есть управления цифровым онлайн-сервисом практически без вмешательства человека. В 2019 году цифровые трудовые платформы по всему миру принесли доход в размере 52 миллиардов долларов США. Совокупный доход семи крупнейших технологических компаний мира в 2019 году составил более 1010 миллиардов долларов США, и большинство из этих компаний активно вкладывают значительные средства в цифровые трудовые платформы¹.

В новых исследованиях в области социальных наук [Cormen et al. 2022] алгоритмы определяются как последовательность команд, которые преобразуют входные данные в желаемые результаты, причем зачастую более всеобъемлющие, интерактивные и непрозрачные, чем те, которые выдают технологические системы предыдущего поколения. В области управления и экономики ученые рассматривают алгоритмы как набор механизмов, с помощью которых люди принимают решения через настройки кода, операции с данными и автоматизированные машинные суждения [Jialiang et al. 2021]. На сегодняшний день большинство исследований в области организационного управления подчеркивают преимущества использования алгоритмов в процессах управления, в том числе экономическую выгоду от повышения эффективности данных процессов и широкого использования инноваций [Cannon, Summers 2014]. Однако меньшее внимание исследователи уделяют влиянию алгоритмического управления на благополучие работников. Недостаточно исследован уровень надежности организационной защиты прав работников, условия безопасности и степень удовлетворенности трудовой деятельностью.

¹ World Employment and Social Outlook // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_771749.pdf (дата обращения: 15.07.2023).

Немногочисленные исследования, посвященные алгоритмическому управлению, базируются на таких дисциплинах, как информатика [Boyd, Crawford 2012], социология [Gerstel, Clawson 2018] и правоведение [Zuboff 2019], а также на особенностях человеко-компьютерного взаимодействия [Eubanks 2018]. Исследование, представленное в данной статье, вносит вклад в область алгоритмов, рассматривая операционный процесс с позиций управления организационными инновациями.

Алгоритмизация процессов управления: определение концепции и методология исследования

На основе выполненной информационно-аналитической работы в статье раскрыто содержание концепции управления алгоритмами с целью уточнения объекта исследования и определения его характеристик. Объектом исследования является алгоритмизация процессов управления, обеспечивающая сбор, отслеживание и оценку производительности работников, а также участие в процессе принятия решений в области производственных и непроизводственных задач.

Методологической основой исследования послужили научные труды по теории организации трудовой деятельности и практике алгоритмизации процессов управления в гиг-экономике.

Данное исследование направлено на анализ теории и практики реализации процесса алгоритмического управления в гиг-экономике, определение возможностей алгоритмических технологий, представляющих собой сложные и динамические системы, меняющиеся со временем и в зависимости от специфики поставленных задач, и состоящих из взаимосвязанных компонентов, одним из которых является вычислительный код.

В исследовании применялись методы анализа и синтеза экономической информации, каузальный метод, метод обоснованной теории, метод тематического анализа, методы дедукции и индукции, методы сравнительного анализа, обобщения и системного подхода. Выбранные методы позволили выявить ключевые особенности алгоритмизации процессов управления.

Идентификация и определение концепции. В основе гиг-экономики лежат алгоритмы, которые цифровые платформы в сфере занятости и трудовых отношений используют для подбора персонала, согласования условий работы и управления работниками для любых услуг, которые они предлагают потребителям. Смысл использования алгоритмов заключается в том, чтобы сделать рабочие процессы более точными, динамичными и эффективными.

В гиг-экономике реализуются услуги по требованию и в формате краудсорсинга. Гиг-работники, предоставляющие услуги по требованию, в основном используют приложения для приема заказов и выполнения традиционной работы в автономном режиме, например, в таких сферах, как экспресс-доставка, транспортные услуги, совместное использование недвижимости и бытовые услуги. Гиг-работники, предоставляющие краудсорсинговые услуги, принимают заказы на основе онлайн-платформ и выполняют работы удаленно в таких областях, как веб-трансляции, создание контента, обмен знаниями и профессиональные навыки (Таблица 1).

Таблица 1. Платформенная гиг-экономика²

Тип	Поле	Крупнейшие компании-платформы
По требованию	Быстрая доставка	DoorDash (США), Meituan (Китай), «ЯндексЕда» (Россия)
	Транспортные услуги	Uber (США), Didi (Китай), «ЯндексТакси» (Россия)
	Совместное использование недвижимости	Airbnb (США), Xiaozhu (Китай), «Авито» (Россия)
	Бытовые услуги	Craigslist (США), 58tongcheng (Китай), «Юла» (Россия)

² Составлено авторами на основе анализа статистических данных.

Краудсорсинг	Веб-трансляции	Twitch (США), Douyu (Китай), VK (Россия)
	Создание контента	Youtube (США), Tik Tok (Китай), Rutube (Россия)
	Обмен знаниями	Quora (США), Zhihu (Китай), «ЯндексКью» (Россия)
	Профессиональные навыки	Mechanical Turk (США), Zhubajie.com (Китай), «Воркзилла» (Россия)

Появление концепции управления алгоритмами связано с увеличением количества цифровых платформенных решений, которые являются основной опорой для развития гиг-экономики. Гиг-экономика характеризуется активным использованием цифровых платформ (инструментальных, инфраструктурных, прикладных) для связи исполнителей (гиг-работников) и клиентов (потребителей), а также разработкой цифровых алгоритмов для повышения эффективности работы платформ [Литовченко 2020]. Используя цифровые платформы в качестве основы для определения особенностей развития гиг-экономики, исследователи постепенно углубляли свое понимание алгоритмических технологий в практике организационного управления.

В настоящее время концепция алгоритмического управления раскрывается с двух разных позиций: стратегии и контроля. С одной стороны, концепция алгоритмического управления позволяет рассматривать платформенные структуры, менеджеров и гиг-работников как объекты стратегического управления. Платформенные компании могут использовать алгоритмы для контроля поведения гиг-работников и достижения корпоративных целей организации [Jago 2019]. С другой стороны, концепция алгоритмического управления позволяет рассматривать всех пользователей платформы в качестве объектов управления и использовать цифровые технологии (например, большие данные, искусственный интеллект) для анализа ситуации и оказания помощи пользователям платформы в принятии динамичных и рациональных решений. Следует также отметить, что чрезмерный акцент на контроле поведения гиг-работников может привести к ущемлению их прав. К тому же возникающие сбои и нарушения в работе алгоритмов не способствуют устойчивому развитию цифровой экономики, а управление алгоритмами как операционным механизмом гиг-экономики требует принимать во внимание многочисленные проблемы социально-экономических отношений в цифровой среде.

В данной работе алгоритмическое управление определяется как подход к управлению организационными инновациями, который заменяет менеджеров алгоритмами для выполнения управленческих функций, рассматривает всех пользователей платформы (включая гиг-работников, потребителей, компании и правительства) как объекты управления и управляет поведением пользователей платформы высокоавтоматизированным, основанным на анализе данных способом для достижения организационных целей.

Методология исследования. Как при изучении алгоритмов, так и при осуществлении их эффективного практического применения основой является всесторонняя и систематическая деконструкция процессов алгоритмического управления. Углубленное изучение алгоритмизации процессов управления как нового явления не может оставаться только на концептуальном уровне, а должно визуализировать механизм ее функционирования, определить содержание и границы этапов ее реализации и оценить влияние этого феномена на социально-экономические отношения. На Рисунке 1 представлена схема алгоритмизации процессов управления.

Рисунок 1. Алгоритмизация процессов управления³

В данной работе выполнен обзор литературы для обобщения результатов существующих исследований в области гиг-экономики. Для поиска релевантной литературы анализ проводился по следующим ключевым словам: «алгоритмическое управление», «алгоритмический контроль», «алгоритмическое решение», «цифровая платформа», «управление платформой», «гиг-экономика» и т.д. — на английском, китайском и русском языках, по трем базам данных (SSCI Web of Science, CSSCI China National Knowledge Infrastructure и ядро RSCI Elibrary). В совокупности был исследован 101 источник научной литературы (78 работ на английском языке, 14 на китайском и 9 на русском) за период с 2015 по 2023 год. В данной работе для анализа и систематизации ключевой информации был использован метод обоснованной теории⁴.

Алгоритмизация процессов управления. С опорой на результаты анализа информации и на марксистскую трудовую теорию стоимости в данной работе выполнена деконструкция процесса функционирования алгоритмического управления в гиг-экономике. Теория трудовой стоимости основывается на том, что работодатели контролируют процесс труда в целях его максимального преобразования в прибыль для достижения организационной цели. В то же время работники могут принимать ряд различных действий, среди которых можно обозначить адаптацию к сложившимся условиям, сопротивление им или прекращение работы. Соответственно, в данной работе процесс алгоритмического управления разделен на четыре составляющих: факторы, драйверы, механизм функционирования и последствия — и рассматривается преимущественно с помощью метода тематического исследования. В данной работе китайский агрегатор такси DiDi рассматривается в качестве примера инновационной трансформации организационного управления с помощью алгоритмов.

Факторы: организационная реформа компании

Предпосылкой для функционирования гиг-экономики является организационная реформа компании, которая проявляется в экстернализации ее членов (аутсорсинг сотрудников), цифровизации процессов управления организацией, платформизации организационной формы и упрощении организационной структуры. С развитием цифровых технологий компании полагаются не только на штатных сотрудников для достижения своих целей, но и опираются на внешний рынок труда. Компании могут гибко увеличивать или уменьшать количество членов организации по требованию, что приводит к переходу от трудовых отношений «компания — работник» к

³ Составлено авторами на основе результатов анализа алгоритмизации процессов управления.

⁴ Обоснованная теория — это «комплексная методология, направленная на построение теории среднего уровня, объясняющей причинно-следственные связи в социальном взаимодействии и поведении индивидов и предоставляющей более глубокое понимание значений и смыслов, которые используются в повседневных практиках, как речевых, так и поведенческих». См.: Обоснованная теория // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/obosnovannaja-teoriia-27db32> (дата обращения: 22.07.2023).

партнерству «платформа — индивидуум» [Романец, Вербовский 2021].

Экстернализация членов организации и изменения в трудовых отношениях способствуют частой смене трудового состава компании, что делает организационное управление неопределенным. Организационное управление, ориентированное на человека, больше не отвечает существующим потребностям, что привело к диджитализации организационной структуры управления [Варавва, Лазарева 2022].

Традиционные организационные формы трудно адаптировать к современным тенденциям, а появление цифровых платформ поставило под сомнение необходимость их существования. Цифровые платформы постепенно становятся средой, в которой взаимодействуют внутренние и внешние члены организации, средством для выполнения сделок и механизмом, осуществляющим управление бизнес-процессами [Veen et al. 2020].

Сложная рыночная среда, разнообразные потребности пользователей и жесткая конкуренция в бизнесе в цифровую эпоху требуют от компаний немедленного реагирования на потребности рынка. Традиционная вертикальная организационная структура в значительной степени полагается на централизованный контроль, который отмечен такими недостатками, как высокие требования к менеджерам, злоупотребление властью, нечеткое разделение труда, непрозрачность информации и неэффективность принятия решений. В то время как горизонтальная организационная структура основывается на распределенном принятии решений, которые могут минимизировать злоупотребление властью, оптимизировать организационное разделение труда, сократить барьеры передачи информации и повысить эффективность реагирования. В данной связи все больше компаний активно стремятся перейти к горизонтальной организационной структуре.

Влияние организационных изменений, происходящих в компаниях, на операционные процессы гиг-экономики отражается в перестройке отношений между заинтересованными сторонами и переходе к цифровому формату организации трудовой деятельности в условиях удаленной работы. В плане отношений заинтересованных сторон экстернализация организационного членства и платформализация организационных форм изменяют взаимодействие между платформенными компаниями, гиг-работниками и потребителями. В случае, например, с агрегатором такси Didi, во-первых, экстернализация организационного членства делает отношения между платформенными компаниями и водителями симбиотическими, когда обе стороны сотрудничают в рамках цифрового организационного управления [Panteli et al. 2020]. Во-вторых, платформализация организационных форм определяет, что получатели услуг занимают центральное место в функционировании гиг-экономики, и компания Didi реализует бизнес-стратегию «пассажиры прежде всего», чтобы увеличить количество и качество предоставляемых услуг [Коваленко 2020]. По оценкам экспертов, услугами компании «DiDi на начало 2022 г. пользуются более 450 миллионов пользователей в более чем 400 городах Китая и других странах»⁵.

В части режима работы экстернализация организационных членов и горизонтальная организационная структура ставят перед платформенными компаниями большие управленческие задачи, способствуя тому, что платформенные компании обеспечивают цифровой формат организации трудовой деятельности [Линец 2021]. На примере компании Didi следует отметить, что, во-первых, водители являются привлеченными извне человеческими ресурсами и не имеют трудовых отношений с компанией Didi на постоянной основе. Следовательно, управленческие механизмы Didi не могут регулировать поведение водителей на основе традиционного подхода, поэтому необходимо разрабатывать новые инструменты управления трудовым процессом. Во-вторых, горизонтальная

⁵ Didi Chuxing Technology // Tadviser [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F:Didi_Chuxing_Technology (дата обращения: 05.12.2023).

организационная структура компании Didi предполагает переход от последовательного управления «сверху вниз» к совместному «взаимосвязанному» управлению. Цифровые технологии могут ускорить горизонтальный поток информации и ресурсов, что обеспечивает возможность совместного управления бизнес-процессами.

Драйвер гиг-экономики: цифровая платформа

Платформа как инструмент соединения участников многостороннего рынка (включая потребителей, гиг-работников, компании, государственные структуры и другие заинтересованные стороны) является важной составляющей гиг-экономики, а платформенные компании выступают драйвером ее развития. Например, как один из технологических элементов гиг-экономики цифровая платформа Didi является не только средой взаимодействия и осуществления транзакций, но и инструментом управления компанией. Соответственно, платформенные компании в гиг-экономике играют роль «экономического лица» в коммерческой организации и «социального лица» в общественной сфере. Платформенные компании со временем начинают занимать доминирующие позиции в экономике [Jarrahi et al. 2020].

Двойная идентичность и доминирующее положение в гиг-экономике приводят к тому, что платформенные компании имеют многочисленные обязательства. Как «экономическое лицо» такие компании должны предоставлять социально важные платформы и платформенные услуги для привлечения пользователей и получения экономической выгоды. Как «социальное лицо» платформенные компании должны взять на себя ответственность за поведение пользователей платформ. С точки зрения экономической ответственности сетевой эффект платформы заставляет платформенные компании принимать бизнес-стратегию «потребитель на первом месте», поэтому все услуги платформы направлены на повышение полезности для потребителей. В частности, платформенные компании постоянно совершенствуют свои услуги, повышают эффективность соотношения спроса и предложения в процессе работы и «отвечают на нужды потребителей». С точки зрения социальной ответственности платформенные компании устанавливают стандарты, нормы и руководства для процесса эксплуатации, а также предоставляют онлайн-инструкции для контроля поведения пользователей, чтобы оно соответствовало законам, правилам и этическим нормам. С помощью управления геймификацией пользователи приобретают мотивацию более интенсивно использовать платформу. Для реализации прав пользователей на выполнение мониторинга создаются каналы обратной связи. Таким образом, осуществление компаниями-платформами своих обязанностей проходит через четыре ключевых этапа: согласование, контроль, стимулирование и обратная связь [Parth, Bathini 2021].

Механизм алгоритмизации процессов управления

Алгоритмы выполняют управленческие функции вместо менеджеров в работе гиг-экономики с фокусом на потребителях как на объекте услуг, гиг-работниках как на объекте управления и используют сочетание многочисленных цифровых технологий в качестве инструмента управления [Duggan et al. 2020]. Алгоритмическое управление постоянно регулирует поведение гиг-работников для повышения полезности (услуг) потребления на пяти этапах: выстраивание доверия, согласование, контроль, стимулирование и обратная связь. В частности, на основе установления доверия между пользователями платформы; согласования спроса и предложения через онлайн-платформы; контроля пользователей платформы, распределенных в разном времени и пространстве и находящихся вне прямого организационного контроля с помощью алгоритмов виртуально; стимулирования пользователей к повышению интенсивности использования платформы через динамическое ценообразование; формирования рейтинга пользователей; анализа

отзывов и рекомендаций пользователей платформы для улучшения инструментов управления [Gol et al. 2019]. Каждый этап управления алгоритмом имеет систему управления, соответствующую поставленным задачам.

Система репутации выполняет функцию выстраивания доверия (формирования лояльности) между пользователями платформы. С помощью системы репутации цифровые технологии компании Didi объективно и тщательно собирают и раскрывают информацию о водителях и пассажирах, что уменьшает информационную асимметрию между ними. В то же время, чтобы усилить зависимость пользователей от платформы, платформенные компании скрывают часть идентификационной информации своих пользователей, чтобы предотвратить деплатформирование. Пользователи платформы устанавливают доверительные отношения на основе имеющейся репутации, а также могут проверить информацию друг о друге в системе репутации [Jialiang et al. 2021].

На этапе согласования система планирования выполняет функцию управления согласованием задач между клиентами и исполнителями. Технологическая платформа Didi получает задания от пассажиров через систему планирования и объединяет имеющиеся и новые данные; использует цифровые технологии, такие как машинное обучение и искусственный интеллект, для быстрого распределения заданий между водителями, которые соответствуют поставленной задаче, используя планирование маршрутов, прогнозирование времени и согласование действий в качестве мер для принятия оптимальных решений [Meijerink, Keegan 2019].

На этапе контроля цифровая система выполняет функцию управления поведением пользователей платформы. Цифровая платформа контролирует и направляет процессы и действия внутри информационной системы с помощью «мягкого» и «жесткого» управления через алгоритмическую систему. Например, платформа Didi использует алгоритмы для распознавания поездок пассажиров и отправки сообщений, побуждающих их к вызову такси, или применяет такие санкции, как обязательное отключение пользователей платформы, нарушающих нормы компании [Kellogg et al. 2020].

На этапе стимулирования система цен выполняет функцию управления, повышая вовлеченность пользователей платформы. Технологическая платформа Didi использует систему цен, стимулирующую пользователей к более интенсивному использованию платформы с помощью динамических ценовых стратегий, основанных на текущих характеристиках спроса и предложения на рынке. Система цен использует стратегию низких цен, чтобы побудить потенциальных заказчиков к потреблению во время низкого периода транзакций, и стратегию субсидирования цен, чтобы стимулировать водителей в период пикового спроса, тем самым координируя рыночный спрос и предложение услуг [Jago 2019]. В то же время система цен добавляет игровые элементы, такие как очки, уровни и медали, в механизм получения экономических выгод, превращая торговлю на платформе в процесс «игры и повышения уровня», что улучшает пользовательский опыт и одновременно повышает участие пользователей платформы.

На этапе обратной связи рейтинговая система выполняет функцию управления отзывами пользователей платформы. Рейтинговая система позволяет пользователям оценить качество услуг, оказанных службой такси, а водители, со своей стороны, могут судить о благонадежности пассажиров [Tóth et al. 2022].

Рейтинговая система в платформенных компаниях может использоваться для стимулирования и введения санкций в отношении пользователей платформы, но основная функция заключается в управлении эффективностью работы исполнителей.

Последствия алгоритмизации процессов управления: адаптация, сопротивление и прекращение работы

Алгоритмическое управление — это инструмент регулирования поведения гиг-работников на основе потребительского спроса. Во многом власть в управлении переходит к потребителям, что оказывает влияние на стратегическое и оперативное поведение гиг-работников. Процесс управления эксплуатирует гиг-работников, способствуя их адаптации к постоянно меняющимся условиям организации деятельности. В ответ на алгоритмическую эксплуатацию возникают такие формы поведения гиг-работников, как адаптация, сопротивление и прекращение работы, то есть «алгоритмический активизм» [Lepri et al. 2018]. Например, сначала алгоритм передает водителям стандарты и нормы работы, установленные и позиционируемые компанией Didi, и большинство водителей будут следовать указаниям алгоритма, вести себя в соответствии с ожиданиями платформы и активно учиться, поскольку система управления постоянно обновляется, чтобы адаптироваться к новому алгоритму [Jialiang et al. 2021]. Далее некоторые водители будут использовать уязвимости алгоритмической системы, чтобы снизить алгоритмический контроль над процессом труда [Ferrari, Graham 2021]. Наконец, всеобъемлющий мгновенный интерактивный и нетранспарентный характер алгоритмического контроля водителей приводит к таким моделям их поведения, как деплатформинг, работа на другие подобные платформенные компании и прекращение работы [Elbanna, Idowu 2022].

Алгоритмизация процессов управления: алгоритмическая ответственность и управление

Хотя алгоритмы считаются «рациональными цифровыми системами», принимающими решения, они отражают основные ценности своих проектировщиков и разработчиков, что влияет на расстановку приоритетов алгоритмов, категоризацию критериев, маркировку ассоциаций и фильтрацию действий с целью изменения развития компании. На основе анализа процесса управления алгоритмами можно отметить, что текущее управление алгоритмами в гиг-экономике по-прежнему принимает платформенную компанию в качестве субъекта управления, потребителя в качестве объекта обслуживания и гиг-работников в качестве управляемого объекта.

Платформенные компании контролируют разработку и обновление системы алгоритмов и в процессе составления алгоритмов могут скрыто «алгоритмически эксплуатировать» гиг-работников, то есть максимизировать полезность для потребителей за счет определенного ущемления прав гиг-работников и использовать «эффект сети» для поддержания числа пользователей платформы, что приводит к высокой прибыли. Это означает, что алгоритмическое управление сформировало неравные отношения власти в организациях гиг-экономики и дисбаланс алгоритмической власти, который в основном проявляется в алгоритмической непрозрачности.

Алгоритмическая власть — это «обоюдоострый меч», и ее неправильное использование будет иметь негативные последствия для заинтересованных сторон и социально-экономических отношений, что противоречит цели устойчивого развития организаций в гиг-экономике и порождает «алгоритмическую ответственность». В данной работе под алгоритмической ответственностью понимается эффективность работы платформенных компаний, направленной на использование алгоритмов для максимизации социального благосостояния посредством реализации прозрачных и этичных алгоритмов, которые эффективно управляют воздействием алгоритмических решений и действий на заинтересованные стороны и общество в целом. Из этого следует, что алгоритмическая

ответственность требует, чтобы алгоритмы были объективными, а алгоритмические решения минимизировали негативное воздействие на социально-экономические процессы и максимизировали создание стоимости и повышение социального благосостояния платформенных акторов.

Ключом к управлению алгоритмической ответственностью является преодоление алгоритмической непрозрачности для достижения баланса алгоритмической власти [Lepri et al. 2018]. Алгоритмическая непрозрачность включает организационный и технический аспекты. Организационная непрозрачность относится к компаниям, работающим на платформах и для максимизации прибыли внедряющим свои ценностные представления в алгоритмические модели и монополизирующие алгоритмы, что приводит к отсутствию алгоритмической ответственности и проявляется в алгоритмической предвзятости и монополии, алгоритмической маскировке, отсутствии алгоритмической этики, алгоритмической манипуляции и эксплуатации. Техническая непрозрачность вызвана технической сложностью самого алгоритма и постепенным отклонением алгоритмической логики от человеческого понимания в процессе его разработки, что затрудняет его осмысление и расшифровку для неспециалистов в области цифровых технологий.

Основными идеями комплексного управления алгоритмической ответственностью являются:

1. Комплексный характер элементов управления. Управление алгоритмической ответственностью должно охватывать как организационные, так и технические аспекты. Алгоритм должен не только отражать особенности функционирования платформенных компаний, но и использовать способность машинного обучения для принятия более рациональных и объективных решений, что способствует обеспечению справедливости и эффективности выстраивания социально-экономических отношений. Кроме того, на разных этапах разработки алгоритма обеспечивается достоверность вводимых данных, точность цифрового моделирования и правильность значений алгоритма.

2. Механизм комплексной ответственности. Управление алгоритмической ответственностью требует применения комплексного механизма реализации алгоритмической ответственности, включая концептуальное формирование, институциональное регулирование, алгоритмический надзор и подотчетность. Во-первых, платформенные компании должны выстраивать алгоритмическую ответственность, интегрировать социальную ответственность в миссию и ценности организации, а также способствовать тому, чтобы организации выходили за пределы эгоистического стремления к максимизации прибыли и большее внимание уделяли социальной ответственности. В то же время необходимо культивировать и повышать алгоритмическую грамотность всего населения, укреплять гибкий потенциал государственного цифрового регулирования и алгоритмических правил, способствовать формированию консенсуса по алгоритмическому ответственному управлению среди множества заинтересованных сторон и повышать готовность различных социальных акторов участвовать в алгоритмическом ответственном управлении. Во-вторых, следует наделить отдельных лиц соответствующими правами в реализации процессов ввода, обучения, принятия и вывода алгоритмов, а также повысить прозрачность и понятность алгоритмов и их способность осуществлять эти права с помощью институциональных механизмов. Наконец, внедрение алгоритмической ответственности нельзя отделить от внешнего управления. Необходимо применять более гибкие требования и методы управления, адаптированные к передовым и развивающимся технологиям и отраслям, к управлению алгоритмической ответственностью, и формировать более диверсифицированное и динамичное алгоритмическое регулирование и подотчетность. Кроме того, важно усилить взаимодействие между платформенными компаниями и регулирующими органами для продвижения более инклюзивного, адаптируемого, точного

и устойчивого алгоритмического регулирования. Действенным способом алгоритмического регулирования является внедрение алгоритмической подотчетности, то есть системы, которая уточняет субъектов, ответственных за алгоритмические решения, и их обязательства.

Алгоритмизация процессов управления: направления будущих исследований

Развитие теории и разработка инновационных методов исследования. Как теоретические исследования, так и практические разработки алгоритмического управления находятся на стадии быстрого роста и изменений. Поэтому необходимо продолжать исследования, направленные на дополнение основных концепций алгоритмического управления, и разрабатывать необходимые инструменты измерения эффективности цифровых систем в соответствии с фактическими изменениями социально-экономических отношений, выступающих в качестве основы для будущих эмпирических исследований. В большинстве исследований, связанных с темой алгоритмического управления, использовались теоретические дискуссии, качественные описания и тематические исследования, что связано со сложностью развивающейся области алгоритмического управления и отсутствием подходящих инструментов и методов измерения. Существует острая необходимость в будущих эмпирических исследованиях с использованием различных методологических подходов и технических средств для систематизации данных в области алгоритмического управления.

Предлагается разработать шкалы измерения эффективности управления алгоритмами с учетом структурных изменений и практических характеристик социально-экономических отношений для определения масштаба и степени развития алгоритмизации процессов управления. Наличие широкого спектра данных позволит в будущем объединить машинное обучение, моделирование процессов и другие методы исследования для детального изучения влияния алгоритмического управления на экономику и общество и определения механизма его действия в многоперспективном и многоуровневом виде, что позволит более точно и емко раскрыть закон действия алгоритмического управления.

Углубленное развитие междисциплинарных исследований. Любой алгоритм имеет свои ограничения и нуждается в интеграции знаний из разных областей и применении их на практике. Целесообразно использовать междисциплинарные и мультидисциплинарные знания в области стратегирования, маркетинга, организационного поведения, информационных технологий и оптимизации операций в качестве новых перспективных направлений для будущих исследований, чтобы расширить основные теоретические и практические приложения алгоритмического управления.

Перспектива теоретических исследований алгоритмического управления основана на теории трудового процесса, исследующей ряд ключевых вопросов: Как платформенные компании отслеживают трудовой процесс гиг-работников с помощью алгоритмических систем? Каким образом управление алгоритмическими системами повышает эффективность взаимодействия акторов в гиг-экономике? Какое сопротивление оказывают гиг-работники платформенным компаниям и как оно влияет на формирование нового трудового порядка?

Будущие исследования должны расширить и обогатить новые теоретические знания, чтобы глубже раскрыть правила развивающейся практики алгоритмического управления. Среди таких перспективных направлений, заслуживающих глубокого анализа в будущем, можно отметить объединение результатов исследований в области психологии, организационного поведения, человеко-компьютерного взаимодействия и науки об информационных системах, оптимизацию проектирования, разработки и применения систем алгоритмического управления.

Заключение

В последние годы алгоритмическое управление стало актуальной темой междисциплинарных исследований в ответ на тенденцию цифровой трансформации рынка труда. Попытки выяснить, как алгоритмическое управление может эффективно заменить традиционных менеджеров в механизме реализации управленческой практики, а также определить возможные трансформации трудовой деятельности и последствия влияния алгоритмического управления вызывают широкий интерес в научных и деловых кругах, и на данном этапе исследования были достигнуты предварительные результаты. Хотя исследования алгоритмического управления в последние годы становятся все более многочисленными, им не хватает систематического и всеобъемлющего обзора и обобщения. В данной статье представлено содержание исследований по алгоритмическому управлению в систематическом виде и определена структура механизма алгоритмизации процессов управления, что дополняет теоретические исследования алгоритмического управления.

Вклад данной работы в теорию исследуемого вопроса заключается в дополнении особенностей развития алгоритмизации процессов управления. Основываясь на определении границ концепции алгоритмического управления, работа обобщает и уточняет процесс функционирования алгоритмического управления в гиг-экономике и подчеркивает необходимость систематического построения и обновления концепции алгоритмического ответственного управления. На практическом уровне выделяется значимость устойчивого развития алгоритмического управления. В работе раскрыты операционные процессы алгоритмического управления, определены операционные предпосылки, носители, механизмы и последствия, которые позволяют алгоритмическому управлению развиваться в экономике. Предложена концепция алгоритмического ответственного управления в ответ на дисбаланс власти, вызванный алгоритмическим управлением, а также изложены будущие направления исследований, имеющие теоретическую ценность и практическую значимость.

Список литературы:

- Варавва М.Ю. Лазарева О.С. Платформенная гиг-экономика — альтернативная модель с нестандартными трудовыми отношениями // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. № 5(125). С. 108–115. DOI: [10.21686/2413-2829-2022-5-108-115](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-5-108-115)
- Коваленко А.И. Сетевой эффект как признак доминирующего положения цифровых платформ // Современная конкуренция. 2020. № 1(77). С. 18–37. DOI: [10.37791/1993-7598-2020-14-1-18-37](https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-1-18-37)
- Линец А.А. Правовая природа отношений, возникающих в связи с исполнением личного труда в рамках гиг-экономики // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2021. № 5. С. 47–69.
- Литовченко О.В. Гиг-экономика как новая модель трудовых отношений // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 130–136. DOI: [10.34755/IROK.2020.14.17.017](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.14.17.017)
- Романец И.И. Вербовский Г.Д. Гиг-экономика как новая форма рыночных отношений // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 1(51). С. 186–192. DOI: [10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029](https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029)
- Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. Is. 5. P. 662–679. DOI: [10.1080/1369118X.2012.678878](https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878)
- Cannon S., Summers L.H. How Uber and the Sharing Economy Can Win over Regulators // Harvard Business Review. 2014. Vol. 13. Is. 10. P. 24–28.
- Cormen T.H., Leiserson C.E., Rivest R.L., Stein C. Introduction to Algorithms. Cambridge: MIT Press, 2022.

- Duggan J., Sherman U., Carbery R., McDonnell A. Algorithmic Management and App-Work in the Gig Economy: A Research Agenda for Employment Relations and HRM // Human Resource Management Journal. 2020. Vol. 30. Is. 1. P. 114–132. DOI: [10.1111/1748-8583.12258](https://doi.org/10.1111/1748-8583.12258)
- Elbanna A., Idowu A. Crowdwork, Digital Liminality and the Enactment of Culturally Recognised Alternatives to Western Precarity: Beyond Epistemological Terra Nullius // European Journal of Information Systems. 2022. Vol. 31. Is. 1. P. 128–144. DOI: [10.1080/0960085X.2021.1981779](https://doi.org/10.1080/0960085X.2021.1981779)
- Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York: St. Martin's Press, 2018.
- Ferrari F., Graham M. Fissures in Algorithmic Power: Platforms, Code, and Contestation // Cultural Studies. 2021. Vol. 35. Is. 4–5. P. 814–832. DOI: [10.1080/09502386.2021.1895250](https://doi.org/10.1080/09502386.2021.1895250)
- Gerstel N., Clawson D. Control over Time: Employers, Workers, and Families Shaping Work Schedules // Annual Review of Sociology. 2018. Vol. 44. P. 77–97. DOI: [10.1146/annurev-soc-073117-041400](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073117-041400)
- Gol E.S., Stein M.-K., Avital M. Crowdwork Platform Governance toward Organizational Value Creation // Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28. Is. 2. P. 175–195. DOI: [10.1016/j.jsis.2019.01.001](https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.001)
- Jago A.S. Algorithms and Authenticity // Academy of Management Discoveries. 2019. Vol. 5. Is. 1. P. 38–56. DOI: [10.5465/amd.2017.0002](https://doi.org/10.5465/amd.2017.0002)
- Jarrahi M.H., Sutherland W., Nelson S.B., Sawyer S. Platformic Management, Boundary Resources for Gig Work, and Worker Autonomy // Computer Supported Cooperative Work-the Journal of Collaborative Computing and Work Practices. 2020. Vol. 29. Is. 1–2. P. 153–189. DOI: [10.1007/s10606-019-09368-7](https://doi.org/10.1007/s10606-019-09368-7)
- Jialiang P., Shanshi L., Xun C., Jiaojiao Qu. Perceived Algorithmic Control of Gig Workers: Conceptualization, Measurement and Verification the Impact on Service Performance // Nankai Management Review. 2021. Vol. 24. Is. 6. P. 14–27.
- Kellogg K.C., Valentine M.A. Christin A. Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control // Academy of Management Annals. 2020. Vol. 14. Is. 1. P. 366–410. DOI: [10.5465/annals.2018.0174](https://doi.org/10.5465/annals.2018.0174)
- Lepri B., Oliver N., Letouzé E., Pentland A., Vinck P. Fair, Transparent, and Accountable Algorithmic Decision-Making Processes: The Premise, the Proposed Solutions, and the Open Challenges // Philosophy & Technology. 2018. Vol. 31. Is. 1. P. 611–627. DOI: [10.1007/s13347-017-0279-x](https://doi.org/10.1007/s13347-017-0279-x)
- Meijerink J., Keegan A. Conceptualizing Human Resource Management in the Gig Economy toward a Platform Ecosystem Perspective // Journal of Managerial Psychology. 2019. Vol. 34. Is. 4. P. 214–232. DOI: [10.1108/JMP-07-2018-0277](https://doi.org/10.1108/JMP-07-2018-0277)
- Panteli N., Rapti A., Scholarios D. “If He Just Knew Who We Were”: Microworkers’ Emerging Bonds of Attachment in a Fragmented Employment Relationship // Work Employment and Society. 2020. Vol. 34. Is. 3. P. 476–494. DOI: [10.1177/0950017019897872](https://doi.org/10.1177/0950017019897872)
- Parth Sh., Bathini D.R. Microtargeting Control: Explicating Algorithmic Control and Nudges in Platform-Mediated Cab Driving in India // New Technology Work and Employment. 2021. Vol. 36. Is. 1. P. 74–93. DOI: [10.1111/ntwe.12188](https://doi.org/10.1111/ntwe.12188)
- Tóth Z., Nemkova E., Hízsaák G., Naudé P. Social Capital Creation On Professional Sharing Economy Platforms: The Problems of Rating Dependency and the Non-Transferability of Social Capital // Journal of Business Research. 2022. Vol. 144. P. 450–460. DOI: [10.1016/j.jbusres.2022.01.090](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.090)
- Veen A., Barratt T., Goods C. Platform-Capital’s ‘App-etite’ for Control: A Labour Process Analysis of Food-Delivery Work in Australia // Work Employment and Society. 2020. Vol. 34. Is. 3. P. 388–406. DOI: [10.1177/0950017019836911](https://doi.org/10.1177/0950017019836911)
- Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile books, 2019.

References:

- Boyd D., Crawford K. (2021) Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. Is. 5. P. 662–679. DOI: [10.1080/1369118X.2012.678878](https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878)
- Cannon S., Summers L.H. (2014) How Uber and the Sharing Economy Can Win over Regulators. *Harvard Business Review*. Vol. 13. Is. 10. P. 24–28.
- Cormen T.H., Leiserson C.E., Rivest R.L., Stein C. (2022) *Introduction to Algorithms*. Cambridge: MIT Press.
- Duggan J., Sherman U., Carbery R., McDonnell A. (2020) Algorithmic Management and App-Work in the Gig Economy: A Research Agenda for Employment Relations and HRM. *Human Resource Management Journal*. Vol. 30. Is. 1. P. 114–132. DOI: [10.1111/1748-8583.12258](https://doi.org/10.1111/1748-8583.12258)
- Elbanna A., Idowu A. (2022) Crowdwork, Digital Liminality and the Enactment of Culturally Recognised Alternatives to Western Precarity: Beyond Epistemological Terra Nullius. *European Journal of Information Systems*. Vol. 31. Is. 1. P. 128–144. DOI: [10.1080/0960085X.2021.1981779](https://doi.org/10.1080/0960085X.2021.1981779)
- Eubanks V. (2018) *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. New York: St. Martin's Press.
- Ferrari F., Graham M. (2021) Fissures in Algorithmic Power: Platforms, Code, and Contestation. *Cultural Studies*. Vol. 35. Is. 4–5. P. 814–832. DOI: [10.1080/09502386.2021.1895250](https://doi.org/10.1080/09502386.2021.1895250)
- Gerstel N., Clawson D. (2018) Control over Time: Employers, Workers, and Families Shaping Work Schedules. *Annual Review of Sociology*. Vol. 44. P. 77–97. DOI: [10.1146/annurev-soc-073117-041400](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073117-041400)
- Gol E.S., Stein M.-K., Avital M. (2019) Crowdwork Platform Governance toward Organizational Value Creation. *Journal of Strategic Information Systems*. Vol. 28. Is. 2. P. 175–195. DOI: [10.1016/j.jsis.2019.01.001](https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.001)
- Jago A.S. (2019) Algorithms and Authenticity. *Academy of Management Discoveries*. Vol. 5. Is. 1. P. 38–56. DOI: [10.5465/amd.2017.0002](https://doi.org/10.5465/amd.2017.0002)
- Jarrahi M.H., Sutherland W., Nelson S.B., Sawyer S. (2020) Platformic Management, Boundary Resources for Gig Work, and Worker Autonomy. *Computer Supported Cooperative Work-the Journal of Collaborative Computing and Work Practices*. Vol. 29. Is. 1–2. P. 153–189. DOI: [10.1007/s10606-019-09368-7](https://doi.org/10.1007/s10606-019-09368-7)
- Jialiang P., Shanshi L., Xun C., Jiaojiao Qu. (2021) Perceived Algorithmic Control of Gig Workers: Conceptualization, Measurement and Verification the Impact on Service Performance. *Nankai Management Review*. Vol. 24. Is. 6. P. 14–27.
- Kellogg K.C., Valentine M.A. Christin A. (2020) Algorithms at Work: The New Contested Terrain of Control. *Academy of Management Annals*. Vol. 14. Is. 1. P. 366–410. DOI: [10.5465/annals.2018.0174](https://doi.org/10.5465/annals.2018.0174)
- Kovalenko A.I. (2020) Network Effect as a Sign of Dominating Position of Digital Platforms. *Sovremennaya konkurentsya*. No. 1(77). P. 18–37. DOI: [10.37791/1993-7598-2020-14-1-18-37](https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-1-18-37)
- Lepri B., Oliver N., Letouzé E., Pentland A., Vinck P. (2018) Fair, Transparent, and Accountable Algorithmic Decision-Making Processes: The Premise, the Proposed Solutions, and the Open Challenges. *Philosophy & Technology*. Vol. 31. Is. 1. P. 611–627. DOI: [10.1007/s13347-017-0279-x](https://doi.org/10.1007/s13347-017-0279-x)
- Linets A.A. (2021) Legal Nature of Relations Arising in Connection with the Performance of Personal Labor within the Gig-Economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. No. 5. P. 47–69.
- Litovchenko O.V. (2020) Gig-Economy as a New Model of Labor Relations. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva*. No. 9. P. 130–136. DOI: [10.34755/IROK.2020.14.17.017](https://doi.org/10.34755/IROK.2020.14.17.017)
- Meijerink J., Keegan A. (2019) Conceptualizing Human Resource Management in the Gig Economy toward a Platform Ecosystem Perspective. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 34. Is. 4. P. 214–232. DOI: [10.1108/JMP-07-2018-0277](https://doi.org/10.1108/JMP-07-2018-0277)

Panteli N., Rapti A., Scholarios D. (2020) "If He Just Knew Who We Were": Microworkers' Emerging Bonds of Attachment in a Fragmented Employment Relationship. *Work Employment and Society*. Vol. 34. Is. 3. P. 476–494. DOI: [10.1177/0950017019897872](https://doi.org/10.1177/0950017019897872)

Parth Sh., Bathini D.R. (2021) Microtargeting Control: Explicating Algorithmic Control and Nudges in Platform-Mediated Cab Driving in India. *New Technology Work and Employment*. Vol. 36. Is. 1. P. 74–93. DOI: [10.1111/ntwe.12188](https://doi.org/10.1111/ntwe.12188)

Romanets I.I. Verbovskii G.D. (2021) Gig-Economy as a New Form of Markets Relations. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. No. 1(51). P. 186–192. DOI: [10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029](https://doi.org/10.47581/2021/FA-07/IE/51/01.029)

Tóth Z., Nemkova E., Hízsák G., Naudé P. (2022) Social Capital Creation On Professional Sharing Economy Platforms: The Problems of Rating Dependency and the Non-Transferability of Social Capital. *Journal of Business Research*. Vol. 144. P. 450–460. DOI: [10.1016/j.jbusres.2022.01.090](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.01.090)

Varavva M.Yu. Lazareva O.S. (2022) Platform Gig-Economy as Alternative Model with Non-standard Labor Relations. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. No. 5(125). P. 108–115. DOI: [10.21686/2413-2829-2022-5-108-115](https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-5-108-115)

Veen A., Barratt T., Goods C. (2020) Platform-Capital's 'App-etite' for Control: A Labour Process Analysis of Food-Delivery Work in Australia. *Work Employment and Society*. Vol. 34. Is. 3. P. 388–406. DOI: [10.1177/0950017019836911](https://doi.org/10.1177/0950017019836911)

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile books.

Дата поступления/Received: 04.10.2023

Особенности инновационных процессов в секторе государственного управления в условиях цифровой трансформации российской экономики

Калганов Игорь Сергеевич

Соискатель, ORCID: [0009-0005-0884-7745](https://orcid.org/0009-0005-0884-7745), igkal87@mail.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В условиях цифровой трансформации экономики разработка и реализация проектов по внедрению инноваций в сектор государственного управления выступают ключевыми инструментами повышения качества государственных услуг. Это определяет актуальность изучения особенностей инновационных процессов и инструментов управления ими в процессе становления электронного правительства. В статье проведен анализ направлений трансформации процессов оказания государственных услуг с использованием технологических и организационных инноваций в условиях цифровизации сектора государственного управления. Целью исследования выступает дальнейшее развитие теоретических и методических подходов к инновациям и инновационным процессам в секторе государственного управления. В соответствии с целью исследования дано определение инноваций в секторе государственного управления, представлена их классификация и выявлены отличия от нововведений в предпринимательской сфере. Проведен анализ причин, препятствующих внедрению инноваций в сектор государственного управления. Обоснована растущая роль взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг в обеспечении качества последних и в активизации инновационных процессов в исследуемом секторе. Представлена также авторская методика расчета интегрального показателя эффективности взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг с использованием индексного метода. В результате сделаны выводы о возможности использования предложенной методики при разработке программных документов российского государства, направленных на дальнейшее развитие электронного правительства и совершенствование инструментов мониторинга качества государственных услуг. Для решения задач исследования использованы контент-анализ и системный анализ, что позволило выявить особенности инноваций и инновационных процессов в секторе государственного управления, обосновать необходимость реинжиниринга административных процессов. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных инструментарию управления проектами реинжиниринга административных процессов с использованием цифровых инноваций.

Ключевые слова

Инновации, сектор государственного управления, получатели государственных услуг, цифровая трансформация, методика оценки электронного правительства.

Для цитирования

Калганов И.С. Особенности инновационных процессов в секторе государственного управления в условиях цифровой трансформации российской экономики // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 183–191. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-183-191

Features of Innovation Processes in Public Administration Sector in Conditions of Digital Transformation of Russian Economy

Igor S. Kalganov

PhD applicant, ORCID: [0009-0005-0884-7745](https://orcid.org/0009-0005-0884-7745), igkal87@mail.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

In the context of economy digital transformation, the development and implementation of projects to introduce innovations into the public administration sector are key tools for improving the quality of public services. This determines the relevance of studying the features of innovation processes and tools for managing them in the process of developing e-government. The article analyzes the directions of transformation of the processes of providing public services using technological and organizational innovations in the context of the public administration sector digitalization. The aim of the study is to further develop theoretical and methodological approaches to innovation and innovation processes in the public administration sector. In accordance with the aim of the study, the authors defined innovations in the public administration sector, presented their classification and identified their differences from innovations in the business sector. An analysis of the reasons hindering the introduction of innovations in the public administration sector was carried out. The growing role of interactions between government bodies and recipients of public services in ensuring the quality of the latter and in activating innovative processes in the sector being studied is substantiated. The author's methodology for calculating the integral indicator of the effectiveness of interactions between government bodies and recipients of public services using the index method is presented. Conclusions are drawn about the possibility of using the proposed methodology in the development of program documents of the Russian state aimed at further developing e-government and improving tools for monitoring the quality of public services. To solve the research problems content analysis and system analysis were used, which made it possible to identify the features of innovation and innovative processes in the public administration sector and to justify the need for reengineering of the administrative processes. The obtained results can be used in further researches devoted to project management tools for reengineering administrative processes using digital innovations.

Keywords

Innovation, public administration sector, recipients of public services, digital transformation, e-government assessment methodology.

For citation

Kalганов И.С. (2024) Features of Innovation Processes in Public Administration Sector in Conditions of Digital Transformation of Russian Economy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 183-191. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-183-191

Введение

Современный этап развития российской экономики характеризуется процессами цифровизации сектора государственного управления, что обусловлено широким распространением высоких технологий в условиях Четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0). Одновременно государство сталкивается с глобальными вызовами современности, проявляющимися в пандемии коронавируса COVID-19, в климатических катаклизмах и необходимости четвертого энергетического перехода, в реализации геополитических рисков, в кардинальной трансформации принципов мироустройства и др. Это актуализирует проблемы реинжиниринга административных процессов на основе разработки и внедрения инноваций в сферу реализации полномочий органов государственной власти, поскольку они вынуждены выполнять возложенные на них функции в условиях перманентно изменяющихся факторов внешней и внутренней среды. Формирование управленческих решений, направленных на предупреждение (преодоление последствий) качественно новых угроз, а также трудности исполнения традиционных функций в условиях ограниченности ресурсов и высокой неопределенности предполагают необходимость обоснования новых подходов к внедрению технологических и организационных нововведений в сектор государственного управления. Углубление экономических, социальных, техносферных и иных проблем, а также появление новых возможностей и рисков, связанных с внедрением высоких технологий, приводят к переосмыслению устоявшейся практики и необходимости интенсификации взаимодействия государства со всеми заинтересованными сторонами, включающими субъектов предпринимательства, граждан и их объединения. Подобные изменения инициируют научную дискуссию, посвященную потенциалу цифровых технологий как фактора повышения качества государственных услуг и инструмента удовлетворения растущих потребностей их получателей, обеспечения эффективного межведомственного взаимодействия и информационной безопасности органов государственной власти и др.

Целью исследования выступает дальнейшее развитие теоретических и методических подходов к инновациям и инновационным процессам в секторе государственного управления. В соответствии с целью исследования поставлены и решены следующие задачи: дано определение инноваций в секторе государственного управления; представлена их классификация, выявлены их отличия от нововведений в предпринимательской сфере; сформулированы причины, препятствующие внедрению инноваций в сектор государственного управления; обоснована растущая роль взаимодействий между органами государственного управления и получателями государственных услуг в обеспечении качества последних и в активизации инновационных процессов в исследуемом секторе; представлена авторская методика расчета интегрального показателя эффективности взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг, проведена ее апробация. Представленный подход к классификации инноваций в секторе государственного управления и предложенная методика к оценке состояния электронного правительства опираются на гносеологический потенциал теорий инноваций и развития административных процессов. Одновременно они характеризуются новизной в трактовке исследуемых явлений и процессов.

Концептуальные основы исследования инноваций в секторе государственного управления

Теория инноваций и инновационного развития прошла длительный эволюционный путь. Фундаментальные положения, сформулированные в работах Й. Шумпетера [Schumpeter 1983], Г. Чесбро [Чесбро 2007] и других основоположников современных представлений о нововведениях, в равной степени могут быть использованы для понимания особенностей инновационных процессов во всех сферах жизнедеятельности общества. Анализ работ, посвященных инновациям в секторе государственного управления [Гребер 2016; Купряшин и др. 2021], показывает, что в них основное внимание уделяется разработке фундаментальных подходов к исследованию инноваций. Анализ этапов развития парадигмы государственного управления с учетом процессов цифровизации позволил исследователям сделать вывод, что разработка и внедрение инноваций сопряжены с коллективным выбором между возможностями, которые вытекают из новых идей [Дэвенпорт 2021; Никонов 2023].

Инновации в секторе государственного управления определяются как процесс внедрения новых или изменения существующих компетенций, организационных структур, инструментов управления или административных процессов, что предполагает разрыв с прошлыми трендами развития. Учет особенностей инноваций в секторе государственного управления позволил исследователям разработать их типологию и выделить в их составе сервисные инновации, реализуемые на основе внедрения новой государственной услуги или улучшения ее качества [Майлс 2011]; инновации в способах предоставлении государственных услуг их получателям [Иванова, Якимчук 2021]; организационные инновации, принимающие форму изменений в организационных структурах и административных регламентах [Афанасьев, Богданов 2019]; базисные инновации, предполагающие разработку качественно новых подходов к процессам разработки и использования новых продуктов, процессов и форм организации [Барабашев 2016; Добрынин 2019]; политические инновации или изменения в мышлении и моделях поведения, связанных с системой политических убеждений [Южаков и др. 2023]; системные инновации, основанные на новых или улучшенных способах межведомственных взаимодействий [Windrum 2008].

Проведенное исследование административных процессов в секторе государственного управления позволило сформулировать факторы, препятствующие внедрению инноваций. Они включают: неприятие бюрократическим аппаратом и руководителями органов власти риска, необходимость политического одобрения и легитимации нововведений; организационная культура, основанная на утвержденных административных регламентах и ограниченной автономии руководителей; атрибутивные признаки инноваций (их сложность, преимущества перед традициями, взаимная совместимость и сочетаемость с существующими практиками и др.), которые способствуют или препятствуют их внедрению; профессиональные и универсальные компетенции сотрудников бюрократического аппарата, которые определяют их склонность к инновациям. Следует признать слабую изученность мотивов инновационного поведения сотрудников, которое проявляется в перманентном генерировании новых идей и в дополнительных усилиях для их реализации.

Согласно традиционному подходу, государственный сектор характеризуется низкой склонностью к инновациям, что его отличает от сферы предпринимательства [Montagna 2005]. Доказательством дискуссионности данного положения является то, что многие радикальные нововведения возникли именно на базе государственных предприятий (почтовая служба, космическая отрасль и др.). Подобные инновации предопределили кардинальные изменения в процессе разработки и реализации решений органами государственного управления. В то же время в условиях

цифровой трансформации экономики уровень инновационности крупных частных технологических компаний и стартапов превышает аналогичный показатель органов государственного управления, что обуславливает необходимость поиска инструментов активизации инновационных процессов в исследуемом секторе. Во многих случаях государство реализует мероприятия, стимулирующие инновации в сфере предпринимательства, но при этом отказывается от выполнения функций инициатора инновационных процессов и реализации накопленного инновационного потенциала для совершенствования административных процессов.

Ключевой особенностью инноваций в сфере бизнеса выступает их направленность на создание экономической ценности, рост рыночной власти и максимизацию прибыли. В свою очередь, в секторе государственного управления нововведения обеспечивают производство общественных благ и увеличение социальной ценности, что, в частности, создает дополнительные сложности при оценке результатов инновационных процессов. Несмотря на существенные различия между инновациями в предпринимательской сфере и в секторе государственного управления, для них присущи общие признаки, которые прошли длительный процесс эволюции. В середине XX века Й. Шумпетер [Schumpeter 1983] выявил связь между инновациями, с одной стороны, и изобретательством и предпринимательством, с другой. Наличие предпринимательского духа выступало необходимым условием для реализации изобретательских способностей, что проявлялось в инновационных процессах линейного типа. Развитие науки и техники привело в конце XX века к формированию открытых инноваций [Чесбро 2007] и инновационных процессов нелинейного типа. В теории инноваций формируется системный подход, который исходил из возможности программирования и планирования инновационных процессов. Развитие модели открытых инноваций привело в 2010-х годах к становлению экосистем предпринимательства, основанных на принципе «тройной спирали» [Leydesdorff et al. 2016]. Совместное использование комплементарных активов и компетенций в рамках экосистем инициировало перманентный инновационный процесс. При этом инновации превратились в результат процесса сотрудничества и совместного творчества заинтересованных сторон с целью решения стратегических и тактических задач. При этом субъекты предпринимательства прошли длительный процесс эволюции от предприятий фордистского типа, ориентированных на максимизацию прибыли, к организациям, производящим экономическую и социальную ценность. Подобная тенденция развития в сторону более открытого и основанного на сотрудничестве подхода к инновациям в государственном секторе имеет большое значение для формирования современных представлений об инновациях в государственном управлении.

Развитие взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг

Качество государственных услуг проявляется в полноте удовлетворения растущих потребностей их получателей, в снижении затрат на их оказание, в соблюдении временных параметров, предусмотренных административным регламентом, в соответствии характера услуг целевым ориентирам развития общества и учете компетенций получателей. Развитие цифровых технологий создает условия для вовлечения получателей государственных услуг в процесс их проектирования и предоставления. Это принимает следующие формы: субсидирование поставщика услуги, что предполагает выбор органом власти дотируемого поставщика, а потребителем — наиболее подходящего поставщика; субсидирование потребителя, то есть потребитель получает возможность обращения за услугой к поставщику, назначенному органом власти; муниципальная гарантия, что предполагает получение потребителем трансферта из бюджета и осуществление свободного выбора на рынке услуг. Кроме того, существуют формальные (внесудебные и судебные)

способы воздействия получателей на качество и доступность государственных услуг; платформа обратной связи, которая «позволяет гражданам через форму на портале Госуслуг, мобильное приложение «Госуслуги. Решаем вместе», а также виджеты на сайтах органов власти субъектов РФ направлять обращения в государственные органы и органы местного самоуправления по широкому спектру вопросов, а также участвовать в опросах, голосованиях и общественных обсуждениях»¹, и др.

Для реализации потенциала взаимодействия органов государственного управления с получателями государственных услуг необходимо поощрять последних к участию в инновационном процессе, что подчеркивается многими исследователями [Лихтин 2021]. Этот вопрос тесно связан с представлениями о сетевом управлении, о роли социального капитала и доверии к органам государственной власти, совокупность которых рассматривается как сетевое образование. Продуктивность отношений между государством и гражданами определяется уровнем цифровых компетенций последних, а также состоянием организационной культуры органов власти. Кроме того, для реализации инновационного потенциала сектора государственного управления необходимо сформировать эффективный механизм взаимовлияния между инновационным потенциалом отдельных органов власти. В контексте проблемы формирования эффективного взаимодействия органов государственного управления с получателями государственных услуг как фактора производства совместных инноваций определенным интерес представляют ценности различных вовлеченных сторон и механизмы достижения компромисса. Инновации в государственном секторе связаны с вопросом об укреплении легитимности и доверия к правительству, поскольку наряду эффективностью и результативностью государственного управления нововведения в данном секторе решают задачу внедрения определенных ценностей в систему нормативных представлений граждан.

Оценка эффективности взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг

Проведенный анализ показывает, что повышение интенсивности и частоты взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг выступает одним из факторов активизации инноваций в исследуемом секторе и национальной экономике в целом, а также источником прироста экономической и социальной ценности. Концептуальные основы функционирования сектора государственного управления и оценки его эффективности представлены, в частности, в работе [Эффективность государственного управления 1998]. Одновременно исследователи уделяют значительное внимание последствиям разработки и реализации проектов внедрения цифровых инноваций в сектор государственного управления для отдельных сфер жизнедеятельности общества [Леонтьева, Романченко 2023]. Для оценки результатов цифровой трансформации сектора государственного управления в Российской Федерации проводится их сопоставление с целевыми показателями, определенными в ряде нормативных правовых актов². Однако в указанных публикациях и программных документах не учитывается в полной мере растущая роль взаимодействия с участием получателей государственных услуг в инновационных процессах в исследуемом секторе. В этой связи возникает необходимость разработки

¹ Платформа обратной связи // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/activity/directions/1058/> (дата обращения: 07.12.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года». Раздел VII. Оценка социально-экономической эффективности формирования электронного правительства // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76942/c0c04615b70463b11e14910c51493f5a9e4e5e80/ (дата обращения: 19.11.2023); Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года» (с изменениями и дополнениями) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 15.12.2023); Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 15.12.2023).

методики оценки результатов данного взаимодействия. При этом подобная методика должна иметь практико-ориентированный характер, а получаемые результаты должны соответствовать требованиям верифицируемости и информативности.

В соответствии с авторским подходом, в состав частных показателей эффективности взаимодействия между органами государственного управления и получателями государственных услуг включены:

- 1) уровень цифровой зрелости региона, представляющий собой динамичный показатель отношения величины интегрального показателя уровня цифровой зрелости государственного управления в регионе к установленному целевому значению за текущий период;
- 2) удельный вес данных, переведенных в цифровую форму, определяемый на основе информации, которая предоставляется органами государственного управления;
- 3) уровень финансирования проектов цифровизации (ФЦ) в регионе, представляющий собой отношение объема бюджета на цифровые и информационно-коммуникационные технологии в расчете на душу населения к аналогичному показателю региона-лидера в данном рейтинге (в этом случае, за исключением соответствующего бюджета города федерального значения Москвы, его показатель ФЦ принимается как равный 1);
- 4) показатель эффективности деятельности правительства в субъекте РФ (используется сумма баллов из рейтингов эффективности управления в субъектах Российской Федерации, подготовленный Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) за 2021³ и 2022⁴ годы);
- 5) доля населения субъекта РФ, получающая государственные услуги в электронной форме (ДНПГ);
- 6) доля населения от его общей численности в субъекте Российской Федерации, активно использующего данные в сети Интернет (ДИИ);
- 7) уровень цифровой грамотности населения (УЦГ), который определяется на основе собственной оценки в соответствии с пятибалльной шкалой и который представлен в виде среднего арифметического полученных ответов и нормализован относительно единицы;
- 8) доля организаций, взаимодействующих с государственными органами в электронной форме (ДОПГ);
- 9) уровень достаточности для населения информации о предоставляемых государственных услугах в электронной форме (ДИГ). Абсолютная удовлетворенность населения информацией об электронных услугах оценивается как равная 1;
- 10) динамика развития электронного правительства (ДРЭП) с позиций получателей государственных услуг, которая оценивается с использованием средней величины изменений показателей численности населения и количества организаций, получающих государственные услуги в электронной форме.

³ IX рейтинг эффективности управления в субъектах РФ в 2021 году // Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК) [Электронный ресурс]. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=7691 (дата обращения: 7.01.2024).

⁴ X рейтинг эффективности управления в субъектах РФ в 2022 году // Агентство политических и экономических коммуникаций (АПЭК) [Электронный ресурс]. URL: http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=8422 (дата обращения: 07.12.2023).

Все показатели представлены в индексной форме, что обеспечивает соизмеримость предложенных показателей. Использование индексных расчетов при установлении уровня взаимодействия с органами власти в электронной форме обусловливается необходимостью получения таких результатов, как:

- оценка относительных изменений или динамики критериев, включаемых в состав совокупного показателя эффективности взаимодействия получателей государственных услуг в электронной форме с органами власти;
- определение степени влияния критериев в составе совокупного показателя на его результирующую величину;
- формирование выводов о влиянии конкретного критерия на динамику совокупного показателя уровня взаимодействия получателей государственных услуги с органами власти в электронной форме.

Применение индексного метода обуславливает формирование совокупного показателя уровня взаимодействия с органами власти в электронной форме в виде среднего гармонического представленных критериев по формуле (1):

$$СП_{ув} = \frac{10}{\sum_{i=1}^{10} K_i}, \quad (1)$$

где $СП_{ув}$ — совокупный показатель уровня взаимодействия получателей государственных услуг с органами власти в электронной форме; K_i — критерии информатизации регионов для установления уровня взаимодействия с органами власти в электронной форме.

Выбор данной формулы обусловлен индексными расчетами в рамках поставленной задачи, а также определением центральной тенденции, усредняющей обратные значения критериальных показателей.

Предлагаемый совокупный показатель уровня взаимодействия с органами власти в электронной форме является интегральной величиной, который может использоваться для оценки эффективности функционирования электронного правительства и качества государственных услуг, а также для проведения межрегиональных сопоставлений и определения соответствия полученных результатов целевым ориентирам цифровой трансформации российской экономики.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности инноваций в секторе государственного управления, определить растущую роль взаимодействий между органами государственного управления и получателями государственных услуг в повышении качества последних, а также предложить методику оценки подобных взаимодействий. Полученные результаты могут быть использованы при разработке методических подходов к оценке результатов цифровизации сектора государственного управления, а также для формирования рекомендаций, направленных на дальнейшее развитие электронного правительства.

Список литературы:

Афанасьев Р.С., Богданов Л.Н. Российские инновации в секторе государственного управления в международном контексте // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 6–2. С. 35–42.

Барабашев А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.

Гребер Д. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. Москва: Ad Marginem; 2016.

Добрынин Н.М. Вновь к вопросу о государственном суверенитете и новой геополитике: аксиология права и размышления автора // Государство и право. 2019. № 5. С. 41–53. DOI: [10.31857/S013207690004859-6](https://doi.org/10.31857/S013207690004859-6)

Дэвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику. Преимущества и сложности. Москва: ООО «Альпина Паблицер», 2021.

Иванова М.В., Якимчук Н.Н. Реинжиниринг административных процессов в органах государственной власти субъекта Федерации (опыт Ленинградской области) // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1(54). С. 143–153. DOI: [10.25683/VOLBI.2021.54.151](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.54.151)

Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е. О перспективах третьей волны парадигмы цифрового государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 256–276. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-84-256-276](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-256-276)

Леонтьева Л.С., Романченко М.К. Трансформация репутационного капитала региона и власти Российской Федерации в условиях изменения политической ситуации в мире // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 4. С. 23–34. DOI: [10.25198/2077-7175-2023-4-23](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-23)

Лихтин А.А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 18–26. DOI: [10.22394/1726-1139-2021-4-18-26](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-18-26)

Майлс Й. Сервисные инновации в XXI веке // Форсайт. 2011. Т. 5. № 2. С. 4–15.

Никонов В.А. Задачи науки государственного и муниципального управления. К 30-летию факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 3–13. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13)

Чесбро Г. Открытые инновации. Создание прибыльных технологий. Москва: Поколение, 2007.

Эффективность государственного управления / под общ. ред. С.А. Батчикова, С.Ю. Глазьева. Москва: Консалтбанкир, 1998.

Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 33–73. DOI: [10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73)

Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle. New Brunswick (U.S.A), London (U.K.): Transaction Publishers, 1983.

Leydesdorff L., Etzkowitz H., Kushnir D. Globalization and Growth of US University Patenting, (2009–2014) // Industry and Higher Education. 2016. Vol. 30. Is. 4. P. 257–266. DOI: [10.1177/0950422216660253](https://doi.org/10.1177/0950422216660253)

Montagna J.M. A Framework for the Assessment and Analysis of Electronic Government Proposals // Electronic Commerce Research and Applications. 2005. Vol. 4. Is. 3. P. 204–219. DOI: [10.1016/j.eelerap.2005.01.003](https://doi.org/10.1016/j.eelerap.2005.01.003)

Windrum P. Innovation and Entrepreneurship in Public Services // Innovation in Public Sector Services: Entrepreneurship, Creativity and Management / ed. by P. Windrum, P. Koch. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2008. P. 3–20.

References:

Afanas'yev R.S., Bogdanov L.N. (2019) Russian Innovations in the Public Administration Sector in the International Context. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy ekonomiki*. No. 6(2). P. 35–42.

Barabashev A.G. (2016) Crisis of State Governance and its Influence on Basic Administrative Paradigms of State and Bureaucracy. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 3. P. 163–194.

Batchikov S.A., Glaziev S.Yu. (eds.) (1998) *Public Productivity Handbook*. Moscow: Konsaltbankir.

- Chesbrough H. (2007) *Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Moscow: Pokolenie.
- Graeber D. (2016) *The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy*. Moscow: Ad Marginem.
- Davenport T. (2021) *The AI Advantage: How to Put the Artificial Intelligence Revolution to Work*. Moscow: Alpina Publisher.
- Dobrynin N.M. (2019) Again to the Issue of State's Sovereignty and New Geopolitics: Legal Axiology and Author's Reflections. *Gosudarstvo i pravo*. No. 5. P. 41–53. DOI: [10.31857/S013207690004859-6](https://doi.org/10.31857/S013207690004859-6)
- Ivanova M.V., Yakimchuk N.N. (2021) Government Process Reengineering in the Regional Public Authorities (Leningrad Region's Case). *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. No. 1(54). P. 143–153. DOI: [10.25683/VOLBI.2021.54.151](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2021.54.151)
- Kupryashin G.L., Shramm A.E. (2021) On the Outlook for the Third Wave of Digital Era Governance. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 84. P. 256–276. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-84-256-276](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-256-276)
- Leontieva L.S., Romanchenko M.K. (2023) Transformation of the Reputational Capital of the Region and the Authorities of the Russian Federation in the Context of Changing Political Situation in the World. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. No. 4. P. 23–34. DOI: [10.25198/2077-7175-2023-4-23](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-4-23)
- Leydesdorff L., Etzkowitz H., Kushnir D. (2016) Globalization and Growth of US University Patenting, (2009–2014). *Industry and Higher Education*. Vol. 30. Is. 4. P. 257–266. DOI: [10.1177/0950422216660253](https://doi.org/10.1177/0950422216660253)
- Likhtin A.A. (2021) Transformation of Public Administration in the Digital Era. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 4. P. 18–26. DOI: [10.22394/1726-1139-2021-4-18-26](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-18-26)
- Miles I. (2011) Service Innovation in the Twenty First Century. *Foresight-Russia*. Vol. 5. No. 2. P. 4–15.
- Montagna J.M. (2005) A Framework for the Assessment and Analysis of Electronic Government Proposals. *Electronic Commerce Research and Applications*. Vol. 4. Is. 3. P. 204–219. DOI: [10.1016/j.eelerap.2005.01.003](https://doi.org/10.1016/j.eelerap.2005.01.003)
- Nikonov V.A. (2023) Objectives of the Science of Public Administration. To the 30th Anniversary of the School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. Vol. 20. No. 4. P. 3–13. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-3-13)
- Schumpeter J.A. (1983) *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle*. New Brunswick (U.S.A), London (U.K.): Transaction Publishers.
- Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Starostina A.N. (2023) Digitalization of Interaction between Citizens and State: Citizens' Assessment of Effects, Risks and Prospects. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 2. P. 33–73 DOI: [10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73)
- Windrum P. (2008) Innovation and Entrepreneurship in Public Services. In: Windrum P., Koch P. (eds.) *Innovation in Public Sector Services: Entrepreneurship, Creativity and Management*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. P. 3–20.

Дата поступления/Received: 16.12.2023

Региональная экономика
Regional economy

УДК 332.1

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-192-206

Дифференциация заработной платы, обусловленная неравенством возможностей,
в российских регионах¹

Гвоздева Маргарита Александровна

Научный сотрудник, SPIN-код РИНЦ: [1367-0491](#), ORCID: [0000-0003-4574-0486](#), gvozdeva@ranepa.ru

РАНХиГС, Москва, РФ.

Баринаова Вера Александровна

Кандидат экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [2525-0853](#), ORCID: [0000-0002-9596-4683](#), barinova-va@ranepa.ru

РАНХиГС, Москва, РФ.

Аннотация

Дифференциация достижений индивида включает в себя, во-первых, «справедливое» неравенство, обусловленное факторами, находящимися в зоне персональной ответственности (усилия, упорство, трудолюбие и т.п.), во-вторых, «несправедливое», обусловленное факторами, которые индивид не может контролировать и изменить (пол, возраст, место рождения, качество воспитания, доход семьи, в которой воспитывался индивид, и т.п.). Именно на сокращение второго типа неравенства — неравенства возможностей — должны быть направлены меры государственной политики. В данной работе предпринимается попытка оценки дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, на микроданных (с использованием результатов «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата). В качестве факторов-обстоятельств, оказывающих влияние на достижения индивида, учитывались пол, возраст, размер населенного пункта (село, село, маленький город (менее 50 тыс. чел.), средний город (500–500 тыс. чел.), большой город (более 500 тыс.)), в котором проживает индивид, а также отсутствие высшего образования. В ходе исследования было выявлено, что уровень неравенства возможностей в целом по России снижается, однако диспропорции регионов по данному показателю существенно не изменяются. Наряду с этим неоднородность субъектов РФ по уровню неравенства возможностей выше, чем по уровню общего неравенства трудового дохода. Разница между минимальным и максимальным общим индексом дифференциации заработной платы в 2021 г. составляла 5,5 раза, тогда как по неравенству возможностей — 7,2 раза. Неравенство возможностей объясняет как минимум 20–24% общей дифференциации заработной платы.

Ключевые слова

Неравенство возможностей, дифференциация трудового дохода, региональное неравенство, факторы-обстоятельства, подход ex-ante.

Для цитирования

Гвоздева М.А., Баринаова В.А. Дифференциация заработной платы, обусловленная неравенством возможностей, в российских регионах // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 192–206. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-192-206

Differentiation of Salaries due to Inequality of Opportunities in Russian Regions²

Margarita A. Gvozdeva

Researcher, ORCID: [0000-0003-4574-0486](#), gvozdeva@ranepa.ru

RANEPA, Moscow, Russian Federation.

Vera A. Barinova

PhD, ORCID: [0000-0002-9596-4683](#), barinova-va@ranepa.ru

RANEPA, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Differentiation of an individual's achievements includes, firstly, «fair» inequality caused by factors within the area of personal responsibility (effort, perseverance, etc.); secondly, the «unfair» one, caused by factors that the individual cannot control or change (male, age, place of birth, quality of upbringing, etc.). It is precisely reducing the second type of inequality — inequality of opportunities — that government policy measures should be aimed at. This research seeks to estimate the wage differentiation caused by inequality of opportunities using microdata (according to the sample observation by Rosstat). The factors-circumstances influencing the individual's achievements included gender, age, size of the locality where the individual lives, lack of higher education. The study has revealed that the level of inequality of opportunity in Russia is decreasing, but regional disparities by this indicator do not change significantly. At the same time, the heterogeneity of the subjects of the Russian Federation in terms of the level of inequality of opportunities is higher than that of general inequality of labor income. The difference between the minimum and maximum overall salary differentiation index in 2021 was 5.5 times, while for inequality of opportunity the difference was 7.2 times. Inequality of opportunities explains at least 20–24% of total wage differentials.

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

² The article has been prepared as a part of RANEPA state assignment.

Keywords

Inequality of opportunity, differentiation of labor income, regional inequality, factors-circumstances, ex-ante approach.

For citation

Gvozdeva M.A., Barinova V.A. (2024) Differentiation of Salaries due to Inequality of Opportunities in Russian Regions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 192–206. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-192-206

Введение

Достижение консенсуса в академических кругах и обществе относительно того, что неравенство, вызванное социально-экономическими факторами, лежащими вне зоны персональной ответственности индивидов, является несправедливым, сместило акцент исследований с общего неравенства в сторону неравенства возможностей [Palomino et al. 2018].

Неравенство достижений включает в себя две компоненты. Во-первых, это неравенство, обусловленное факторами-усилиями, которые находятся в компетенции индивида и являются его зоной персональной ответственности. Например, упорство, трудолюбие, старание и т.п. Данный тип неравенства справедлив и общественно полезен, потому что обеспечивает вознаграждение за прилагаемые усилия и стимулирует реализацию потенциала индивида. Во-вторых, это неравенство, обусловленное факторами-обстоятельствами, находящимися вне зоны персональной ответственности, такими как пол, возраст, характеристики региона, в котором проживает индивид, качество воспитания и т.п. Данный тип неравенства несправедлив и общественно вреден, так как препятствует реализации потенциала индивида, и поэтому требует коррекции со стороны госполитики.

При разработке мер по борьбе с неравенством, в том числе при формировании перераспределительной политики, необходимо фокусироваться на выравнивании возможностей, а не на сокращении общей дифференциации.

Дифференциация достижений индивидов, обусловленная неравенством возможностей, ведет к неэффективному распределению усилий и использованию человеческого капитала [Voitchovsky 2009], а также тормозит динамику производства и замедляет скорость технологических изменений в экономике [Lucas 1988]. Все эти факторы в совокупности сокращают агрегированные общественные результаты.

Многие исследователи в своих работах уделяют особое внимание изучению влияния неравенства на экономический рост, однако однозначных выводов относительно характера причинно-следственной связи получено не было. Некоторые авторы [Aiyar, Ebeke 2020] объясняют это тем, что неравенство возможностей оказывает негативное влияние на экономический рост, тогда как неравенство, обусловленное усилиями индивида, напротив, стимулирует рост экономики.

Целью данной работы является оценка дифференциации трудовых доходов, обусловленной неравенством возможностей, как в целом по России, так и в разрезе регионов. Объект исследования — трудовые доходы жителей субъектов РФ. Предмет исследования — дифференциация трудовых доходов населения, в том числе обусловленная неравенством возможностей. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- подготовлен обзор теоретических и эмпирических работ по теме исследования;
- собрана база данных по трудовым доходам индивидов, а также их характеристикам (пол, возраст, уровень образования, тип населенного пункта проживания);
- рассчитан индекс дифференциации заработной платы;
- рассчитан индекс дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей;
- рассчитан вклад неравенства возможностей в общее неравенство.

Обзор литературы

В рамках критики эгалитаризма благосостояния в конце прошлого века зародилась теория социальной справедливости. Одним из ее основоположников является Р. Тоуни, который продвигал идею о том, что все индивиды должны иметь возможность извлечь из своих достоинств максимум выгод [Tawney 1964].

Дж. Ролс [Rawls 1971] представил концепцию равенства первичных благ — средств, которые позволяют индивиду реализовать свой жизненный потенциал и включают в себя права, свободы, богатство, возможности и доходы. Распределение первичных благ происходит в рамках базисной структуры общества. Если неравенство в благосостоянии возникает из-за разных стратегий использования первичных благ, то это справедливо. Если дифференциация благосостояния возникает из-за неравного доступа к первичным благам, то это несправедливо и требует коррекции со стороны госполитики.

Идею о том, что в качестве идеала равенства нельзя рассматривать равенство благосостояния, озвучил Р. Дворкин [Dworkin 1981a; Dworkin 1981b]. Исследователь указывал, что индивид должен отвечать за те предпочтения, которые он выбирает, и не должен отвечать за аспекты физической и биологической среды. Поэтому в качестве равенства необходимо рассматривать равенство ресурсов.

В дальнейшем исследователи Р. Арнесон [Arneson 1989] и Дж. Коэн [Cohen 1989] предложили заменить понятие «неравенство ресурсов» понятием «неравенство возможностей», а также с нормативной точки зрения подошли к определению идеала равенства возможностей. Первый подход базируется на принципе компенсации. По мнению Дж. Коэна, компенсировать нужно только ту часть неравенства, которая обусловлена факторами, неподвластными индивидам. В ряде случаев, отмечал исследователь, увеличению уровня благосостояния препятствуют нехватка ресурсов и дороговизна их применения, и индивид никак не может повлиять на эти обстоятельства. Поэтому такое неравенство следует корректировать [Cohen 1989].

Второй подход базируется на принципе естественной награды. По мнению Р. Арнесона, человек должен отвечать за то, какой жизненный путь он выбирает [Arneson 1989]. Перераспределительный механизм должен быть направлен не на достижение фактического благосостояния, а на достижение гипотетического состояния. Для этого необходимо выравнивать потенциальные возможности, однако индивид должен нести ответственность за то, что он принял решения, которые привели к снижению уровня благосостояния по сравнению с уровнем благосостояния индивидов, имевших аналогичные потенциальные возможности и принимавших другие решения с другими характеристиками риска (Рисунок 1).

Рисунок 1. Принципы концепции неравенства возможностей³

Одной из основных проблем теории равных возможностей является проблема разграничения факторов на те, которые относятся к обстоятельствам, и на те, которые индивид сам контролирует. Данные факторы классифицируются следующим образом:

- 1) внешние факторы, которые индивид контролировать не может. Это раса, пол, уровень благополучия и благосостояния семьи, в которой вырос индивид, образование и профессии родителей индивида, социально-экономические характеристики населенного пункта, в котором вырос индивид, и т.п.;
- 2) внутренние факторы, формирующие индивидуальность человека, однако находящиеся вне зоны его персональной ответственности. К таким факторам относятся физические характеристики индивида, обусловленные генетикой; психологические особенности, обусловленные генетикой и стилем воспитания; таланты и другие характеристики индивида;
- 3) факторы «свободного выбора» — усилия, которые индивид прилагает для достижения целей. К таким факторам относится успеваемость в ходе получения образования, интенсивность работы, семейный статус, наличие детей и др.;
- 4) факторы, которые не связаны с личными характеристиками человека, однако оказывающие влияние на уровень его индивидуальных достижений. Причем влияние может быть как положительным, так и отрицательным. К таким факторам относятся знакомства и другие случайные обстоятельства [Ибрагимова, Франц 2020b].

Р. Арнесон и Дж. Козн в зону ответственности индивида относили прилагаемые усилия, то есть факторы «свободного выбора». Тогда как Р. Дворкин [Dworkin 1981a] и Т. Скэнлон [Scanlon 1988] считали, что индивид должен нести еще ответственность и за часть своей индивидуальности, даже если она им не контролируется в значительной степени.

В литературе встречаются еще два подхода к возникновению дифференциации достижений индивида, обусловленных неравенством возможностей, — меритократический и теория равных возможностей [Ибрагимова, Франц 2020b]. В рамках первого подхода предполагается, что индивиды, которые имеют одинаковые цели, прикладывают одинаковые усилия и выбирают одинаковые пути для ее реализации, должны иметь одинаковые достижения. Тогда как сторонники теории равных

³ Составлено авторами.

возможностей указывают, что корректировке должно подвергаться любое влияние обстоятельств на индивидуальные достижения.

Подробная классификация факторов-обстоятельств была разработана латиноамериканскими исследователями [Paes de Barros et al. 2009]. Факторы обстоятельства они разбили на три группы. К первой группе относятся индивидуальные характеристики человека, обусловленные генетикой, — таланты и неполноценности. Примечательно, что среди исследователей нет консенсуса относительно того, являются ли эти факторы-обстоятельства справедливыми, или нет. Согласно одному мнению, эти факторы выходят за рамки персональной ответственности индивида, поэтому требуют коррекции; согласно другому — они формируют индивидуальность, поэтому не должны компенсироваться.

Во вторую группу факторов-обстоятельств входят факторы социальной дискриминации. К ним относятся возраст, пол, национальность, раса и т.п. Исследователи сходятся во мнении, что дискриминация по этим признакам является несправедливой и требует коррекции. Однако споры вызывает уровень элиминирования социальной дискриминации, поэтому в разных странах объем ресурсов, выделяемый на решение данной проблемы, существенно различается.

В третью группу факторов-обстоятельств включаются базовые факторы, которые возникают на ранних стадиях жизни, но оказывают влияние на достижения индивида во взрослой жизни. К таким факторам относятся особенности семьи, в которой родился и вырос человек, характеристики инфраструктуры и уровень благосостояния территории, на которой проживал индивид в детстве, и т.п. Исследователи считают дифференциацию достижений, возникшую под влиянием этих факторов-обстоятельств, несправедливой, требующей коррекции.

Дж. Ремер [Roemer 1998] формализовал неравенство возможностей и указал, что неравенство индивидуальных достижений включает в себя две детерминанты: обстоятельства, которые индивид не контролирует, и усилия, которые индивид прилагает для достижения цели и которые полностью зависят только от него самого. Равенство возможностей с формальной точки зрения достигается, когда условное распределение достижений индивида при фиксированном наборе обстоятельств равно его безусловному распределению.

Формализация неравенства возможностей позволила провести ряд эмпирических работ на эту тему.

В работе итальянских ученых [Cecchi, Peragine 2005] было выявлено, что в Италии неравенство возможностей объясняет 20% общей дифференциации доходов. Регионы, расположенные на юге страны, по сравнению с северными регионами характеризовались более высоким уровнем дифференциации доходов, обусловленных неравенством возможностей. Было выявлено также, что индивиды с высоким человеческим капиталом, но с низким социальным происхождением имеют меньше шансов на успешную реализацию своего жизненного плана.

Французские ученые [Carpantier, Sapata 2013] оценили уровень дифференциации доходов, обусловленной неравенством возможностей, в регионах Франции. Рейтинг регионов и по неравенству возможностей, и по общему неравенству похожи, однако корреляция между показателями не была установлена. Авторы указывают, что при разработке политики, направленной на сокращение неравенства возможностей, необходимо учитывать региональные особенности.

В работе Х. Переса-Майо [Perez-Mayo 2019] пространственный фактор — место жительства индивида — рассматривается как фактор-обстоятельство. Исследователь, анализируя регионы Испании, пришел к выводу, что неравенство возможностей в общее неравенство вносит 10%. Наряду с этим в ряде регионов повышен риск наследования бедности, что создает так называемые «ловушки бедности», которые очень сложно поддаются коррекции.

А. Альварес и А. Мендес [Alvarez, Menendez 2020] оценили дифференциацию доходов, обусловленную неравенством возможностей, в испанских регионах в период с 2004 по 2010 гг. на микроданных. Исследователи выявили, что усиление дифференциации доходов сопровождается усилением неравенства возможностей. Между тем за анализируемый период общее неравенство выросло на 17,7%, тогда как неравенство возможностей — на 60,9%. Было установлено, что вклад в неравенство возможностей такого фактора-обстоятельства, как место рождения (непосредственно Испания или другая страна), за анализируемый период увеличивался, при этом вклад характеристик семьи, в которой вырос индивид, снижается.

П. Брунори [Brunori 2017] изучал восприятие респондентами неравенства возможностей и пришел к выводу, что важными определяющими факторами, влияющими на то, как воспринимается неравенство, являются характеристики страны и опыт социальной мобильности между поколениями.

В России интерес к теме неравенства возможностей также растет. З.Ф. Ибрагимова и М.В. Франц [Ибрагимова, Франц 2020а] рассматривают размер населенного пункта и регион, в котором проживает индивид, в качестве факторов-обстоятельств. Согласно полученным оценкам, пространственный фактор (размер населенного пункта и регион) объясняет 70% дифференциации доходов. Вклад неравенства возможностей в общий уровень дифференциации доходов составляет 30%. Было установлено также, что российские регионы неоднородны не только по уровню общего неравенства, но и по уровню дифференциации трудового дохода, обусловленной неравенством возможностей.

В другой своей статье [Ибрагимова, Франц 2019] авторы в качестве факторов-обстоятельств, оказывающих влияние на уровень неравенства возможностей, рассматривают образование и профессиональный статус родителей.

В ходе исследования [Ибрагимова, Франц 2020с] было выявлено, что неравенство возможностей объясняет 18–24% дифференциации заработной платы и 12–21% дифференциации индивидуального дохода. Похожие результаты получили и авторы другого исследования [Карцева, Кузнецова 2020]. Согласно их расчетам, вклад неравенства возможностей в дифференциацию трудовых доходов составляет 23–25%, в дифференциацию среднедушевых доходов — 16–19%.

Методика расчета индекса дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей

В научной литературе разработано два метода измерения уровня дифференциации доходов, обусловленной неравенством возможностей. Первый метод — параметрический [Bourguignon et al. 2003], в рамках которого сравниваются между собой уровень дифференциации реальных достижений и уровень дифференциации гипотетических достижений, то есть достижений, которые были бы у индивида, если бы факторы-обстоятельства не оказали влияния.

Второй метод — непараметрический [Cecchi, Peragine 2010], в рамках которого индивиды разделяются на однородные группы либо с точки зрения факторов-обстоятельств, либо с точки зрения факторов-усилий. Достоинства и недостатки двух подходов представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнение параметрического и непараметрического подходов оценки неравенства возможностей⁴

Метод	Суть метода	Плюсы/ Минусы
Параметрический	Выбирается конкретная форма связи достижения индивида с факторами, его определяющими. Далее оцениваются параметры модели с помощью регрессионного анализа.	<p>Преимущества:</p> <ul style="list-style-type: none"> — возможность рассматривать как дискретные, так и непрерывные факторные переменные; — нет требований к численности выборки. <p>Недостатки:</p> <ul style="list-style-type: none"> — ошибки спецификации; — более сложный в вычислительном плане.
Непараметрический	Функция связи достижения с факторами-обстоятельствами и факторами-усилиями неизвестна, однако считается, что она удовлетворяет определенным условиям – при увеличении усилий монотонно увеличивается.	<p>Преимущества:</p> <p>более простой в вычислительном плане.</p> <p>Недостатки:</p> <p>требует дискретных факторов.</p>

В рамках данного исследования для расчета уровня дифференциации трудовых доходов, обусловленной неравенством возможностей, использовался параметрический метод оценки на основе подхода ex-ante. В рамках этого подхода предполагается, что равенство возможностей достигается в случае, если средние достижения индивидов с разными обстоятельствами одинаковы.

Формализовать метод оценки уровня дифференциации достижений, обусловленной неравенством возможностей, можно следующим образом [Ferreira, Gignoux 2011]. Взаимосвязь между обстоятельствами, усилиями и доходом описывается по формуле (1):

$$y_i = f(C_i, E_i, u_i), \quad (1)$$

где y_i — доход i -го индивида, C_i — факторы-обстоятельства (пол, возраст, место рождения и т. п.), E_i — факторы-усилия (трудолюбие, целеустремленность и т.п.), u_i — случайная ошибка.

Принимая во внимание, что, во-первых, факторы-усилия могут частично зависеть от факторов-обстоятельств, которые сами по определению являются экзогенными, во-вторых, найти данные, а также количественно оценить факторы-усилия не всегда представляется возможным, формулу 1 можно преобразовать следующим образом:

$$y_i = f(C_i, E_i(C_i, v_i), u_i), \quad (2)$$

где v_i — случайная ошибка, отражающая влияние прочих факторов на усилия индивида.

Учитывая вышеизложенное, получаем уравнение, отражающее зависимость достижений индивида от факторов-обстоятельств (уравнение короткой регрессии):

$$\ln(y_i) = \varphi C_i + \varepsilon_i, \quad (3)$$

где φ — вектор регрессионных коэффициентов, ε_i — случайная ошибка.

В рамках данного исследования в качестве факторов-обстоятельств будем учитывать пол, возраст индивида, размер населенного пункта, в котором он проживает, и наличие высшего образования. Безусловно, список факторов-обстоятельств намного больше, однако приходится учитывать только те, по которым есть данные.

Отнесение размера населенного пункта, в котором проживает индивид, к факторам-обстоятельствам (то есть находящимся вне зоны персональной ответственности) является спорным вопросом. На первый взгляд кажется, что индивид самостоятельно может решить, в каком регионе и

⁴ Составлено авторами.

в каком населенном пункте ему жить. Между тем если этот фактор отнести только к зоне персональной ответственности, то все население должно сконцентрироваться в столице или других «богатых» городах, где уровень дохода выше, а качество инфраструктуры лучше. По этой логике получится, что дифференциация заработной платы, обусловленная типом населенного пункта, в котором проживает индивид, справедливо и не должна корректироваться, что противоречит стратегиям развития регионов [Ибрагимова, Франц 2020a].

Характеристики территории, на которой проживает индивид (социальные, культурные, географические, экологические и др.) создают определенные условия и ограничения для реализации жизненного плана человека. Если рассмотреть двух индивидов с одинаковыми персональными характеристиками, то индивид, проживающий в большом городе, будет иметь больше шансов на успех (на получение более высоких достижений), чем индивид, проживающий в деревне. Низкая заработная плата индивида может частично объясняться особенностями рынка труда региона, в котором он проживает.

Еще одним спорным моментом является отнесение наличия высшего образования к факторам-обстоятельствам. Уровень образования зависит не только от усилий индивида, но и от факторов, находящихся вне зоны его персональной ответственности, — дохода и места жительства семьи, в которой вырос индивид, манеры воспитания, качества полученного школьного образования и др. В рамках данного исследования делаем допущение, что индивид не получил высшего образования в силу факторов, не зависящих от него. Например, из-за личностных характеристик, обусловленных врожденными особенностями, и «плохого» воспитания, которые препятствовали успешному освоению школьной программы и продолжению образования в высшем учебном заведении.

Для того, чтобы учесть нелинейный характер связи между возрастом и уровнем дохода в модель добавляется квадрат показателя возраста.

С помощью метода наименьших квадратов (МНК) оценивалась следующая спецификация:

$$\ln(Inc_i) = \beta_0 + \beta_1 Male_i + \beta_2 Age_i + \beta_3 Age_i^2 + \beta_4 EDU_i + pType_i + \varepsilon_i, \quad (4)$$

где Inc_i — заработная плата индивида, $Male_i$ — пол индивида (1 — мужчина, 0 — женщина), Age_i — возраст индивида, EDU_i — наличие высшего образования (бинарная переменная, где 1 — есть высшее образование, 0 — нет высшего образования), $Type_i$ — тип населенного пункта (бинарные векторы). Населенные пункты разбиваются на группы в зависимости от численности населения: село, маленький город (менее 50 тыс. чел.), средний город (500–500 тыс. чел.), большой город (более 500 тыс.); β — регрессионный коэффициент, p — вектор регрессионных коэффициентов, отражающих влияние того, в каком типе населенного пункта проживает индивид.

Прогнозные значения \widehat{Inc}_i являются условными средними индивидуальными достижений, и их вариация обусловлена исключительно вариацией факторов-обстоятельств.

Непосредственно сам индекс дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, рассчитывался по формуле (5):

$$I(Inc) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \ln \left(\frac{\widehat{Inc}}{Inc_i} \right), \quad (5)$$

где Inc_i — заработная плата i -го индивида, n — количество индивидов, включенных в выборку, \widehat{Inc} — среднее арифметическое значение заработной платы всех индивидов, включенных в выборку.

Вклад неравенства возможностей в общее неравенство рассчитывается как отношение индекса дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, к общему индексу дифференциации заработной платы.

База данных

В качестве источника данных использовались результаты «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах»⁵, проводимого Росстатом ежегодно с 2013 г. В выборку были включены только работающие респонденты в возрасте от 25 до 65 лет включительно.

Данные в целом по России и по регионам являются репрезентативными. В Таблице 2 представлена информация об общем количестве наблюдений и количестве наблюдений, которые попали в выборку настоящего исследования.

Таблица 2. Общий объем наблюдений и объем наблюдений, включенный в выборку⁶

Год	Общее количество наблюдений	Количество наблюдений, включенных в выборку
2013	105621	42921
2014	105098	42566
2015	138394	55454
2016	324353	121911
2017	138218	54403
2018	135549	53012
2019	132042	50723
2020	128131	49811
2021	339720	122236

В Таблице 3 представлена описательная статистика результатов опроса выборочного наблюдения Росстата. Структура выборки как по половозрастному составу, так и по месту жительства респондентов, а также по уровню их образования является стабильной на протяжении всего анализируемого периода. Следовательно, рассчитанные на этих данных индексы неравенства в заработной плате можно сравнивать между собой в динамике.

Таблица 3. Описательная статистика выборочного наблюдения⁷

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Возраст респондентов	42,79	42,91	43,08	42,82	42,99	43,02	43,46	43,65	43,56
Пол респондентов:									
женский	52,01	51,71	51,71	51,43	50,93	51,67	51,96	52,35	51,67
мужской	47,99	48,29	48,29	48,57	49,07	48,33	48,04	47,65	48,33
Наличие высшего образования	34,90	34,77	32,15	32,69	33,27	33,51	32,68	32,46	32,34
Тип населенного пункта:									
село	26,40	25,83	27,96	27,63	27,72	28,06	27,07	27,65	27,73
маленький город (менее 50 тыс. жителей)	22,09	25,54	26,80	24,11	25,52	24,44	25,77	26,01	25,26

⁵ Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 16.01.2024).

⁶ Составлено авторами.

⁷ Составлено авторами.

средний город (50–500 тыс. жителей)	26,37	24,07	23,50	23,66	23,95	23,85	24,69	24,59	23,80
большой город (более 500 тыс. жителей)	25,06	24,55	21,73	24,60	22,81	23,65	22,46	21,75	23,20

В качестве показателя «Зарботная плата» учитывалось «Денежное вознаграждение до выплаты подоходного налога, включая денежную оценку льгот, предоставленных работодателем (по основному месту работы)». В Таблице 4 приведена описательная статистика данных по заработной плате.

Таблица 4. Описательная статистика данных по заработной плате⁸

Год	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана
2013	290555	234461	231724
2014	310964	244996	242759
2015	320328	252781	248276
2016	330446	245116	275862
2017	353038	252839	282759
2018	380367	267705	308046
2019	410587	284642	344828
2020	427169	286280	360000
2021	462483	286208	388534

Результаты

В ходе МНК-оценки модели все коэффициенты получились значимыми на 1%-м уровне. Зарботная плата мужчин при прочих равных выше заработной платы женщин. Коэффициент при возрасте положительный, а при его квадрате отрицательный, что объясняется нелинейным характером связи. Сначала при увеличении возраста, а соответственно, и опыта заработная плата возрастает, потом, после определенного порога, она начинает снижаться. Зарботная плата жителей сел и небольших городов ниже заработной платы жителей больших городов. Наличие высшего образования дает прибавку к заработной плате (Таблица 5).

Таблица 5. Результаты МНК-оценки регрессии, описывающей влияние факторов-обстоятельств на уровень заработной платы индивидов в целом по России⁹

Факторы-обстоятельства	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Пол (мужской)	0,397	0,389	0,359	0,335	0,345	0,323	0,313	0,308	0,293
Возраст	0,068	0,071	0,064	0,061	0,057	0,059	0,057	0,048	0,046
Возраст ²	-0,001	-0,001	-0,001	-0,001	-0,001	-0,001	-0,001	-0,001	-0,001
Наличие высшего образования	0,442	0,440	0,403	0,383	0,369	0,352	0,331	0,322	0,294
Село	-0,647	-0,695	-0,688	-0,649	-0,610	-0,576	-0,563	-0,501	-0,516
Город менее 50 тыс.	-0,385	-0,445	-0,454	-0,436	-0,415	-0,387	-0,365	-0,315	-0,323
Город от 50 до 500 тыс.	-0,299	-0,347	-0,350	-0,337	-0,332	-0,304	-0,282	-0,260	-0,243

⁸ Составлено авторами.

⁹ Составлено авторами.

В рамках исследования были рассчитаны общие индексы дифференциации заработной платы и индексы дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей. Результаты расчета приведены в Таблице 6.

Таблица 6. Общий индекс дифференциации заработной платы и индекс дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей¹⁰

	Общий индекс дифференциации заработной платы				Индекс дифференциации заработной платы, обусловленный неравенством возможностей			
	Значение	Min	Медиана	Max	Значение	Min	Медиана	Max
2013	0,279	0,0966	0,2071	0,3208	0,059	0,0128	0,0520	0,1102
2014	0,267	0,0617	0,1938	0,3861	0,066	0,0179	0,0550	0,1299
2015	0,265	0,0846	0,1872	0,3021	0,061	0,0124	0,0511	0,0829
2016	0,239	0,0478	0,1709	0,2609	0,056	0,0069	0,0447	0,0709
2017	0,230	0,0573	0,1705	0,3071	0,051	0,0094	0,0443	0,0896
2018	0,219	0,0456	0,1518	0,2647	0,047	0,0107	0,0350	0,0687
2019	0,209	0,0355	0,1452	0,2650	0,043	0,0111	0,0361	0,0811
2020	0,196	0,0353	0,1329	0,2136	0,037	0,0078	0,0313	0,0636
2021	0,175	0,0487	0,1263	0,2151	0,038	0,0093	0,0293	0,0672

Общий индекс дифференциации заработной платы, а также индекс дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, в течение анализируемого периода имели тенденцию к снижению. Так, значение общего индекса снизилось с 0,279 в 2013 г. до 0,175 в 2021 г., а значение индекса дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, — с 0,059 до 0,038 соответственно. Между тем четкой тенденции к сокращению разницы между минимальным и максимальным значением индексов не наблюдается.

Результаты расчета индексов в разрезе субъектов РФ указывают на неоднородность регионов как по уровню общего неравенства, так и по уровню неравенства возможностей. Например, в 2021 г. наибольшее значение индекса дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, был отмечен в Пермском крае (0,067), а минимальное значение — в Забайкальском крае (0,009). Наряду с этим максимальное значение общего индекса дифференциации заработной платы в 2021 г. было отмечено в Пермском крае и составило 0,2151, а минимальное — в Забайкальском крае (0,049) (Рисунок 2).

¹⁰ Составлено авторами.

Рисунок 2. Картограмма регионов РФ по уровню дифференциации заработных плат, обусловленной неравенством возможностей¹¹

Важно отметить, что разница между минимальным и максимальным значением больше для индексов дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, чем для общих индексов. Так, в 2021 г. разница между минимальным и максимальным общим индексом дифференциации заработной платы составляла 5,5 раза, тогда как разница между минимальным и максимальным значением индекса дифференциации заработных плат, обусловленных неравенством возможностей, составляла 7,2 раза. Из этого следует, что диспропорции регионов по уровню неравенства возможностей выше, чем по уровню общего неравенства. Данный факт должен учитываться при разработке региональных программ развития.

Неравенство возможностей объясняет как минимум 20–24% неравенства в заработной плате (Рисунок 3). Стоит отметить, что речь идет именно о нижней оценке, так как, во-первых, в выборку часто не попадают респонденты, которые занимают высокие должности и имеют высокие заработные платы. Во-вторых, из-за отсутствия данных были учтены не все факторы-обстоятельства, которые оказывают существенное влияние на уровень заработной платы (уровень достижений индивида) [Ferreira, Gignoux 2011].

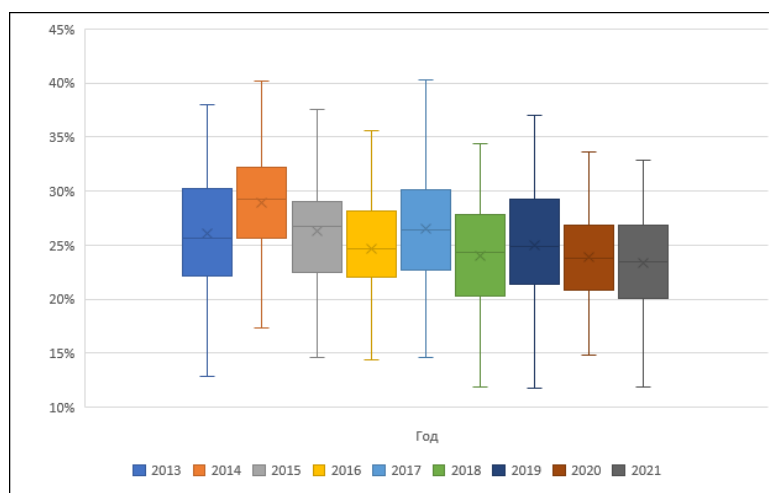

Рисунок 3. Динамика вклада неравенства возможностей в общее неравенство в заработной плате¹²

¹¹ Составлено авторами.

¹² Составлено авторами.

Вклад неравенства возможностей в общий уровень дифференциации заработных плат варьируется от региона к региону. В 2021 г. максимальное значение показателя отмечалось в Нижегородской области (32,8%), Хабаровском крае (32,7%), Ростовской области (31,9%), а минимальное — в Республике Ингушетия (11,8%) и Камчатском крае (13,7%).

Выводы

Результаты данного исследования свидетельствуют о неоднородности российских регионов как по уровню общего неравенства, так и по уровню неравенства возможностей. Причем диспропорции по уровню дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, выше, чем по уровню общей дифференциации трудового дохода.

В период с 2013 по 2021 гг. уровень дифференциации заработной платы, обусловленной неравенством возможностей, снижался в целом по России, однако диспропорции в рамках регионов сохранялись, разница между максимальным и минимальным значением не уменьшалась.

Было выявлено, что неравенство возможностей обуславливает более 20% в общем неравенстве трудовых доходов. Причем в региональном разрезе данный показатель варьировался в 2021 г. от 11,8% в Ингушетии до 32,8% в Нижегородской области.

Результаты, полученные в рамках данного исследования, указывают на то, что в основе политики по сокращению неравенства должна лежать стратегия по выравниванию возможностей.

Список литературы:

Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 54. С. 5–25. DOI: [10.24411/1993-7601-2019-10001](https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10001)

Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей: роль пространственного фактора // Пространственная экономика. 2020а. Т. 16. № 4. С. 44–67. DOI: [10.14530/se.2020.4.044-067](https://doi.org/10.14530/se.2020.4.044-067)

Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей: трактовка, методы и проблемы оценки // Вестник СПбГУ. Экономика. 2020б. Т. 36. № 4. С. 624–652. DOI: [10.21638/spbu05.2020.404](https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404)

Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей: теория и практика измерения на микроданных RLMS-HSE // Экономическая политика. 2020с. Т. 15. № 1. С. 64–89. DOI: [10.18288/1994-5124-2020-1-64-89](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-1-64-89)

Карцева М.А., Кузнецова П.О. Справедливое и несправедливое неравенство в России: оценка вклада неравенства возможностей в неравенство возможностей // Прикладная эконометрика. 2020. Т. 58. С. 5–31. DOI: [10.22394/199376012020585-31](https://doi.org/10.22394/199376012020585-31)

Aiyar S., Ebeke C. Inequality of Opportunity, Inequality of Income and Economic Growth // World Development. 2020. Vol. 136. DOI: [10.1016/j.worlddev.2020.105115](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105115)

Alvarez A., Menendez A. Inequality of Opportunity and Income Inequality in Spain: An Analysis over Time // ECINEQ, Society for the Study of Economic Inequality. Working Paper Series 423. 2016. URL: <https://ideas.repec.org/p/inq/inqwps/ecineq2016-423.html>

Arneson R. Equality and Equal Opportunity for Welfare // Philosophical Studies. 1989. Vol. 56. Is. 1. P. 77–93.

Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. Inequality of Outcomes and Inequality of Opportunities in Brazil // World Bank Policy Research Working Paper 3174. 2003. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/ar/934871468770353839/101501322_20041117173001/additional/wps3174.pdf

Brunori P. The Perception of Inequality of Opportunity in Europe // The Review of Income and Wealth. 2017. Vol. 63. Is. 3. P. 464–491. DOI: [10.1111/roiw.12259](https://doi.org/10.1111/roiw.12259)

Carpantier J., Sapata C. An Ex-Post View of Inequality of Opportunity in France and Its Regions // Journal of Labor Research. 2013. Vol. 34. P. 281–311. DOI: [10.1007/s12122-013-9161-5](https://doi.org/10.1007/s12122-013-9161-5)

- Checchi D., Peragine V. Regional Disparities and Inequality of Opportunity: The Case of Italy // IZA. Discussion Papers No. 1874. 2005. URL: <https://docs.iza.org/dp1874.pdf>
- Checchi D., Peragine V. Inequality of Opportunity in Italy // Journal of Economic Inequality. 2010. Vol. 8. P. 429–450. DOI: [10.1007/s10888-009-9118-3](https://doi.org/10.1007/s10888-009-9118-3)
- Cohen G. On the Currency of Egalitarian Justice // Ethics. 1989. Vol. 99. Is. 4. P. 906–944.
- Dworkin R. What is Equality? Part 1: Equality of Welfare // Philosophy and Public Affairs. 1981a. Vol. 10. Is. 3. P. 185–246.
- Dworkin R. What is Equality? Part 2: Equality of Resources // Philosophy and Public Affairs. 1981b. Vol. 10. Is. 4. P. 283–345.
- Ferreira F., Gignoux J. The Measurement of Inequality of Opportunity: Theory and an Application to Latin America // The Review of Income and Wealth. 2011. Vol. 57. Is. 4. P. 622–657. DOI: [10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x)
- Lucas R. On The Mechanics of Economic Development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. P. 3–42.
- Paes de Barros R., Ferreira F., Molinas J., Saavedra J., De Carvalho M., Franco S., Freije-Rodriguez S., Gignoux J. Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean. Washington DC: Palgrave Macmillan; World Bank, 2009.
- Palomino J., Marrero G., Rodrigues J. Channels of Inequality of Opportunity: The Role of Education and Occupation in Europe // Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. 2018. Vol. 143. Is. 3. P. 1045–1074.
- Perez-Mayo J. Inequality of Opportunity, a Matter of Space? // Regional Science Policy and Practice. 2019. Vol. 11. Is. 1. P. 71–87. DOI: [10.1111/rsp3.12181](https://doi.org/10.1111/rsp3.12181)
- Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- Roemer J. Equality of Opportunity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.
- Scanlon T. The Significance of Choice // The Tanner Lectures on Human Values / ed. by Sterling M. McMurrin. Salt Lake City: University of Utah Press, 1988. Vol. 8. P. 149–216.
- Tawney R. Equality. London: Unwin Books, 1964.
- Voitchovsky S. Does the Profile of Income Inequality Matter for Economic Growth? // Journal of Economic Growth. 2005. Vol. 10. P. 273–296. DOI: [10.1007/s10887-005-3535-3](https://doi.org/10.1007/s10887-005-3535-3)

References:

- Aiyar S., Ebeke C. (2020) Inequality of Opportunity, Inequality of Income and Economic Growth. *World Development*. Vol. 136. DOI: [10.1016/j.worlddev.2020.105115](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105115)
- Alvarez A., Menendez A. (2016) Inequality of Opportunity and Income Inequality in Spain: An Analysis over Time. *ECINEQ, Society for the Study of Economic Inequality. Working Paper Series 423*. Available at: <https://ideas.repec.org/p/inq/inqwps/ecineq2016-423.html>
- Arneson R. (1989) Equality and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophical Studies*. Vol. 56. Is. 1. P. 77–93.
- Bourguignon F., Ferreira F., Menéndez M. (2003) Inequality of Outcomes and Inequality of Opportunities in Brazil. *World Bank Policy Research Working Paper 3174*. Available at: https://documents1.worldbank.org/curated/ar/934871468770353839/101501322_20041117173001/additional/wps3174.pdf
- Brunori P. (2017) The Perception of Inequality of Opportunity in Europe. *The Review of Income and Wealth*. Vol. 63. Is. 3. P. 464–491. DOI: [10.1111/roiw.12259](https://doi.org/10.1111/roiw.12259)
- Carpantier J., Sapata C. (2013) An Ex-Post View of Inequality of Opportunity in France and Its Regions. *Journal of Labor Research*. Vol. 34. P. 281–311. DOI: [10.1007/s12122-013-9161-5](https://doi.org/10.1007/s12122-013-9161-5)

- Checchi D., Peragine V. (2005) Regional Disparities and Inequality of Opportunity: The Case of Italy. *IZA Discussion Papers No. 1874*. Available at: <https://docs.iza.org/dp1874.pdf>
- Checchi D., Peragine V. (2010) Inequality of Opportunity in Italy // *Journal of Economic Inequality*. Vol. 8. P. 429–450. DOI: [10.1007/s10888-009-9118-3](https://doi.org/10.1007/s10888-009-9118-3)
- Cohen G. (1989) On the Currency of Egalitarian Justice. *Ethics*. Vol. 99. Is. 4. P. 906–944.
- Dworkin R. (1981a) What is Equality? Part 1: Equality of Welfare. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 10. Is. 3. P. 185–246.
- Dworkin R. (1981b) What is Equality? Part 2: Equality of Resources. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 10. Is. 4. P. 283–345.
- Ferreira F., Gignoux J. (2011) The Measurement of Inequality of Opportunity: Theory and an Application to Latin America. *The Review of Income and Wealth*. Vol. 57. Is. 4. P. 622–657. DOI: [10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x](https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2011.00467.x)
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2019) Inequality of opportunity in the Russian Federation: Measurement and Evaluation Using Micro-Data. *Prikladnaya Econometrika*. Vol. 54. P. 5–25. DOI: [10.24411/1993-7601-2019-10001](https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10001)
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2020a) Inequality of Opportunities: The Role of the Spatial Factor. *Prostranstvennaya Ekonomika*. Vol. 16. No. 4. P. 44–67. DOI: [10.14530/se.2020.4.044-067](https://doi.org/10.14530/se.2020.4.044-067)
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2020b) Inequality of Opportunities: Interpretation, Methods and Problems of Estimation. *Vestnik SPbGU. Ekonomika*. Vol. 36. No. 4. P. 624–652. DOI: [10.21638/spbu05.2020.404](https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.404)
- Ibragimova Z.F., Frants M.V. (2020c) Inequality of Opportunity: Theory and Practice of Measurement Using RLMS-HSE Microdata. *Ekonomicheskaya Politika*. Vol. 15. No. 1. P. 64–89. DOI: [10.18288/1994-5124-2020-1-64-89](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-1-64-89)
- Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2020) Is Income Inequality Fair in Russia? Inequality of Opportunity and Income Inequality. *Prikladnaya Econometrika*. Vol. 58. P. 5–31. DOI: [10.22394/199376012020585-31](https://doi.org/10.22394/199376012020585-31)
- Lucas R. (1988) On The Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 22. P. 3–42.
- Paes de Barros R., Ferreira F., Molinas J., Saavedra J., De Car-valho M., Franco S., Freije- Rodriguez S., Gignoux J. (2009) *Measuring Inequality of Opportunities in Latin America and the Caribbean*. Washington DC: Palgrave Macmillan; World Bank.
- Palomino J., Marrero G., Rodrigues J. (2018) Channels of Inequality of Opportunity: The Role of Education and Occupation in Europe. *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*. Vol. 143. Is. 3. P. 1045–1074.
- Perez-Mayo J. (2019) Inequality of Opportunity, a Matter of Space? *Regional Science Policy and Practice*. Vol. 11. Is. 1. P. 71–87. DOI: [10.1111/rsp3.12181](https://doi.org/10.1111/rsp3.12181)
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Roemer J. (1998) *Equality of Opportunity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Scanlon T. (1988) The Significance of Choice. In: McMurrin S.M. (ed.) *The Tanner Lectures on Human Values*. Salt Lake City: University of Utah Press. Vol. 8. P. 149–216.
- Tawney R. (1964) *Equality*. London: Unwin Books.
- Voitchovsky S. (2005) Does the Profile of Income Inequality Matter for Economic Growth? *Journal of Economic Growth*. Vol. 10. P. 273–296. DOI: [10.1007/s10887-005-3535-3](https://doi.org/10.1007/s10887-005-3535-3)

Дата поступления/Received: 05.10.2023

Отражение экологической политики правительства Москвы и Московской области в новостном контексте СМИ

Рыбакова Марина Владимировна

Доктор социологических наук, главный научный сотрудник ФНИСЦ РАН, профессор, SPIN-код РИНЦ: [7920-0791](#),
ORCID: [0000-0002-7610-3896](#), rybakovamv2005@yandex.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Зверева Мария Максимовна

Аспирантка, SPIN-код РИНЦ: [4895-2602](#), maria.yazynina@gmail.com

ФНИСЦ РАН, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена анализу экологической политики Правительства Москвы и Московской области и ее отражения в новостном контенте средств массовой информации за период с 01 января по 31 июля 2023 года. Анализ публикаций проведен с помощью автоматизированной системы «Медиалогия». Общее количество анализируемых публикаций — 6620 сообщений. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что разрыв, связанный с потребностью населения в благоприятной экологической ситуации и реальным положением дел, имеет тенденцию к сокращению. Публикации демонстрируют ярко выраженный положительный эмоциональный окрас. Вместе с тем проблемы, которые, согласно экологическим мониторингам ВЦИОМ, не теряют своей актуальности, а именно реагирование властей на экологические проблемы, вопросы вырубке лесов, строительства недвижимости и транспорта, находят свое отражение в публикациях в СМИ и составляют набор наибольших по наполненности тематических рубрик. Инфополе в сфере экологии чувствительно к событиям нормативно-правового характера: всплеск публикаций приходится на период активных преобразований в экологическом законодательстве, что говорит о том, что такой управленческий инструмент, как нормативное регулирование, имеет наибольший вес в информационном пространстве и наиболее часто обсуждается в средствах массовой информации. Важная роль в формировании положительного восприятия экологической ситуации отводится диалогам с представителями власти (например, мэром Москвы), а также различным экологическим акциям, позволяющим представителям власти и экоактивистам проводить целевые мероприятия и транслировать их пользу населению. В качестве перспектив для дальнейшего исследования выделяется возможность для анализа публикаций различных персон, групп и каналов в социальных сетях.

Ключевые слова

Экологическая ситуация, экологическая политика, Правительство, Москва, Московская область, СМИ.

Для цитирования

Рыбакова М.В., Зверева М.М. Отражение экологической политики правительства Москвы и Московской области в новостном контексте СМИ // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 207–221. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-207-221

Reflection of Environmental Policy of Moscow Government and Moscow Region in Media News Context

Marina V. Rybakova

DSc (Sociology), Principal Researcher, FCTAS RAS, Professor of Sociology, ORCID: [0000-0002-7610-3896](#),
rybakovamv2005@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Maria M. Zvereva

Postgraduate student, maria.yazynina@gmail.com

FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the environmental policy of the Government of Moscow and the Moscow region and its reflection in the news content of the mass media for the period from January 01 to July 31, 2023. The analysis of publications was carried out using the automated system Medialogy. The total number of analyzed publications is 6620 messages. The results of the study indicate that the gap associated with the population's need for a favorable environmental situation and the real state of affairs tends to decrease. Publications have a pronounced positive emotional coloring. At the same time, the problems that, according to environmental monitoring by All-Russian Public Opinion Research Center, do not lose their relevance, namely, the response of the authorities to environmental problems, construction and transport issues, are reflected in publications in the media and make up a set of the most complete thematic headings. The information field in the sphere of ecology is sensitive to regulatory events: a surge of publications occurs in the period of active transformations in environmental legislation, which suggests that such a management tool as regulatory regulation has the greatest weight in the information space. An important role in shaping a positive perception of the environmental situation is given to dialogues with government officials (for example, the mayor of Moscow), as well as various environmental actions that allow government officials and environmental activists to carry out targeted activities and broadcast their benefits to the population. As prospects for further research, the opportunity to analyze the publications of various persons, groups and channels in social networks is highlighted.

Keywords

Environmental situation, environmental policy, Government, Moscow, Moscow region, mass media.

For citation

Rybakova M.V., Zvereva M.M. (2024) Reflection of Environmental Policy of Moscow Government and Moscow Region in Media News Context. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 207–221. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-207-221

Введение

Тенденция к развитию города, появившаяся в конце XIX века в странах Европы и Северной Америки, постоянно набирает обороты: по данным Всемирного банка, в 1960 году доля городского населения в мире составляла 34%, в 2023 году она достигла 57%¹. По данным ООН, количество городского населения продолжает расти и к 2050 году ожидается, что оно увеличится до 68% от общего населения². Города — крупнейшие центры притяжения населения; если численность населения города превышает 10 миллионов человек, то он получает статус мегаполисов. По состоянию на 2022 год в мире насчитывается 44 мегаполиса, из них в Китае расположено 11 городов, в Индии — 6, по 3 города — в Бразилии, Японии, Пакистане и США³. Россия не отстает от мировых трендов: по данным Всероссийской переписи населения 2021 года, доля городского населения страны составляет 74,8%. В 16 городах России, к числу которых относится Москва (мегаполис, попавший на 18 место по численности населения в рейтинге Demographia World Urban Areas), проживает почти четверть населения страны — 35,7 млн человек⁴.

Высокие темпы урбанизации имеют негативные последствия, одним из них стала значительная экологическая нагрузка на занимаемые территории. Современные мегаполисы сталкиваются с рядом экологических проблем, которые имеют серьезные последствия для жизни людей и окружающей среды: так, неконтролируемый рост населения, интенсивное использование природных ресурсов, выбросы загрязняющих веществ в результате использования транспорта и нерегулируемого сброса отходов промышленного сектора, проблема утилизации отходов и другие факторы вызывают негативные последствия для здоровья людей и экосистем. Исследованию экологической нагрузки и экологических проблем посвящено множество работ [Decker et al. 2002; The Rise of Megacities 2018], что свидетельствует об актуальности темы для всего мира и в особенности для мегаполисов, в том числе и для Москвы. По данным Российского экологического общества, экологическая ситуация в России и, в частности, Москве последние годы стабильно входит в пятерку социально значимых проблем [Рыбакова, Зверева 2022], хотя положительная динамика в сторону улучшения восприятия все же наблюдается⁵. Восприятие экологической ситуации населением Москвы и Московской области как объект настоящего исследования, в соответствии с результатами исследований ВЦИОМ 2021–2023 гг., улучшается. Однако актуальными стабильно остаются такие негативные факторы, как объем транспортных выхлопов, мусор, плотная застройка или нарушение норм строительства⁶.

¹ Urban population (% of total population) // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (дата обращения: 01.08.2023).

² 68% of the world population projected to live in urban areas by 2050, says UN // UN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html> (дата обращения: 01.08.2023).

³ Demographia World Urban Areas. P. 2 // Demographia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Росстат представил предварительные цифры о численности населения в регионах страны по данным Всероссийской переписи населения // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784#:~:text=Почти%2075%25%20населения%20страны%20живет,живет%20147%2C2%20млн%20человек> (дата обращения: 02.08.2023).

⁵ Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 02.08.2023).

⁶ Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 02.08.2023); Самый большой вред экологии наносят мусор и транспорт. Третье место делят промышленность и лесозаготовки // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samyi-bolshoi-vred-ehkologii-nanosjat-musor-i-transport-trete-mesto-deljat-promyshlennost-i-lesozagotovki> (дата обращения: 02.08.2023).

Вместе с тем Правительство Москвы и Московской области активно осуществляют меры для устранения и снижения экологических проблем, включая развитие общественного транспорта, снижение выбросов, создание и популяризацию зеленых и общественных пространств, совершенствование системы утилизации и переработки отходов [Там же], что востребовано населением.

Инициативы Правительства Москвы и Московской области по снижению экологических рисков, связанных с потребностью населения в благоприятной экологической среде, находят свое отражение в комплексе государственных программ. В рамках настоящей статьи подробно рассматривается одна из них — «Экологическая стратегия города Москвы на период до 2030 года»⁷. Анализ публикационных материалов, отражающих состояние экологической проблематики в средствах массовой информации в сети Интернет, которые являются площадкой для обсуждения тех или иных процессов и явлений, позволит сделать вывод об успешности ее реализации.

В современном научном дискурсе уделяется большое внимание коммуникации представителей властных структур с населением: так, уральская исследовательская группа провела исследования представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ [Лободенко и др. 2022], в том числе с применением сервиса «Медиалогия» [Добрынина 2022]. Специфика освещения региональной экологической политики отражена в статье исследователя из Поволжья [Порфирьева 2020], особенности движения протестного экоактивизма в цифровой среде представлены в статье московских исследователей [Расторгуев, Тянь 2021].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения деятельности правительств Москвы и Московской области по решению экологических проблем и предотвращению рисков, а также освещения их в СМИ.

Новизна исследования заключается в анализе обширной и динамичной информационной базы социально-экологической проблематики современного мегаполиса на примере Москвы и Московской области с применением коммерческого инструмента («Медиалогия») и представлении актуальной характеристики восприятия населением деятельности правительства в пространстве Интернета.

Целью исследования является описание новостного контента СМИ и определение качества транслируемых экологических решений по улучшению экологической обстановки Москвы и Московской области.

Достоверность представленных результатов основана на детальном анализе научной литературы, применении сравнительного и контент-анализа к публикациям. Анализ литературы позволил систематизировать теоретические подходы к пониманию развития города, определить факторы, оказывающие позитивное и негативное влияние на экологическую ситуацию в городе, выявить основные смысловые акценты в новостном контенте СМИ с точки зрения экологической обстановки в Москве и Московской области, выявить ключевые инфоповоды и географию публикаций по исследуемой теме, выделить основные, по мнению СМИ, проблемы экологии в Москве и Московской области.

При подготовке материалов для настоящей статьи использовались: монографии и статьи зарубежных и отечественных ученых, официальные сайты статистических служб, материалы аналитических обзоров исследовательских агентств, нормативные правовые акты, публикации в средствах массовой информации.

⁷ Проект экологической стратегии до 2030 года «Москва. Сохраним природу, развивая город» // Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/eco/documents/pro-chie/view/112231220/> (дата обращения: 01.08.2023).

Теоретико-методологические основания исследования отражения в СМИ экологической ситуации в городе

Исследование опирается на теории развития социокультурного пространства городов в экологическом разрезе, социологические теории коммуникации, теории экологических ценностей и теории медиа. Выбор указанных подходов обусловлен следующими факторами: во-первых, эти подходы наиболее точно определяют теоретико-методологический подход к проведению исследования; во-вторых, рассмотренные теории обладают широким объяснительным потенциалом; в-третьих, определяют социологический контекст исследования.

Теории развития социокультурного пространства городов фокусируются на содействии более эффективному использованию ресурсов и ограничению негативного воздействия на окружающую среду. В контексте развития городской среды данная теория актуализируется в связи с потребностью в построении экологически устойчивых городов по принципам экологического дизайна, и в этой связи релевантно обращение к теории креативных городов Ч. Лэндри и экологической модели роста города Э. Берджесса.

Теория креативных городов Ч. Лэндри [Landry 2008], сформированная в рамках анализа процесса цифровизации, говорит о том, что развитие городов и регионов связано с развитием креативных индустрий и созданием культурно-креативных центров. В экономическом развитии и социокультурной жизни городов подчеркивается важность искусства, культуры, дизайна, инноваций и творчества.

Развитие креативных индустрий содействует экономическому росту, созданию рабочих мест, привлечению туристов, а также формированию более привлекательной и жизнеспособной городской среды, включающей множество природных территорий, парков, объектов архитектуры и других элементов окружающей среды, решению экологических проблем. Учет экологической составляющей позволяет сохранить и подчеркнуть природные ландшафты, способствует созданию экологически устойчивой городской среды. Креативные индустрии, особенно в сферах дизайна и инноваций, представляют возможности для создания и применения экологических технологий, зеленых решений и экоинноваций. Включение экологической составляющей в креативные процессы и проекты помогает развивать и продвигать социально-экологические практики. Создание креативных кластеров и культурно-креативных центров в городах, использование их для организации культурных и образовательных мероприятий, таких как, экологические выставки, фестивали и конференции, способствуют развитию экологического общественного сознания и экологической культуры.

Экологическая модель города, или теория концентрических кругов Э. Берджесса [Берджесс 2015], описывает модель развития города, основанную на разделении городских зон, расположенных вокруг центральной бизнес-зоны, что важно для создания экологического пространства города.

В теории концентрических кругов обосновывается распределение населенных зон по градиенту от центра города к окраинам, что приводит к неконтролируемому росту городов и увеличению плотности застройки, деградации экосистем, потере природных территорий, разрушению биоразнообразия и ухудшению качества окружающей среды. Плотная застройка в центре города негативно сказывается на качестве и количестве зеленых зон и парковой инфраструктуры, что влияет на здоровье, психическое состояние и общее благополучие жителей.

В модели Берджесса расположение отдельных зон приводит к неравенству в доступности экологических ресурсов и услуг. Например, более бедные районы города, которые расположены на окраинах, сталкиваются с недостатком зеленых зон и качественной общественной инфраструктуры,

что негативно сказывается на экологической ситуации в этих районах и качестве жизни жителей районов. Модель развития городской среды Берджесса частично показала свою несостоятельность в современных условиях XXI века.

Основа устойчивого развития современных городов, в том числе Москвы, включает в себя создание зеленой инфраструктуры, новых парков и скверов, озеленение новых районов города, создание пешеходных зон, поощрение использования возобновляемых источников энергии, улучшение системы утилизации отходов, обеспечение доступности качественных экологических ресурсов во всех зонах города, поощрение устойчивых и доступных видов транспорта, рациональное управление ресурсами, защиту природных территорий и биоразнообразия.

Отражение экологических аспектов развития городов в пространстве СМИ изучается через процессы, способы и средства коммуникации, а также через трансляцию ценностей и обмен ими в ходе осуществления коммуникации.

Пространством публичного дискурса и формирования общественного мнения являются СМИ, которые, как отмечает Ю. Хабермас [Хабермас 2022], в современном информационном обществе часто подчинены коммерческим интересам и являются инструментом манипуляции общественным мнением. Настоящая же социальная роль СМИ, к которой Ю. Хабермас предлагает вернуться, — это СМИ, которые служат пространством для общественного диалога, встречи разных точек зрения, которые могут быть свободно выражены и изучены.

Г. Блумер [Блумер 2019] рассматривает коммуникацию как процесс активного взаимодействия людей при обмене сообщениями и интерпретации смысла. Он полагает, что люди придают значения символам на основе своего опыта и контекста, в котором они находятся. СМИ, в соответствии с теорией Блумера, создают медийную реальность, влияющую на восприятие и понимание людей, формируют образы и стереотипы, изменяют предпочтения и поведение аудитории, вызывают эмоции и мнения, что перекликается с вышеупомянутым тезисом Ю. Хабермаса о возможностях СМИ осуществлять манипуляции общественным сознанием, в том числе и в контексте экологической повестки.

В теории коммуникации Э. Роджерса [Rogers 2003], также известной как теория распространения инноваций, исследуется процесс распространения новых идей, продуктов, практик или технологий через сообщества. СМИ используются для создания осведомленности о нововведениях, убеждения сообщества в их ценности, поддержания процесса принятия решений в отношении новых идей и их внедрения в практику. Этот исследовательский «фреймворк» актуален и в связи с упомянутым выше тезисом о манипулировании общественным сознанием в части экологии, поскольку позволяет ответить на вопросы о том, как инновации, если рассматривать экологическую повестку как новый тренд в информационном пространстве, распространяются через сети коммуникации и как они принимаются в пространстве Интернета, какова степень осведомленности населения о проблемах окружающей среды, как оно воспринимает экологическую информацию и реагирует на нее, а также каким образом происходит обмен ценностями и смыслами.

Теория экологических ценностей Л. Милбрата [Milbrath 1984; Milbrath 1993] основана на идее, что природа имеет внутреннюю ценность, независимо от своей полезности для человека, диктует необходимость в сохранении природных ресурсов и биологического разнообразия как самоценности. Действительно, природа — это основа для роста человеческого благосостояния, а ее использование — это привилегия. Ю. Хабермас [Habermas 1996] использует в теории экологических ценностей понятия общественного интереса, экологической справедливости, взаимозависимости между людьми и природой, а также необходимость учета экологических аспектов в принятии общественных решений.

Экологическая справедливость и важность защиты прав и интересов уязвимых групп населения наиболее часто подвергаются негативным экологическим воздействиям, таким как загрязнение воздуха или воды. Р. Буллард [Bullard 1993] подчеркивает необходимость создания справедливой и здоровой окружающей среды для всех.

Теории экологических ценностей подчеркивают роль СМИ в формировании восприятия экологической ситуации и создании экологических ценностей общества. Так, Л. Милбрат считает, что СМИ не только участвуют в формировании общественного мнения о проблемах окружающей среды, но способны вдохновить людей на действие в решении экологических проблем. Р. Пирсон говорит о формировании определенных ценностей и убеждений у людей через «зеленое брендинг», то есть через декларирование заботы о природе и окружающей среде компаниями и организациями. Ю. Хабермас считает, что СМИ должны служить обществу, предоставляя информацию, способствующую формированию открытого диалога и принятию общественных решений в области экологии. И, наконец, Р. Буллард подчеркивает важность доступности экологической информации в СМИ для всех слоев населения как фактора снижения социальной несправедливости в экологических вопросах.

Общественный диалог в пространстве СМИ осуществляется разными способами и с разной эффективностью, в зависимости от того, какие медиа инструменты используются. Теория «старых и новых медиа» описывает различия между медиасредствами, выпущенными до и после появления и распространения Интернета. Коммуникация, осуществляемая через старые медиасредства — газеты, журналы, радио и телевидение, является однонаправленной и неподвижной, тогда как в новых медиасредствах — Интернете и социальных сетях — пользователи активно участвуют в обмене информацией, создают и распространяют контент.

Наиболее полное отражение теория «старых и новых медиа» находит в работах М. Маклюэна и У. Онга [Ong 2002]. Они исследуют взаимодействие между технологическими средствами коммуникации и описывают их влияние на культуру и общество [Маклюэн 2023]. М. Маклюэн выдвинул концепцию «среды как сообщения». Он утверждал, что среды, в которых живут люди, напрямую влияют на их восприятие и мышление и каждое новое средство коммуникации приводит к изменению культурных ценностей и социальных отношений.

Оба ученых подчеркивали, что новые медиа не только изменяют способы коммуникации, делая ее более интерактивной, но и оказывают значительное влияние на формирование коллективного сознания, социальных отношений и культурных практик. В рамках текущего исследования проведен анализ влияния новых медиа на восприятие экологической ситуации: в частности, какие аспекты экологической ситуации привлекают наибольшее внимание, как они интерпретируются и какие факторы влияют на осведомленность и активность общества в рамках экологической проблематики.

Для определения и контроля приемлемых форм взаимодействия человека и окружающей среды в России создана нормативная база, выполняющая ряд функций: защита здоровья человека, сохранение природных ресурсов, предотвращение экологического ущерба, снижение затрат на охрану окружающей среды.

Нормативная база исследования

Система государственного управления охраной окружающей среды и природопользованием развивается на протяжении многих десятилетий и продолжает совершенствоваться сегодня. Развитие системы государственного управления охраной окружающей среды и природопользованием

осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды»⁸; другими важными нормативными документами, закрепляющими основы государственного управления в сфере экологии, являются законодательные акты РФ (федеральные законы, кодексы), акты Правительства РФ, государственные стандарты⁹.

Основой государственного управления в сфере экологии является Экологическая доктрина¹⁰, которая содержит ряд направлений, связанных с правовым регулированием, государственной экспертизой, мониторингом, надзором и информированием населения, нормированием в области охраны окружающей среды, территориальным планированием, экологическим просвещением, межведомственным, межрегиональным и международным сотрудничеством, и на ее базе выстраивается экологическая политика регионов страны.

Экологическая политика города Москвы ориентирована на устойчивое развитие, сохранение и улучшение экологической ситуации в городе, что отражено в утвержденной «Экологической стратегии города Москвы на период до 2030 года» и включает в себя несколько направлений, наиболее важными среди которых в рамках настоящей статьи являются оценка рисков воздействия негативных факторов окружающей среды на здоровье населения, формирование экологической культуры, экологическое просвещение, образование и воспитание.

Методология исследования

В исследовании использована автоматизированная система мониторинга средств массовой информации и социальных медиа компании «Медialogия». Данная компания существует на российском рынке с 2003 года и является лидирующим сервисом по объему базы источников для контроля информационного поля и оценки эффективности коммуникаций. Обширная информационная база данных, содержащаяся в «Медialogии», по состоянию на 2023 год включает 2322 газеты, 391 журнал, 39 радиостанций, 9 федеральных телеканалов, 537 информационных агентств, 76501 интернет-СМИ, из которых 19313 являются иностранными. Помимо этого, базу социальных медиа составляют 2,4 млрд аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах, видеоканалах, блогах и микроблогах, а также в различных сервисах, на форумах и картах, в отзывах.

Для проведения контент-анализа был выполнен запрос: «экологичес* ситуац* &Моск*». Таким образом, в выборку попали публикации в средствах массовой информации, в которых содержалось совместное употребление словосочетания «экологическая ситуация» и «Москва» в разных вариациях. Периодом анализа был выбран 2023 год, а именно промежуток с 01 января 2023 по 31 июля 2023. За указанный период было опубликовано 6620 сообщений. Сообщений, в которых содержались слова «Москва» и «Московская область», — 2758 и 3857 соответственно. Количество сообщений без перепечаток составило 2736.

Ограничения исследования

По техническим причинам временной интервал анализируемых публикаций составляет всего 7 месяцев (с 01 января по 31 июля 2023 года), что позволяет сделать вывод только о тенденциях, свойственных указанному промежутку, без сопоставления с другими, более ранними периодами.

⁸ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 05.08.2023).

⁹ Перечень нормативных правовых актов, технических регламентов, ГОСТов, содержащих экологические требования/параметры // Министерство природных ресурсов и экологии РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/perechen_normativnykh_pravovykh_aktov_tekhnicheskikh_reglamentov_gostov_soderzhashchikh_ekologichesk/perechen_normativnykh_pravovykh_aktov_tekhnicheskikh_reglamentov_gostov_soderzhashchikh_ekologichesk/ (дата обращения: 04.08.2023).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097/ (дата обращения: 05.08.2023).

Результаты эмпирического исследования

Распределение публикаций по источникам информации за указанный период представлено в Таблице 1. Как видно, основным источником информации является Интернет.

Таблица 1. Распределение публикаций по источникам информации¹¹

Источник информации	ТВ	Газеты	Журналы	Интернет	Информagenta
Количество сообщений	43	210	15	6331	21

Лидеры по количеству публикаций с упоминанием заявленных категорий представлены в Таблице 2.

Таблица 2. СМИ-лидеры по количеству публикаций с упоминанием категорий «экологичес* ситуц* & Моск*»

1. РИАМО riamo.ru	15. Подмоскowie сегодня
2. Российская газета # Москва	16. Московская Газета
3. Телеканал 360	17. Россия 1 # Вести-Москва
4. Вечерняя Москва	18. Информационный центр Правительства Москвы
5. Москва 24	19. Правительство Московской области
6. Телеканал Москва 24	20. Мослента
7. АГН Москва	21. Московская перспектива
8. Комсомольская правда # Москва	22. Академия педагогических проектов Российской Федерации
9. Москвич Маг	23. Metro Москва
10. НТВ # Сегодня в Москве	24. Москвичи
11. Msk1.ru	25. Министерство жилищно-коммунального хозяйства Московской области
12. Официальный сайт Мэра Москвы	26. Министерство экологии и природопользования МО
13. Вести Подмоскowie	27. Аргументы и Факты # Москва
14. ГУ МЧС России по Московской области	28. Москва News

Как видно из приведенного перечня, публикации на сайтах государственных органов, реализующих инициативы по трансформации экологической ситуации, составляют малую часть общего объема публикаций.

Динамика публикаций по экологической ситуации в Москве представлена на Рисунке 1 и в Таблице 3. Всплеск публикаций приходится на март 2023 года, что можно связать с несколькими значимыми событиями:

- 1) изменением экологического законодательства с 1 марта 2023 года¹²;
- 2) публикацией Общероссийской общественной организацией «Зеленый патруль» «Национального экологического рейтинга» по итогам 2022 года и зимы 2023 года¹³;
- 3) празднованием 20 марта Всемирного дня Земли¹⁴.

¹¹ Здесь и далее таблицы и рисунки составлены авторами на основе данных «Медиалогии».

¹² Экологическое законодательство за март 2023: мораторий на плановые проверки, упрощенный порядок недропользования, начало действия нового порядка обращения с отходами // EcoStandard.Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://journal.ecostandard.ru/eco/razbor-zakonodatelstva/ekologicheskoe-zakonodatelstvo-za-mart-2023-moratoriy-na-planovye-proverki-uproshchenny-poryadok-ne/> (дата обращения: 03.08.2023).

¹³ Якутия среди аутсайдеров в национальном экологическом рейтинге России по итогам 2022 года // якутия.инфо [Электронный ресурс]. URL: <https://yakutia.info/article/208604> (дата обращения: 03.08.2023).

¹⁴ 20 марта — Всемирный день Земли // Метеовести [Электронный ресурс]. URL: <https://www.meteovesti.ru/news/1679309585720-20-marta---vsemirnyy-den-zemli> (дата обращения: 03.08.2023).

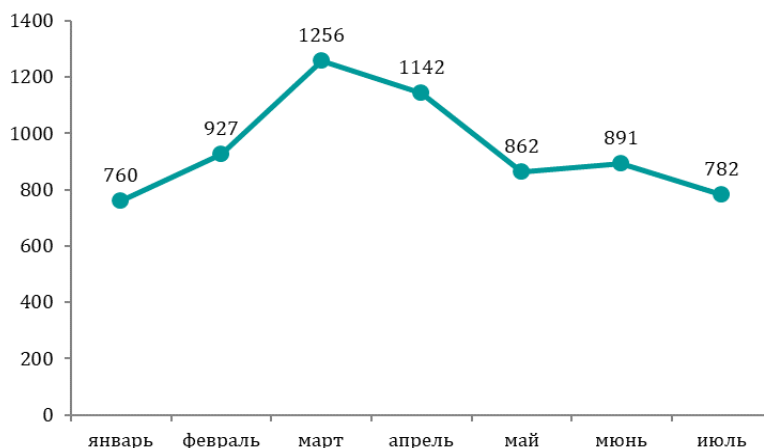

Рисунок 1. Динамика количества сообщений (01.01.2023–31.07.2023)

При этом, как видно из Таблицы 3, максимальное количество оригинальных сообщений приходится на апрель, а объем мартовских публикаций в основном составлен публикациями-перепечатками. В апреле значительное количество публикаций посвящено таким событиям, как:

- 1) парламентские слушания «Актуальные вопросы сохранения и восстановления водных объектов и их экосистем» 6 апреля 2023 г.;
- 2) ответственность за экологические правонарушения (предположительно, публикации по этой теме стали следствием мартовских событий, упомянутых выше).

Таблица 3. Динамика количества сообщений (01.01.2023–31.07.2023)

Месяц	Количество оригинальных сообщений	Количество перепечаток	Сообщений всего
Январь	296	464	760
Февраль	353	574	927
Март	440	816	1256
Апрель	449	693	1142
Май	372	490	862
Июнь	444	447	891
Июль	385	397	782

География публикаций, то есть распределение публикаций по городам, представлена в Таблице 4. Примечательно, что наибольшее количество сообщений опубликовано в красногорских СМИ, тогда как Красногорск не является лидером Московской области ни по численности населения, ни по качеству экологии: в среднем экологическое состояние почв, вод и воздушной среды Красногорского района признается удовлетворительным, однако в городе присутствует устойчивая тенденция к вырубке лесов¹⁵.

¹⁵ Природно-экологическая ситуация Красногорского района Московской области // Группа Экоанализ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecoanaliz.ru/prirodno-ekologicheskaya-situaciya-krasnogorskogo-rajona-moskovskoj-oblasti/> (дата обращения: 04.08.2023).

Таблица 4. География публикаций

Регион	Город	Количество сообщений
г. Москва	Москва	2705
	Зеленоград	46
Московская область	Красногорск	1377
	Люберцы	253
	Балашиха	244
	Реутов	221
	Мытищи	214
	Подольск	211
	Сергиев Посад	203
	Щелково	202
	Домодедово	197
	Королёв	190
	Коломна	43
	Одинцово	29
	Жуковский	28
	Серпухов	26
	Химки	26
	Долгопрудный	23
	Железнодорожный	20
Ногинск	20	

При анализе публикаций были выделены группы публикаций по различным фокусам внимания (Рисунок 2). Как видно из наполненности рубрик, наибольшее количество публикаций посвящено актуальным экологическим проблемам, упомянутым ранее, а также потребностям населения в инициативе властей по разрешению данных проблем.

Рисунок 2. Рубрики (группы) проанализированных публикаций

Ниже приводятся примеры цитат по 3 наиболее популярным тематикам, в которых показывается контекст употребления словосочетания «экологичес* ситуац* &Моск*» (Таблица 5).

Таблица 5. Примеры цитат по выделенным рубрикам

Рубрика	Цитата
Власть	«Горожане ожидают от мэра Москвы эффективное управление городом и решение текущих проблем, таких как транспортные пробки, экологические проблемы, жилищная ситуация и т.д.» ¹⁶ ; «Важной задачей мэра является улучшение экологической ситуации в городе, сохранение природных ресурсов и создание комфортной среды для жителей» ¹⁷ .
Строительство и недвижимость	«Ранее губернатор Подмосковья Андрей Воробьев отмечал важность вопросов экологии для региона. Он поручил активно информировать жителей Московской области об экологической ситуации» ¹⁸ . «Многие жители города недовольны экологической ситуацией, в частности вырубкой зеленых зон» ¹⁹ . «Транспортная развязка улучшит доступность поселений Новой Москвы Мосрентген и Сосенское, разгрузит улицы внутри поселений и Калужское шоссе, улучшит экологическую ситуацию в прилегающих районах и транспортную доступность торгового кластера» ²⁰ .
Экология	
Экологический контроль и штрафы	«В этих условиях наша задача — отслеживать эти активности с точки зрения негативного воздействия и сохранять контроль за ситуацией. Хочу обратиться ко всем люберецким предпринимателям с просьбой не ожидать предостережений и самим организовывать экологический контроль, поскольку так или иначе неучтенные источники выбросов будут выявлены, — заявил министр» ²¹ .
Экологические акции	«В экологическом марафоне «Единой России», который состоялся на территории леса в деревне Дракино городского округа Серпухов, приняли участие члены и сторонники партии, представители лесничества, активисты молодежных организаций и экологических объединений Подмосковья» ²² . (из статьи про акцию в Серпухове). «Искусственное лесовосстановление в Подмосковье проводится в рамках нацпроекта “Экология” федерального проекта “Сохранение лесов”» ²³ .

В ожиданиях со стороны населения действий от властей в части решения экологических проблем заключается «общественный интерес», о котором писал Ю. Хабермас в контексте изучения экологических ценностей и их роли в принятии социально-значимых решений. Цитаты из материалов о коммуникации населения, властей и бизнеса свидетельствуют о практической реализации теорий коммуникации и теорий медиа, когда новые медиасредства формируют новое пространство для обмена мнениями. Приведенный пример строительства транспортной развязки отсылает к теории креативных городов, а проведение экологических акций — к теории «зеленого брендинга».

¹⁶ Выборы мэра Москвы 2024 года: важный шаг к формированию городской политики // Moscow.Media [Электронный ресурс]. URL: <https://moscow.media/moscow/355719820/> (дата обращения: 05.08.2023).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Заключение о соответствии объекта проектным требованиям получено «ЗАО «ТЗК Шереметьево» // РИАМО [Электронный ресурс]. URL: <https://riamo.ru/article/660293/zaklyuchenie-o-sootvetstvii-ob-ekta-proektnym-trebovaniyam-polucheno-zao-tzk-sheremetievo> (дата обращения: 05.08.2023).

¹⁹ «Дома страшные, как из мрачного лего». Москвичи — о реновации, перенаселении и экологии города // MSK1RU [Электронный ресурс]. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2023/06/11/72382988/> (дата обращения: 05.08.2023).

²⁰ Дорожную развязку в районе станции метро «Мамыри» в Москве откроют в 2024 году // Moscow.Media [Электронный ресурс]. URL: <https://moscow.media/moscow/349269296/> (дата обращения: 05.08.2023).

²¹ В Томилино и Люберцах выявили новые источники загрязнения воздуха // Жуковские Вести [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhukovvesti.ru/articles/detail/52853/> (дата обращения: 05.08.2023).

²² «Единая Россия» организовала акцию «Чистый лес» в Подмосковном Серпухове // Единая Россия/ Московская область [Электронный ресурс]. URL: <https://mosobl.er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-organizovala-akciju-chistyj-les-v-podmoskovnom-serpuhove> (дата обращения: 05.08.2023).

²³ Более 2,5 млн сеянцев ели, дуба и сосны высадили в Подмосковье на землях лесфонда в 2023 году // РИАМО. URL: <https://riamo.ru/article/659517/bole-2-5-mln-seyantsev-eli-duba-i-sosny-vysadili-v-podmoskove-na-zemlyah-lesfonda-v-2023-godu> (дата обращения: 05.08.2023)

В заключение приведем облако тегов, построенное на основе публикаций, найденных по запросу «экологичес* ситуац* &Моск*» (Рисунок 3). Как видно, теги можно объединить в несколько групп, самыми крупными из которых будут: региональные (Подмосковье, Московский), тематические (экология, экологический), проблемные (отход, лесной).

Рисунок 3. Облако тегов

Анализ результатов проведенного исследования, позволил выявить тональность публикаций. Как видно из Таблицы 6, в основном характер упоминаний указанных регионов, персон, организаций и проектов имеет нейтральный окрас. Однако имеется ряд публикаций, относительно которых можно говорить о доминировании позитивной коннотации упомянутых в них объектах. Примером такой публикации является новость с выдержкой из интервью мэра Москвы Сергея Собянина, в котором мэр говорит о том, что в последние годы экологическая ситуация в Москве значительно улучшилась, что связывается с развитием высокоэкологичных и высокотехнологичных производств²⁴. Исключение составляет ряд публикаций, посвященных Одинцовскому городскому округу Московской области.

Таблица 6. Тональность публикаций

	Объект	Характер упоминаний		
		Негативный	Нейтральный	Позитивный
Регион	Москва	86	1858	302
	Московская область	303	3236	587
	Городской округ Люберцы МО	7	382	36
	Городской округ Балашиха МО	3	413	24
	Одинцовский городской округ МО	26	385	4
	Городской округ Коломна МО	10	441	18
	Городской округ Мытищи МО	1	16	0
Персоны	Фирсов Т.М.	2	3052	45
	Собянин С.С.	1	899	0
	Воробьев А.Ю.	1	579	98
	Филимонов Г.Ю.	0	567	3
	Велиховский А.А.	0	504	6

²⁴ Собянин рассказал, как изменилась экологическая ситуация в Москве // Безформата [Электронный ресурс]. URL: <https://moskva.bezformata.com/listnews/sobyenin-rasskazal-kak-izmenilas/120614678/> (дата обращения: 05.08.2023).

Организации	Комитет лесного хозяйства МО	0	773	180
	Министерство экологии и природопользования МО	3	649	230
	Правительство МО	0	759	25
	Государственное унитарное предприятие «Московский метрополитен»	4	350	74
	Государственное казенное учреждение МО «Мособллес»	0	421	2
	Министерство жилищно-коммунального хозяйства МО	1	271	162
Проекты	Национальный проект «Экология»	0	530	11

Выводы и обсуждение

В заключение можно отметить, что анализ отражения экологической ситуации в мегаполисе в новостном контенте СМИ на примере Москвы и Московской области показал высокую актуальность этой проблемы. Данный анализ подчеркнул, что СМИ чутко реагируют на изменения, связанные с экологическим законодательством, о чем говорит всплеск публикаций по соответствующему инфоповоду. Кроме того, значительная роль в СМИ отводится нормативному регулированию экологических правонарушений.

Одним из важных результатов исследования стало выявление внимания в новостных материалах СМИ к экологической проблематике в Москве, которая держится на повестке дня уже несколько лет и к которой относятся рост темпов строительства и сопутствующие ему сложности, вырубка лесов на территории города и Московской области, рост количества транспорта и последствия этого роста, реагирование властей на возникающие проблемы. Однако стоит отметить, что в основном в характере публикаций преобладают позитивные настроения.

Публикации, освещающие экологические акции, демонстрируют единство целей представителей власти и экоактивистов. Трансляция возможности совместной реализации такой социально-экологической практики также может вносить вклад в тенденцию к позитивному восприятию экологической ситуации [Зверева 2023].

Однако результаты анализа также указывают на необходимость более всестороннего освещения экологических проблем в Московской области и других городах региона в более длительной временной перспективе и с более широким диапазоном тематических категорий, чтобы создать более широкое общественное осознание проблемы экологии и стимулировать меры по ее решению.

Перспективы исследования

Тематика настоящего исследования имеет обширный потенциал для дальнейшей проработки. Исследование отражения экологической ситуации в мегаполисе в новостном контенте СМИ на примере Москвы и Московской области имеет практическую значимость для государственных органов, научных работников, журналистов и других заинтересованных лиц, которые могут использовать его результаты для разработки эффективных стратегий управления ресурсами и поддержки устойчивого развития Москвы и Московской области на основе экологически обоснованных решений. Так, одним из направлений для будущего исследования является анализ социальных медиа, к числу которых относятся социальные сети, каналы в мессенджерах, блоги, порталы отзывов и т.д. В настоящее время именно социальные сети имеют наибольший исследовательский потенциал в связи с тенденцией к их распространению и росту их разнообразия.

Список литературы:

- Берджесс Э.У. Рост города: введение в исследовательский проект // Чикагская школа социологии: сборник переводов / сост. и пер. Николаев В.Г.; отв. ред. Ефременко Д.В. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 20–34.
- Блумер Г. Символический интеракционизм. М.: Элементарные формы, 2019.
- Добрынина Я.С. Экологическая проблематика в медиапространстве г. Челябинск // Социодинамика. 2022. № 1. С. 18–35. DOI: [10.25136/2409-7144.2022.1.37409](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.1.37409)
- Зверева М.М. Социальные экологические практики жителей города в рамках структурного конструктивизма и культурного антропологизма // Власть. 2023. Т. 31. № 3. С. 208–213. DOI: [10.31171/vlast.v31i3.9659](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9659)
- Лободенко Л.К., Перезовова О.В., Череднякова А.Б., Харитонов О.Ю. Анализ представленности экологической проблематики в социальных сетях региональных интернет-СМИ // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 600–614. DOI: [10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614](https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614)
- Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2023.
- Порфирьева И.Д. Специфика освещения региональной экологической политики на примере Республики Татарстан // Политическая лингвистика. 2020. № 1(79). С. 58–61. DOI: [10.26170/pl20-01-07](https://doi.org/10.26170/pl20-01-07)
- Расторгуев С.В., Тянь Ю.С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 53–75. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2017](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017)
- Рыбакова М.В., Зверева М.М. Экологическая обстановка в Москве: оценка динамики общественного мнения по результатам опросов 2013–2022 гг. // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 156–162. DOI: [10.31171/vlast.v30i5.9256](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9256)
- Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь мир, 2022.
- Bullard R.D. *Confronting Environmental Racism: Voices from the Grassroots*. Boston: South End Press, 1993.
- Decker E., Elliott S., Smith F. *Megacities and the Environment* // *The Scientific World Journal*. 2002. Vol. 2. P. 374–386. DOI: [10.1100/tsw.2002.103](https://doi.org/10.1100/tsw.2002.103)
- Habermas J. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT Press, 1996.
- Landry C. *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London, Sterling VA: Earthscan, 2012.
- Milbrath L.W. *Environmentalists: Vanguard for a New Society*. Albany, NY: State University of New York Press, 1984.
- Milbrath L.W. *Redefining the Good Life in a Sustainable Society* // *Environmental Values*. 1993. Vol. 2. Is. 3. P. 261–269. DOI: [10.3197/096327193776679891](https://doi.org/10.3197/096327193776679891)
- Ong W.J. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Routledge, 2002.
- Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press, 2003.
- The Rise of Megacities: Challenges, Opportunities and Unique Characteristics* / ed. by J. Kleer, K.A. Nawrot. London: World Scientific Publishing Europe Limited, 2018.

References:

- Blumer H. (2019) *Symbolic Interactionism*. Moscow: Elementarnyye formy.
- Bullard R.D. (1993) *Confronting Environmental Racism: Voices from the Grassroots*. Boston: South End Press.

- Burgess E. (2015) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. In: Nikolayev V.G., Efremenko D.V (eds.) *Chikagskaya shkola sotsiologii: sbornik perevodov*. Moscow: INION RAN. P. 20–34.
- Decker E., Elliott S., Smith F. (2002) Megacities and the Environment. *The Scientific World Journal*. Vol. 2. P. 374–386. DOI: [10.1100/tsw.2002.103](https://doi.org/10.1100/tsw.2002.103)
- Dobrynina Y.S. (2022) Environmental Problematic in Media Space of Chelyabinsk. *Sotsiodinamika*. No. 1. P. 18–35. DOI: [10.25136/2409-7144.2022.1.37409](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.1.37409)
- Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: MIT Press.
- Habermas J. (2022) *Theorie des Kommunikativen Handelns*. Moscow: Ves' mir.
- Kleer J., Nawrot K.A. (eds.) (2018) *The Rise of Megacities: Challenges, Opportunities and Unique Characteristics*. London: World Scientific Publishing Europe Limited.
- Landry C. (2012) *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. London, Sterling VA: Earthscan.
- Lobodenko L.K., Perevozova O.V., Cherednyakova A.B., Kharitonova O.Yu. (2022) Analysis of the Representation of Environmental Issues in the Social Networks of Regional Internet Media // *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika*. Vol. 27. No. 3. P. 600–614. DOI: [10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614](https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-600-614)
- McLuhan M. (2003) *Understanding Media. The Extensions of Man*. Moscow: Kuchkovo Pole.
- Milbrath L.W. (1984) *Environmentalists: Vanguard for a New Society*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Milbrath L.W. (1993) Redefining the Good Life in a Sustainable Society. *Environmental Values*. Vol. 2. Is. 3. P. 261–269. DOI: [10.3197/096327193776679891](https://doi.org/10.3197/096327193776679891)
- Ong W.J. (2002) *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Routledge.
- Porfir'eva I.D. (2020) Online Coverage of Regional Environmental Policy in the Republic of Tatarstan. *Politicheskaya lingvistika*. No. 1(79). P. 58–61. DOI: [10.26170/pl20-01-07](https://doi.org/10.26170/pl20-01-07)
- Rastorguyev S.V., Tyan Yu.S. (2021) Protest Eco-Activism in the Digital Environment (on the Example of the “Krasnoyarsk Case”). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. No. 6. P. 53–75. DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2017](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017)
- Rogers E.M. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press.
- Rybakova M.V., Zvereva M.M. (2022) The Environmental Situation in Moscow: Assessment of the Dynamics of Public Opinion Based on the Results of Polls in 2013–2022. *Vlast'*. Vol. 30. No. 5. P. 156–162. DOI: [10.31171/vlast.v30i5.9256](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i5.9256)
- Zvereva M.M. (2023) Socio-Ecological Practices of City-Dwellers within the Framework of Structural Constructivism and Cultural Anthropologism. *Vlast'*. Vol. 31. No. 3. P. 208–213. DOI: [10.31171/vlast.v31i3.9659](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9659)

Дата поступления/Received: 09.11.2023

Политика и управление в сфере здравоохранения
Health policy and management

УДК 614.2

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-222-233

Эпидемия ожирения в России и мире: обзор текущей ситуации и перспективы
регулирования

Тарасова Ирина Владимировна

Врач-кардиолог, заведующая кардиологическим отделением, ORCID: [0009-0003-1366-8835](https://orcid.org/0009-0003-1366-8835), ira-tar76@ya.ru

Центральный клинический госпиталь Федеральной таможенной службы России, Москва, РФ.

Аннотация

Ожирение является одной из серьезных проблем для общественного здравоохранения во всем мире. За последние 40 лет фиксируется значительный рост случаев ожирения, обусловленный различными факторами, главными из которых являются урбанизация, малоподвижный образ жизни и избыточное потребление высококалорийных продуктов питания. Особенно тревожным фактом становится прогрессирующий рост детского ожирения, что предвещает огромное бремя хронических заболеваний в будущем. Ожирение является фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, некоторых форм рака, заболеваний опорно-двигательной системы, желудочно-кишечного тракта, тяжелого течения инфекционных болезней; значимо сокращает продолжительность и качество жизни, оказывает отрицательное влияние на экономику, увеличивая расходы на здравоохранение и снижая продуктивность труда лиц, страдающих ожирением. Традиционные методы борьбы с ожирением показали свою недостаточную эффективность, что подчеркивает необходимость изменения стратегии борьбы с этой болезнью. Вместо того, чтобы полагаться исключительно на меры индивидуального воздействия, необходимо сосредоточиться на масштабных политических и практических действиях, направленных на изменение окружающей среды, способствующей ожирению. Мероприятия, ориентированные на все население, такие как маркировка продуктов питания, налоги на продукты с высоким содержанием сахара, ограничение маркетинга нездоровой пищи, кампании по пропаганде здорового образа жизни, представляются наиболее эффективными. Необходим адресный подход с учетом особенностей различных групп населения. Инвестирование в профилактику может помочь увеличить продолжительность жизни и снизить затраты на здравоохранение. В обзоре проводится анализ социально-экономических факторов и последствий ожирения, оцениваются возможности государственной политики в борьбе с этой эпидемией и рассматриваются лучшие мировые практики.

Ключевые слова

Ожирение, факторы окружающей среды, профилактика ожирения, общественное здоровье, комплексный подход, государственная политика, стратегии развития в здравоохранении.

Для цитирования

Тарасова И.В. Эпидемия ожирения в России и мире: обзор текущей ситуации и перспективы регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 102. С. 222–233. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-222-233

The Obesity Epidemic in Russia and the World: An Overview of Current Situation and
Prospects for Regulation

Irina V. Tarasova

Cardiologist, Head of the Cardiology Department, ORCID: [0009-0003-1366-8835](https://orcid.org/0009-0003-1366-8835), ira-tar76@ya.ru

Central Clinical Hospital of the Federal Customs Service of Russia, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The obesity epidemic is a serious public health problem. Over the past 40 years, there has been a significant increase in obesity cases worldwide due to various factors, the main of which are urbanization, sedentary lifestyle and excessive consumption of high-calorie foods. A particularly alarming fact is the progressive increase in childhood obesity, which portends a huge burden of chronic diseases in the future. Obesity is a risk factor for the development of cardiovascular diseases, type 2 diabetes mellitus, certain forms of cancer, diseases of the musculoskeletal system, gastrointestinal tract, severe infectious diseases, significantly reduces life span and quality of life, has a negative impact on the economy, increasing health care costs and reducing the productivity of obese people. Traditional methods of combating obesity have proved ineffective, which underscores the need for a change in strategy. Instead of relying solely on individual impact measures, it is necessary to focus on large-scale policy actions aimed at changing the environment that contributes to obesity. Measures aimed at the entire population, such as food labeling, taxes on products with high sugar content, restrictions on the marketing of unhealthy foods, and campaigns to promote a healthy lifestyle seem to be the most effective. A targeted approach is also needed, taking into account the characteristics of different population groups. Investing in prevention can help increase the life span of the population, reduce health care costs, increase human resources and strengthen the country's economy. The review analyzes the socio-economic factors and consequences of obesity, assesses the possibilities of public policy in combating this epidemic and examines the best global practice.

Keywords

Obesity, environmental factors, obesity prevention, public health, integrated approach, public policy, development strategies in healthcare.

For citation

Tarasova I.V. (2024) The Obesity Epidemic in Russia and the World: An Overview of Current Situation and Prospects for Regulation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 102. P. 222–233. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-102-2024-222-233

Введение

Ожирение — это хроническое заболевание, характеризующееся избыточным накоплением жировой ткани в организме, представляющее угрозу здоровью и являющееся основным фактором риска развития ряда других хронических заболеваний¹. Распространенность ожирения непрерывно растет в течение последних 40 лет: с 1975 года число случаев ожирения во всем мире увеличилось в 3 раза². Более 2,6 млрд человек, почти 30% населения мира, имеют избыточный вес или страдают ожирением. Согласно оценкам, к 2035 году этот показатель может достигнуть 4 млрд человек³. При такой скорости распространения ожирение действительно может быть охарактеризовано как эпидемия. По данным Росстата, в Российской Федерации в 2020 г. ожирение диагностировали у 17,7% населения, в 2022 г. — у 20,6%. Возросло и количество людей с избыточным весом — с 32,8% в 2020 г. до 35,9% в 2022 г.⁴

Ожирение является фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета 2-го типа, некоторых форм рака, заболеваний опорно-двигательной системы, желудочно-кишечного тракта, тяжелого течения инфекционных болезней (в том числе новой коронавирусной инфекции), значительно снижает качество жизни [Баланова и др. 2018; Дедов и др. 2020; Kuehn 2021]. Каждый год более 4 млн человек умирает от последствий ожирения⁵. Крайне важно остановить эту эпидемию, в связи с чем необходимы комплексные политико-управленческие мероприятия.

Факторы, определяющие рост распространенности ожирения

Основная причина ожирения — энергетический дисбаланс, при котором калорийность рациона превышает потребности организма. Предпосылками к росту массы тела современного человека являются глобализация, урбанизация, высокий уровень стресса, чрезмерная калорийность питания и низкая физическая активность.

За последние 50 лет количество калорий, употребляемых за сутки, повысилось на 20%⁶. Благодаря развитию пищевой промышленности, пища стала легкодоступна. В настоящее время еда является не только средством для утоления голода, но также способом получения удовольствия и борьбы со стрессом. По данным исследований, стресс приводит к увеличению количества потребляемой пищи и влияет на выбор в пользу нездоровых продуктов питания, особенно сладостей и фастфуда [Kaiser et al. 2022].

Активно продвигаются на рынок ультраобработанные продукты, которые имеют высокую энергетическую ценность и содержат много соли, сахара и насыщенных жиров [Temple 2022] — фастфуд, чипсы, шоколад, мороженое, выпечка, сухие завтраки, сладкие напитки и т. д. Эти продукты, как правило, очень популярны среди детей и молодежи, имеют невысокую стоимость и широко продвигаются за счет маркетинга [Pedroni et al. 2022; Mccarthy 2023].

¹ Obesity: preventing and managing the global epidemic. Geneva: WHO, 1997.

² Obesity and overweight // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения: 10.01.2024).

³ World Obesity Atlas 2023 // World Obesity [Электронный ресурс]. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/wof-files/World_Obesity_Atlas_2023_Report.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/94692> (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ GBD 2019 Risk Factors Collaborators. Global burden of 87 risk factors in 204 countries and territories, 1990–2019: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study // Lancet. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30752-2/fulltext#%20](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30752-2/fulltext#%20) (дата обращения: 10.01.2024).

⁶ The Heavy Burden of Obesity // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/health/the-heavy-burden-of-obesity-67450d67-en.htm> (дата обращения: 10.01.2024).

Здоровая пища, наоборот, употребляется недостаточно. ВОЗ рекомендует 5 порций овощей и фруктов в день, но в большинстве стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) только менее 40% населения придерживается этих рекомендаций. В Российской Федерации достаточное количество овощей и фруктов употребляет всего 12% населения⁷.

Урбанизация, передвижение на транспорте и офисная работа привели к значительному снижению уровня физической активности. Устройства, снижающие трудозатраты, распространены повсеместно. Малоподвижному образу жизни способствуют мобильные устройства, компьютеризация как в домашних условиях, так и на рабочих местах. В странах ОЭСР и мужчины, и женщины до 40% времени бодрствования проводят в сидячем положении.

Несмотря на то, что были разработаны «Глобальные рекомендации» ВОЗ по физической активности⁸, на практике они чаще всего не выполняются. В 2021 г. во всем мире у 27,5% взрослых и 81% подростков уровень физической активности был меньше рекомендованного ВОЗ минимума — 150 минут в неделю⁹. В Российской Федерации 40% взрослого населения не достигают этого уровня [Драпкина, Шепель 2020].

Лица с низким социально-экономическим статусом, доходом и образованием более склонны к ожирению и нездоровому образу жизни. Это может быть связано с отсутствием понимания приоритета здоровья, предпочтением более дешевых и менее полезных продуктов питания, невозможностью ходить в спортзал из-за нехватки времени и финансов, склонностью к перееданию из-за хронического стресса, недостатком информированности и мотивации.

Низкие уровни дохода и образования родителей являются сильными предикторами избыточной массы тела и у их детей¹⁰. Диетические привычки часто формируются в детстве, и склонность к ожирению передается из поколения в поколение. Необходимы управленческие решения и комплексная система мотиваций [Григорьева, Чубарова 2018], чтобы разорвать порочный круг ожирения¹¹.

Социальные и экономические последствия ожирения

Ожирение не только оказывает значительное влияние на здоровье, снижает качество и продолжительность жизни, но и наносит ущерб экономике.

Ожирение и образование. Социальные последствия ожирения прослеживаются с детства. Ожирение в детском возрасте может оказать отрицательное влияние на здоровье, эмоциональное благополучие, уровень образования и будущий социально-экономический статус. Исследование ОЭСР в 32 странах выявило, что высокий индекс массы тела (ИМТ) обратно коррелирует с успеваемостью в школе. Дети с лишним весом на 13% чаще имеют плохую успеваемость, чем их сверстники с нормальной массой тела. Это может объясняться стигматизацией, буллингом, социальной изоляцией, пониженной самооценкой и проблемами со здоровьем [Ladd et al. 2019].

Исследования показали, что дети с ожирением в США на 38%, а в Великобритании на 58% реже получали высшее образование, чем их сверстники с нормальным весом. В долгосрочной перспективе ожирение может отрицательно повлиять на профессиональную реализацию и уровень дохода человека в будущем. Детское ожирение является ведущей детерминантой ожирения и коморбидности во взрослом возрасте. Следует работать над внедрением комплексных мер,

⁷ Население, потребляющее ежедневно не менее 400 граммов овощей и фруктов // Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage//2023/12-22/eYcPULKm/30_2023.xlsx (дата обращения: 10.01.2024).

⁸ WHO guidelines on physical activity and sedentary behavior // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/336656/9789240015128-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.01.2024).

⁹ Global status report on physical activity 2022 // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/363607/9789240059153-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁰ WHO European Regional Obesity Report 2022 // WHO [Электронный ресурс]. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/353747/9789289057738-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.01.2024).

¹¹ Там же.

нацеленных на борьбу с детским ожирением, для укрепления физического и психоэмоционального благополучия, повышения уровня образования и кадрового потенциала подрастающего поколения.

Во взрослом возрасте также отмечается связь между уровнем образования и массой тела. Имеются данные, что у женщин высшее образование прямо коррелирует с более низким весом, а у мужчин при возрастании уровня образования, дохода и социально-экономического статуса наблюдается противоположная тенденция [Колосницына, Куликова 2019].

В России на основе данных «Выборочного наблюдения рациона питания населения» (ВНРП-2013) была прослежена взаимосвязь избыточного потребления жиров более образованными людьми, в сравнении с менее образованными, путем рассмотрения в разрезе профессиональных групп при помощи аппарата моделей бинарного выбора. Результаты регрессионного анализа показали, что более образованные респонденты чаще занимают руководящие должности, что подталкивает их к «заеданию» стресса более жирной пищей [Колотуша 2021].

Ожирение и трудоустройство. Оценки связи избыточного веса и положения работников на рынке труда показали, что ИМТ значимо коррелирует как с вероятностью занятости, так и с заработной платой.

В исследовании, охватившем около 30 стран, было выявлено, что ожирение в сочетании с одним хроническим заболеванием снижает вероятность трудоустройства в течение года на 8%, а в сочетании с двумя заболеваниями — на 17%.

По данным российского исследования, проведенного сервисом по поиску работы и подбору сотрудников Superjob, 22% работодателей при прочих равных условиях выберут кандидата без ожирения. Чаще всего с этим сталкиваются претенденты, чей лишний вес составляет более 20 кг¹².

Работники с ожирением зарабатывают меньше, чем их более стройные коллеги. Полные женщины чаще занимаются низкооплачиваемым физическим трудом. Женщины с высшим образованием, страдающие ожирением, зарабатывают на 10–20% меньше, чем их коллеги с нормальным весом. Вероятная причина заключается в сложившихся гендерных стереотипах, что сильнее проявляется у женщин, имеющих более высокий социально-экономический статус¹³. У мужчин корреляция между доходом и массой тела не выражена.

Ожирение и экономика. Значительная часть отрицательного влияния ожирения на экономику обусловлена снижением производительности труда [Feigl et al. 2019]. Ожирение снижает физическую активность и мотивацию сотрудников, повышает вероятность презентеизма, пропусков рабочих дней в связи с болезнью и прогулами, раннего выхода на пенсию, что приводит к финансовым потерям работника и работодателя, а при эпидемии ожирения — общества в целом.

Люди с избыточным весом более склонны к развитию тяжелых заболеваний, в том числе болезней сердечно-сосудистой системы, сахарного диабета, онкологических процессов, поэтому чаще нуждаются в медицинской помощи, сложном и дорогостоящем лечении. Медицинские расходы среди людей с ожирением на 30–40% выше, чем у лиц с нормальным весом [Tiwari, Balasundaram 2023].

Эти факторы отрицательно влияют на экономику стран и ВВП в разной степени в зависимости от распространенности ожирения: от 1,6% в Японии до 5% в Мексике¹⁴. Политические вмешательства в сфере борьбы с ожирением могут снизить расходы на здравоохранение и повысить доходы в результате формирования здорового человеческого капитала.

¹² Для 2 из 10 работодателей лишний вес — причина отказа в трудоустройстве // Superjob [Электронный ресурс]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114460/dlya-2-iz-10-rabotodatelej-lishnij-ves/> (дата обращения: 10.01.2024).

¹³ The economics of thinness // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/christmas-specials/2022/12/20/the-economics-of-thinness> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁴ OECD Economic Outlook, Volume 2018 Issue 2 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook-volume-2018-issue-2/summary/english_a39faaea-en (дата обращения: 10.01.2024).

Подходы государственной политики для борьбы с эпидемией ожирения

Попытки повлиять на рост распространенности ожирения исключительно с помощью информирования населения о здоровом образе жизни оказались неэффективными. Так как эпидемия ожирения является глобальной проблемой, обусловленной не только биологическими причинами, но и социальными, демографическими, экономическими факторами, требуется реализация комплексных стратегий по изменению среды, способствующей ожирению.

Политика, влияющая на образ жизни посредством информирования

В каждой стране мира, в том числе и в Российской Федерации, имеются национальные рекомендации по профилактике и лечению ожирения, на основании которых проводится консультирование врачами пациентов. Кроме этого, в разных странах в различной степени внедряются меры социального маркетинга.

Маркировка пищевых продуктов. Повсеместно введена обязательная маркировка пищевой ценности на упакованных продуктах, но обычно она располагается на задней стороне упаковки, имеет мелкий шрифт и мало влияет на выбор покупателя. В некоторых странах внедрена яркая контекстная маркировка на лицевой стороне упаковки, которая показала наибольшую эффективность в информировании [Temple 2020]. Например, в Чили было принято решение разместить очень заметные этикетки на лицевой стороне упаковки продуктов питания с предупреждением о наличии большого количества сахара, соли и насыщенных жиров. Это позволило снизить уровень потребления нездоровых продуктов [Taillie et al. 2020].

Маркировка меню. В ряде стран распространена маркировка меню в ресторанах и кафе. Например, в США с 2018 года все сетевые рестораны, имеющие не менее 20 торговых точек, обязаны указывать информацию о калориях в меню¹⁵. Иногда указывается не только информация о пищевой ценности, но и о времени и способах сжигания калорий, содержащихся в продукте [Seyedhamzeh et al. 2018].

Кампании в средствах массовой информации. Во многих странах проводится информирование населения о принципах здорового образа жизни с помощью телевидения, радио, средств печати, социальных сетей. Обзор исследований ОЭСР показал, что в течение одного месяца после начала успешных кампаний число активных людей может повыситься на 60% [Goryakin et al. 2017], хотя затем охват постепенно снижается. В качестве примера длительно действующей кампании можно привести кампанию [Change4Life](#) в Великобритании.

Новые технологии. В последнее время отмечается постоянно растущий интерес к дистанционным технологиям. Например, в Сингапуре имеется запущенное правительственной организацией мобильное приложение под названием Healthy 365, которое помогает оценивать калораж и отслеживать уровень физической активности, предоставляет информацию о здоровье. Участники могут получать вознаграждения благодаря коммерческим соглашениям со спортивными центрами или предприятиями пищевой промышленности [Ibid.].

Еще один пример — мобильное приложение [Be He@lthy, Be Mobile](#), которое является инициативой ВОЗ. На 2019 год в приложении было зарегистрировано более 3,5 млн пользователей из различных стран мира.

Назначение физической активности врачами первичного звена. В некоторых странах введена практика назначения физических упражнений по рецептам врачами первичного звена [Goryakin et al. 2018], например в Германии, Нидерландах, Австрии, Бельгии, Испании, Португалии, США, Канаде, Великобритании, Швеции. Пациенты получают письменные индивидуальные рецепты

¹⁵ Calorie Disclosure // Vending Marketwatch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vendingmarketwatch.com/home/article/12414882/calorie-disclosure> (дата обращения: 10.01.2024).

как для повседневной физической активности, так и для аэробной подготовки, силовых тренировок и тренировок гибкости¹⁶. В ходе оценки был сделан вывод о том, что подобные программы повышают уровень физической активности и способствуют улучшению качества жизни.

Политика, расширяющая число вариантов здорового выбора

Политика в рамках этого направления включает мероприятия в школах, на рабочих местах, в городской среде. Повышается количество велосипедных дорожек и общественных тренажеров, улучшается благоустройство парков, мест для прогулок, пробежек, катания на роликах, комфортного и доступного занятия спортом. Меры по улучшению городской среды и повышению доступности спорта для лиц всех возрастов и уровней физической подготовки широко реализуются в Российской Федерации.

В подавляющем большинстве стран ОЭСР действуют школьные программы, которые предусматривают образовательные мероприятия по вопросам питания и физической активности. Аналогичным образом ряд программ нацелены на оздоровление населения на рабочих местах. Ярким примером такого подхода является Япония.

Политика изменения стоимости выбора

Наиболее известной частью политики этой категории является повышенное налогообложение вредных пищевых продуктов, в большинстве случаев — сладких напитков. В список стран, где действуют налоги на сахаросодержащие напитки, входят Бельгия, Чили, Финляндия, Франция, Венгрия, Ирландия, Латвия, Мексика, Норвегия, Португалия, Испания, Великобритания и США. Эта стратегия эффективна, поскольку потребление снижается примерно на 10% после введения 10%-ого налога [Powell et al 2012].

Некоторые страны также приняли меры по внедрению субсидий, ваучеров или скидок на здоровое питание в рамках государственных программ. Большинство из этих программ предназначены для малообеспеченных групп населения. Например, в Нью-Йорке программа Health Bucks предоставляет получателям «Программы дополнительной продовольственной помощи» купон в размере 2 долларов за каждые 5 долларов, которые потрачены на фрукты и овощи на фермерских рынках, участвующих в Программе [Varonberg et al. 2013].

Политика по регулированию действий, направленных на нездоровый выбор

Супермаркеты являются основным источником продуктов питания для большинства семей и важным местом для реализации стратегий по питанию. Маркетинговый метод, используемый пищевой промышленностью, заключается в размещении нездоровой пищи рядом с кассами. Исследования показывают, что удаление этих продуктов из зоны вокруг кассы снижает продажи [Ejlerskov et al. 2018].

Огромное количество рекламы нездоровых продуктов питания предназначено для детей и подростков, поэтому имеет смысл запретить рекламу, ориентированную на детей. Есть свидетельства того, что такие запреты могут быть полезны для сокращения потребления нездоровой пищи [Kristensen et al. 2014].

Другие ограничения нацелены на конкретные ингредиенты с вредными свойствами. Например, в некоторых странах существует строгий контроль за наличием трансжиров в пищевых продуктах, например в США, Австрии, Канаде, Чили, Дании, Венгрии.

¹⁶ EUPAP — An European Physical Activity on Prescription model // European Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eupap.org/> (дата обращения: 10.01.2024).

В Великобритании в 2018 году Министерство здравоохранения опубликовало план по снижению количества калорий в некоторых продуктах (таких как готовые блюда, пицца, закуски, соусы и заправки) на 20% к 2024 г. Эта программа является добровольной, поэтому поставленные цели пока не достигнуты [Rimmer 2018].

Комплексные меры по борьбе с ожирением. Лучшие практики

Объединение различных мер и нацеливание на конкретную аудиторию обеспечивают наилучшие результаты.

Борьба с ожирением у детей. Пример комплексной программы в Чили. Одним из приоритетных направлений является борьба с ожирением у детей. Комплексные меры, включающие информирование, налогообложение на вредные продукты, расширение вариантов здорового выбора и ограничение нездорового выбора, действуют наиболее эффективно.

В 2016–2017 годах в Чили распространенность избыточного веса и ожирения достигала 75% у взрослых и 38% у детей [Fuentes et al. 2018]. Высочайший уровень ожирения потребовал внедрения жестких законодательных инициатив. В 2016 г. в Чили была запрещена предназначенная для детей реклама напитков и продуктов с высоким содержанием сахара. Это включало использование на упаковках стимулов, ориентированных на детей, таких как мультфильмы, игрушки и любой привлекательный для детей контент [Palacios et al. 2021]. Была запрещена реклама нездоровой пищи в телевизионных программах с 06:00 до 22:00; внедрена обязательная маркировка на лицевой стороне упаковки продуктов питания с высоким содержанием калорий, сахара, соли и жира; запрещена продажа этих продуктов в школах. Разработана также программа по улучшению качества питания учащихся и повышению их физической активности. Реформы в Чили были успешными: через полтора года после их введения продажи вредных продуктов питания упали на 23,7%. Производители начали менять рецептуру. В ультраобработанных продуктах на столе чилийцев стало на 24% меньше калорий, на 27% — сахара, на 16% — насыщенных жиров и на 37% — натрия. Калорийность напитков с высоким содержанием сахара упала на 28% [Taillie et al. 2020].

Борьба с ожирением на рабочих местах. Пример Японии. Поскольку взрослые проводят большую часть жизни на работе, действия на рабочем месте все чаще рассматриваются как потенциально эффективный инструмент влияния на здоровье сотрудников. Реализация таких программ приводит к повышению производительности труда и улучшению корпоративного имиджа¹⁷. Несмотря на то, что интерес к таким программам растет, они реализуются относительно редко. Одним из заметных исключений является Япония, где такие программы очень популярны.

Ожидаемая продолжительность жизни в Японии является самой высокой в ОЭСР. Это напрямую связано с низким уровнем ожирения, который в 2019 году составлял 4,5%¹⁸, что значительно ниже показателей большинства стран. Японская стратегия профилактики, Health Japan21, направлена на улучшение здоровых привычек, включая увеличение потребления овощей и фруктов, сокращение потребления соли, курения и алкоголя, улучшение психического благополучия.

Центральные и местные органы власти в Японии предоставляют различные стимулы работодателям, как государственным, так и частным, для реализации добровольных программ по укреплению здоровья на рабочих местах. Осуществляется ряд мероприятий, например более здоровые варианты питания и маркировка меню в столовых, шагомеры, отказ от использования

¹⁷ OECD Reviews of Public Health: Japan. A Healthier Tomorrow // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/japan/oecd-reviews-of-public-health-japan-9789264311602-en.htm> (дата обращения: 10.01.2024).

¹⁸ The National Health and Nutrition Survey (NHNS) // National Institutes of Biomedical Innovation, Health and Nutrition [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nibiohn.go.jp/eiken/kenkounippon21/en/eiyouchousa/> (дата обращения: 10.01.2024).

автомобилей для коротких поездок, установка стоячих столов для совещаний и комплексов для растяжки. Кроме того, работодатели обязаны проводить ежегодные медицинские осмотры при численности сотрудников более 50 человек и оценивать их уровень стресса.

Среди прочих показателей определяют ИМТ и окружность талии. При выявлении избытка массы тела и ожирения назначаются специальные курсы правильного питания и программы физических упражнений. Работодателю придется заплатить штраф, если сотрудники не добьются положительного результата за определенный период времени.

Компании устанавливают целевые показатели и разрабатывают системы начисления баллов, которые обмениваются на поощрительные выплаты. Премияльные выплачиваются сотрудникам, которые не курят, проходят определенное количество шагов, добиваются улучшения индекса массы тела, артериального давления, уровня липидов и глюкозы в крови. Мероприятия на рабочих местах улучшают показатели здоровья и производительности труда.

Мероприятия по борьбе с ожирением в Российской Федерации

В России разработаны клинические рекомендации по лечению ожирения. Запущен онлайн-проект Роспотребнадзора «[Здоровое питание](#)». Проводится информирование о принципах здорового образа жизни в средствах массовой информации, медицинских и образовательных учреждениях. В магазинах указывается информация о пищевой ценности продуктов. Во многих кафе и ресторанах в добровольном порядке маркируется меню.

Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья» в составе национального проекта «Демография» предусматривает создание в России среды, которая будет способствовать ведению здорового образа жизни, включая здоровое питание. Кроме того, планируется внедрить систему мониторинга за состоянием питания различных групп населения, усилить контроль за качеством продуктов на полках магазинов и многое другое¹⁹.

Федеральный проект «Спорт — норма жизни» делает занятия спортом доступными и привлекательными для людей всех возрастов²⁰. С каждым годом растет количество и разнообразие спортивных площадок в парках и на общественных территориях с оборудованием для тренировок.

С 2018 года в Москве успешно идет оздоровительный, образовательный и досуговый проект «[Московское долголетие](#)» для лиц старшего возраста. Более 30 направлений активностей открыто очно и онлайн, в том числе пешие экскурсии, танцы и спортивные мероприятия.

Тем не менее этих мер недостаточно. Как показал опыт других стран, наиболее эффективными в борьбе с эпидемией ожирения являются комплексные меры политики для всего населения, в первую очередь направленные на устранение коммерческих барьеров. В этом направлении также предпринимаются шаги. Так, согласно Федеральному закону № 443-ФЗ, с 1 июля 2023 года сахаросодержащие напитки признаны подакцизными товарами²¹. 11 декабря 2023 года в Государственной Думе РФ состоялся круглый стол, посвященный борьбе с ожирением. Представители Минздрава, пациентских и врачебных сообществ обсудили социальные и экономические последствия заболевания. Была предложена инициатива о создании «дорожной карты» по противодействию ожирению. Есть надежда, что работа в этом направлении будет продолжаться.

¹⁹ Федеральный проект «Укрепление общественного здоровья» // Министерство труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/4> (дата обращения: 10.01.2024).

²⁰ Федеральный проект «Спорт — норма жизни» // Национальные проекты [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sport_norma_zhizni (дата обращения: 10.01.2024).

²¹ Федеральный закон от 21 ноября 2022 г. № 443-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431755/ (дата обращения: 10.01.2024).

Заключение

Ожирение является мультифакторным заболеванием, поэтому борьба с ним требует комплексного подхода с учетом социальных, политических, коммерческих детерминант. Мероприятия, ориентированные на все население, такие как маркировка продуктов питания, налоги на продукты с высоким содержанием сахара, ограничение маркетинга нездоровой пищи, кампании в средствах массовой информации, представляются наиболее эффективными.

Необходим также адресный подход с учетом особенностей различных групп населения. Распространение стандартов на детское питание, программы оздоровления в школах и на рабочих местах, помощь пожилым людям и повышение их физической активности являются многообещающими общественными мерами по борьбе с ожирением.

Необходимо сделать больше для поощрения физической активности и здорового питания в первичной медико-санитарной помощи, особенно среди тех, кто подвержен риску развития хронических неинфекционных заболеваний. Инвестирование в профилактику ожирения может помочь сохранить здоровье, увеличить продолжительность жизни, повысить кадровый потенциал населения и укрепить экономику страны.

Список литературы:

Баланова Ю.А., Шальнова С.А., Деев А.Д., Имаева А.Э., Концевая А.В., Муромцева Г.А., Капустина А.В., Евстифеева С.Е., Драпкина О.В. Ожирение в российской популяции — распространенность и ассоциации с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний // Российский кардиологический журнал. 2018. № 6. С. 123–130. DOI: [10.15829/1560-4071-2018-6-123-130](https://doi.org/10.15829/1560-4071-2018-6-123-130)

Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Мотивация в системе государственного регулирования (на примере формирования здорового образа жизни) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 194–219.

Дедов И.И., Мокрышева Н.Г., Мельниченко Г.А., Трошина Е.А., Мазурина Н.В., Ершова Е.В., Комшилова К.А., Андреева Е.Н., Анциферов М.Б., Бирюкова Е.В., Бордан Н.С., Вагапова Г.Р., Волкова А.Р., Волкова Н.И., Волынкина А.П., Дзгоева Ф.Х., Киселева Т.П., Неймарк А.Е., Романцова Т.И., Руюткина Л.А., Суплотова Л.А., Халимов Ю.Ш., Яшков Ю.И. Ожирение. Клинические рекомендации // Consilium Medicum. 2021. № 4. С. 311–325. DOI: [10.26442/20751753.2021.4.200832](https://doi.org/10.26442/20751753.2021.4.200832)

Драпкина О.М., Шепель Р.Н. Оценка уровня физической активности у пациентов с избыточной массой тела и ожирением в Российской Федерации (ФАКТОР-РФ): обоснование и дизайн исследования // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23. № 3. С. 7–19. DOI: [10.17116/profmed2020230317](https://doi.org/10.17116/profmed2020230317)

Колосницына М.Г., Куликова О.А. Социально-экономические факторы и последствия избыточного веса // Демографическое обозрение. 2019. Т. 5. № 4. С. 92–124. DOI: [10.17323/demreview.v5i4.8664](https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8664)

Колотуша А.В. Загадка злоупотребления жирами более образованными людьми в России: профессиональный и гендерный аспект // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 79–93. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-89-79-93](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-79-93)

Baronberg S., Dunn L., Nonas C., Dannefer R., Sacks R. The Impact of New York City's Health Bucks Program on Electronic Benefit Transfer Spending at Farmers Markets, 2006–2009 // Preventing Chronic Disease. 2013. Vol. 10. DOI: [10.5888/pcd10.130113](https://doi.org/10.5888/pcd10.130113)

Ejlervskov K.T., Sharp S.J., Stead M., Adamson A.J., White M., Adams J. Supermarket Policies on Less-Healthy Food at Checkouts: Natural Experimental Evaluation Using Interrupted Time Series Analyses of Purchases // PLoS Medicine. 2018. Vol. 15. DOI: [10.1371/journal.pmed.1002712](https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002712)

Feigl A.B., Goryakin Y., Devaux M., Lerouge A., Vuik S., Cecchini M. The Short-Term Effect of BMI, Alcohol Use, and Related Chronic Conditions on Labour Market Outcomes: A Time-Lag Panel Analysis Utilizing European SHARE Dataset // Plos One. 2019. DOI: [10.1371/journal.pone.0211940](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211940)

Fuentes R., Nilson E., Rezende L.F.M., Christofaro D.G.D., Silva D.R., Ferrero-Hernández P., Cristi-Montero C., Marques A., Farías-Valenzuela C., Ferrar G. Future Burden of Non-Communicable Diseases Attributable to Overweight in Chile: A Multistate Life Table Modeling Study // *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. DOI: [10.1186/s12889-023-16255-w](https://doi.org/10.1186/s12889-023-16255-w)

Goryakin Y., Sechi Gatta M., Lerouge A., Pellegrini Th., Cecchini M. The Role of Communication in Public Health Policies: the Case of Obesity Prevention in Italy // *OECD Working Paper*. 2017. URL: https://www.salute.gov.it/imgs/C_17_pubblicazioni_2647_allegato.pdf

Goryakin Y., Suhlrie L., Cecchini M. Impact of Primary Care-Initiated Interventions Promoting Physical Activity on Body Mass Index: Systematic Review and Meta-Analysis // *Obesity Reviews*. 2018. Vol. 19. Is. 4. P. 518–528. DOI: [10.1111/obr.12654](https://doi.org/10.1111/obr.12654)

Kaiser B., Gemesi K., Holzmann S.L., Wintergerst M., Lurz M., Hauner H., Groh G., Böhm M., Krcmar H., Holzappel Ch., Gedrich K. Stress-Induced Hyperphagia: Empirical Characterization of Stress-Overeaters // *BMC Public Health*. 2022. Vol. 22. DOI: [10.1186/s12889-021-12488-9](https://doi.org/10.1186/s12889-021-12488-9)

Kristensen A.H., Flottemesch Th.J., Maciosek M.V., Jensen J., Barclay G., Ashe M., Sanchez E.J., Story M., Teutsch S.M., Brownson R.C. Reducing Childhood Obesity through U.S. Federal Policy: A Microsimulation Analysis // *American Journal of Preventive Medicine*. 2014. Vol. 47. Is. 5. P. 604–612. DOI: [10.1016/j.amepre.2014.07.011](https://doi.org/10.1016/j.amepre.2014.07.011)

Kuehn B.M. More Severe Obesity Leads to More Severe COVID-19 in Study // *JAMA*. 2021. Vol. 325. Is. 16. DOI: [10.1001/jama.2021.4853](https://doi.org/10.1001/jama.2021.4853)

Ladd G.W., Ettekal I., Kochenderfer-Ladd B. Longitudinal Changes in Victimized Youth's Social Anxiety and Solitary Behavior // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2019. Vol. 47. P. 1211–1223. DOI: [10.1007/s10802-018-0467-x](https://doi.org/10.1007/s10802-018-0467-x)

Mccarthy J. Influence of the food industry: The food environment and nutrition policy // *Nutritional Health: Strategies for Disease Prevention* / ed. by N.J. Temple, T. Wilson, D.R. Jacobs Jr, G.A. Bray. New York: Humana Press, 2023. P. 375–387.

Palacios C., Magnus M., Arrieta A., Gallardo H., Tapia R., Espinal C. Obesity In Latin America, a Scoping Review of Public Health Prevention Strategies and an Overview of Their Impact on Obesity Prevention // *Public Health Nutrition*. 2021. Vol. 24. Is. 15. P. 5142–5155. DOI: [10.1017/S1368980021001403](https://doi.org/10.1017/S1368980021001403)

Pedroni C., Castetbon K., Desbouys L., Rouche M., Vandevijvere S. The Cost of Diets According to Nutritional Quality and Sociodemographic Characteristics: A Population-Based Assessment in Belgium // *Journal of Academy of Nutrition and Dietetics*. 2021. Vol. 121. Is. 11. DOI: [10.1016/j.jand.2021.05.024](https://doi.org/10.1016/j.jand.2021.05.024).

Powell L.M., Chiqui J.F., Khan T., Wada R., Chaloupka F.J. Assessing the Potential Effectiveness of Food and Beverage Taxes and Subsidies for Improving Public Health: A Systematic Review of Prices, Demand and Body Weight Outcomes // *Obesity Reviews*. 2012. Vol. 14. Is. 2. P. 110–128. DOI: [10.1111/obr.12002](https://doi.org/10.1111/obr.12002)

Rimmer A. Industry Must Cut Calories in Savoury Food Products By 20%, Says Public Health // *England BMJ*. 2018. DOI: [10.1136/bmj.k1067](https://doi.org/10.1136/bmj.k1067)

Seyedhamzeh S., Bagher M., Keshtkar A.A., Qorbani M., Viera A.J. Physical Activity Equivalent Labeling vs. Calorie Labeling: A Systematic Review and Meta-Analysis // *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. 2018. Vol. 15. DOI: [10.1186/s12966-018-0720-2](https://doi.org/10.1186/s12966-018-0720-2)

Taillie L.S., Reyes M., Colchero M.A., Popkin B., Corvalán C. An Evaluation of Chile's Law of Food Labeling and Advertising on Sugar-Sweetened Beverage Purchases from 2015 to 2017: A Before-And-After Study // *PLoS Medicine*. 2020. DOI: [10.1371/journal.pmed.1003015](https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1003015)

Temple N.J. A Comparison of Strategies to Improve Population Diets: Government Policy Versus Education and Advice // *Journal of Nutrition and Metabolism*. 2020. DOI: [10.1155/2020/5932516](https://doi.org/10.1155/2020/5932516)

Temple N.J. The Origins of the Obesity Epidemic in the USA-Lessons for Today // *Nutrients*. 2022. Vol. 14. Is. 20. DOI: [10.3390/nu14204253](https://doi.org/10.3390/nu14204253)

Tiwari A., Balasundaram P. Public Health Considerations Regarding Obesity. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2023.

References:

Balanova Yu.A., Shalnova S.A., Deev A.D., Imaeva A.E., Kontsevaya A.V., Muromtseva G.A., Kapustina A.V., Evstifeeva S.E., Drapkina O.M. (2018) Obesity in Russian Population — Prevalence and Association with the Non-Communicable Diseases Risk Factors. *Rossiyskiy kardiologicheskiy zhurnal*. No. 6. P. 123–130. DOI: [10.15829/1560-4071-2018-6-123-130](https://doi.org/10.15829/1560-4071-2018-6-123-130)

Baronberg S., Dunn L., Nonas C., Dannefer R., Sacks R. (2013) The Impact of New York City's Health Bucks Program on Electronic Benefit Transfer Spending at Farmers Markets, 2006–2009. *Preventing Chronic Disease*. Vol. 10. DOI: [10.5888/pcd10.130113](https://doi.org/10.5888/pcd10.130113)

Dedov I.I., Mokrysheva N.G., Mel'nichenko G.A., Troshina E.A., Mazurina N.V., Ershova E.V., Komshilova K.A., Andreyeva E.N., Antsiferov M.B., Biryukova E.V., Bordan N.S., Vagapova G.R., Volkova A.R., Volkova N.I., Volynkina A.P., Dzgoyeva F.Kh., Kiseleva T.P., Neymark A.E., Romantsova T.I., Ruyatkina L.A., Suplotova L.A., Khalimov Yu.Sh., Yashkov Yu.I. (2021) Obesity. Clinical guidelines. *Consilium Medicum*. No. 4. P. 311–325. DOI: [10.26442/20751753.2021.4.200832](https://doi.org/10.26442/20751753.2021.4.200832)

Drapkina O.M., Shepel R.N. Assessment of the Level Of Physical Activity in Patients with Overweight and Obesity in the Russian Federation (FACTOR-RF): Argumentation and Study Design. *Profilakticheskaya meditsina*. Vol. 23. No. 3. P. 7–19. DOI: [10.17116/profmed2020230317](https://doi.org/10.17116/profmed2020230317)

Ejlervskov K.T., Sharp S.J., Stead M., Adamson A.J., White M., Adams J. (2018) Supermarket Policies on Less-Healthy Food at Checkouts: Natural Experimental Evaluation Using Interrupted Time Series Analyses of Purchases. *PLoS Medicine*. Vol. 15. DOI: [10.1371/journal.pmed.1002712](https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002712)

Feigl A.B., Goryakin Y., Devaux M., Lerouge A., Vuik S., Cecchini M. (2019) The Short-Term Effect of BMI, Alcohol Use, and Related Chronic Conditions on Labour Market Outcomes: A Time-Lag Panel Analysis Utilizing European SHARE Dataset. *Plos One*. DOI: [10.1371/journal.pone.0211940](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0211940)

Fuentes R., Nilson E., Rezende L.F.M., Christofaro D.G.D., Silva D.R., Ferrero-Hernández P., Cristi-Montero C., Marques A., Fariás-Valenzuela C., Ferrar G. (2023) Future Burden of Non-Communicable Diseases Attributable to Overweight in Chile: A Multistate Life Table Modeling Study. *BMC Public Health*. Vol. 23. DOI: [10.1186/s12889-023-16255-w](https://doi.org/10.1186/s12889-023-16255-w)

Goryakin Y., Sechi Gatta M., Lerouge A., Pellegrini Th., Cecchini M. (2017) The Role of Communication in Public Health Policies: the Case of Obesity Prevention in Italy. *OECD Working Paper*. Available at: https://www.salute.gov.it/imgs/C_17_pubblicazioni_2647_allegato.pdf

Goryakin Y., Suhlrie L., Cecchini M. (2018) Impact of Primary Care-Initiated Interventions Promoting Physical Activity on Body Mass Index: Systematic Review and Meta-Analysis. *Obesity Reviews*. Vol. 19. Is. 4. P. 518–528. DOI: [10.1111/obr.12654](https://doi.org/10.1111/obr.12654)

Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2018) Motivation in the Context of the State Regulation (a Case of Health Promotion). *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 70. P. 194–219.

Kaiser B., Gemesi K., Holzmann S.L., Wintergerst M., Lurz M., Hauner H., Groh G., Böhm M., Krcmar H., Holzzapfel Ch., Gedrich K. (2022) Stress-Induced Hyperphagia: Empirical Characterization of Stress-Overeaters. *BMC Public Health*. Vol. 22. DOI: [10.1186/s12889-021-12488-9](https://doi.org/10.1186/s12889-021-12488-9)

Kolosnitsyna M.G., Kulikova O.A. (2019) Overweight: Socioeconomic Factors and Consequences. *Demograficheskoye obozreniye*. Vol. 5. No. 4. P. 92–124. DOI: [10.17323/demreview.v5i4.8664](https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8664)

Kolotusha A.V. (2021) Riddle of Fat Overuse by More Educated People in Russia: Professional and Gender Aspects. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 89. P. 79–83. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-89-79-93](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-79-93)

Kristensen A.H., Flottemesch Th.J., Maciosek M.V., Jenson J., Barclay G., Ashe M., Sanchez E.J., Story M., Teutsch S.M., Brownson R.C. (2014) Reducing Childhood Obesity through U.S. Federal Policy: A Microsimulation Analysis. *American Journal of Preventive Medicine*. Vol. 47. Is. 5. P. 604–612. DOI: [10.1016/j.amepre.2014.07.011](https://doi.org/10.1016/j.amepre.2014.07.011)

Kuehn B.M. (2021) More Severe Obesity Leads to More Severe COVID-19 in Study. *JAMA*. Vol. 325. Is. 16. DOI: [10.1001/jama.2021.4853](https://doi.org/10.1001/jama.2021.4853)

Ladd G.W., Ettekal I., Kochenderfer-Ladd B. (2019) Longitudinal Changes in Victimized Youth's Social Anxiety and Solitary Behavior. *Journal of Abnormal Child Psychology*. Vol. 47. P. 1211–1223. DOI: [10.1007/s10802-018-0467-x](https://doi.org/10.1007/s10802-018-0467-x)

Mccarthy J. (2023) Influence of the food industry: The food environment and nutrition policy. In: Temple N.J., Wilson T., Jacobs D.R. Jr., Bray G.A. (eds.) *Nutritional Health: Strategies for Disease Prevention*. New York: Humana Press. P. 375–387.

Palacios C., Magnus M., Arrieta A., Gallardo H., Tapia R., Espinal C. (2021) Obesity In Latin America, a Scoping Review of Public Health Prevention Strategies and an Overview of Their Impact on Obesity Prevention. *Public Health Nutrition*. Vol. 24. Is. 15. P. 5142–5155. DOI: [10.1017/S1368980021001403](https://doi.org/10.1017/S1368980021001403)

Pedroni C., Castetbon K., Desbouys L., Rouche M., Vandevijvere S. (2021) The Cost of Diets According to Nutritional Quality and Sociodemographic Characteristics: A Population-Based Assessment in Belgium. *Journal of Academy of Nutrition and Dietetics*. Vol. 121. Is. 11. DOI: [10.1016/j.jand.2021.05.024](https://doi.org/10.1016/j.jand.2021.05.024).

Powell L.M., Chiqui J.F., Khan T., Wada R., Chaloupka F.J. (2012) Assessing the Potential Effectiveness of Food and Beverage Taxes and Subsidies for Improving Public Health: A Systematic Review of Prices, Demand and Body Weight Outcomes. *Obesity Reviews*. Vol. 14. Is. 2. P. 110–128. DOI: [10.1111/obr.12002](https://doi.org/10.1111/obr.12002)

Rimmer A. (2018) Industry Must Cut Calories in Savoury Food Products By 20%, Says Public Health. *England BMJ*. DOI: [10.1136/bmj.k1067](https://doi.org/10.1136/bmj.k1067)

Seyedhamzeh S., Bagher M., Keshtkar A.A., Qorbani M., Viera A.J. (2018) Physical Activity Equivalent Labeling vs. Calorie Labeling: A Systematic Review and Meta-Analysis. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. Vol. 15. DOI: [10.1186/s12966-018-0720-2](https://doi.org/10.1186/s12966-018-0720-2)

Taillie L.S., Reyes M., Colchero M.A., Popkin B., Corvalán C. (2020) An Evaluation of Chile's Law of Food Labeling and Advertising on Sugar-Sweetened Beverage Purchases from 2015 to 2017: A Before-And-After Study. *PLoS Medicine*. DOI: [10.1371/journal.pmed.1003015](https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1003015)

Temple N.J. (2020) A Comparison of Strategies to Improve Population Diets: Government Policy Versus Education and Advice. *Journal of Nutrition and Metabolism*. DOI: [10.1155/2020/5932516](https://doi.org/10.1155/2020/5932516)

Temple N.J. (2022) The Origins of the Obesity Epidemic in the USA-Lessons for Today. *Nutrients*. Vol. 14. Is. 20. DOI: [10.3390/nu14204253](https://doi.org/10.3390/nu14204253)

Tiwari A., Balasundaram P. (2023) *Public Health Considerations Regarding Obesity*. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing.

Дата поступления/Received: 16.01.2024